Н. В. Крыленко.

СУДОУСТРОЙСТВО

Р. С. Ф. С. Р.

Лекции по теории и истории судоустройства.

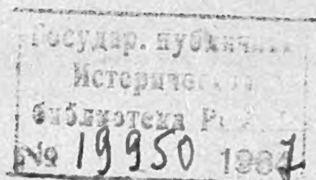
ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ.
Москва—1924 г.

Н. В. Крыленко.

СУДОУСТРОЙСТВО РСФСР

(лекции по теории и истории судоустройства).

Москва.
1923 г.



Типография М. К. Х. Козицкий, 5.

Главлит № 14173. Напечатано 8000 экз.

ОТ АВТОРА.

Выпускаемые в свет очерки представляют собой стенограмму лекций, читанных автором на Высших Юридических Курсах в Москве в 1923 году по истории и теории судоустройства. Этим об'ясняются коренные недостатки настоящей книги. В одной из лекций я упоминаю о том, что нам, работникам-практикам Советской юстиции, не угоняться, конечно, за буржуазными учеными, ни в смысле полноты наших курсов, ни в смысле их чисто-редакционной отделки, ни в смысле снабжения их соответствующим «нижним этажем», т.-е. ссылками на «литературу» предмета. Мы не работаем в условиях мирной обстановки, в тиши ученых кабинетов и библиотек. Нам приходится работать наспех, урывать время минутами или получасами. Все это, конечно, должно отразиться на содержании. Курс, который мы предлагаем, пострадал от этих причин, в гораздо большей степени, чем какой-либо иной, еще и потому, что темы, затронутые в нем, и область, изучению которой он посвящен, представляют собой совершенно неизученную область и совершенно неразработанные темы. Вот почему целый ряд проблем пришлось не раз выяснять и ставить уже в течение самого курса. От этого произошло то, что в предлагаемом курсе не выдержана сама схема. Теоретическая или общая часть не отделена от части исторической или особенной. Сама историческая часть разработана, равным образом, далеко не полно, а целый ряд фактов остался необследованным вовсе. (См., например, большой пропуск по изучению материалов 1918 г., касавшихся первых работ органов юстиции на местах и первых теорий о построении суда на местах). Это один из крупнейших недостатков.

Более ценным с этой точки зрения для нас представляется вторая часть книги, содержащая в приложении *все основные документы* по истории судебных учреждений РСФСР. Эта часть представляется нам поэтому самой важной из предлагаемого курса.

Тем не менее мы считаем возможным выпустить настоящий курс, как первое *практическое пособие* для студентов Высших Юридических Курсов и отправный пункт для их самостоятельных работ в этой области, ибо другого пока нет.

Мы оставляем за собой право и считаем своей обязанностью вернуться к более систематическому и глубокому изложению затронутых вопросов, в виде отдельного труда, подготовляемого нами сейчас к печати, посвященного, главным образом, общим проблемам теоретического характера о задачах и строении суда, для которого выпускаемый курс послужит затем *подсобным справочником.* К этому курсу мы заранее отсылаем более требовательных критиков и просим их быть более снисходительными по отношению к настоящему курсу, ибо то, что он выходит в таком необработанном и сыром виде, это не столько наша вина, сколько наша беда.

Еще одно замечание. В тексте одной из лекций мы говорим о том, что действующую судебную систему в некоторых отношениях мы считаем не только далеко не совершенной, но даже вовсе ни к чему не годной, или во всяком случае, требующей серьезной переделки, а может быть и коренной реформы.

Мы полностью распространяем это наше заявление и на некоторые из принципов строения нашего суда, изложенные нами, в настоящем курсе как руководящие. (Трехколенная система, роль кассационной поверки и т. д.). Целый ряд сомнений возник у нас в результате практики новых судов и ряд вопросов подлежит выяснению в ближайшем будущем. Во многом из того, что мы подвергли резкой отрицательной критике на страницах настоящего труда, мы сейчас усматриваем положительные стороны, которые недооценивали в свое время.

Все это заставляет нас еще раз просить наших критиков и наших читателей отнестись к выпускаемому курсу со всей снисходительностью и, во всяком случае, не рассматривать его, как нечто совершенно законченное и проработанное до конца. Полностью мы отстаиваем этот курс, лишь в части излагающей наши основные воззрения на суд и его задания, а отнюдь не в области техники, не в области вопросов о том, как наилучшим образом эти воззрения воплотить в жизнь.

Н. КРЫЛЕНКО.

ВВЕДЕНИЕ.

Лекция 1-я.

Товарищи, курс, который мы с вами должны пройти, является курсом по истории развития судебных учреждений нашей Советской Республики. Если бы мы с вами взяли соответствующие курсы по истории буржуазных судебных учреждений, мы там нашли бы, пожалуй, длинные и большие исследования, посвященные их истории как в отдельных странах, так и во всех странах в совокупности. Мы нашли бы большие томы, в которых трактовалось бы о том, как строились и развивались судебные учреждения в этих странах, проводились бы исторические параллели, давался бы целый ряд исторических об'яснений причин, почему в той или другой стране судебные учреждения строились так, а не иначе, но все эти курсы носили бы характер описательный. Все эти томы, все эти научные труды, главным образом и по преимуществу, только излагали бы историю учреждений, как они возникали, как они развивались, но едва ли бы мы нашли такие указания в области буржуазной истории права, которые давали бы не описательную, а давали бы нормативную часть, которые излагали бы не то, как строились в прошлом суды, а как должны они строиться в настоящем. Я не такой большой знаток научных трудов по этому вопросу ни в нашей русской литературе, ни в литературе западно-европейской, но я полагаю, что могу все же с достаточной уверенностью утверждать, что в буржуазной литературе таких курсов вы не найдете, ибо для того, чтобы получить курс о том, как должны строиться суды, для этого нужно рассказать, что такое есть всякий суд в своем существе, а для того, чтобы об'яснить не только то, как суды должны быть построены, но и то, почему они должны быть так, а не иначе построены, для этого нужно отказаться от той основной лжи, которую всегда буржуазная наука и буржуазное государство пропагандировали по поводу своих судов, об их надклассовой сущности и независимости от интересов того класса, которое в буржуазном государстве господствует. Вскрыть основную классовую сущность не только всех судебных учреждений всех стран и всех времен, но и открыто при-

знать классовую природу буржуазного государства вообще—этого удовольствия буржуазия никогда себе не позволяла. Сказать открыто перед всем миром, или хотя бы только перед учащейся молодежью своей страны, что их суды преследуют интересы класса буржуазии, имеют своей целью защиту, главным образом, этих интересов и никаких иных, такой роскоши, такой откровенности ни одно буржуазное государство позволить себе не может. Это слишком опасно. Вот почему я опять повторяю, что могу с уверенностью утверждать, что вы не найдете курса в буржуазной науке, который говорил бы о том, какие должны быть суды и почему они такими должны быть. Самое большое, на что были способны представители буржуазной теории и истории права, это—на сравнение судов отдельных стран и на доказательство относительных преимуществ той или другой судебной системы перед какой-либо иной. Например, доказательство преимуществ системы суда присяжных перед судом коронным, доказательство преимуществ гласного и состязательного процесса перед процессом инквизиционным, доказательство преимущества наших судов послереформенных и уставов 64-го года перед русским же дореформенным судом. Может быть отдельный теоретик или отдельный ученый на кафедре того или другого из буржуазных университетов позволит себе большее, может быть он дойдет до того, что скажет, что английский судебный процесс отличается большими преимуществами с точки зрения охраны интересов и прав личности, чем, скажем, процесс французский или какой-нибудь иной, может быть он скажет, что допущение защиты в стадии предварительного следствия это есть основное демократическое требование, которое должны отстаивать все либеральные благомыслящие граждане и т. д. Но и это будет говориться, во-первых, всегда с опаской, «поскольку сие разрешено говорить», а, во-вторых, в громаднейшей степени критика судебного порядка будет относиться к той эпохе, которая уже лежит позади, после чего уже имели место реформы, после которых говорить о том, что было, всегда можно, ибо наши ученые деятели в отношении прошлого никогда не придерживались хорошей латинской поговорки de mortuis aut bene aut nihil а, наоборот, предпочитали всегда на мертвецов валить все то, что следовало бы иной раз с большим основанием валить на живых.

Курс, который мы с вами будем проходить, в отличие от этой описательной истории судебных учреждений, будет заключаться в попытке понять, или, по крайней мере, поставить вопрос, какие же должны быть суды, как они должны быть построены в Советском государстве, в пролетарском государстве, т. к. нам-то с вами, во всяком случае, нечего бояться и скрывать истину, что наш суд и наша судебная система есть система классового суда, который ставит своей задачей охранять, прежде всего, интересы трудящихся масс, рабочего класса в первую очередь, и который не останавливается и не остановится перед тем, чтобы при всех остальных равных условиях отдать предпочтение интересам рабочего перед интересами капиталиста. И именно потому, что мы так открыто и прямо это

говорим, мы можем не бояться ставить ребром все проблемы, которые связаны с вопросами судоустройства, и поэтому же мы не боимся десятки раз переделывать нашу судебную систему тогда, когда она почему-либо в какой-либо из своих частей кажется нам не в достаточной мере соответствующей интересам рабочего класса.

Если мы, однако, находимся, по сравнению с буржуазными теоретиками права, в таком привилегированном и счастливом положении, что имеем дерзость говорить о том, какие должны быть наши суды, это, т.т., еще отнюдь не значит, что мы с вами уже знаем, каковы во всех деталях должны быть наши суды. В этой области перед нами только опыт наших 5-ти лет и больше ничего, и я не скажу, что опыт блестящий; я не скажу, что наша судебная система, которую мы имеем сейчас и которая не насчитывает и года своего существования, чтобы она была совершенной. Наоборот, я буду первым, который будет утверждать, что она далеко не совершенна, что она в высокой степени несовершенна, и заключает в себе массу дефектов, над которыми надо будет очень много работать. Я скажу даже, что в некоторых отношениях она ни на что не годна.

Раз дело обстоит так, то, следовательно, нам придется для того, чтобы ответить на поставленные вопросы: какими должны быть суды в пролетарском советском государстве,—и ответить на эти вопросы, практические, жизненные, деловые,—правильно, для этого нам раньше надо поставить общий вопрос, принципиальный вопрос: каковы вообще задачи суда, каковы принципы его, положенные в основу у нас или долженствующие быть положенными в основу у нас, и каковы, наконец, конкретные формы, в которых наиболее безболезненно, целесообразно и с наименьшими затратами, материальными и духовными, можно эти принципы осуществить. Так что наш курс и будет вообще распадаться на 3 части: 1) общий курс о принципах и началах построения судебной системы в советском пролетарском государстве и 2) историю развития судебных учреждений РСФСР во всей ее зигзагообразной кривой, так как (и это вы увидите впоследствии) картины прямого развития, исходящего из определенных одних, правильно воспринятых, установленных принципов, история наших судебных учреждений отнюдь не представляет, и 3) описание и критику с точки зрения тех же принципов действующей ныне судебной системы РСФСР.

Позвольте попытаться, прежде всего, поэтому определить сейчас те источники, к которым мы могли бы и должны были бы обратиться, прежде всего, для того, чтобы найти исходные принципы, которые должны были бы быть положены в основу построения нашей судебной системы. Нет ни малейшего сомнения, что для нас, для коммунистов, прежде всего, таким источником должна будет послужить наша *партийная программа.* Последняя, как известно, в свою очередь в своей истории имела *два* этапа—партийную программу РСДРП большевиков, принятую на II с'езде в 1903 г., и нашу теперешнюю программу РКП 1919 г. Позвольте также сразу поставить и второй

вопрос о *достаточности* обоих этих источников для нас в настоящее время для разрешения поставленной проблемы.

Вот передо мной лежит программа 1903 г. Во всей программе мы найдем только *два* маленьких пункта, трактующих об интересующем нас вопросе, это §§ 10 и 11, так называемой, программы минимум, программы РСДРП. Программа РКП, наоборот, содержит целый раздел с подзаголовком «в области *судебной*». Между обеими программами не только по об'ему, но и по содержанию—целая пропасть. Позвольте огласить.

Вот программа РСДРП. Согласно §§ 10 и 11 партия требует: «выборности всех судей народом» и б) «права преследовать в обычном порядке всякого чиновника перед судом присяжных».

И... все. Больше ничего мы не найдем по интересующему нас вопросу во всей программе.

Достаточно ли для нас с вами сейчас этих требований? Конечно, нет. А подпишемся ли мы с вами сейчас под ними?—*тоже нет*. А почему нет—пусть нам об этом скажет программа РКП 1919 года.

Позвольте в наиболее характерных выдержках огласить § 11 программы РКП. Вот он:

«Пролетарская демократия вместо формулы *буржуазной демократии—выборность судей народом...*» Итак, программа РКП об'являет *буржуазным* требование программы РСДРП. Ничего ни удивительного, ни страшного в этом, конечно, нет. Ибо *вся*, так называемая, программа минимум РСДРП являлась совокупностью наиболее приемлемых для пролетариата требований политического и экономического характера, осуществляемых в *пределах* буржуазного порядка. С этой точки зрения понятно и санкционирование 11-м пунктом суда присяжных, которого мы не найдем в программе РКП, но именно по той же причине ясна и полная неудовлетворительность этой старой программы для ответа на наш вопрос о том, как же должны строиться *наши* суды.

Что же по этому вопросу говорит дальше программа РКП?

«Пролетарская демократия... выдвинула *классовый* лозунг — выборность судей из трудящихся *только трудящимися и провела его по всей организации суда*, уравняв вместе с тем оба пола во всех правах, как при выборе судей, так и в отправлении судейских обязанностей».

Так говорит программа РКП. Однако, она не только это говорит.

«Для привлечения к отправлению правосудия *самых широких масс* пролетариата и беднейшего крестьянства, говорит дальше программа, введено участие в суде *постоянно сменяемых временных судей-заседателей*, с привлечением—к составлению списков—массовых рабочих организаций, профессиональных союзов и т. п.».

... «отстаивая дальнейшее развитие суда по тому же пути,—говорит дальше программа,—РКП должна стремиться к тому, чтобы *все трудящееся население поголовно привлекалось к отправлению судейских обязанностей...*»

Мы не цитируем всего § 11 программы РКП, мы берем, как мы уже сказали выше, только наиболее важные выдержки, касающиеся непосредственно судоустройственной части и не затрагиваем ни того, что говорит программа о принципах, положенных в основу нашей системы наказаний, ни того, что она говорит по вопросу об источниках права для советского суда. Однако, и сказанного уже достаточно, чтобы видеть, насколько глубже и насколько совершеннее, выпуклее, яснее и отточеннее выражен новый пролетарский и глубоко принципиальный классовый момент в этих требованиях по сравнению с программой РСДРП.

Чтобы покончить с цитированием, мы позволим себе привести еще один абзац, имеющий также непосредственное отношение к судоустройству, как таковому, вот он:

«создав *единый Народный Суд*,—говорит программа РКП,— *взамен бесконечного ряда прежних судов различного устройства* со множеством инстанций, советская власть *упростила устройство суда*... устранив всякую волокиту в ведении дел...»

Поставим теперь в отношении программы РКП те же вопросы, что и в отношении программы РСДРП.

Такова была программа, намеченная партией в 1919 г. Достаточна ли она была, прежде всего? Правильна ли она? К сожалению, мы должны ответить отрицательно на оба вопроса.

В доказательство мы позволим себе привести несколько указаний из действующего положения о судоустройстве, которое в ряде норм прямо исключает вышеприведенное требование.

По Положению в Губернские Суды народные заседатели призываются не только не по принципу «поголовного привлечения», а наоборот, имеет место тщательнейший *отбор* заседателей. То же имеет место в отношении Верховного Суда и в значительной степени и в отношении Народных Судов. Сохранены далее трибуналы, где вообще никаких заседателей нет и не было. Что касается второго принципа о «едином народном суде», то здесь «положение» восстанавливает целиком систему инстанций и «суды различного устройства», об упразднении которых говорит программа. Что это значит? Практически мы отступили от принципов программы, для нас обязательной, и отступили в последнюю пору нашего строительства, отступили от того, что было *уже сделано, согласно программе.* Что это значит? Не знали ли мы программы, или забыли ее, или изменили ей? Ни то, ни другое, ни тем менее третье, конечно. Просто программа *оказалась недостаточной и неполной для всех моментов и условий революционной эпохи, и под влиянием требований логики классовой борьбы мы перешагнули через нее в 1922 г.*, точно так же, как под влиянием тех же требований той же логики перешагнули через программу 1903 г. в 1917 г.

В чем ошибка программы 1919 г.? Ошибка скорее методологическая, чем принципиальная.

Ошибка в том, что, правильно именуя во вводном абзаце (нами не цитированном) суды прежнего устройства—«органом буржуазно-

го господства», программа ничего не сказала ни о *существе* наших пролетарских судов и их месте в ряду других органов государственной власти, ни о *задачах* таковых органов, т. е. не дала, другими словами, *теоретического принципиального анализа задач советского суда.* Этот коренной основной недостаток повел затем немедленно к последующему еще более важному,—изложенным ниже принципам, правильным для определенных условий места и времени, о чем мы с вами еще будем говорить ниже, придан *абсолютный характер* и, как мы видели в цитированном абзаце, в качестве принципиального и единственного постулата об'явлена цель—строить суды так, чтобы *все* трудящееся население *поголовно* привлекалось к отправлению судейских обязанностей». И только.

В результате создалось положение, при котором требования программы оказались не только не осуществленными, но практика прямо нарушила эти требования—такова ошибка программы РКП.

Следовательно, для того, чтобы только подойти к вопросу о правильных принципах строения нашего суда, нам нужно найти источник еще более верный, еще более *общий*, чем наша партийная программа, и потому в силу своей большей общности более безошибочный. Таковым может быть только общая нам всем, вошедшая в нашу плоть и кровь, сделавшаяся нашим вторым «я», от которой мы уже органически не можем, *не умеем* отступить, общая философия марксизма о строении человеческого общества, о задачах рабочего класса в капиталистическом обществе, о задачах его в обществе коммунистическом и о задачах рабочего класса в капиталистическом окружении, в том, в каком он находится в настоящий момент. И только исходя из разрешения таких общих проблем и общих принципов, от которых, как мы сказали выше, мы уже органически не можем отступить, не умеем отступить—только найдя здесь руководящую нить, мы сможем подойти засим отсюда к постановке конкретных вопросов и получить на них конкретные ответы.

В нашей сегодняшней беседе я постараюсь коснуться и охватить эту область общих вопросов лишь настолько, насколько это нам необходимо, отнюдь не задерживаясь на их подробном изложении, т. к. я полагаю, что в громадной степени вы с этой областью общих проблем знакомы по другим курсам, и мне останавливаться на них подробно нет надобности.

Лекция 2-я.

(Продолжение).

Итак, каков общий взгляд философии революционного марксизма, научного марксизма на человеческое общество? Мы знаем этот взгляд. Он, прежде всего, утверждает, что всякое общество,—и с этого начинается Коммунистический Манифест,—является обществом классовым, представляет собой совокупность борющихся между собою классов. Таков первый тезис. Государственная власть является затем ничем иным, как тем аппаратом принуждения, находящимся в руках экономически-господствующего класса, при помощи которого этот экономически господствующий класс и охраняет свое господство. Вот сущность человеческого общества и капиталистического государства—таков второй тезис. Но для того, чтобы познать эту истину, для этого рабочему классу понадобилось девятнадцатое столетие, а для того, чтобы эту истину познала буржуазия... я не знаю, сколько ей еще придется пережить таких же революций, как наша. Пока что, на словах, по крайней мере, она упорно отрицает эту истину.

Что же такое детальнее представляет собой государственная власть, каковы ее функции? Если вы возьмете буржуазный учебник, вы, опять-таки, найдете там чрезвычайное количество самых разнообразных определений. В большинстве государственная власть там именуется, то как «воля народа», то как «воля нации», встретите там вы и другие определения, но вот простой истины о том, что государственная власть является органом охраны интересов господствующего класса, или, как прекрасно сказал Лассаль, «будочником» для данной социальной системы—этой простой истины вы там не найдете. Но для того, чтобы будочник мог охранять будку или то, что ему приказано охранять, он должен иметь орудие охраны. Примитивным орудием охраны является палка, более совершенным орудием является винтовка, еще более совершенным является суд. Суд—одно из самых утонченных, наиболее совершенных и в то же время наиболее замаскированных, завуалированных средств охраны данного порядка. Таково наше понимание государства и суда. Спорить с буржуазией по этому поводу мы не имеем ни малейшей охоты. Для нас это истина и довольно.

«Правда и милость да царствуют в судах». Такова была, наибо-

рот, формула буржуазии. Под эгидой этой формулы работали суды в царское время, — «работали» судебные палаты, суды военные и суды военно-полевые. «Правда и милость да царствуют в судах»— на деле это означало: «гни пролетария и крестьянина в бараний рог, чтобы обеспечить господство помещику и капиталисту». Такова была суть классовой юстиции буржуазии и царизма.

Отличался ли в этом отношении суд и судебная система в чем-либо от какого-либо другого органа государственного управления и государственной власти? Ни в малой степени. Ни в малой степени— это наш третий тезис. Армия, как орудие насилия и принуждения, будь то во вне, будь то внутри; полиция, как орудие и средство охраны порядка и принуждения; тюрьмы, как средство «принудительного воздействия» на неповинующихся и не признающих данного социального уклада и данного социального порядка; школы, как средство определенного психологического «идейного» воздействия в целях воспитания «законопослушного» поколения, охраняющего не за страх, а за совесть данный социальный порядок, а следовательно и интересы данного господствующего класса; Церковь, как одно из наиболее сильных средств той же духовной эксплоатации, духовного угнетения и, наконец,—суд. У Маркса, кажется, в «Гражданской войне» имеется, когда он говорит о французской коммуне, фраза: «Коммуна, если бы она удержалась, освободила бы крестьян от полевых сторожей, жандармов, священников, нотариусов, адвокатов и других пиявок капиталистического строя». И то, что он при перечислении того, от чего должна была освободить крестьянина коммуна, на одну доску ставит сельского кюре и полевого сторожа, с одной стороны, и адвоката, и нотариуса—с другой, обнаруживает не менее глубокое проникновение его в существо судебных органов капиталистического государства, как и тогда, когда он в другом месте говорит, что все эти органы, учреждения и лица в буржуазном государстве являются не чем иным, как «сточными каналами для прибавочной стоимости, выжимаемой из рабочих», и уже по одному этому тесно связаны с данной социальной системой и интересами господствующего класса.

Суд всегда был и остается тем, чем он единственно может быть по своей природе, как одно из ответвлений, один из органов государственной власти,—орудием охраны интересов данного господствующего класса. Такова наша теоретическая истина—и спорить по поводу нее, как мы уже сказали, мы с буржуазией не будем. Но проверить ее на практике для самих себя мы все-таки обязаны. Не можем ли мы найти в истории судебных учреждений такого примера, когда бы суд не был орудием данного господствующего класса. Ведь, если мы найдем хоть один такой пример, то вся наша теория, все наши исходные принципы полетят, видимо, вверх ногами, а ведь мы хотим строить на основе этих исходных принципов; в их правильности мы поэтому должны убедиться заранее.

Я позволю себе привести ряд примеров, которые, казалось бы, опровергают принципы, которые я выдвинул.

Царский суд, согласно нашей теории, должен был быть орудием охраны интересов класса, господствующего при царизме, класса крупных помещиков, крупных землевладельцев, высшей царской бюрократии, и связанной с крупным землевладением и крупной бюрократией финансовой и торгово-промышленной олигархии крупных капиталистов. Вот класс, который господствовал в последнюю эпоху царизма.

Возьмем знаменитый в истории русского революционного движения процесс Веры Засулич. Судится террористка, революционерка, совершившая террористический акт; судится человек, открыто посягнувший на один из устоев старого порядка. Веру Засулич суд оправдал. Что это значит? Какое же это, извините, орудие охраны интересов господствующего класса: суд оправдал человека, который заведомо нанес удар этому классу, как таковому.

Другой пример: в Америке, на-днях, как вы знаете, судили коммуниста Форстера. Он был отдан под суд американским генеральным прокурором за пропаганду идей «преступного синдикализма». Судья, после речи защиты и обвинения, поставил вопрос так: «Присяжные, имейте в виду, что сама по себе пропаганда идей преступного синдикализма или указание преимущества данной системы перед всякой другой не заключает в себе ничего преступного, если она не сопровождается иными преступными действиями». И суд, после двухдневного совещания, не пришел к единогласному решению о виновности Форстера и Форстер был освобожден. Пример характерный: в эпоху социального брожения, в наиболее развитой капиталистической стране судится человек, пропагандирующий низвержение данного порядка, и классовый американский суд его выпускает. Можно сказать, какой же этот суд—орган охраны интересов господствующего класса?

Возьмем 3-й пример: дело Бейлиса в эпоху царского порядка. Дело, специально инсценированное во имя политических целей, для пропаганды антисемитизма. Суд Бейлиса оправдывает. Буржуазный теоретик захлопает в ладоши и скажет:—Вот вам суд присяжных. Вот вам истинно надклассовый суд. Вот вам правильно построенная, наиболее совершенная и в то же время целиком опровергающая все ваши теории форма суда. Так скажет нам буржуазный теоретик и, пожалуй, на первый взгляд будет прав. Разберемтесь же серьезнее в этих аргументах. Так ли? Действительно ли суд присяжных, выдвигаемый буржуазной наукой, как идеал суда, может и должен быть признан формой суда, наиболее обеспечивающей и «справедливое» решение и ее «надклассовый» характер. Что же такое суд присяжных? Суд присяжных есть таким образом построенный суд, когда присяжные, решающие дело, не имеют ничего общего с регулярной судебной работой, берутся непосредственно из населения, отделены в самом суде от судей юристов, посажены отдельно и должны ответить исключительно на вопрос, заслушав все судебное следствие и все прения сторон: факт был или нет и, если был, то виновен его совершивший или нет. Для случая с Засулич

вопрос ставился так: стреляла? Да, а виновна?—Нет. И для Форстера: пропагандировал Форстер? Да, а виновен? Нет. *).

На этом принципе суда присяжных либеральная наука базирует всю свою теорию суда, как «независимого от государственной власти», суда, во-первых, и как суда «совести», органа милости, органа «правды», органа «справедливости», взятой абстрактно, справедливости, как таковой,—во-вторых, и все свои усилия направляет на то, чтобы доказать, что можно и что должно строить такие суды, которые были бы как раз олицетворением и воплощением этой справедливости.

Возьмем же эти факты, яко бы опровергающие нашу точку зрения, и рассмотрим их конкретнее, ближе, внимательнее. Когда происходил процесс Веры Засулич? В период 1878—79 г.г., на заре деятельности наших судебных учреждений после реформы 1864 г., в медовый месяц нашей судебной реформы и в то же время в период наибольшего обострения и выявления политической борьбы; период начала террористического движения; период нарастания массового недовольства в среде буржуазии (заметьте: в среде буржуазии!) политикой царя Александра II; в период кристаллизации оппозиционных течений в виде оформленных организованных революционных партий. И вот в этот период социального брожения, социальной неурядицы, неурегулированности и колебания социальных соотношений отдельных общественных группировок и классов, создалась ситуация, когда один из опорных пунктов старого порядка—суд, не устоял, дрогнул и дал перебой. Проведем параллель с войной. Один из отрядов сдался в плен, один из отрядов разбит или предан тем или другим путем. Разве из этого вытекает, что армия ни к чему не годна? Или из этого ничего не вытекает? Что сделает военачальник, если один отряд разбит? Он пошлет подкрепление. Что он сделает с тем подчиненным ему начальником, который не сумел сохранить данного отряда? Он его прогонит, поставит на его место другого. Что было сделано после процесса Веры Засулич? Суды присяжных для политических преступлений были отменены. Военачальник разогнал виновников перебоя, на их место были посажены другие и вся система была приведена в порядок. И только. Но нам скажут, что этот, пусть единичный, факт все же доказывает, что есть и возможна, следовательно, такая система суда, которая в известных случаях дает правильное «справедливое» решение, и гарантией этой справедливости и является суд присяжных. Рассмотрим и этот аргумент. С какой точки зрения суд вынес «справедливое» решение? С нашей с вами точки зрения. Но, ведь, оно совершенно «несправедливо» с точки зрения старого порядка. Где у нас критерий, что это решение действительно «справедливее», чем об-

*) В реальной действительности дело обстояло еще курьезное. В процессе Веры Засулич присяжные, чтобы оправдать ее, дали на вопрос о факте, стреляла ли Вера Засулич в Трепова, ответ: нет, не стреляла. Мы опускаем этот эпизод и для чистоты анализа берем вопрос в его более обнаженной форме: стреляла и все же невиновна. Для существа дела такое отступление—роли не играет.

ратное? Почему оправдание Веры Засулич «справедливое» решение? С какой точки зрения? А с точки зрения помещика, у которого Вера Засулич проповедывала отнятие его имущества, конфискацию его земель,—это решение справедливо? Конечно, нет, и такой помещик убежден в том, что суд совершил ошибку. Почему, на каком основании, из чего вытекает, что это убеждение помещика не верно? С точки зрения общей справедливости? Такой справедливости нет, «справедливость» своя у каждого класса. И с точки зрения помещика, суд, оправдав Веру Засулич, совершил вопиющую глупость, вопиющую несправедливость и вопиющее нарушение и попрание всех основ, а с точки зрения нашей, он правильно «рассудил». Что же, в конце концов, доказывает этот факт? Вздорность абстрактной постановки вопроса он прежде всего доказывает и больше ничего. Он только доказывает, что для данной социальной системы, для данного момента, для данных условий 1878 года, в качестве орудия охраны интересов господствующего класса такая форма суда для этого класса была менее пригодна, чем какая-либо другая, в виде, скажем, военного, назначенного суда. Значит ли это, однако, что форма суда присяжных была всегда непригодна для буржуазии? Тоже отнюдь нет. Ни в малой степени. Допустим, что тот же казус возникает при других условиях, в момент классового возмущения и затем поражения социальной революции, вроде июльских дней 1917 г. у нас. В такой момент те же присяжные из состава буржуазного класса, напуганные только-что подавленным взрывом, голосовали бы все как один за обвинение бунтовщиков-социалистов, революционеров, анархистов, за то, чтобы их закатать. Глубоко убежденные «по чистой совести» они голосовали бы за то, чтобы закатать революционеров, ибо для них было бы ясно, что успех победы революционеров—привел бы к конфискации их имущества, к непосредственному ущербу для их интересов.

Что дело обстояло бы именно так, а не иначе, свидетельствует целый ряд исторических примеров зверств и жесточайших расправ буржуазии с рабочими в эпоху разгула реакции, когда всякие судебные формы шли на смарку и одно дикое оголтелое «распни» оглашало воздух. А отсюда для нас уже следует чрезвычайной важности вывод: *в нашей практике избегать таких форм суда, которые могли бы в критический для пролетариата момент дать перебой и изменить его классовым интересам.*

Мы полагаем, что никто, даже самый заскорузлый из наших противников, не станет спорить против полной *разумности и целесообразности* такого вывода. Для нас же с вами этого вывода должно было бы одного быть достаточно, чтобы прекратить какую бы то ни было дискуссию на эту тему и раз навсегда отказаться от суда, который был бы «независим от государственной власти» и мог бы вынести «справедливые» по буржуазной совести решения.

Нам не нужно вашей «справедливости»,—ответили бы мы им. Нам нужна *наша, классовая «справедливость»* рабочих и крестьян, а потому нам *нужен такой суд,* в котором бы нам был всегда

гарантирован голос рабочей и крестьянской «совести», а не какой-либо другой.

Тут нам опять ответят. Так кто же вам мешает так организовать ваш суд, чтобы только рабочие и крестьяне заседали в качестве присяжных, пусть только *вашу* «справедливость» они проводят,—это не разрушает утверждения, что суд *присяжных есть все-таки лучшая форма суда.* Введите же его с ограничениями, что ваши присяжные будут избираться *только* из рабочих и крестьян.

Если наши противники так скажут,—больше нам ничего не надобно. В таком утверждении наших противников есть наша победа целиком, ибо такой ответ есть *отказ от теории надклассового суда и признание правоты нашей точки зрения,* как на классовые задачи *всякого суда,* так и на его классовую природу. Ибо случаи с Верой Засулич, Форстером и Бейлисом доказывают только то, что в классовом обществе, раздираемом классовой борьбой, *могут* быть такие стечения обстоятельств, при которых политические настроения населения расходятся с *политикой правящего* класса и, возобладав по отдельному случаю в настроении присяжных, могут вылиться в демонстрацию против правительства. И только. Больше ничего не доказывали эти случаи. Никогда и ни при каких условиях классовая политика правящего класса не допустила бы применения этого принципа, если бы не была уверена в том, что это применение не будет направлено против нее. Для громадной же части общеуголовных преступлений применение такой формы суда ничем не грозило для буржуазного порядка, и любое убийство, кража, грабеж и иные случаи нарушения устоев «приличного» общества всегда находили соответствующую карательную мзду в сознании представителей «населения», живущего в условиях частной собственности.

Порукой за то, что будет вынесен обвинительный вердикт, был, пусть незначительный, но все же обязательный, имущественный, или хотя бы оседлый ценз присяжных заседателей. Отступления могли быть в отдельных случаях, по отдельным делам о «романических» убийствах или других сенсационных процессах, общая же линия была безусловно обеспечена. Зато с тем большей осторожностью изымались от суда присяжных «политические» дела, где более отчетливо выявлялась обнаженность социальных противоречий и могло возникнуть сомнение в возможном исходе дела и вердикте присяжных. Однако, в «устойчивом» классовом обществе в «мирное время» правящий класс мог быть спокоен за исход и этих дел. Неожиданные исходы могли быть только исключением. Барометром общественных настроений или лабораторией для социальных опытов в чистой форме суд никогда не был, а если и был, то отсюда надлежало сделать вывод, что, во всяком случае, не таково его назначение. Для наглядного доказательства последнего, приведем еще один эксперимент.

Возьмите теперь тот же случай с Засулич и выверните его на изнанку. Пусть судят не Засулич, а Трепова, Врангеля, Колчака, Николая Романова, Азефа, Белецкого, убийц Розы Люксембург и

Либкнехта, убийцу Воровского, которого также будут скоро судить швейцарские присяжные, представьте далее себе их *оправдание* судом, что *не исключено*, ибо не виноваты же, в конце концов, Врангели, Белецкие и Колчаки, что они действовали согласно своей классовой природе, и поставьте тогда вопрос о степени *пригодности* такого *суда, с нашей с вами рабоче-крестьянской точки зрения.*

И вы скажете, что такой суд не нужен.

Вы разгоните суд, если он оправдает Азефа, так как вам, в конце концов, совершенно *не важны мотивы*, по которым действовал Азеф, а важна его *опасность* для устанавливаемого вами порядка.

Вы разгоните такой суд, хотя бы в нем в качестве присяжных заседали рабочие и крестьяне. Вы тем паче разгоните этот суд, если в качестве присяжных там заседали одни *помещики*. И уже совершеннейшим вздором будет строить в пролетарском государстве такой суд, в котором в качестве присяжных *рядом заседали бы помещики и крестьяне, капиталисты и рабочие*, ибо из такого суда, во всяком случае, толку *не будет ни на грош.*

Для нас, для государства рабочих и крестьян, *не может быть приемлема иная форма суда, чем такая, которая бы всегда и при всех условиях обеспечивала бы защиту интересов рабочих.* Вот почему, оставляя пока в стороне вопрос о том, насколько правильна или неправильна, целесообразна или не целесообразна *в деталях* такая форма суда, как суд присяжных, насколько больше или меньше гарантирует она другой фетиш буржуазной науки, не «голос совести», а «независимость от государственной власти» (обо всем этом мы еще будем говорить ниже)—к одному выводу мы пришли безусловно,—*надклассового суда не было никогда, а если бы он и был, то нам он совершенно не нужен.* Таков наш конечный вывод из дискуссии. Позвольте теперь от отрицательной формулы равно перейти к положительной. В чем же, по нашему мнению, отличительные признаки суда? Для этого, позвольте еще дальше пойти в наших выводах. В известных случаях, когда нам это будет нужно, мы перейдем к еще более жестким формам охраны своего существования и своего господства, чем суд, скажем, к формам ВЧК, то-есть хотя к формам и не судебным, но, тем не менее, вполне аналогичным с судом, ибо сущность ЧК есть та же самая охрана интересов государства, вернее, такая форма охраны, при которой привычное представление о суде исчезает. И отсюда наш второй коренной вывод принципиального характера будет следующий: *для нас нет никакой приципиальной разницы между судом и расправой.* Либеральная болтовня, либеральная глупость говорить, что расправа, это—одно, а суд, это—другое. Ничего подобного. Суд есть та же расправа, а расправа есть тот же суд. Конечно, это все чрезвычайная ересь с точки зрения буржуазной теории права. Какое может быть право,—скажут нам,—если по вашему суд и расправа одно и то же. А мы это утверждаем и позвольте это доказать. Какие формы суда мы знаем в прошлом? Мы знаем, прежде всего, такую форму суда, как вотчинный суд. Что

такое вотчинный суд? У в'езда в поместье средневекового барона у ворот ставилась виселица. Она означает, что собственник этого поместья имеет право жизни и смерти над всеми ему подвластными подданными. Он был администратор и хозяин, он господин и он же судья. Существуют ли для него какие-нибудь законы, писанные законы. Ничего подобного. Но это все же был суд. Господин судит, он же и милует. Он господин и судья, все сливается в одном лице помещика.

Вы скажете: это не суд, а расправа. Нет, это был суд, ибо такова была общепринятая тогда форма для разрешения возникающих казусов в социальной жизни и вопросов о том, как быть с теми элементами, которые своими действиями или противодействиями не укладываются в нормы данного социального порядка.

Возьмем другую форму суда—инквизицию. Это тоже был суд. Кто там судил? Монахи. На основании чего они судили? Как господь бог на душу положит. Какие-нибудь нормы, права, гарантии имел там подсудимый? Никаких. Пытки там применялись? Обязательно. А между тем это был суд. Суд. Почему это не суд? Или вы хотите сузить понятие суда, то тогда выкиньте из буржуазных учебников вон историю этих форм суда или не подменивайте понятие суда и признайте судом эти формы борьбы заправил данного порядка против тех, кто не укладывается в этот порядок.

Когда крестьяне, поймавшие конокрада, избивают вора, мы имеем самосуд. Какие там имеются гарантии? Никаких. Изловили и убили,—вот и все. Но расстрел конокрада по суду физически есть такое же убийство его же и из тех же мотивов и лишь совершаемое в определенных формах. И только.

Так что принципиальной качественной разницы между судом и расправой нет; *суд есть только форма расправы.* И вот мы переходим теперь к вопросу: какая форма? И в этом только и есть differentia specifica суда. *Суд есть упорядоченная форма расправы,* урегулированная форма, уложенная в определенные нормы, в определенные рамки, гарантирующая нам то, что будет минимум возможных ошибок и наибольшую доказанность преступления, гарантирующая нам, что невинный, не совершивший преступления или совершивший его в силу целого ряда смягчающих обстоятельств, не пострадает. Вот и все, что отличает суд от расправы. Значит, форма, нормы, *процессуальная сторона—вот что отличает суд.* Вот почему лично я одно из величайших завоеваний нашей революции вижу в том, что существует у нас процессуальный кодекс, как не вижу того же, да позволено будет мне это сказать, в том, что через 5 лет нашего существования у нас уже существует уголовный кодекс.

Если мы так поставим вопрос о сути суда и его отличиях от расправы,—то отсюда мы можем уже получить и его формулу. Формулы наши будут следующие:

1) *всякая государственная власть есть ничто иное, как орудие социального насилия и принуждения, при помощи которого данный*

господствующий в данном обществе класс осуществляет свое политическое господство и охраняет свое господство экономическое;

2) *всякий суд во всяком обществе всегда был, есть и останется, пока останется классовое общество, ничем иным, как одним из средств осуществления такого принуждения и насилия;*

3) *всякий суд, исходя из предыдущих тезисов, имеет заданием охрану интересов данного господствующего класса и отличается от других средств охраны только специфической своей формой и больше ничем.*

4) Следовательно, судебный политик, приступая к разрешению вопроса о строении судебной системы, должен поставить ее перед собой так: *я должен построить такую судебную систему, которая наиболее отвечала бы заданию охраны интересов данного господствующего в данном обществе класса, осуществляя эту охрану всеми мерами принуждения и насилия, кои предоставлены и оформлены в законе, при чем достоинство этой судебной системы будет тем выше, чем правильнее она будет урегулирована и построена, так что будет давать минимум ошибок в судебных решениях.*

Отсюда вытекает большая задача построения правильного контролирующего аппарата или того, что мы именуем *кассационным производством.*

Так можно было бы формулировать наши исходные принципы и наши исходные точки зрения. Обратимся теперь к возражениям уже совершенно иного рода и из другой области. Товарищи, даже согласные с нами, нам, однако, скажут: «позвольте, разве такое трактование суда и судебных учреждений исчерпывает все формы и все функции суда? Вы все время трактуете об уголовном процессе, а где же гражданский процесс? Разве можно гражданский процесс понимать, как форму осуществления со стороны данного господствующего класса насилия или принуждения для охраны интересов данного класса? Мы понимаем, когда судят воришку. Воришка покусился на священный принцип частной собственности; воришку надо за это наказать. Тут, так сказать, все ясно. Но один человек спорит с другим: я тебе должен или ты мне должен. При чем тут насилие, при чем тут защита интересов господствующего класса? Никто из них не колеблет интересов данного класса». Такого рода толкование было бы чрезвычайно узким и чрезвычайно суживало бы существо суда. Наши противники неправы. И тут вопрос идет о том же самом. Существует ряд принципов, которые одинаково признают обе спорящие стороны. Обе спорящие стороны говорят: это мое, нет это мое. Правильное разрешение вопроса: чье же,—дает суд, а затем осуществляет это решение всею силою принуждения и насилия. Следовательно, и здесь мы имеем тот же самый порядок и то же самое существо дела. Нарушение судебного решения, присвоение себе ненадлежащего права влечет уже уголовное преследование, т. е. опять-таки применение принуждения и насилия. *И гражданское право, и гражданский процесс в существе этой стороны деятельности суда равным образом укладывается в наши формулы.* Гораздо сложнее стоит вто-

рой вопрос о том, действительно ли все задания и функции суда исчерпываются формулой, о которой я говорил здесь. У нас имеются два основных возражения. Первое возражение будет исходить опять-таки из либеральной школы права. Они будут возражать так: при вашем построении судебной системы вы требуете, чтобы задачей суда было только одно—охрана интересов «коллектива» (прямо сказать интересов господствующего класса—наши противники не хотят), а вот мы говорим: задача суда, это—охрана интересов индивидуума, личности, закон есть хартия прав личности, суд должен быть построен так, чтобы максимально охранять личность, чтобы личность знала, что в случае чего есть суд, который охраняет ее права. Для того, чтобы понять существо этой теории, для этого нужно обратиться к изучению эпохи, когда она возникла. Это типично либеральная теория ведет свое начало из эпохи восстания буржуазного класса против старого феодального порядка, когда все новые правовые формы строились на принципе, противоположном тому, что было раньше. Если раньше была единоличная власть монарха, то теперь: да здравствует разделение властей! Власть законодательная, власть судебная и власть исполнительная, друг от друга независимые, друг друга контролирующие,—выдвигались как новое откровение. Если раньше была строжайшая централизация, то теперь, по крайней мере, в первые моменты революционных бурь, выдвигались идеи децентрализации, если раньше была абсолютная монархия, то сейчас пусть будет всеобщая демократизация, всеобщее избирательное право и т. д. В суде равным образом: если раньше был суд грубый, суд жестокого насилия, то сейчас выдвигалась идея либерального и гуманного суда, обеспечивающего прежде всего интересы личности. Пусть теперь будет суд публичный, суд гласный, суд присяжных с состязанием сторон. Что все это означало? Это все были формы, при помощи которых, при помощи закона, шаг за шагом, *буржуазия, новый класс, защищала себя против государственного насилия, против насилия бывшего господствующего класса.* С этой точки зрения вполне понятно и создание теории: «суд должен защищать права личности». Извините, пожалуйста, ничего суд вообще не должен. Суд это не есть абстракция, суд прежде всего определенный исторический институт данного общества и только. В определенную эпоху отдельные слои, передовые слои буржуазии хотели построить суд так, чтобы он защищал их интересы против феодального строя, против пережитков феодального строя; и они защищались при помощи такой судебной системы. Но это есть тактика, исторически обусловленная теми обстоятельствами и той эпохой, в которой она возникала, а этой эпохе свойственно было строить абстрактные понятия, изымать исторические явления из исторических условий и их реальное содержание ставить над жизнью как нечто абсолютное, вне времени и пространства находящееся. Так же абстрактно ставится и тут вопрос: права личности или права коллектива должен защищать суд, интересы целого или интересы личности? Ни тех, ни других. Та формула, которую мы даем, гораздо глубже и шире. Она говорит, что суд охраняет интересы данного господствующего класса. И достоинства

такого суда тем выше, свойства его тем ценнее, чем больше он обеспечивает нас от того, чтобы при охране интересов класса не было совершаемо ошибок, от которых пострадала бы та или другая подпавшая под действие судебных норм индивидуальная личность. И никакой другой точки зрения мы, марксисты, принять не можем.

Второе возражение против нашего толкования задач и функций суда будет такое: нам скажут: вы совершенно забываете о культурных задачах суда, о воспитательном значении суда, о политическом влиянии суда и, в частности, о том, о чем говорит, между прочим, наша партийная программа. Наша партийная программа говорит, что нужно стремиться к тому, чтобы «все трудящееся население поголовно привлекалось бы к отправлению суда». А при вашем понимании,—скажут вам,—вы превращаете суд в расправу, вы забываете совершенно о воспитательных гуманитарных задачах суда и о привлечении к судебному делу масс. В каррикатурной форме идеал сторонников такого понимания задач суда следующий: вершится публичный суд, массы приходят, массы слушают процесс, выносится приговор, все уходят удовлетворенные, все, мол, обстоит в порядке, приговор же гласит: «Иди и впредь не греши». Отпущенный изливает слезы умиления, присутствующие в зале купно с ним плачут, гуманность торжествует, культура растет, великое дело сделано. Конечно, к подобного рода теории мы можем только относиться насмешливо. Если бы задачей суда было вместе с подсудимыми проливать слезы, то это можно было бы делать без судебной процедуры, без предварительного следствия. Мы не отрицаем, конечно, идейного влияния суда, это факт, но в чем заключается его политическая роль и воспитательное значение? Последнее имеет место только тогда, когда приговор находит тот или другой отголосок в сознании слушающей процесс аудитории. Если этот отголосок есть, если правильность судебного решения находит себе подтверждение в молчаливой санкции всех присутствующих, тогда политическая задача суда достигнута. Если же между судебным приговором и данной аудиторией пропасть, то совершается обратное явление: приговор разрушает данный социальный строй. Но, ведь, разрешение вопроса о том, что будет в результате судебного приговора—пропасть или полное совпадение, это совершенно не зависит часто ни от состава суда, ни от аудитории, а зависит исключительно от судебной политики, и даже не от судебной, вообще от политики, а политика творится не судом, а теми, кто творит право, издает законы и определяет карательные санкции.

Таким образом, этот вопрос к существу задач суда не относится и не в этом основная роль и не в этом основная задача суда. Может быть, эта задача суда в том, чтобы население непосредственно привлекалось к отправлению судебных обязанностей и, таким образом, здесь проходило определенную политическую школу, о чем говорит программа РКП. Я скажу, что у суда вполне достаточно своих функций, чтобы брать на себя еще и школьную обязанность. Суд—вовсе не школа и, во всяком случае, далеко не в такой степени школа, чтобы школьные моменты стали превалировать над

всем остальным; ни в коем случае, школьные моменты не являются непосредственной задачей суда и поэтому их нельзя ставить перед судом, как основную задачу. Это—одна из второстепенных привходящих задач и только на этом месте ее и должно поставить. Вот почему, *в известных случаях, мы будем стремиться к тому, чтобы поголовно все население привлекалось к разрешению тех или иных судебных дел, а в иных случаях, принципиально будем настаивать, чтобы отнюдь не все население привлекалось для этого рода деятельности.* Наконец, последний аргумент. Культурная роль суда,—говорят нам,—в том, что суд, поскольку судебный процесс оставляет впечатление, заставляет думать и превращать суд в политическую арену. Так, у нас в Москве наш уважаемый товарищ, председатель Московского Губсуда, Смирнов, часто после приговора обращается с речью к подсудимым, а по существу к публике. Кассационная инстанция никогда против этого не возражала и внимания особенного на это не обращала, хотя никакой процессуальный кодекс этого не предусматривает. И то, что мы молчим в кассационной инстанции по этому поводу, значит, что мы не возражаем против такого использования суда. Но делать из суда, главным образом, орудие пропаганды такого рода,—это уж совсем скверно. Это, опять-таки, забвение основных задач суда.

Вот почему я думаю, что все голоса о том, что сужение задач суда, которое я даю, сводит на «нет» его культурную, политическую и агитационно-пропагандистскую роль,—неверны. Мои определения только правильно ставят все на свое место и не позволяют смешивать в одну кучу вещи, далеко не равноценные по своему удельному весу при определении задач судебной работы, как таковой.

Так, можно было бы определить, т.т., в этой вводной нашей сегодняшней беседе те принципы, из которых мы будем в дальнейшем исходить.

Исходя из изложенной точки зрения, нам придется заняться оценкой пройденного нами пути: оценивая все попытки построения судебной ситемы, все декреты, какие у нас по этому издавались, изучая идеи, которые вкладывались законодателем в тот или другой декрет, делая отсюда каждый раз надлежащие выводы. Мы с такой же суровой критикой подойдем к действующей судебной системе, которая, несомненно, не есть последнее слово наше в области судоустройства.

Позвольте нам на этой беседе окончить. К следующему разу я попрошу товарищей прочесть и ознакомиться с п.п. 10 и 11 программы РСДРП, с § 11 программы РКП и с декретом № 1 о суде от 24 ноября 1917 г., с инструкцией Революционным Трибуналам от 17 декабря 1917 г. и, если вы найдете, с инструкцией Московск. Револ. Триб. от декабря или марта 1918 г.

Эти законодательные акты после сравнения с тем, о чем я вам сегодня говорил,—если вы со мной согласились, сразу вам укажут, как не надо было строить судебную систему.

Декрет о суде № 1.

Лекция 3-я.

Товарищи! В прошлый раз мы беседовали об общих принципах и основных началах, исходя из которых мы полагаем единственно возможным строить судебную систему пролетарской республики. Сущность этих принципов сводится к определению судебной системы, как одного из орудий или средств, помощью которых пролетарская власть охраняет устанавливаемый ею социальный правопорядок.

Но в эту общую формулу мы вкладываем, как я стремился показать в прошлой нашей беседе, принципиальное содержание, отличное от того, которое вкладывалось буржуазной наукой, а именно классовое содержание. Для этого я старался резко подчеркнуть следующую мысль: суд есть орган классовой борьбы и посему, как орган классовой борьбы, как орган класса, стоящего у власти, он может и должен ставить своей целью защиту интересов данного класса. Защита интересов данного класса при этом осуществляется судом одновременно в двух формах: 1) чистой форме в области охраны данного правопорядка, как целого данного социального уклада, против лиц и действий, сознательно направленных совершителями этих действий против данного порядка, как такового, и 2) в скрытой завуалированной форме—в форме борьбы против правонарушений отдельных лиц, которые, не ставя своей задачей борьбу против порядка в целом, нарушают ту или другую норму данного порядка по тем или иным мотивам. И в том, и в другом случае суд, согласно нашему утверждению, исходит из одной и той же задачи—защиты интересов данного господствующего класса.

Эта точка зрения, последовательно выдержанная, привела нас в своем конечном итоге к тому, что мы стерли всякую принципиальную разницу между судом и расправой и сказали: и то, и другое—акт одной и той же самообороны данного класса против лиц и класса или группы, которые посягают на установленный этим классом правопорядок, и разницы между судом, построенным по всем правилам науки, и самосудом, когда крестьянин, поймавший конокрада, убивает его на месте—никакой нет. Разница есть только ко-

личественная, а именно: расправой является тот вид самосуда, когда можно схватить за загривок невинного и тут же его на месте укокошматить, и наоборот, судом мы называем такую форму расправы, которая дает нам гарантии, что человека, который, как говорится, «ни аза в глаза», к этому делу не причастен, совершенно случайно не схватят и не убьют.

Мы видим, что в этой откровенной и резко выраженной постановке вопроса находится основное отличие нашей постановки от постановки вопроса о суде и судебной системе во всех буржуазных государствах. Там, наоборот, господствует точка зрения, что суд есть орган, выражающий внеклассовую, надклассовую, субклассовую и, какую хотите, справедливость: что он есть орган совести; а поскольку предполагается, что у всех людей совесть одинакова и только люди с извращенной совестью способны совершать преступления, человек же с нормальной совестью совершать преступления не способен, и подобно тому, как раньше для всех была обязательна вера в бога, так равно обязательны для всех одни и те же принципы этики и морали и справедливости,—то отсюда вывод, что правильно построенный суд есть такой суд, в котором наиболее ясно дается выражение или выявление содержания этой абстрактной человеческой справедливости, человеческой совести, человеческой морали. Поэтому, как я говорил в прошлый раз, даже на фронтоне военно-окружного суда у нас была надпись: «Правда и милость да царствуют в судах», а во Франции, в Париже на стенах тюрем можно прочесть девиз: «Свобода, равенство и братство».

Это коренное противоречие между двумя понятиями: с одной стороны, нашим марксистским, революционным, здоровым пониманием суда и, с другой стороны, пониманием буржуазной науки, в корне лживым, фальшивым, неверным, противоречащим исторической природе судов, неоправданным историческими фактами,—ибо вся совокупность исторических фактов говорит об обратном. Это первое, что должно быть вынесено из нашей первой беседы и должно быть нами положено, как критерий, при изучении истории нашей судебной системы: насколько попытки построения нашей судебной системы, в каждый данный момент, отвечали этому нашему принципиальному воззрению. Так мы и будем подходить к истории наших судебных учреждений.

Итак, позвольте, установив этот общий принцип, перейти к рассмотрению истории наших судов.

Что представлял из себя строй наших судебных учреждений в эпоху царизма? Это была чрезвычайно запутанная и сложная система. С одной стороны, мы имели «неувядаемый памятник русской юридической мысли и русской юридической науки»,—как это пишется во всех либеральных буржуазных учебниках, которые я еще вчера имел удовольствие читать,—в виде уставов 1864 г. Эти судебные уставы, выработанные в эпоху либерального правления Александра II, явились попыткой, в условиях царской России, создать суд по всем правилам демократически-буржуазной юридической мы-

сли. Попытка эта была воплощена в жизнь, а затем подверглась ряду изменений, пертурбаций, метаморфоз, которые вносила в нее классовая политика самодержавия, политика помещиков и крупно-капиталистических верхов. Поэтому к концу реакции Александра III и расцвету правления Николая II судебные уставы давно утратили свою невинность и вся наша судебная система представляла довольно сложную и запутанную картину «mixtum compositum» — «чего хочешь, того просишь». В качестве основной судебной ячейки для народа существовали волостные суды, специфические крестьянские суды, судившие на основе обычного права, а не писанных норм. Рядом с этим существовала своеобразная форма административного суда, земских начальников, институт, введенный Александром III приблизительно в начале 90-х годов с целью дать власть, «близкую крестьянам», «твердую и неуклонную» во всех отношениях. Эта власть набиралась из спившихся, вышедших в отставку за пьянство, офицеров, губернаторских чиновников, белоручек и иных башибузуков разного ранга и порядка. И вот эти-то представители твердой и неуклонной власти, близкой к крестьянину, творили на местах суд и расправу. Такая форма сословного крестьянского суда охватывала подавляющую массу населения и была самой близкой к ним. Второй формой был мировой суд. Здесь уже целиком сказалось влияние либеральной эпохи реформ Александра II. Мировой суд имел своей задачей разрешать мелкие дела, гражданские и уголовные. По своему составу этот суд являлся лучшим выражением либерализма нашей русской буржуазии в юную пору существования этого либерализма, в эпоху его демонстративного политического недружелюбия и фрондирования по отношению к самодержавному порядку. Мировые судьи были выборные судьи, но, если бы мы поставили вопрос, кто выбирал, как выбирал, на основании чего выбирал и в какой мере демократичен был состав выборщиков, то на этот вопрос мы едва ли получили бы положительный ответ. Во всяком случае, образовательный ценз, с одной стороны, имущественный ценз, с другой стороны, это были два препятствия, которые говорили о том, что демократизм выборов не давал возможности пройти элементам действительно демократическим. Впоследствии мы вообще поставим под вопрос, насколько правилен принцип выборности судей. Впоследствии на истории нашей советской юстиции мы покажем, что принцип выборности судей, поскольку он не смешивается с принципом «несменяемости судей» — не выдерживает критики и с моей точки зрения вообще неправилен, но с точки зрения тогдашнего общелиберального и общедемократического настроения лозунг выборности судей, народных судей или мировых судей являлся лозунгом демократически-либеральным. Я не буду вас возвращать к изучению того, как построен этот институт в Англии, как там принцип крупного землевладения и совершенной независимости от местного влияния в силу материальной обеспеченности совмещается с принципом выборности судей, или к тому, как построено это дело в тех или

других штатах Америки, достаточно сказать, что у нас мировой суд был построен так, что давал возможность проникать туда либерально-демократической буржуазии. Дальше шла довольно сложная система мировых с'ездов, окружных судов и судебных палат и, наконец, сената и его кассационных деп-тов. Входить в подробности всего этого мы не будем, тут важен принцип, а принцип следующий,—не было ни «единого», ни «равного для всех», ни «независимого» суда. Лучше всех других с точки зрения этого «равенства» и «независимости» был прежний окружной суд с присяжными заседателями, призываемыми на основе имущественного ценза и ценза оседлости, что уже вычеркивало представителей рабочего класса из состава заседателей. Особенностью этого суда было, как мы уже указывали, отделение судей-присяжных от судей-юристов, назначенных судей: присяжные решали вопрос, выслушав дело, виновен или невиновен подсудимый, а суд, судьи, как таковые, а не присяжные, в случае осуждения решали, сколько виновному за его «вину» полагается. Таким образом, «народ» в лице присяжных заседателей говорил: виновен или невиновен. Такой принцип, положенный в основу строения суда, как бы знаменовал собой предпосылку, что государственная власть не есть орган народа, а, наоборот, «народ» в лице присяжных есть нечто отдельное от судей, как представителей государственной власти. Этот принцип отделения суда от государства был вторым воплощением демократического либерализма в судебной системе 1864 года. А рядом с этими либеральными нововведениями устава 1864 года имели место судебные палаты с «сословными представителями», которые уже совершенно искажали какой-либо голос народа. С точки зрения классовой политики самодержавия они были, конечно, гораздо более совершенны, чем суд присяжных, но с точки зрения интересов рабочего класса они были явно неприемлемы. В качестве «народа» в судебных палатах сидели: предводитель дворянства, городской голова и волостные старшины. И, конечно, они были в 10 раз менее близки рабочему классу, чем присяжные—лавочники, мещане, чиновники, адвокаты, иногда мелкие собственники-крестьяне и т. д. С точки зрения классового подхода, классовых симпатий и антипатий при разрешении вопроса: виноват или не виноват, попавшему рабочему было гораздо легче в суде присяжных, чем в суде сословных представителей. Вот почему для эпохи царизма вполне рациональным было наше требование обязательного суда присяжных для всех уголовных дел. И именно поэтому же скоро все политические дела были из'яты из суда присяжных. Все это, однако, еще отнюдь не доказывает, как это мы видели выше, что с точки зрения интересов пролетариата суд присяжных есть *всегда* лучший суд.

Вся же эта система военных судов, военно-полевых судов, судебных палат, окружных судов, мировых судов, волостных судов, административных судов,—все это, говорю, создавало картину чрезвычайной путаницы, целиком отвечавшей тому переходному периоду, какой представляла вообще последняя четверть века существования

царизма, когда, с одной стороны, царизм окончательно определился, как система голого насилия, а, с другой стороны, классовые расслоения общества создавали почву для проведения в жизнь целого ряда форм, отвечавших буржуазным требованиям либерального конституционализма.

Но при всех этих условиях, вся эта система в целом, в ее лучших формах,—не говорю об ее худших формах,—в какой мере, все-таки, могла она отвечать интересам пролетарского суда? В какой мере могла она отвечать задаче суда, как органа охраны интересов рабочего класса, взявшего в руки власть в эпоху диктатуры? Могла ли она в какой бы то ни было мере отвечать этим интересам? Ясно, что ни в какой мере. Отсюда вывод: что должен был сделать с этой системой пролетариат с момента получения власти в руки? Ответ ясен: *уничтожить, разбить, упразднить*. Другого ответа быть не могло, другой ответ был бы политической ошибкой, нелепостью, бессмыслицей, непониманием ни задач эпохи, ни собственных интересов.

Вот почему декрет № 1 о суде, изданный 24 ноября 1917 г., т.-е. через месяц после Октябрьской революции, гласит в § 1: «упразднить доныне существующие общесудебные установления, как-то: окружные суды, судебные палаты, правительствующий сенат со всеми департаментами, военные и морские суды всех наименований, коммерческие суды...» Правильно ли это постановлено? Правильно, единственно правильно. Дальше должен быть поставлен вопрос: а что взамен? Тут-то и была, как говорят, «запятая». Программа РСДРП не говорила, как мы видели, ничего, кроме общих фраз. А суды надо было строить. Посмотрим же, что было построено в этот период «на другой день после социальной революции»? Декрет гласил: «заменяя все эти установления *судами, образуемыми на основании демократических выборов*». Что сей сон означает? Что значит: «Судами, образуемыми на основании демократических выборов». Какими судами? Как организуемыми? Какие выборы? На каких основаниях? Какие списки, какой порядок, какие сроки?—декрет молчал. Читаем дальше: «приостановить действие существующего доныне института мировых судей». Почему приостановить, а не упразднить? Разве мировые суды были хороши? Они были лучше, чем земские начальники. Правильно. Но были ли они хороши для пролетарской республики? Или негодны в такой же мере, как и земские начальники? Именно в такой же мере. Не больше и не меньше, ибо и те, и другие являлись представителями совершенно других классов: земские начальники—представителями и типичными выразителями держимордских тенденций самодержавия, а мировые судьи—представителями либеральных тенденций буржуазного класса. В период пролетарской диктатуры один другого стоит. Поэтому, единственно правильно было бы упразднить заодно и мировых судей. А декрет говорил: «приостановить действие существующего доныне института мировых судей, заменяя мировых судей, избираемых доныне непрямыми выборами, *местными судами, в лице постоянного местного*

судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спискам очередных судей». Итак, вместо единоличного судьи вводится судья и два народных заседателя—первый камень всей нашей ныне действующей судебной системы. Он был заложен, как мы видим, через месяц после октября 1917 г. в п. 2 декрета № 1. Единоличный суд был заменен коллегией из 3-х лиц: народного судьи и двух очередных заседателей. Дальше, однако, опять было неясно, что это такое. Суд присяжных с разделением коронного судьи от заседателей, «народа» от чиновника-судьи, или нет? О порядке же выборов самих судей только говорилось: «местные судьи избираются *впредь* на основании прямых демократических выборов»... Другими словами—*декрет сохранял мировых судей, исправленных и улучшенных установлением всеобщего, прямого и равного избирательного права вместо непрямого,* цехового избирательного права, какое было установлено системой самодержавия *с добавлением к ним двух народных заседателей без указания порядка избрания последних.* И только.

Это было вполне последовательно с точки зрения партийной программы 1903 г. Это было вполне последовательно с точки зрения того, что программа 1919 г. назвала «буржуазной формулой» — это был шаг вперед по линии демократической буржуазной мысли и ...полное противоречие со всем существом октябрьской революции пролетариата.

В то время, как все государство строилось на основе привлечения к власти исключительно классового элемента с полным исключением буржуазии, в то время, как был отвергнут принцип всеобщего, прямого и равного избирательного права для выборов в Совет, была отвергнута «учредилка»,—для суда, имеющего целью охрану интересов данного социального правопорядка, нельзя было вводить принцип, отвергнутый для построения каких бы то ни было учреждений в новом строе. Это являлось логической нелепостью, логическим противоречием. Отчасти это об'ясняется тем, что в ноябре 1917 г. еще происходили выборы в Учредительное Собрание и, следовательно, принцип всеобщего, прямого, тайного и равного голосования не отвергался нами в такой обнаженной форме. Мы знаем, что когда обе силы столкнулись, классовый принцип восторжествовал. Но в области судебного строительства на нас не лежало, однако, никаких обязательств и мы были вполне свободны в выборе. В области судебной системы над нашим сознанием тяготели только пережитки буржуазной теории построения суда. Декрет лишь «*впредь до назначения прямых демократических выборов*» допускал, что судьи избирались «*временно*» районными, волостными, а где таковых нет,—уездными, городскими и губернскими *советами.* Это допущение, однако, более, чем характерно. Как быть, пока выборов нет? И мысль вождей революции невольно обратилась к тем органам власти и единственным авторитетам, которые были созданы революцией на местах,—*к советам.* Здоровый классовый инстинкт внес, таким образом, в буржуазную теорию первую коренную поправку. Выборы

выборами, а *пока что советы, как органы пролетарской власти на местах, назначают судей.* Такой практический ответ дала революционная действительность. Дальше. Те же советы составляют списки очередных заседателей и определяют их явку на сессии. Что это значит? Это значит, что факт классового подбора состава судей, а не их «демократического» избрания имел место в действительности и был передан в руки местных советов, как органов рабоче-крестьянской диктатуры. Так как только советы составляют списки народных заседателей, то ясно, что они не включают туда ни одного буржуя; так как они же определяют и назначают судей, то ясно, что они не назначат такого человека, которому они политически не доверяют. Отсюда вытекала последняя оговорка декрета, что *мировые судьи нынешнего состава могут также быть избранными в состав судей, однако, не иначе, как через советы.* Иными словами декрет говорил: «пройдешь сквозь горнило пролетарского мерила и пролетарского доверия,—честь и место. Не пройдешь,—не прогневайся».

Итак, в первом же декрете отражается борьба двух тенденций: абстракций, построенных на основе воззрений и в результате влияния буржуазно-демократической школы и, с другой стороны, логики жизни, логики классовой борьбы, которая прет изо всех пор декрета. Однако, зависимость от теоретических, абстрактных построений сыграла еще большую роль. Эту зависимость можно проследить и дальше. Взгляните на то, как определены компетенция суда и порядок обжалования и как построена вторая инстанция. «Приговоры и решения местных судов окончательны и обжалованию в апелляционном порядке не подлежат»,—говорит декрет. Кассационное же обжалование допускается только по делам, где денежное взыскание свыше 100 руб., а лишение свободы свыше 7 дней. Что за вздор? Почему, если суд наделал глупостей, если суд засудил неправильно, почему, если он дал 14 дней наказания, жаловаться можно, а если 7 дней, то нельзя? С точки зрения правильности судебного процесса, гарантирующей нас от ошибок, с точки зрения воззрения на суд, как на ту форму, которая дает больше всего гарантий, что не пострадает невинный, какое значение имеют 14 или 7 дней? Это опять-таки целиком наследие старого порядка, от которого, видимо, не могли совершенно отрешиться авторы декрета о суде № 1. Еще резче это проявилось в вопросе о второй инстанции. Кассационной инстанцией по декрету является уездный, а в столицах столичный *с'езд местных судей.* Итак, местный суд и уездный или столичный с'езд. Что такое этот уездный с'езд народных судей? *Это—старый мировой с'езд!* Значит, и здесь, в области организационной, мы имеем опять-таки рабское следование по старому пути и влияние старой буржуазной школы. Зато чисто революционным духом веет от § 3: «Упразднить доныне существовавший институт судебных следователей, прокурорский надзор и институт присяжной и частной адвокатуры». Упразднить институт судебных следователей? Почему, исходя из каких соображений? Разве без следователей может обойтись суд? Нет. Что-нибудь нужно поставить взамен. Что поставлено? Ни-

чего. Декрет молчит. А нужно ли было следователей упразднять? *Нужно было.* Я не скажу, чтобы они были негодны совершенно, но они не были годны, пока оставались тем, чем были, они могли быть годны, лишь когда ставились в иную обстановку. Поскольку этим путем разрушалась старая судебная система, это был плюс, поскольку ничего не давалось взамен, постольку это был минус, и в этом основной пробел декрета о суде № 1. Об'яснить его опять-таки можно только тем, что для Народного Суда, как суда низшего типа, предполагалось возможным обойтись вовсе без следственных органов. Следователи были, видимо, сохранены только для судов более высокого типа, по делам о преступлениях, превышающих компетенцию Народного Суда (выше 2-х лет тюрьмы)—но об этих вторых судах декрет не говорил ни слова. Мы их увидим только из декрета о суде № 2. Тем не менее пробел оставался пробелом и революция и тут не стала ждать, пока наши теоретики собрались написать этот второй декрет. Об этом, однако, ниже. Пока что, декрет предписывал лишь одно: «впредь до преобразования всего порядка предварительное следствие возлагается на местного судью единолично, при чем постановление его о личном задержании и предании суду должно быть подтверждено постановлением всего местного суда». Тут неясен вопрос: по всем делам или не по всем? Так как вообще из уголовных дел подсудны Народному Суду лишь те, по которым обвиняемому угрожает наказание не свыше 2-х лет,—то, видимо, не по всем. Правильно ли поставлен, однако, здесь был общий вопрос об организации следствия? Я скажу, что едва ли можно дать на это определенный ответ. В известных случаях наши законы и сейчас дают судье право производить следствие. Вернее, ответа нет. Но вот тот факт, что декрет требует, чтобы постановление об аресте должно обязательно подтверждаться постановлением всего суда,—является чрезвычайно характерным. Этим пунктом закон заботится о гарантиях для подсудимого. Это уже отрыжка воззрений, о которых мы говорили выше, на суд, как на палладиум прав личности. Насколько эти гарантии оказались реальными и действительными;—мы не знаем, но что этот пункт был продиктован не соображениями, прежде всего, охранить революцию от контр-революционных посягательств—это ясно.

§ 4. «Упразднить прокурорский надзор и адвокатуру» все это—чисто революционные меры. Нужно было упразднить царский прокурорский надзор? Безусловно нужно. Что поставлено было взамен? Поставлен принцип, которым мы вначале очень гордились: в роли обвинителей и защитников декрет допускал на суде и *в стадии предварительного следствия* всех неопороченных граждан обоего пола, пользующихся гражданскими правами. Почему упразднили прокуратуру? Она была упразднена, потому что она была слишком реакционна. Почему упразднили адвокатуру? Неужели потому, что она была слишком либеральна? Конечно, нет. И та и другая были упразднены, так как и та и другая одинаково были непролетарскими. В первое время адвокатура даже больше, чем прокуратура, повела ожесточенную по-

литическую борьбу против рабочего класса, против Октябрьской революции. Тем более ее нужно было упразднить; ее нужно было политически уничтожить, политически упразднить. Но что поставить взамен? И вот был выдвинут принцип: кто хочет, когда хочет и по какому поводу хочет, может выступить в суде в качестве защитника и в качестве обвинителя. Этот принцип, если хотите, очень красив: он демонстрирует доступность суда, он демонстрирует свободу судоговорения, он демонстрирует активность населения в работах судебного органа. И я бы сказал, что нет оснований, скажем, в настоящий момент нам бояться этого принципа и в известной степени мы можем его, пожалуй, восстановить: нам нет оснований бояться сейчас, если мы на наших процессах разрешим любому желающему из публики выступить в качестве защитника или обвинителя. Но допустить это в 1917 году было нельзя. В 1917 году мы должны были только создавать суды, как орган борьбы. Дать возможность всем и вся, по любому делу, выступать в суде, не стесняясь формой,—это значило передать в руки классовому противнику палец, ухватившись за который, он мог сцапать всю руку. И так и получилось. Это может быть доказано при анализе любого процесса первого Петроградского Революционного Трибунала. Идея сама по себе была хороша, так как стремилась дать то, чего не было в старых судах, что ввела революция, в качестве средства для упрощения суда, для создания близкого к народу, действительно демократического Народного Суда. Но увлечение демократическим принципом дать суд, близкий к населению, активный или вовлекающий в активную работу суда все население, взятое здесь в разрезе конца 1917 года, было политически вредным. Оно усиливало позицию классового врага и уже по одному этому было вредно.

Пойдем дальше. В пункте 5-м декрета мы читаем: «Местные суды решают дела именем РСФСР и руководствуются законами свергнутых правительств постольку, поскольку они не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». И этот пункт рисует опять-таки ту-же самую компромиссность, половинчатость и недоговоренность декрета № 1 о суде. Что значит: «руководствуются законами свергнутых правительств»? Каких правительств? Самодержавного царя? Какими уставами? 1864 г.? Уголовным уложением 1903 г.? Что значит, «поскольку они не отменены революцией»? Но кто же может знать, что отменено, что не отменено? Возьмем то же уголовное уложение. Ст. 100-я, карающая бунт против верховной власти,—отменена? Отменена. Ст. 102-я, карающая за принадлежность к партии,—отменена? Отменена. Ну, а почему ст. 100-я отменена? Ст. 100-я карает: «организацию вооруженного мятежа или бунта против верховной власти государя императора»... Выкиньте государя императора... Напишите «против пролетарской власти»..., то, ей-же богу, она будет хороша. Она будет уже направлена не в защиту царствующего дома, а пролетарской власти. Таким образом, формула: «поскольку они не отменены революцией...»—по меньшей мере неясна.

Возьмем вторую половину: «и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию...» Вторая половина целиком покрывает первую и еще шире. Лучше было прямо сказать: долой все вообще прежние законы и «пока что» руководствуйтесь только революционной совестью, как в области уголовной, так и в области гражданских правоотношений, как в общей, так и в особенной части» и т. д. и это было бы совершенно правильной постановкой вопроса, на которую впоследствии и встала советская юстиция. Так же стоял вопрос и в области процессуального права: быть может его нужно было бы сохранить целиком. Но тогда являлся другой вопрос: процессуальное право было целиком приноровлено к данной системе суда, существовавшего при царизме, и совсем не было приноровлено к новой создавшейся системе суда и Советской власти. Следовательно, им также нельзя было пользоваться и на него ссылаться. В декрете № 1 концы с концами не были сведены, ибо, с одной стороны, декрет говорил: решай так, как подскажет тебе совесть, твоя логика, твой разум, твой здравый смысл, с другой—решай по законам старым, ибо поднять на них руку смелости не хватило. Этот 5-й пункт является лучшим выражением компромиссного духа всего декрета № 1. Наконец, 7-й и 8-й пункты декрета, в особенности 8-й, ярче всего выражают ту же борьбу двух тенденций, выявленных в этом декрете. Пункт 7 гласит: «право помилования и восстановления в правах лиц осужденных... принадлежит судебной власти». К чему это тут? § 7 означал, что если суд кого-либо приговорил, то помиловать и восстановить его в правах может только суд, а не кто другой. Раньше это была прерогатива монарха в порядке высочайшей милости. Монарха теперь не было. Президиум ВЦИК еще этого права себе не присвоил, это право только потом выявилось и распустилось махровым цветком. Какими мотивами вызван этот § 7, какой был в нем политический, практический и принципиальный смысл? Это выявление того же самого рабства перед буржуазной научной доктриной. Теоретики буржуазной науки права боролись за «незыблемость» судебного приговора, ибо судебный приговор, согласно этой теории, не есть акт, подобный любому иному административному акту. Являющийся результатом добросовестного «внутреннего убеждения» публичного гласного процесса, судебный приговор есть вещь, с которой нельзя обращаться как-нибудь и которой нельзя швыряться, это есть в известном смысле «res sacra», как говорила либеральная теория. Поэтому принцип незыблемости судебного приговора был отражением того своеобразного фетишизма, который культивировался десятки лет теоретиками буржуазной науки для того, чтобы создать определенное «окружение» вокруг судебного приговора и тем самым сильнее влиять идеологически на население. Эта теория такого же сорта принцип и такого же сорта средство, как шапочка и мантия, которую надевают сейчас в «Европе» буржуазные судьи. Судья надевает там шапочку и мантию, когда «вершит» суд, у нас судья надевал цепь, а на столе, крытом красным сукном, стояло перед

ним зерцало. Все эти элементы внешней эффектности были созданы исключительно для того, чтобы в сознании населения создать впечатление, что судебный приговор есть нечто такое, что принципиально и качественно отличается от всего другого, от всякого другого административного акта, а потому раз поставленный приговор не может быть изменен иначе, как только судебным же порядком. С точки зрения нашего воззрения на суд, это все вздор и чепуха. Судебный приговор есть такой же акт государства, как любой другой, никакой разницы в нем нет. Поэтому у нас нет разницы между указом и законом, между декретом Совнаркома и декретом ВЦИК'а, и сам Совнарком издает декреты, хотя он, якобы, только исполнительная власть. Фетишизма же слов мы тем более не признаем. Правда, мы тоже боремся за незыблемость судебного приговора, мы недовольны Президиумом ВЦИК'а, когда он свое право миловать применяет слишком широко, по случайным признакам. Но мы никогда не станем на точку зрения голого фетишизма, юридической слепоты, что, мол, у судебного приговора «природа» не та, не станем сознательной ложью обманывать массы, что судебный приговор по существу чем-либо отличается от всякого другого правительственного акта. В момент же ноября 1917 г. декларация пункта 7-го не вызывалась вовсе политической необходимостью. § 7 явился исключительно результатом того же преклонения перед принципами буржуазного права, что и другие отмеченные нами «красоты» декрета, а практически же он был не только совершенно не нужен, но прямо вреден. Ибо, что это означало бы, если бы мы сейчас такую музыку пустили в ход? Помиловать, мол, может только суд. Какой суд? Тот же суд. Что же получится? Получится в 10 раз более худшая вещь, чем право ВЦИК'а миловать. Тут, по крайней мере, вся практика сосредоточена в одном месте, а тогда она будет распылена во всех местах. И практически это нелепо и вредно и принципиально не выдержано и не нужно.

Возьмем теперь самый последний 8-й пункт. Он гласит совершенно не обычно и находится в кричащем противоречии со всеми остальными параграфами: «Для борьбы против контр-революционных сил, в видах принятия мер ограждения... революции и ее завоеваний, равно для решения дел о мздоимстве, хищении, спекуляции, саботаже и т. д., учреждается рабоче-крестьянский Революционный Трибунал в составе председателя и 6 очередных заседателей, избираемых губернским или городским советом. Для производства предварительного следствия образуются особые следственные комиссии». Так говорит § 8. Этот пункт наряду с местными Народными Судами, которые решают все дела гражданские до 3.000 р. и уголовные до 2-х лет лишения свободы, наряду с имеющими еще быть созданными судами высшего типа для более тяжелых преступлений и более сложных дел, наряду с уездными с'ездами и созданной кассационной инстанцией, декрет учреждал *для определенной категории дел*, для борьбы против контр-революционных сил, для борьбы с мздоимством и хищениями, саботажем и злоупотреблениями и т. д., еще *особые суды* под названием трибуналов, *в составе одного председателя и 6 заседателей, изби-*

раемых советами. Фактически это было принципиальным признани и введением *исключительного* суда. Для либерально-буржуазн науки это был принципиальный удар по всей буржуазной систем поскольку упразднение всяких исключительных судов есть альфа омега демократической буржуазной науки. Декрет же вводил «на другой день» после революции. В результате в одном и том декрете, с одной стороны, мы видим идеологическое господство бу жуазной науки, а с другой стороны, принципиальный бунт прот нее,—исключительные суды, вместе или наряду с «единым, равн для всех судом». «Для борьбы против контр-революционных сил, видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний учреждаются рабочие и крестьянские Революционные Трибуналь Этим § революция прорывала идеологический буржуазный фро целиком.

Однако, в § 8 революционный принцип тоже не выдержан. Ч значит: «злоупотребления торговцев, промышленников и чиновн ков»? Злоупотребления разные бывают; все ли они подсудны трибун лам? Ничего этого не сказано. Значит, любые преступления. К решает? Суд решает. Сам решает? Сам решает. Когда решае Неясно.

Дальше: «в видах принятия мер ограждения революции»... Зн чит, основная цель судов—цель политическая? Политическая. А п сему нет уже оговорки, что трибуналы действуют впредь до «демокр тических выборов»: избирают советы и только. Так принцип, кот рый в п. 2-м только едва был намечен, в п. 8-м находит свое резк совершенно отчеканенное выражение; ни одного звука о демократич ских выборах всего населения уже нет, прямо говорится: «Советами а дальше опять путаница. Состоят трибуналы из председателя и 6 з седателей, откуда это? Потому что 6, или, вернее, 7 лучше реш чем 3. Почему лучше решат? Это еще нужно доказать, что мног головая коллегия лучше. Но, допустим, что лучше. Тогда основн вопрос: еще что отличает эти суды? Особый квалифицированн состав? Тоже нет, поскольку принцип избрания один и тот же— там советы и тут советы. Значит, только числом обеспечивается э квалифицированность? Как будто бы так. Этого мало. Чем вооб могут суды отличаться? Составом—раз, степенью полномочий—дв процессуальной стороной—три. Но о большем размахе репрессий сказано ни одного слова, буквально ни одного слова в § 8. В основн вопросе о репрессиях закон молчит. Если же состав один и тот же разница только в количестве заседателей, если о разнице в полном чиях ничего не говорится, может быть указана разница в процессуал ной стороне—*тоже нет ничего* кроме того, что для дел, разбираем трибуналами, создаются при советах же особые следственные коми сии, и только. Каким путем они образуются, путем назначения ил нет? Какие взаимоотношения следственной комиссии и суда? Незав сима ли следственная комиссия от суда или, наоборот, зависима? каких взаимоотношениях находятся ее постановления с распоряд

тельными заседаниями? Ничего не сказано. Это только первые вехи, первые едва намеченные принципы.

Вот, товарищи, то, что дал нам декрет о суде № 1. Давайте подведем итоги. Итоги следующие: декрет о суде № 1 явился первым актом законодательного, строительного творчества в области судебного дела РСФСР. Как таковой, декрет № 1 встал на совершенно правильную революционную точку зрения, всецело политически обоснованную, политически необходимую и единственно возможную, постановив в п. 1-м упразднить всю действовавшую до того судебную систему, как построенную по своему содержанию (а не по технике) на принципиально враждебном классовом принципе, набиравшую состав судебных деятелей из среды враждебного класса. Совершенно ясно и логически исходя из этого положения вещей, декрет № 1 о суде кончает со всеми судебными учреждениями и со всеми существовавшими при нем аксессуарами, в виде присяжной адвокатуры, частной адвокатуры, прокуратуры и т. п. 2) Декрет о суде № 1 не только не определил, однако, принципа, который должен быть положен в существо новых судебных учреждений, но заведомо допустил смешение двух, взаимно друг друга исключающих и прямо друг другу враждебных, принципов: принципа пролетарской системы суда на основании классового его подбора и принципа демократического строения суда на основании буржуазно-демократического понимания задачи суда,— на основании всеобщих демократических прямых выборов. 3) В качестве второй инстанции организована система с'ездов народных судей, целиком взятая из старой системы мировых с'ездов. 4) В области судебного процесса принят правильный пролетарский принцип организации суда, близкого к населению, доступного населению, путем введения свободной защиты и свободного обвинения, но принцип, не оцененной с точки зрения политической, в тот политический момент абсолютно недопустимый, политически, об'ективно вредный. 5) В области материальных прав декрет допустил также смешение понятий, сохранив прежние писанные законы старого правительства и революционную совесть в качестве верховного суперарбитра при применении старых законов. 6) В пункте 7-м декрет обнаружил полное подчинение старой теории права, и 7) в пункте 8-м декрет опять пошел за требованиями жизни, создав, как органы самообороны рабочего класса, рядом с новыми судами суды исключительные, но совершенно не определив, однако, ни пределов их компетенции, ни порядка их взаимоотношений с другими судебными учреждениями. В общем декрет о суде № 1-й явился первым опытом политического строительства советской системы в области судебной реформы, опытом невыдержанным, опытом далеко несовершенным, который можно по его содержанию охарактеризовать, как первую и неудачную попытку освободиться от тяготевшего над сознанием влияния старых теорий и старых предразсудков в области строительства судебной системы по образцу буржуазного права. Все теперь зависело исключительно от того, в каком направлении пойдет дальнейшее строительство, в плоскости ли дальней-

шего освобождения от этого плана или его еще большего закабаления перед старыми авторитетами. Я должен сказать, что судьба в этом отношении сыграла с нами плохую шутку, ибо как раз к декабрю месяцу во главе Народного Комиссариата Юстиции вместо т. Стучка стал левый с.-р. Штейнберг, целиком преклонявшийся перед демократическими принципами буржуазного права. И к его эпохе относятся два акта, определившие надолго печальную судьбу развития нашего советского судоустройства. Это инструкция Штейнберга от 17 декабря о Революционных Трибуналах, т. е. о том, как должен действовать исключительный суд, и относящийся приблизительно к тому же времени декрет об учреждении всероссийской Ч. К. Штейнберг пошел вспять, Дзержинский пошел вперед. Жизнь оправдала последнего и осудила первого, а мы с вами до сих пор за эти ошибки платимся.

От 25 октября по 1 января 1918 г.

Лекция 4-я.

(Продолжение).

Декрет о суде № 1 только намечал некоторые вехи будущей организации суда. Оставляя совершенно открытыми конкретные вопросы об организации судов в их внутренней структуре, он содержал в себе в то же время ряд принципиально противоречивых положений. Разделавшись начисто с наиболее ненавистными трудящимся массам формами судебного порядка старого режима, он оставлял до известной степени незатронутым такой институт, как институт мировых судей, проектировал старую форму 2-й инстанции в виде с'езда мировых судей, декларировал «выборность судей на демократических основах», откладывая самое определение этих основ также на будущее время. В то же самое время декрет о суде № 1 заключал в пункте 8 постановление об организации Революционных Трибуналов, как исключительных судов, что в корне противоречило принципам буржуазной науки о судоустройстве, в виде единого и равного для всех суда, и принципиального отрицания даже мысли о возможности каких-либо исключительных судов. С точки зрения, которую я развивал в нашей первой беседе на суд, мы ничего неприемлемого в организации исключительных судов не находим и, наоборот, считаем, что в практике жизни это есть совершенно рациональная и правильная постановка вопроса. Ближайшее будущее после 24 ноября 1917 г., т. е. приблизительно по 1-ое января 1918 г., принесло другие законодательные акты, чрезвычайно интересные по своему содержанию и равным образом в той же степени, как и декрет о суде № 1, отразившие ту же принципиальную путаницу и практическую несогласованность в изучаемой нами области, которая господствовала у авторов декрета № 1. Она господствовала в то время, впрочем, не только в сознании их одних. Я позволю себе привести два примера: 5 декабря 1917 г. опубликован был в № 25 газеты Временного Рабоче-Крестьянского Правительства приказ по Петроградскому Военному Округу Полевого Штаба Главнокомандующего за подписью Главнокомандующего округом тов. Антонова-Овсеенко. Приказ гласит:

«именем рабоче-крестьянской власти во всех ротах, эскадронах, батареях во вверенном мне округе установить гласный товарищеский суд для разбора преступлений, принижающих звание гражданина-воина». Уже присвоение себе командующим округом права организации судов, по меньшей мере, странно. Приказ идет, однако, еще дальше: «для разбора более важных преступлений,—говорит «приказ»,—учинить выборные полевые батарейные суды; их заседания должны быть гласные, дела должны рассматриваться в 24 часа. Как строится такой суд? По этим вопросам «приказ» так же, как и декрет № 1, чрезвычайно скуп на слова. Учинить и кончено. В 24 часа, чтобы работал и все. Следующий пункт 6-й гласит: «совершившие серьезные преступления по службе или против революции предаются революционным судам при местном Петроградском Совете. Самовольное оставление поста, нарушение правил службы караются общественными работами до 6 месяцев». «Приказ» интересуется, таким образом, не только организационной стороной, он претендует также и на установление карательных норм. Оставляя в стороне вопрос о «праве» командующего округом «учинять» суды—остановимся на принципах строения судов так, как они определены в «приказе». Это, во-первых, принцип гласности, и, во-вторых,—выборности. Это как раз те два принципа, которые, как мы знаем, являются основными требованиями либеральной теории судоустройства, в особенности «выборность». Военный Комиссариат в той же мере, что и Комиссариат Юстиции, находился в плену у фетишей либеральной школы **).

Рядом с этим приказом мы имеем другой приказ, опубликованный в том же самом номере узаконений, но уже приказ Совета Народных Комиссаров. Этот приказ гласит: «члены и руководящие деятели партии К-Д, как партии, враждебной народу, подлежат аресту и преданию суду Революционного Трибунала. На местные советы возлагается обязанность следить за партией К-Д в виду ее связи с корниловской организацией...» Это что такое? Политически это удар, нанесенный революцией своему противнику буржуазии, юридически — это *исключительный закон,* определявший в одной фразе и состав преступления (принадлежность к партии К-Д) и подсудность (Рев. Тр.), и указывавший одну из процессуальных норм—обязательный предварительный арест. Это боевой приказ государства по отношению к суду, властный приказ целого к одному из своих органов: суд, делай свое дело, орган охраны государства, хватай злоумышляющих против него. Трудно придумать более рельефное выражение того, как понимались не в теории, а на практике, в атмосфере революционной эпохи, функции суда. Революционная борьба сметает вопросы права в чистой форме, приближает суд к расправе,

---

**) Называя тот или другой принцип «либеральным» или «буржуазным», мы вовсе не хотим, конечно, сказать, что он не хорош. Это уже вопрос оценки и об этом будет сказано ниже. Мы хотим лишь указать его происхождение.

яснее оголяет его сущность, как орудия классовой борьбы. Сопоставьте теперь этот приказ с декретом № 1 с его тенденциями построить суд по принципу «выборности на основе прямых демократических выборов», равный для всех, независимый и т. д. и нелепость его в условиях революционной эпохи становится совершенно ясна.

К тому же времени относятся еще два декрета, уже за подписью одного Штейнберга,—один о порядке производства арестов, обысков, выемок и всяких иных действий только по ордерам «следственной и судебной власти», и другой «о порядке содержания под стражей задержанных и об учреждении следственной комиссии, проверяющей правильность и законность арестов». По сравнению с декретом Совнаркома они явно идут вразрез с ним и оба продиктованы, видимо, стремлением во что бы то ни стало ввести порядок в постоянно производимые массовые аресты. Как ни привлекательна сама по себе эта тенденция, и какие бы хвалы ни надлежало вынести по этому поводу т. Штейнбергу, в разгар революции заботившемуся об освобождении всех неправильно задержанных, надлежит все же признать, что он мог бы с этакими тенденциями и подождать. Оба декрета, во всяком случае, показывают, что в то время, когда декреты революционного, разрушительного характера, направляемые в сторону охраны революционного порядка, исходили либо от отдельных представителей Советской власти, либо от Совнаркома, линия, взятая Наркомюстом, в лице Штейнберга, всецело направлялась в сторону стремления «обуздать стихию», водворить, прежде всего, «порядок и законность», и Штейнбергу, видимо, было совершенно невдомек, что «всякому овощу свое время».

Наиболее картинное, наиболее выпуклое проявление этой новой системы, новой линии, которая взята была теперь Наркомюстом, дает декрет от 19 декабря «о Революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и порядке ведения им заседаний»; декрет, одновременно судоустройственный, процессуальный и материальный,—важнейший и наиболее подробный из всех изданных до сих пор, именуемый почему-то «инструкцией» и подписанный только Штейнбергом, без подписи Совнаркома. Одновременно был издан декрет «о Революционном Трибунале Печати», тоже за подписью одного Штейнберга, от 18 декабря.

Рассмотрим эти акты совместно, так как они датированы одним днем, подписаны одним лицом и, следовательно, все проникнуты одним духом.

Что говорит «Инструкция Революционному Трибуналу»? Это самый замечательный документ той эпохи и внимательное его изучение представляется чрезвычайно важным. Первая статья определяет подсудность. Она говорит: «Революционному Трибуналу подлежат дела о лицах, которые организуют восстание против власти правительства, активно противодействуют последнему, не подчиняются ему или призывают других к противодействию и неподчинению». Следовательно, преступления контр-революционные, государ-

ственно-опасные, те, что мы называем «политическими»,—такова первая категория, передаваемая исключительному суду, 2) «которые пользуются своим положением по государственной службе, чтобы нарушить правильный ход работы в учреждениях, в которых они состоят или состояли на службе», т. е. политический саботаж, 3) «которые сокращают производство предметов массового потребления...», преступления не политические, но имеющие чрезвычайно важный и общественно-опасный характер, следовательно, преступления выдающиеся, требующие опять-таки особо суровых репрессий... 4) «которые путем скупки или порчи предметов массового потребления или иными способами стремятся вызвать их недостаток на рынке или опвышение цен на них»,—то же самое, 5) «которые нарушают декреты, приказы, обязательные постановления и другие опубликованные распоряжения органов Рабоче-Крестьянского Правительства, если в них предусмотрено предание за нарушение их суду Революционного Трибунала», 6) «которые, пользуясь своим общественным или административным положением, злоупотребляют властью, предоставленной им революционным народом», преступления, носящие в себе элемент оскорбления революции и преступления против народа—так сказать «laesae majestatis populi» и, наконец, 7) «преступления печати, подсудные ведению особо учреждаемого Революционного Трибунала Печати». Остановимся, прежде всего, на этом последнем пункте. Что это такое: исключительный суд из исключительного суда? Революционный Трибунал сам по себе исключительный суд, а из него по п. 3 «Инструкции» исключается еще ряд преступлений, которые передаются особому—Революционному Трибуналу Печати. Принцип равного для всех и единого суда полетел вверх тормашками совершенно. А кто это писал? Левый эс-эр Штейнберг. Это значит, что жизнь заставила ломать принципы даже их сторонников тогда, когда здоровая логика революции этого потребовала.

Рассмотрим же сначала этот революционный суд печати, чтобы с ним уже покончить. Революционный Трибунал Печати, согласно особого о нем декрета, учреждается при общем Революционном Трибунале. Ему предавались лица, «виновные в сообщении всяких извращенных сведений об общественной жизни, поскольку они (сведения) являются посягательством на право и интересы революционного народа (политический момент)». Состоят эти Трибуналы из 3 лиц, избираемых советами на срок, не свыше 3 месяцев. Им же поручается, как производство предварительного следствия, так и разбор дел. Обвинение и защита на общих основаниях. Заседания публичные, решения окончательные и обжалованию не подлежат. Наказания: денежный штраф, общественное порицание, принудительное помещение опровержений на видном месте, приостановка изданий временно и навсегда, конфискация типографий в обще-народную собственность или конфискация имущества.

Сопоставим теперь этот декрет с изученным уже нами § 8 декрета № 1 о суде. Вы помните этот § 8. Согласно его Трибунал

организуется из 6 заседателей и 7-го председателя. Здесь вовсе нет заседателей. Другими словами, явно выражена тенденция к упрощению суда, к сведению его к типу орудия быстро действующей, сильной, исключительной репрессии. Избираемость на 3 месяца сохранена. Это уже испорченный принцип выборности, как последняя дань либерализму. Нет ни слова, однако, зато о каких бы то ни было демократических выборах. Решение окончательное, предварительное следствие производится теми же судьями. Подразумевается, видимо, сокращенный порядок разбирательства. Характерна, наконец, сама по себе идея особых трибуналов для преступлений печати. Говорить, впрочем, о чистоте демократических и либеральных принципов при построении судов, создаваемых специально для борьбы против свободы печати, этого основного столпа всякой буржуазной демократии, вообще было бы, конечно, сплошным лицемерием и непоследовательностью. Так, под влиянием потребности революции даже Штейнберг был вынужден пойти на уступки. Одновременно, однако, пункт о карательных санкциях, где максимум наказания определен лишь в виде конфискации имущества, где нет даже лишения свободы, указывает, что, сказавши «а», Штейнберг не решился сказать «б». Из исключительного закона была из'ята душа, была создана пародия на исключительный закон. Далеко Штейнберг, видимо, не умел шагать.

Теперь перейдем к основному декрету о Революционных Трибуналах и, прежде всего, к вопросу о санкциях. По инструкции Революционный Трибунал определяет следующие наказания: денежные штрафы, лишение свободы (срок?), удаление из столицы, из пределов Республики (срок?), об'явление порицания, об'явление врагом народа (последствия?), временное лишение некоторых политических прав, секвестр и конфискация имущества, присуждение к обязательных общественным работам (срок?). Какая разница этих наказаний от наказаний, налагаемых народными судами? Народный суд по декрету о суде № 1 имел право устанавливать наказание не выше двух лет тюремного заключения и штраф до 3.000 р. Для тех преступлений, наказание за которые превышает 2 года по старому уголовному праву, суд еще не был создан, но если бы даже он уже был создан, то какая разница была бы у него в области репрессий по сравнению с Трибуналами? О смертной казни декрет о Трибуналах молчит. Следует предполагать, и так оно и оказалось впоследствии, что в области репрессий *декрет не снабжал Трибуналы никакими особыми полномочиями*. Таким образом, и из этих исключительных судов изымалась самая их сущность—размах репрессии. Разница определялась иным порядком: «Меры наказания—по инструкции—Трибуналы определяют, руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и согласно революционной совести». Между тем Народные Суды по декрету № 1 еще руководствовались старыми законами, «поскольку таковые не противоречили революционной совести». Там имеется некоторая связанность, в Трибуналах этой связанности нет. Вот и вся разница. *Свобода революционного усмо-*

трения при определении наказания—вот все, что единственно отличало Трибуналы. Этого требовала логика жизни, но она требовала этого и для всяких других судов, а не только для судов исключительных. Значит по существу ничего, *чем-либо отличающего Трибуналы от общих судов, не было.*

Спрашивается, какой смысл был в таком случае учинять особые Трибуналы? Смысл был, может быть, в особом *личном* составе Трибуналов. Поглядим.

Как организуется Революционный Трибунал? Революционные Трибуналы организуются в составе одного постоянного председателя и его двух постоянных заместителей, одного постоянного секретаря, двух постоянных его заместителей и 40 заседателей. Здесь опять-таки ни одного слова уже нет об «обще-демократических выборах». С этим для Трибуналов как будто уже покончено. Это был действительно шаг вперед—первое большое завоевание. Второе касалось принципа «выборности» вообще. Выборность советами была сохранена, но зато особо подчеркнута *сменяемость во всякое время,* по всякому поводу и даже без всякого повода. Это был второй плюс в смысле приближения Трибуналов к их назначению, как орудий классовой борьбы, и принципам классового строения суда. Принцип абсолютной сменяемости резко и в корне противоречил принципам буржуазной науки, требующей несменяемости судей. Таково было второе завоевание. Тут лево-эсэровский министр отошел от того фетиша, которому он поклонялся. Совет есть орган диктатуры пролетариата, его орудие—Революционный Трибунал. Как таковой, он должен быть каждую минуту в руках совета. Абсолютная зависимость от совета являлась поэтому логически вытекающим отсюда началом. Но это были лишь первые шаги по пути правильного развития идей, которые мы излагали в первой нашей беседе о задачах суда вообще, как органах охраны данного социального порядка, но далеко еще не выявление всех задач исключительного суда. Этого еще, видимо, приходилось ждать. Мы увидим, как потом, под влиянием той же жизни, уже после Штейнберга, в частности, когда мне приходилось работать по организации Революционного Трибунала, пришлось поднять борьбу против этого принципа сменяемости и за обратный принцип несменяемости. Но это было уже тогда, когда Трибуналы стали на ноги, когда на них уже можно было опереться и, исходя из иных соображений и мотивов, нужно было вытащить принцип несменяемости, чтобы установить *единство судебной практики,* ввести ее в русло, чтобы обеспечить постоянство и твердость карательной политики. Это было уже другое время и другие песни. Однако, и для нее принцип сменяемости и зависимости от верха, от центра—оставался все время в полной силе.

Перейдем к рассмотрению вопроса о заседателях. Заседатели избирались на один месяц из общего списка заседателей, составляемого советами, при чем очередной список заседателей, составлялся *путем жеребьевки* в количестве 6 очередных и двух запасных заседателей на каждую сессию. Это уже полная имитация суда при-

сяжных. Избрание на каждое заседание по жребию, как воплощение «голоса народа»,—было весьма характерно. Нам необходимо на нем остановиться, т. к. с этим вопросом мы столкнулись теперь как с вопросом технической структуры суда. Это главный козырь наших противников. И разобраться здесь надо до конца.

Основное различие суда присяжных от всякого иного суда заключается в разделении присяжных, представителей «голоса народа», от судей постоянных, определяющих, после решения присяжных о виновности, соответствующее наказание для признанного виновным. В нашем анализе суда присяжных, который мы дали в вводных лекциях, вопрос о целесообразности или нецелесообразности такого разделения вопросов факта от вопросов права мы отложили на позднейшее. Сейчас, когда мы подходим к анализу первого большого и более или менее подробного декрета об организации Революц. Трибун., как раз время разрешить этот вопрос. Мы видели, что старый суд, допуская единоличного народного судью для решения мелких дел, для дел уголовных, более крупных, подсудных прежним окружным судам, устанавливал наличие присяжных, как основную гарантию «справедливого» решения. Нам надлежит, следовательно, в первую голову решить вопрос: насколько целесообразно было введение нами в декрете о суде № 1 народных заседателей в низшую судебную ячейку—Народный Суд—принцип, от которого мы не отказались и до сих пор. Зачем, исходя из каких соображений, советская судебная система до сих пор сохраняет народных заседателей в Народном Суде? Она сохраняет их потому, что через Народный Суд проходит более 90 проц. всех разрешаемых уголовных и гражданских дел, по своему содержанию являющихся делами *повседневного бытового характера*, затрагивающими интересы широчайших масс трудового населения и *потому не могущими быть разрешаемыми согласно общих принципов Советской власти, как власти трудящихся, иначе как при непосредственном участии в их разрешении представителей трудящихся масс*. Принципы программы РКП, которые мы цитировали выше, о призыве к участию—переменных народных судей и заседателей—в этом отношении и в этой области являются безусловно правильными и не колеблются нами ни на одну минуту—рабочие и крестьяне сами участвуют в суде и сами решают свои дела. Это, во-первых. Они решаются ими, однако, на полных и равных правах с постоянным судьей, участвуя в судоговорении от начала и до конца, т. е. не только в судебном следствии или на судебном разбирательстве, но и в совещательной комнате при вынесении приговора или постановке решения. Это, во-вторых. Это коренное отличие роли народных заседателей в нашем суде от суда присяжных плотно вошло в сознание широких масс и нет никаких ни принципиальных, ни практических возражений против такой устанавливаемой Советской властью практики. Повторяю, в этом отношении принципы программы РКП вполне оправдали себя и

революционная действительность не выдвинула соображений, которые бы заставили нас пересмотреть их.

Как же обстоит теперь дело в отношении судов уголовных и гражданских по более сложным делам? Здесь приходится рассмотреть, прежде всего, два вопроса—первый о целесообразности введения заседателей в гражданский процесс и второй—о целесообразности участия заседателей на равных правах вместе с постоянным судом *единой коллегией* в уголовном процессе.

Первый вопрос мы оставим пока в стороне до момента, когда перейдем к законодательным актам по этому вопросу, к декрету о суде № 2, и разберем только второй вопрос.

Правильно ли и какую цель преследовало в уголовном процессе при суде присяжных отделение присяжных от постоянных судей? Нам говорят, что основная цель, которая при этом преследовалась—это обеспечение независимости судебного решения присяжных, обеспечение их голосования по совести, обеспечение их от давления, как председателя, так и вообще органов государственной власти. Для этого присяжные назначались путем жеребьевки на самом заседании, для этого присяжных запирали в помещении суда и не отпускали домой ночевать, для этого их решение было обставлено, как решение свободное и обязательное для суда, даже в случае его сплошной бессмысленности, как это было в процессе Веры Засулич, когда присяжные отвергли факт покушения, несмотря на то, что сама подсудимая его признала. В корне такого построения лежит презумпция необходимости отделить орган государственной власти—судью—от органа, выражающего «голос совести» и «голос народа». Государственная власть мыслилась, как нечто отдельное от народа, а народ, как нечто противостоящее государственной власти. *Абсолютная неприемлемость и принципиальная вздорность такой постановки вопроса в советском государстве ясна сама собой без всяких особых доказательств.*

Постоянный народный судья, председательствующий в заседании, есть орган государства, коему поручена охрана данного социального порядка; народные заседатели—представители трудящихся масс, создавшие этот порядок, не менее, чем судья, заинтересованы в его укреплении и защите. С этой точки зрения разделять их и расчленять на две коллегии нет ни малейшего смысла. Участие народных заседателей в судах, пусть губернских или окружных, *не может иметь никакой иной цели и никакого иного обоснования, чем такое же участие их в судах первой инстанции—Народных Судах.* Как единый орган, имеющий одну цель—охрану данного социального порядка—народные заседатели и постоянный народный судья *творят вместе одно и то же дело от начала и до конца* и потому не разделяются нами на две коллегии. Такова наша принципиальная точка зрения.

Нам скажут, что мы лицемерим, что мы не менее, чем другие, знаем, что Советская власть так же может делать ошибки, как и всякая другая, что в ее истории за истекшие 5 лет не раз ей прихо-

дилось переживать минуты, когда она отнюдь не могла считать себя уверенной в том, что *вся* ее политика, в том числе и судебная, разделяется всем рабочим классом страны, что поэтому и ей было бы полезно завести у себя такое учреждение, как суд присяжных, пускай, хотя бы только из рабочих, которые бы своим голосованием «по совести» вносили бы коррективы в ее политику и одергивали бы ее тогда, когда таковая (политика) вступала в противоречие с их пролетарским правосознанием. Успешно же они могли бы решать только будучи отделены от целиком зависимого от власти постоянного судьи-председателя.

Такого рода аргументация показывает затаенные мысли и вожделения их авторов лучше, чем какая-нибудь иная. Нет никакого сомнения, что в эпоху революционной диктатуры и революционных бурь на долю рабочих выпадали не раз тяжелые минуты, не может быть никакого сомнения также, что Советской власти свойственно было и ошибаться, мы можем сами привести пример, когда на ряде фабрик недовольство Советской властью выливалось в довольно острые формы, но вытекает ли из всего этого, что государственная власть в эпоху диктатуры должна строить свои органы охраны—в том числе суд так, чтобы он служил, прежде всего, клапаном для выявления имеющегося недовольства отдельных групп, пусть даже рабочих, общей политикой Советской власти. Или же для этого в государственном аппарате должны быть иные органы—советы, профсоюзы, печать, наконец, акты прямой борьбы, начиная от забастовок, демонстраций, кончая открытым вооруженным восстанием. Надо называть вещи собственными именами и не делать из суда того, чем он не должен быть. Если же исключить эти отдельные и количественно едва ли многочисленные моменты, то вся аргументация наших противников падает, как явно беспредметная. Ни одного аргумента не останется для того, чтобы защищать вышеописанное отделение судей факта от судей права. Правда, есть и еще один аргумент. При рассмотрении дел об обще-уголовных преступлениях, убийстве, краже, о хозяйственной неурядице, по 110-й или 128-й ст.ст., могут быть такие ситуации, при которых единственно суд присяжных и вышеупомянутое отделение сможет обеспечить *независимость судебного решения* от давления председателя и *иных органов* государственной власти, от личных влияний, от так называемых «внесудебных факторов».

Но этот аргумент смешон. Если внесудебные факторы имеют место, то они проникнут и сквозь закрытые двери. Поставьте председателя суда в такие условия, чтобы при решении вопроса о доказанности преступления он мог бы быть спокоен за свое решение не в меньшей степени, чем за него спокойны присяжные заседатели, сделайте его ответственным за свою деятельность исключительно перед судом, свяжите его точными рамками ясного закона, окружите определенным ореолом и авторитетом судебный приговор, воспитайте уважение к закону не только среди широких масс трудящихся, но и носителей власти — и это

будет лучшей гарантией независимости суда, чем весь маскарад с жеребьевкой, закрытием дверей и запиранием присяжных в отдельную комнату.

Мы не хотим, чтобы нас поняли, будто мы проповедуем независимость судей в их прежней форме, мы проповедуем их полную зависимость от государственной политики, как ее носителей, но мы хотим одновременно поставить их в такое положение, чтобы, проводя эту политику, а не какую-нибудь иную, они могли быть спокойны, что им *будет дано ее проводить в пределах закона и вне зависимости от внесудебных факторов*.

Вот все, что мы должны сказать в ответ на этого рода аргументацию наших противников.

Вот почему мы, рассматривая председателя, как исполняющего волю трудящихся масс, и рассматривая заседателей, как представителей трудящихся масс, исполняющих ту же волю, мы назначаем их в одну коллегию, и не видим никакой принципиальной необходимости их разделять. Более того, именно поэтому мы будем стоять за их слияние, как приносящее только пользу обоим. Если исходить из презумпции, из предпосылки, что государственная власть всегда есть нечто противоположное народу, что государственная власть и трудящееся население находятся в противоположных лагерях, можно всегда принципиально требовать разделения, ибо только тогда может создаться такая ситуация, какая была, я говорил, в процессе Веры Засулич, какая была в Америке, в процессе Форстер, когда государственная власть привлекала к ответственности, а присяжные сказали: нет, не виновны. Мы отвергли такое построение, считая его у нас об'ективно, принципиально неправильным, с точки зрения нашего принципиального воззрения на суд, как на орган охраны данного классового порядка, данных реальных жизненных социальных взаимоотношений, а не как на аппарат для производства политических экспериментов и лакмусову бумажку для определения политических настроений. Для этого, как мы уже указали, есть другие органы.

Вот почему у нас происходит принципиальное об'единение постоянного председателя с народными заседателями. Этого всего не продумали авторы инструкции и, как мы видели, на самые основные принципиальные вопросы ответили фигурой умолчания, а введением жеребьевки дали повод к реставрации в Советской республике суда с присяжными. То же непонимание сквозит и в других пунктах декрета. Мы рассмотрим из них только главные. Инструкция подробно говорит об организации и деятельности *следственных комиссий* при Трибуналах. Эти следственные комиссии, об организации которых упоминал еще декрет о суде № 1, обязаны по инструкции в течение 48 часов рассматривать всякое сообщение о новых делах и постановлять о прекращении дел, если не найдут состава преступления, или направлять по подсудности или назначать к слушанию в Революционный Трибунал. Кто назначает к слушанию? Следственная комиссия, избираемая советами, *орган, по*

порядку своего назначения, совершенно независимый от Трибуналов, от суда. В то же время это не следователи нынешнего характера, это прежде всего коллегиальный орган. В этом отразился опять-таки тот первый период революции, когда принцип коллегиальности господствовал во-всю. Итак, следственный аппарат конструировался, следовательно, как *коллегиальный, независимый орган.* Это безусловное влияние теорий независимости следственной власти, которая, как следственный суд, согласно буржуазной теории судоустройства, должна быть отделена от суда и пользоваться не меньшей, чем суд, независимостью в своих действиях. Следственные комиссии в течение 48 часов рассматривают дела, или прекращают их, или направляют к доследованию, или передают в Революционный Трибунал. В своих действиях они совершенно самостоятельны и никому не подконтрольны. «Постановления следственной комиссии об аресте действительны, если они приняты в составе коллегии из 3-х лиц; в случаях, не терпящих отлагательства, таковые постановления могут быть приняты каждым членом комиссии единолично с тем, чтобы в течение 12-ти часов эта мера была бы подтверждена коллегией»—пункт, заключающий в себе гарантию против произвольных арестов. В коренном противоречии со всем изложенным находится, однако, следующий пункт: «Жалобы на постановления следственной комиссии передаются в распорядительное заседание Революционного Трибунала». Следственные комиссии якобы подчинены распорядительному заседанию Трибунала, в порядке обжалования. Но о правах этого последнего по отношению к постановлению следственных комиссий инструкция молчит. При независимости же следственной комиссии от Трибунала в порядке назначения—это умолчание приводит только к путанице. Перейдем теперь к судоговорению. Судебное следствие происходит при обязательном участии обвинения и защиты. «В качестве обвинителей и защитников допускаются по выбору сторон все пользующиеся политическими правами граждане». Самая широчайшая свобода участия в судоговорении—таков первый принцип, введенный инструкцией. Кроме того, могут принять участие в прениях один обвинитель и один защитник из числа присутствующих на заседании. Зато решения признаны окончательными. Только в случаях нарушения установленной формы судопроизводства или обнаружения явной несправедливости приговора Наркомюст имеет право обратиться во ВЦИК с предложением представить последнему постановить о пересмотре дела. Вот и весь декрет. Что же он говорит? Итак, прежде всего, декрет устанавливает особую подсудность для Революционных Трибуналов, относя к ней исключительно особо опасные государственные преступления. И, несмотря на это, в области карательных полномочий закон устанавливает для них те же пределы, какие имеют и общие суды, освобождая их лишь от связи с прежним законодательством. В отношении состава закон увеличивает по сравнению с народными судами число заседателей, но не устанавливает порядка их участия в заседаниях, совместно с постоянным составом суда или отдельно от последнего.

По вопросу о следственных комиссиях закон строит их независимыми от органов суда, подчиняя их, в то же время, в порядке контроля над их деятельностью, трибуналам. Сугубо озабочиваясь, видимо, обеспечением прав обвиняемых, закон устанавливает ряд гарантий против производимых арестов, обязательность участия защиты и дополнительную свободную защиту из публики. К курьезам подлежит отнести обязательность стенограммы на процессе. Зато сугубо ограничивает порядок обжалования, допуская таковой только через Наркомюст и только с предоставлением всякий раз вопроса об отмене приговора на утверждение Президиума ВЦИК. Ограничение, совершенно не вяжущееся с общим духом закона и устанавливаемыми им широкими гарантиями для обвиняемых.

Позвольте поэтому поставить раньше всего основной вопрос: применима ли эта инструкция целиком и полностью к любому народному суду или не применима? И ответ: целиком и полностью применима. *Ничего характеризующего исключительность, суровость, дающую гарантию защиты государства от особо опасных явлений, в ней нет.* Вся инструкция—типичное произведение, соответствующее духу либеральной буржуазной школы, с одной стороны, гуманному духу первого периода нашего судебного творчества, выросшего на отрицании жестоких форм законодательства царского порядка—с другой—и больше ничего. Орган диктатуры—Трибунал связан с ног до головы. Через 48 часов проверяется правильность вашего ареста, вы можете жаловаться на арест в распорядительное заседание Трибунала. Трибунал состоит из председателя и 6 выборных по жребию заседателей, у вас имеется обязательный защитник. Кроме того, из публики может выступить любой гражданин вас защищать, грозящее вам наказание не выходит из пределов тех, кои могут быть наложены на вас и общим судом, и лишь приговор окончателен и только через НКЮ может быть обжалован во ВЦИК. Кроме этого последнего пункта, отвечающего духу исключительного суда, что такое все остальное? Хорошо построенный, если хотите, красивый, с определенными правовыми гарантиями, демократически организованный, близкий к населению и непосредственно с ним связанный, суд, но и только. Единственное достижение, это—обеспечение классового состава и тесной связи с советами, как органами власти, и все. Но есть ли это суд эпохи диктатуры рабочего класса, в условиях окружающей его ожесточенной классовой борьбы? Нет. А, между прочим, ведь, это программа максимум для борьбы с политически опаснейшими преступлениями. Правда, если мы поставим вопрос так: при наличии широкого революционного под'ема и революционного энтузиазма, при чрезвычайной твердости государственной власти, при наличности обеспеченности в этом суде классового подхода представителей рабочих, достаточна ли была эта гарантия для борьбы с государственно опаснейшими элементами? В известных условиях достаточна. Так можно было строить суд для разбора дел об убийствах, грабежах, об общеуголовных преступле-

ниях и даже для определенной категории дел о политических преступлениях. Но достаточен ли был такой суд для всех дел? Может ли он быть в какой бы то ни было степени признан органом устрашения, репрессии, террора? Никогда. Если народная ненависть и ярость в тот момент как раз вылились в убийстве Шингарева и Кокошкина, в севастопольских и крымских «купаньях» в море морских офицеров, в самосудах над Духониным и вообще всеми, в ком трудящиеся массы видели врагов народа и революции, в такой момент вводить такие нормы, значило не понимать того, что делается вокруг, и—что еще более непростительно,—значило отказывать исключительному суду в возможности осуществлять те функции, для исполнения коих он создавался, значило *предавать интересы государства.* И это доказали первые же опыты новых Трибуналов, первый процесс Пуришкевича в Петроградском Ревтрибунале. Кто такой Пуришкевич, об этом распространяться нечего, пойман он был на контр-революционном заговоре. В результате приговор—два года тюрьмы. Процесс Шнеура, того самого, который был отправлен нами через фронт к немцам в качестве парламентера для заключения перемирия, а потом оказался имеющим непосредственную связь с царской полицией,—заканчивается наказанием: высылкой из пределов России, в то время, как в момент открытия его предательства только одним голосом было решено не расстреливать его на месте без всякого суда. Эти примеры вполне достаточны, чтобы дать должную политическую оценку вновь организованным судам.

Затем посмотрим на самую процедуру этого суда, на самое судебное производство. К чему приводил этот либерально-демократический пункт—право каждого гражданина выступать «из публики»? Оно приводило к тому, что защитники «из публики», снюхавшись заранее с подсудимым контр-революционером, выступали в залах трибунала во всеоружии своего красноречия и знаний, и наши товарищи судьи трибунала, хотя при помощи своего революционного чутья понимали, что тут дело не чисто, оказывались бессильными, в особенности против фраз о том, как вообще милостив народ и чужд мести, и в порыве великодушия часто выпускали на свободу самых злейших врагов. С точки зрения классовой борьбы это был не суд, это была красивая, очень демонстративная, картина пролетарского либерализма и только. А результат был тот, что одновременно шли пьяные погромы, происходил ряд контр-революционных заговоров, был произведен выстрел в автомобиль Владимира Ильича, ширилась и развивалась связь корниловцев, эс-эров и прочей контр-революционной братии, пока 2-го ноября декретом Совнаркома не была организована Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с саботажем, контр-революцией и преступлениями по должности, правда, пока-что, только с правами следственной власти, но уже страшная своей железной решимостью и беспощадностью искоренить контр-революцию во что бы то ни стало и всяческими средствами.

Так, Народный Комиссариат Юстиции с первых своих шагов стал на дорогу построения революционных судов, как судов со всеми правовыми гарантиями по либеральным теориям; с отступлением от царских норм лишь постольку, поскольку эти нормы были «отменены революцией», а самые эти нормы вместо того, чтобы применять их к общим судам, применил к судам исключительным. Мы увидим впоследствии, до чего он додумался относительно общих судов.

Декретом о Революционных Трибуналах заканчивается 1917-й год, заканчивается, однако, для Петрограда и отнюдь не заканчивается для Москвы. К сожалению, у меня нет на руках той инструкции, которая была выработана здесь, в Москве, самостоятельно для Революционного Трибунала. Здесь не было левого эс-эра Штейнберга, здесь были другие эс-эры: Шрейдер и комп., здесь были наши товарищи: Берман Я. А., А. Ф. Дьяконов и ряд других. Они решили разработать свою инструкцию для Московского Революционного Трибунала. Посмотрим на какой путь они встали. Они тоже пошли по пути Штейнберга, но еще дальше, чем Штейнберг, так что отсюда вывод, что этот период лево-эсерства был общим не для одних только левых эс-эров. Это была, так сказать, общая болезнь.

Прежде всего, особенность московской инструкции заключалась в том, что она обратила особое внимание на постановку вопроса о следственной власти. В то время в Петрограде следственная комиссия после того, как во главе ее встала тов. Розмирович, встала более или менее на ноги и работала, считаясь прежде всего с данными об'ективными условиями момента, и если там и был введен определенный порядок производства арестов, обсуждение их необходимости и порядок их проведения так же, как и порядок в обсуждении предварительных заключений и утверждении их следственной комиссией, то, во всяком случае, никаких демонстраций либерализма в этой области допущено не было. Комиссия была подсобной частью при Трибунале и только. Иначе дело обстояло в Москве: здесь полностью и целиком был воспринят принцип независимости следственной власти. Следственная коллегия, под председательством тов. Цивцивадзе, состояла чуть ли не из 7 лиц, назначаемых Московским Советом, им отзываемых, от него зависящих, но независимых и не связанных с судом. Я не знаю ни одного случая обжалования распоряжения следственной комиссии в распорядительное заседание Революционного Трибунала. Более того: я не помню ни одного распорядительного заседания Революционного Трибунала, как такового.

Особо затем был выпячен на первый план момент, так-называемого, предания суду. Что из себя представляла эта камера предания суду? Она представляла из себя публичные заседания следственной комиссии; так же, как и суд, следственная комиссия, собиралась публично. Торжественно открывались заседания следственной комиссии, один из ее членов докладывал дела по существу, вызывался обвиняемый, обвиняемый давал об'яснения по поводу

пред'явленных обвинений. После этого комиссия постановляла: предать такого-то суду Революционного Трибунала или не предавать суду, или направить дело к доследованию по обстоятельствам, на которые указывал обвиняемый. К этому «судоговорению» допускались стороны—защита и обвинение. Обвинитель давал свое заключение по докладу члена следственной комиссии, защитник возражал, члены следственной комиссии задавали вопросы, *фактически шел допрос обвиняемого.* Потом пошли еще дальше: допускался вызов свидетелей и дополнительный допрос-передопрос. И, когда я, приехав в Москву, застал эту кашу, то первым моим вопросом было: «Что это такое? Предварительное судебное разбирательство, разбор по существу? Что это такое вы здесь устраиваете?» Мне отвечали: «Это—публичная камера предания суду, это—основное завоевание революции. Вместо того, чтобы предавать суду закрыто, келейно, мы публично решаем, что такого-то нужно судить». Прекрасно, если хотите публично решать—решайте, но зачем же обвиняемого допрашивать, зачем свидетелей тащить,—на суде вы будете их иметь. Если вам нужна торжественность, демонстрация, что у вас, мол, не прячут того, кого предают суду, прекрасно, так и делайте, но для чего же споры по существу? Это же, ведь, дело суда. Я самым категорическим образом настаивал на полной ликвидации этого учреждения. Борьба была нелегкая. Первоначально согласились устраивать закрытые заседания камеры предания суду, с обязательным участием обвинения и защиты, но без допущения свидетелей. Это—была вторая ступень московского либерализма. Дело кончилось лишь с коренной реформой Революционных Трибуналов в 1919 году, которая всю эту либеральную галиматью похерила полностью.

На этом примере вы видите то направление, которое получили Революционные Трибуналы. Если бы это направление получили не Революционные Трибуналы, а Губернские Суды, это было бы, пожалуй, большим плюсом. Мы бы сразу тогда, может быть, изжили бы период, который пришлось медленно изживать затем после организации этих судов.

Но наши суды высшей категории возникли только на основании декрета № 2, который относится к февралю 1918 года, а в жизнь он прошел только в октябре 1918 г., т.-е. почти полгода спустя. Это об'ясняется тем, что все внимание было обращено первоначально на Революционные Трибуналы, и все эти принципы и веяния старой школы и своеобразного гуманизма революции отразились прежде всего на Революционных Трибуналах, благодаря чему они совершенно потеряли характер исключительных судов и превратились в нормальные, хорошо, красиво построенные, демократические, революционные суды и только. Потребности революции требовали иного, и поэтому весь период до переломного пункта, до июня месяца 1918 года, является не чем иным, как периодом, когда, под влиянием потребностей жизни и классовой борьбы, меч репрессии *из рук Наркомюста перешел в руки В. Ч. К.*

Начало 1918 года и декрет о суде № 2.

Лекция 5-я.

В нашей прошлой беседе мы охарактеризовали первые попытки организационного строительства, как оно выразилось в инструкции Революционным Трибуналам Народного Комиссара Штейнберга от декабря месяца 1917 года. Как декрет о суде № 1, так тем паче инструкция Штейнберга отразили собой полную неустойчивость и шатание юридической мысли первых творцов судебных учреждений РСФСР в сфере самых принципиальных, самых кардинальных вопросов строительства.

Эта неясность и спутанность в основных воззрениях имели своим результатом явный уклон в сторону либеральных демократических принципов при строении суда, что особенно нашло свое выражение в строении Революционных Трибуналов.

Красиво построенный, либерально демократический суд, приноровленный скорее в сторону мирного бытия мещанской республики, чем в эпохе пролетарской революции и пролетарской диктатуры,—вот что представляли собою в общем и целом и Народные Суды и Революционные Трибуналы, независимо от замыслов их основателей.

1918 год дал в области судебного творчества целый ряд законодательных актов. К этому периоду относится, во-первых, основной декрет о суде № 2, относящийся к февралю 1918 года, и декрет о суде № 3, относящийся к июлю 1918 г., и инструкция о деятельности местных судов, являющаяся по существу не столько инструкцией, сколько новым законом. К концу года в ноябре месяце опубликовывается «Положение о едином Народном Суде»—в корне меняющее всю систему судов, установленную всеми предыдущими декретами. Параллельно идет ряд законодательных актов совершенно иного порядка. Сюда относится закон 9 мая о Революционных Трибуналах, два законодательных акта, относящихся к организации верховных судебных центров: Верховного Трибунала (июнь 1918 г.) и кассационного отдела ВЦИК (тоже в июне). Во второй половине года выходит циркуляр кассационного отдела от 5 октября и «Поло-

жение о ротных и полковых судах». Если сюда прибавить ряд отдельных законодательных актов, устанавливающих основные признаки и карательную санкцию по отдельным категориям преступлений, как декрет о взяточничестве от августа 1918 г., декрет о спекуляции от июля 1918 г. и декрет о набатном звоне от 2 августа, мы получим почти всю законодательную литературу за 1918 год. Ее, пожалуй, слишком даже много для одного года.

В особенности, если вспомнить обстановку напряженнейшей борьбы на всех фронтах, сопровождавшейся рядом тяжелых внутренних осложнений. Тот факт, что, несмотря на это, все время велась, как доказывают эти законы, и практическая организационная работа, и работала теоретическая мысль, показывает, какой могучий источник творческой энергии принесла с собою революция.

Чтобы разобраться, однако, во всех этих законодательных актах, привести их в систему, а главное понять, почему они явились, чем они вызваны, для этого необходимо установить какие-нибудь определенные вехи.

Основной хронологической вехой, помогающей нам разобраться в этом, на первый взгляд, хаосе издаваемых от случая к случаю законодательных актов, является июнь 1918 г., когда то разделение, которое было дано в декрете № 1 между трибуналами и судами, как оно было выражено в 8 пункте декрета № 1, получило, благодаря внешне-случайным, но по существу глубоко обоснованным причинам, совершенно своеобразное развитие: *Трибуналы отделились от общих судебных мест и пошли своей особой дорогой*, совершенно самостоятельной, не связанной ни с общими идеями, которыми руководствовались деятели тогдашнего Комиссариата Юстиции, ни с их практикой, ни даже с порядком обычного прохождения через законодательные учреждения. Начиная с закона 14 мая 18 г. о реорганизации Революционных Трибуналов, эта работа получает, благодаря этому случайному обстоятельству, совершенно самостоятельное развитие, независимое от общей системы работы НКЮ. Это об'ясняется той неразберихой, которая существовала у нас тогда, в нашей государственной работе. Те принципы и идеи, которые вкладывались в эту работу, были диаметрально противоположны тем, которые проводил тогда НКЮ. Конечно, этот факт не имел бы места, если бы не обосновывался более глубокой причиной. Случайное обстоятельство, что люди были разные, не могло, конечно, быть признаваемо достаточной причиной. Причина была глубже и заключалась, прежде всего, в потребности революции иметь свои органы репрессии и борьбы, т.-е. то, чего как раз, как вы видели, не давала Штейнберговская постановка вопроса, воспринятая, увы, и унаследованная Наркомюстом.

Это противоречие тенденций и идей, вкладываемых работниками советской юстиции в свою работу, обнаружилось, однако, гораздо позднее. Идею строгой централизации, которую проводил я, и идея децентрализации, на которую встали товарищи из Народного Комиссариата Юстиции, сначала т. Стучка, а затем т. Курский и

их явное противоречие и взаимная несоизмеримость обнаружились, как я уже сказал, позднее. Исторически, в конкретной жизни, положение было иное. Тут сыграли свою роль скорее случайные моменты, чем какая-нибудь строго продуманная, определенная мысль. Во всяком случае, исторической реальностью был тот факт, что законодательные акты, касавшиеся трибуналов, разрабатывались независимо от НКЮ, а все акты, касавшиеся общих судов, разрабатывались в недрах НКЮ вне какой-либо связи с развитием трибунального законодательства.

К рубежу 1917—18 года относился, как мы видели, момент первого раздвоения нашей судебной системы, как он выразился в § 8 декрета о суде № 1, утверждавшем Революционные Трибуналы *на ряду с общей системой Народных Судов.* В июне месяце это разделение нашло свое завершение в виде создания Верховного Трибунала и Кассационного Отдела при ВЦИК, в качестве руководящих центров трибунальной работы, совершенно не зависимых от НКЮ.

В своей статье «Судебная реформа», во втором номере журнала «Советское Право», где впервые, в кратких чертах, я набросал схему того курса, который читаю сейчас с вами, я указал на коренное противоречие этих двух систем. К сожалению, мы не находимся с вами в таких условиях, в которых находятся в области научной работы буржуазные ученые. У нас нет под руками людей, которые для нас заранее соберут весь материал, у нас нет времени, чтобы эти материалы изучить, поэтому наш курс не будет блистать той необходимой полнотой, которая нужна для такого исследования. Тем не менее по памяти я позволю себе все же указать на ряд источников, из которых вы сможете познакомиться с идеями, которые развивались самостоятельно и независимо друг от друга работниками трибунальной юстиции и работниками НКЮ. Здесь можно рекомендовать вам, прежде всего, статьи т.т. Курского и Стучки в сборниках «Пролетарская Революция и Право», интересную статью проф. Полянского в буржуазном журнальчике «Право и Жизнь», мою статью в «Вестнике Жизни» за 1919 г.—«Революционные Трибуналы в практике русской революции» и, наконец, чрезвычайно характерные две статьи—одну опять-таки Курского, другую Стучки, в только-что вышедшем сборнике «Пять лет Верховного Суда».

В статье П. И. Стучки мы находим утверждение, что в те времена—конца 17-го—начала 18 года, Революционные Трибуналы даже не мыслились первоначально, как орудия репрессии и лишь, «в зависимости от темпа общественного развития», их роль, «первоначально обличительная», *могла затем превратиться в карательную.* На основании слов Маркса, что политических противников можно расстрелять, но нельзя судить, Стучка устанавливает, что трибунал *вовсе даже не предназначался быть судом.*

Мы никогда бы не могли, конечно, согласиться с подобной постановкой вопроса и приведенная выше цитата из Маркса является, с нашей точки зрения, притянутой за волосы. Суд есть форма

классовой расправы, а раз это так, то нет никакого основания не судить, т. е. не разбирать определенным порядком степень доказанности преступлений, совершенных контр-революционерами и одновременно разбирать степень доказанности преступлений, совершенных неполитическими преступниками, что украло лошадь именно это лицо, а не другое, и судить их, ибо только судебная форма обеспечит то, что мы не расстреляем не виновных в преступлении. Это должен был, в конце концов, признать сам Стучка. И он пишет:

«Эти пять лет развития, начавшись теоретическим противопоставлением трибунала суду, и *окончившись полным слиянием их*, поражают той стройностью, с которой протекает этот революционный процесс и ничего случайного и произвольного он не представляет. *Революция беспощадно разбивает всегда подобные выдумки*».

И, наконец, говорит: «Это противопоставление трибунала суду у нас продолжалось довольно долго и, надо сказать, *что революция была умнее нас и она устранила это явление. Она была права и теоретически*». Так теперь пишет Стучка, признавая сам, что, в конце концов, жизнь смела его искусственное построение и «оправдала это и теоретически», т. е. доказала неправильность той основной мысли, которая, по словам Стучки, была положена в основу Революционного Трибунала, т.-е. что Трибунал не суд, и тем самым оправдала *правоту нашей точки зрения,* что Трибунал есть суд. Приятно слышать подобное признание из уст противников.

Еще более характерной является статья Д. И. Курского в сборнике «Пять лет Верховного Суда». Она характерна потому, что тов. Курский и по настоящее время является последовательным сторонником тех идей, которые изложены в его статье, он явился автором той части программы РКП, которая говорит о судебной области и которую мы критикуем. Принципиально не соглашаясь в этой области с тов. Курским, мы оставляем будущему развитию революции окончательно доказать нашу правоту в этом отношении, ибо полагаем, что в значительной степени она уже доказана. Как бы то ни было, точка зрения Курского выражена им в следующем тезисе:

«Суд наш,—пишет Курский,—выполняет три функции: во-первых, он является политической трибуной, во-вторых, школой права, и, в-третьих, он является органом репрессий». Итак, по его мнению, осуществление репрессий является третьестепенной функцией суда, на первое же место ставится то, что мы со своей стороны называли культурной и политической работой суда. Простая логика доказывает нашу правоту. Устраним третью функцию—и у нас суда не будет, устраним первую и вторую функцию, суд у нас все-таки останется и останется именно, как суд, как орган государства, как орган охраны данного социального порядка. Недостаточно отчетливое представление о превалирующем значении карательных функций суда в его работе повело, как мы дальше увидим, к чрезвычайному принижению вообще роли нашей судебной системы в общей

системе нашего Советского государства. Мое указание на эти две статьи пока что доказывает лишь одно, что в этой области перед нами еще непочатый край работы, что наша юстиция еще ждет своих теоретиков, что мы бродим до сих пор еще, как в потемках, и спорим по основным принципиальным вопросам о задачах суда. Позвольте же перейти к анализу тех законодательных актов 18 года, которые мы выше перечли.

Историческую обстановку 1918 года мы знаем. Развитие контр-революции и продовольственной разрухи, постепенное распадение хозяйства, и вытекающая отсюда неумолимая потребность в сильном орудии репрессии для удержания власти, такова была эта обстановка. Болтология левого эс-эра Штейнберга и неразбериха в наших собственных головах—таков был арсенал, который могла противопоставить этой обстановке революция. В результате получился декрет о суде № 2. Этот декрет должен был развить принципы, положенные в основу декрета № 1, должен был *создать судебную систему*. Декрет так и начинается «в развитие и дополнение декрета от 24 ноября». Какую же сторону получило «развитие и дополнение» декрета № 1? Революция, как оказалось, не ждала и определенную работу все же успела произвести в головах авторов обоих декретов. «Для рассмотрения дел, превышающих подсудность местных Народных Судов», декрет создавал суды высшей категории—Окружные Народные Суды. Члены этих судов избирались теперь местными советами. О «демократических выборах» всего населения декрет не говорит уже ни одного слова. В этом был уже прогресс в сравнении с декретом о суде № 1. После разгона Учредительного Собрания и краха всеобщего избирательного права, как фетиша, как принципа, строить на этом принципе окружные народные суды было уже нельзя. Вместо этого в основу строения положен классовый принцип избрания судей советами, тот самый принцип, который в декрете о суде № 1 был введен лишь случайно *временно* «впредь до общих (демократических) выборов» и был принципиально введен только для Трибуналов.

Члены суда могли быть затем отзываемы советами в любой момент. Сменяемость судей вместо прежней их независимости—таков был второй шаг вперед, который сделала Революция. Мы видели его уже в инструкции Трибуналам. Теперь он был распространен и на Окружные Суды. Однако, одновременно тут же начинается влияние либеральной теории и выявление прежней спутанности понятий. По декрету № 2 члены суда *сами избирают из своей среды председателя*. Это может быть и очень демократическая новелла, отдавшая дань принципам либеральной теории о внутренней автономии суда, независимости его от органов власти. Она, однако, совершенно не соответствовала выше провозглашенному принципу сменяемости судей советами. При декларативном провозглашении права советов отзывать в любое время судей, вся эта игра в самостоятельно-избираемого председателя делалась какой-то игрою в жмурки. Еще дальше та же спутанность понятий и явная неразбе-

риха принципов выявилась в том, как строился по декрету Окружный Суд во внутреннем взаимоотношении своих отдельных частей. Окружный суд делился на 2 отделения—уголовное и гражданское. Гражданское отделение в своем судебном присутствии состояло из двух частей—трех постоянных членов суда и четырех заседателей. Уголовное отделение—из одного постоянного члена и двенадцати очередных народных заседателей. Одно соотношение цифр возбуждает невольно ряд вопросов. Если декрет считал целесообразным допущение народных заседателей для решения гражданских дел, уравнивая в этом отношении процессы уголовный и гражданский, то спрашивается, почему гражданский строился из 7 человек, а уголовный из 12, почему в гражданском отделе необходимы 3 постоянных члена суда, а в уголовном—1. Вся искусственность и надуманность этих цифр ясна сама собой, однако, не в этой разнокалиберности цифр и надуманности построения заключалась беда. Я всего один раз был в Окружном Народном Суде в день открытия его в Москве, в качестве обвинителя по уголовному делу, по обвинению некоего гражданина в убийстве из ревности. Суд оправдал обвиняемого. Но мне было совершенно ясно, что, если закон считает, что убийство из ревности, как говорит нынешняя 142 статья Уг. Код., есть убийство из «низменных» побуждений и требует кары не меньше 8 лет тюрьмы, то закон должен быть исполнен, или же его надлежит отменить. Мне было ясно, что, если вы в суде создаете коллегию из 12 человек без определенного подбора, без определенной квалификации, то проводить судебную политику вообще нельзя, ибо она отдается в руки случайным элементам, так как в конкретной жизни, даже среди лучших представителей трудящихся, может иметь место целый ряд колебаний и уклонений, целая гамма оттенков настроений, и ставить в зависимость от них судебное решение, — значит отказаться от всякой судебной политики. Отвергайте эту политику на улице, если нужно даже при помощи баррикад, но, поскольку она существует, никаких колебаний в сфере ее проведения быть не может.

Между тем декрет о суде № 2 возводил эти колебания и господство случая в принцип, ибо декрет гласит: «списки народных заседателей составляются местными городскими советами, а очередные списки *составляются путем жеребьевки*» (ср. инструкцию Трибуналам).

И это опять-таки нечто иное, как имитация суда присяжных и имитация испорченная. Классовый момент сохранен в том, что председатели избираются исключительно из среды трудящихся. Суд присяжных в чистом виде, как отделенный от постоянных членов суда, суд совести отвергнут, так как в Окружном Суде народные заседатели обсуждали дело с постоянным народным судьей в совещательной комнате. Но сохранена жеребьевка, сохранено *подавляющее количественное преобладание «заседательского элемента» над постоянным судьей и «голосу совести—голосу народа» предоставлена решающая роль.* Никакой ясности в то же время по вопросу, зачем

призывают сюда народных заседателей, в качестве кого они призываются, какова их роль в отношении постоянного судьи и закона,— ничего об этом сказано не было и строение суда в этом основном вопросе было опять-таки предоставлено на полное усмотрение мест. Еще в большей степени все сказанное должно быть отнесено к гражданскому отделу, где роль заседателей абсолютно оставалась невыясненной, ни с точки зрения количества, ни с точки зрения их качества, ни с точки зрения их взаимоотношений с постоянными судьями. Кто они и что они? Было видно, что авторы декрета не продумали всех этих вопросов до конца.

Так строился суд высшей категории.

Тот факт, однако, что авторы декрета пришли к необходимости построить суд для более важных дел иначе, чем строился Народный Суд, доказывает, что и с принципом «единого» суда для всех категорий преступлений у авторов декрета концы с концами тоже сведены не были. Во всяком случае учинялось два различных суда, а по существу не 2, а 3. Гражданский суд был отделен совсем от уголовного, и ни тот, ни другой не представляли собой ничего продуманного и законченного.

Раньше, чем перейти к рассмотрению вопроса о том, как строилась по декрету о суде № 2 вторая кассационная инстанция, позвольте остановиться на одном принципе, нашедшем свое выражение также впервые в декрете № 2, и которого представители тогдашнего НКЮ считали равным образом одним из завоеваний Революции. Принцип этот перешел в нашу судебную систему и до сих пор сохранил силу, но, с нашей точки зрения, никакого завоевания собой не представляет и вносит только путаницу. Это завоевание выражается в своеобразном допущении у нас апелляции под видом кассации, т. е. фактически в смешении обоих принципов. Соответствующий пункт декрета говорит: «обжалование в апелляционном порядке отменяется, допускается только кассация» Этот принцип на словах у нас проводится систематически и последовательно до сих пор. Рассмотрим этот принцип; правилен он или не правилен? Я не могу вам сказать, что я мог бы утверждать, что он абсолютно правилен. Апелляция—это жалоба на решение или приговор по существу дела. Кассация—это жалоба на допущенное при решении дела формальное нарушение закона. Почему нельзя жаловаться по существу,—указывают обыкновенно две причины. Если допустить обжалование приговора по существу, то получится волокита. Этот аргумент не выдерживает никакой критики, ибо такая же волокита получится от допущения жалобы на формальное нарушение закона. Мы знаем из опыта, что такое нарушение всегда найдется, по крайней мере, на бумаге в изложении кассационной жалобы. Значит, не в этом суть. Второй аргумент заключается в том, что нельзя, мол, допустить обжалование по существу потому, что таково решение судей совести (бывш. присяжных). У нас нет присяжных, однако, наши судьи судят тоже по совести. Вопрос, конечно, не в этом, по совести или не по совести судят, а в том, должен или не

должен пользоваться суд, как орган государства, определенной степенью доверия в глазах государства? Мы отвечаем—да, должен. Этим вопрос разрешен и логическим выводом отсюда должно явиться *полное упразднение апелляции.* Но почему же мы допускаем кассацию? Мы допускаем ее потому, что мы считаем, что каждый гражданин имеет право требовать, чтобы предоставленные ему законом правовые гарантии были бы соблюдены, чтобы суд творился над ним в той форме, какой это предписывает закон, и ни в какой иной. В этом, как мы видели, коренное отличие суда от расправы, в этом сущность кассационного надзора, и вот почему с нашей точки зрения кассационная жалоба на нарушение закона не может быть не допущена. Перерешать дело по существу вновь во второй инстанции нет смысла, ибо у нас нет гарантии, что вторая инстанция решит дело лучше, но жалоба на формальное нарушение закона должна получить свой ход, так как от охраны прав личности, поскольку эти права даны, мы не отказываемся. Но ошибка декрета о суде № 2 и всех последующих декретов заключалась в том, что она допускала под видом кассации—апелляцию, отнеся к числу кассационных поводов жалобу по так называемой «явной несправедливости» приговора. Авторы этой идеи полагали в этом высшее завоевание революции, опыт показал, что никакого завоевания тут нет, а есть совершенно излишнее хитроумие и такая же надуманность, которая отличает и весь декрет. Другой вопрос, что, быть может, тот же опыт нас учит тому, что наша кассация пошла в то же время по пути формалистики и вырождается иной раз в сухую казуистику и крючкотворство наших защитников. Но это уже вопрос правильной постановки кассационного надзора и работы кассационной инстанции, а не вопрос принципа. Вот почему мы думаем, что никакого особенного завоевания декрет о суде № 2 с собой в этом отношении также не принес.

Перейдем теперь к рассмотрению вопроса о том, как же строилась по декрету о суде № 2 кассационная инстанция?

«Для рассмотрения кассационных жалоб на решения Окружного Народного Суда,—говорит декрет,—постоянные члены избирают из своей среды членов Областного Народного Суда, которые избирают председателя Областного Народного Суда, последние могут быть отозваны как избравшими их членами суда, так и Советами». Члены Окружных Судов избирают Областной Народный Суд. Это построение судебных учреждений абсолютно вне времени и пространства, оно не считается ни с политическими, ни с какими либо другими об'ективными условиями и находится вне общей связи с механизмом советского строительства. Советы избирают Окружный Народный Суд. С чем же связан Областный Суд наверху? Ни с чем. А с местами? Тоже ничем. И это в атмосфере 1918 г.! «При ошибочном (?) решении этот суд имеет право отменить решение по формальным причинам, а также и в том случае, когда признает ошибочное решение явно несправедливым»(sic!). Вот она апелляция. Но, при фактической оторванности Областных Судов от органов власти, предоставление им

права отменять любое решение по его «явной несправедливости» означало предоставление в их руки полной свободы по руководству судебной политикой и их фактическую самостоятельность. А так как народных заседателей в этой второй инстанции не было, и в выборах членов Областных Судов участвовали только постоянные члены Окружных Судов—в итоге *вся руководящая судебная политика передавалась в их руки бесконтрольно*—вот конечный итог строения Облсудов по декрету о суде № 2. Это не могло быть неясным для самих авторов декрета. Как корректив им, была выдвинута тогда еще одна инстанция—Верховный Судебный Контроль. «В целях достижения единообразной кассационной практики,—говорит декрет,—учреждается в столицах Верховный Судебный Контроль. В состав его входят представители Областных Народных Судов по избранию этих судов, отзываемые как ими, так и советами (какими?). Верховный Судебный Контроль, в случае отмеченных им противоречий в толковании законов различными кассационными инстанциями, выносит об'единяющие принципиальные решения, которые кассационными инстанциями принимаются впредь к руководству.

В случаях же обнаружения неустранимого противоречия между действующим законом и народным правосознанием, Верховный Судебный Контроль делает законодательным органам представления *о необходимости издания нового соответствующего закона.*

Отменять решения Верховного Судебного Контроля может только законодательный орган советской власти».

Такова эта четвертая инстанция. Народный Суд, Окружной Народный Суд, Областной Народный Суд, Верховный Судебный Контроль. Кто избирает их? Избираются они снизу? Нет. Населением? Нет. *Судьи сами избирают суд.* Областной Суд избирается Окружным, Верховный Судебный Контроль—Областным и т. д. Сами органы внутри себя избирают председателей. Декрет создает, таким образом, *специфическую касту судебных деятелей с широкой внутренней автономией и предоставляет ей целиком всю полноту власти.* Вот вам творчество Штейнберга по декрету о суде № 2. Я спрашиваю теперь, в какой мере эта судебная система отвечает интересам пролетарского государства, в какой мере удовлетворяет потребностям политической борьбы, какая политическая линия суда здесь обеспечена? В какой мере обеспечен состав лиц, квалификация, цензовые требования? Об этом здесь ничего не говорится. В какой же мере удовлетворяет эта система принципу независимости суда? Тоже ни в какой мере. В этой системе нет никакого принципа, здесь нет ни одной руководящей идеи, все это сплошная надуманность. Конечно, такой проект в жизнь не прошел. Окружный Суд не успел создаться повсеместно. Верховный же Судебный Контроль так и не создался вовсе, и вся эта «система» отошла в область предания, «не успевши расцвесть», как надуманная попытка теоретиков, случайно взнесенных вихрем революции на руководящий пост, но которые не понимали ни духа новой революции, ни задач ее, которые не освободились от плена влияний прежних судебных учреждений, не знали, что строить и как строить и строили «вообще»—«во славу божью». Но

реакционная сущность этих построений обнаруживается только при рассмотрении дальнейших статей декрета, в части, где говорится о судопроизводстве. Какие законы мог толковать судебный контроль? Старые законы, царские законы, как оказывается. «Судопроизводство как по гражданским, так и по уголовным делам, — говорит декрет в ст. 8,—происходит *по правилам судебных уставов 1864 г.*, поскольку таковые не отменены декретами и не противоречат революционному правосознанию». Однако, в этом последнем случае в решении и приговоре должны были быть указаны мотивы отмены старых буржуазных законов. Таково высокомудрое решение наших законодателей. Полная свобода для суда и в то же время и полное стеснение; ибо он должен или следовать старым законам или писать, почему он с этими законами не согласен. Замечательно «революционное» творчество. Интерес представляет только статья 10-я, которая устраняет пререкания о подсудности и говорит, что суд, признавший данное дело себе неподсудным, пересылает его в другой суд, который не имеет права спорить и должен решить дело. Это здоровый принцип, который мы провели в теперешнем процессуальном кодексе, не несет в себе, однако, ничего специально свойственного пролетарской революции. Более принципиальна, хотя и противоречит ст. 8, статья 14: «в отношении доказательств,—говорит она,—суд не стеснен формальными соображениями». Только в нашем теперешнем Гражданском Процессуальном Кодексе эта статья получила свое настоящее и полное развитие. Интересно принципиальное провозглашение в ст. 15 равенства условий для рассмотрения исков казенных учреждений и частных лиц. В настоящее время, как вы знаете, наш Гражданский Процессуальный Кодекс стоит на прямо противоположной точке зрения. Это чисто либеральное веяние, которое не должно было бы иметь места. Отметим ст. 17. «Суд и тюремное заключение для несовершеннолетних до 17 лет отменяется». Это опять новая идея. Однако, она имеет место и в Западной Европе и ничего специфически пролетарского она в себе не заключает.

Согласно ст. 21, предварительное следствие по уголовным делам ведется специальными комиссиями, избираемыми опять-таки «впредь до назначения прямых выборов» Советами. То, что уже было отвергнуто для выборов судей—вновь воскресло при избрании следователей. Это еще раз доказывает полную непринципиальность декрета о суде № 2. Его авторы до сих пор еще не уразумели, «что они творят». Опять-таки типическая черта либерально-буржуазного суда.

«Кроме допущенных обвинителей и защитников, принимать участие могут один обвинитель и один защитник из числа присутствующих на судебном заседании».—Это повторение предыдущего декрета и, в частности, инструкции Штейнберга. Вся бедность теоретической мысли наших законодателей раскрывается, однако, ст. 29 и 30. Они, наконец, разрешают вопрос о взаимоотношениях заседателей и постоянного суда. Но как разрешают? Народные заседатели участвуют в судебном заседании *все* время и в праве отводить назначенного на данное заседание председателя»... Вот, так как! Это—действительное

новшество, которого никогда ни в одном суде не было. «Голос народа» оказывается авторитетнее и важнее председателя и контролирует самый суд. К сожалению, закон молчит о мотивах отвода. Еще интереснее конец ст. 30. «Председатель участвует в совещании народных заседателей, *с правом совещательного голоса*». Это ничем не оправдываемый и ненужный компромисс между последовательным решением вопроса о суде присяжных и боязнью пустить заседателей одних «по воле волн». Полная каша. Почему? Что это такое? Трудно понять, Ст. 31 «Жалобы на оправдательные приговоры не допускаются»... Почему? Опять либерализм, ничем не обоснованный. Интересно сопоставить с этим статью положения о Революционных Трибуналах 1920 года, где говорилось: что «жалобу на оправдательный приговор может подать каждый гражданин». Вот два исключающих друг друга принципа, проведенных одной и той же властью в двух законодательных актах.

Статья 36-я напоминает ст. 8 только в еще более ухудшенном виде. Если ст. 8 разрешала пользование процессуальными уставами 1864 г., то ст. 36 восстанавливает действие царских материальных законов. По гражданским и уголовным делам суд руководствуется по ст. 36-й старыми законами, действующими доныне, «поскольку они не отменены или не противоречат революционному сознанию». Итак, да здравствует и X том, и Уложение о наказаниях, и Уголовное Уложение! Теперь только понятно, почему по сравнению с таким судом—Революционные Трибуналы могли действительно казаться исключительными судами. Все заключает аккорд 39 ст. «Деятели упраздненных судов имеют право быть избранными в новые судебные установления». Вот вам декрет о суде № 2. По моему, это кульминационный пункт развития абсолютной неразберихи, которую натворил Штейнберг. Анализ его показывает, что ни о каком новшестве по существу Штейнберг не думал, что и людей и законы он брал старые, что до конца он оставался верен либерально-буржуазным принципам и классовый принцип не только не был воспринят, но прямо отвергался им. Такова была советская юстиция первого периода. Закон в силу не вошел. Что его понадобилось очень скоро исправить, показывают появившиеся сразу у нас, с одной стороны, «инструкция об организации местных Народных Судов» и, с другой стороны, декрет о суде № 3, оба относящиеся к июлю же 1918 года,—декрет распубликован 20-го июля, а инструкция—23 июля. Оба подписаны уже не Штейнбергом, а Петром Ивановичем Стучка уже после переворота 5-го июля и падения левых эс-эров.

Позвольте раньше рассмотреть декрет о суде № 3. Декрет о суде № 3 очень коротенький. В первом пункте он определяет подсудность местных судов и говорит, что отныне на местные Народные Суды возлагается рассмотрение всех уголовных дел, кроме дел о посягательстве на человеческую жизнь, раз, об изнасиловании—два, о разбое и бандитизме—три, о подделке денежных знаков—четыре, о взяточничестве—пять, о спекуляции—шесть. Только эти категории относятся к ведению Окружных Нар. Судов. Расширение подсудности местных судов и сокращение подсудности окружных—вот что прежде всего при-

нес с собой декрет № 3. Однако, принцип одинакового для всех категорий преступлений и равного для всех граждан суда не выдержан. По ст. 2 декрета «дела о взяточничестве и спекуляции из'яты из Революционных Трибуналов и переданы в Народные Окружные Суды». Видимо, из соображений, что это не «политические дела». Так ли это, мы увидим потом из рассмотрения законодательства о Трибуналах. Целую революцию производила ст. 3, предоставляющая местным судам право налагать наказание «до 5-ти лет», руководствуясь при этом исключительно «декретами рабоче-крестьянского правительства и социалистической совестью». А остальные законы где, царские и всякие иные? Исчезли. Так проведен был по отношению к Народным Судам принцип полной отмены старых законов. Еще больше изменений внес декрет № 3 в систему Окружных Судов. Первая реформа и исправление того, что было сделано Штейнбергом, заключалось в упрощении самого состава присутствия по гражданским делам. Она строила теперь их из одного председательствующего постоянного судьи и 4 очередных заседателей. Вместо прежней неразберихи—3-х постоянных судей и 4-х заседателей. Все это, несомненно, плюс. Вместе с тем получилась ясность и в вопросе о роли заседателей в гражданском процессе. Это новый очень важный и очень ценный принцип, которого никогда не было в старом суде. Гражданские дела всегда рассматривались с точки зрения старого суда, как дела, основанные исключительно на формальном праве, где суд был связан по рукам и ногам формальными доказательствами сторон: стороны представляют доказательства, не представила сторона доказательств—сам и пеняй на себя. Суд сам доказательств не ищет, он стоит в стороне,—такова была теория гражданского процесса. Но тогда судья должен знать только формальные законы и теорию оценки доказательств; заседатели ему были не нужны и заседателей никогда в гражданском процессе не было. На иных началах строится суд теперь. Суд не связан формальными доказательствами, он сам может изыскивать доказательства. Это разрушение старых норм гражданского процесса, бьющее в корень принципы буржуазного права, принес с собой уже декрет о суде № 2. Оно еще более выпукло выявлено декретом № 3. Но это—не заслуга Штейнберга. Это—исключительно заслуга тов. Стучка. Роль народных заседателей стала ясной и отчетливой. Полную революцию произвел затем декрет № 3 в строении кассационных инстанций.

...«Взамен судебного контроля учредить временно кассационный суд в Москве»—говорит ст. 8 декрета... «из двух отделений: гражданского и уголовного, в составе председателя, его товарища, утвержденных ВЦИК'ом, по представлению Наркомюста, и 8-ми членов, избираемых ВЦИК из числа кандидатов, представляемых Окружными Народными Судами и Совнарсудом». Так, в июле месяце 1918 г. впервые выдвигается идея, осуществленная, однако, только в 1923 г. Понадобилось 5 лет, чтобы эта идея, выраженная в законе июля месяца 1918 г., нашла свое реальное осуществление. Если мы вспомним, что в июне же были созданы судебные центры для трибунальной

юстиции, то происхождение этой идеи станет ясно, может быть потому же она не получила своего дальнейшего развития. Как бы то ни было, но создание руководящего центра судебной политики, связанного: со всей судебной системой, с одной стороны, с Наркомюстом, с другой стороны, и с центральной законодательной властью, наблюдающей и контролирующей, ВЦИК'ом, с третьей стороны—эта простая и ясная идея, здоровая и необходимая, нашла выражение в декрете № 3 еще в июле месяце 1918 г., а в ноябре она, к сожалению, была вновь похоронена.

Вот декрет о суде № 3. В жизнь он также не прошел и был заменен «Положением о Народном Суде» (см. ниже). Одновременно была опубликована инструкция местным судам. На рассмотрении ее мы закончим анализ этого периода. «Инструкция об организации и действиях Народных Судов» заключает в себе 66 ст. и является по существу новым законом о Народных Судах. Что же нового выявила «инструкция»? Постоянные местные Народные Суды, говорит ст. 4 «инструкции»—должны были удовлетворять следующим требованиям: *иметь право избирать и быть избранными в Совет*, т.-е. иметь политическую правоспособность. *Этим отметались все неправоспособные, политически неблагонадежные элементы*, т.-е. все буржуазные элементы и резко проводился классовый принцип и *обеспечивалось классовое содержание судебной политики*. Таково первое и основное нововведение инструкции. Этого мало. Инструкция требовала от судей политический опыт работы «в пролетарских организациях, политических партиях, поддерживающих Советскую власть, профсоюзах, классовых работах, кооперативах, фабрично-заводских комитетах, советских организациях»,—т.-е. того, что сейчас повторено у нас в законе о судоустройстве. Сверх того требовалась определенная теоретическая и практическая подготовка.

Вот вам сразу подход к делу практического революционера, тов. Стучки, к вопросу о построении судов, как аппаратов классового государства, руководящегося интересами класса, как такового. Вот когда только появляется первая ясная, отчетливая постановка вопроса, которой не было ни разу во всех предыдущих декретах, без пустой фразеологии, как в декрете № 1 и в декрете № 2, при чем местные судьи должны безусловно удовлетворять первому условию и, хотя бы, одному из последних двух. Избираются местные судьи Советами на общем собрании из кандидатов, представляемых Исполкомом, после тщательной проверки соответствия кандидатов своему назначению. Отозваны они могут быть во всякое время. Этот принцип в противоположность буржуазному принципу несменяемости судей, наоборот, ставит их в зависимость от местных властей, как органов классовой политики. «Заседатели должны были также иметь право избирать и быть избираемыми в Совет». Они вносятся довольно сложным порядком в списки очередных заседателей данного участка, при чем привлекаются все организации, стоящие на платформе Советской власти, как-то: «политические партии, профессиональные рабочие союзы, классовые рабочие кооперативы, фабрично-заводские

комитеты и т. д., которые при составлении списков включают одного кандидата в заседатели на каждые 50 избирателей своей организации»; утверждение кандидатов возлагается на Исполнительные Комитеты районных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов. Этот способ проведения одного кандидата от 50-ти сельских избирателей чрезвычайно громоздок и, вследствие громоздкости, является совершенно неудовлетворительным. Это уже недостаток инструкции. Жизнь разбила этот принцип в щепки и мы знаем, как Народные Суды на практике заменили его тем, что в нужный момент брали заседателей направо и налево. Тут опять теоретическая надуманность, которая не отвечала требованиям момента. Кто же производит эту жеребьевку? В городах, имеющих районные Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов,—Президиум районного Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов совместно с коллегией постоянных судей данного советского района; в городах, не имеющих районных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, а также в уездах,—тем же порядком Президиумы Исполнительных Комитетов городских, а где их нет,—уездных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов совместно с представителями местного Народного Суда или Совета местных народных судей. Это опять излишняя громоздкость. Наше положение о судопроизводстве, заменившее жеребьевку призывом по алфавиту, поступило гораздо рациональнее.

Далеко не такая принципиальная выдержанность соблюдена в вопросе о подсудности. Согласно ст. 13 местному Народному Суду подсудно все, кроме посягательств на человеческую жизнь и т. д. Тут только перепечатан декрет о суде № 3. Однако, одновременно для дел «по борьбе с контр-революцией, погромами и подлогами советских документов, хулиганством и шпионажем, образуются Революционные Трибуналы». Позвольте сопоставить эти две категории подсудности: Трибуналов и Народных Судов и скажите: где тут принцип? Почему дела о спекуляции слушаются в Народном Суде, а о хулиганстве—в Трибунале? Если взять хулиганство в обычном понимании (кто-нибудь шел по улице и плюнул другому в лицо), его тащат в Трибунал, а если вы спекульнули на миллиарды, вас тащат в Народный Суд. Где принцип? Принципа нет и это скажется очень скоро в дальнейшем. Или: подлог советских документов—подлежит Трибуналу, а взятка—Народному Суду! Опять каша. Она об'ясняется исключительно несвязностью работы в обоих отраслях.

Ст.ст. 14 до 52—определяют *порядок производства дел:* порядок начатия дел, действия, сопровождающие открытие судебного заседания и самое судоговорение, порядок вынесения приговоров, форму приговора, порядок обжалования и исполнения решений, кассационное производство, другими словами, *дают первую попытку процессуальных норм, своих процессуальных норм вместо устава 1864 г.* Это—принципиальная победа, шаг вперед в смысле полного освобождения от всех старых законов, старых норм, в том числе и от уставов 1864 г.

Тов. Стучка смелой рукой производит расчистку Авгиевых конюшен штейнбергского творчества.

Но еще далеко и далеко не все продумано до конца. Согласно ст. 23-й: «в качестве правозаступников по гражданским и уголовным делам допускаются лица, состоящие в коллегии правозаступников, но по несложным гражданским делам и бракоразводным Народный Суд может не допускать правозаступников».

Чисто практическим чутьем подсказанная мера противоречит провозглашенному раньше принципу, что каждый имеет право на защитника, и новое классовое содержание вливается здесь без согласования с предыдущим. Далее по 27 ст. «все заседания суда открытые, но по особым соображениям, при надобности, публика может быть удалена». Опять-таки, без согласования с предыдущим, нарушение принципа гласности и публичности суда, вносимое революционным требованием момента. Далее: «по гражданским и уголовным делам местные Народные Суды регулируются гражданскими и уголовными законами, поскольку они не отменены декретом». Эта статья взята из декрета № 2 и опубликована 23-го июля при наличии декрета № 3 от 20-го июля, где статья 3-я говорит, что подсудность Нарсудов расширена до 5-ти лет и где указано, что суды руководствуются исключительно декретами и своей революционной совестью. Интересна ст. 42-я, сохранившая принцип, что не все дела допускаются к обжалованию: с приговором, не свыше 3-х дней, а по гражданским делам,—не свыше 500 рублей, дела не подлежат обжалованию. Все остальные подлежат обжалованию. Инструкция не допускает также апелляционных жалоб, но допускает кассационные в Совет Народных Судей. При чем по уголовным делам жалобы на оправдательные приговоры опять-таки не допускаются. Однако, по ходатайству Советов Рабочих Депутатов может быть принесена жалоба на полное освобождение от наказания. Тут опять противоречие между двумя принципами. В инструкции в первый раз, наконец, определено, что такое Совет Народных Судей и как он организуется. В него входят *все местные народные судьи, участвующие в заседаниях по очереди, в числе не менее 3-х лиц.* Вот как создается суд; создается путем инструкционным, а не законодательным. Этот суд имеет право отменять решения местного суда, как по формальным нарушениям, признанным им существенными, так и в тех случаях, когда он признает, что обжалованный приговор «явно несправедлив». Решение Совета *не может быть обжаловано.* Этот последний принцип чрезвычайно важен: с одной стороны, декрет № 3 учредил Высший Кассационный Суд, с другой стороны, издана одновременно инструкция, устанавливающая, что решение Совета не может быть обжаловано. *Этим ставится крест над всеми попытками централизовать судебную практику.* Все, на что шла инструкция, это—на возложение на НКЮ обязанности—систематизировать принципиальные решения Совнарсудов.

И при сопоставлении ст. 58 инструкции и декрета о суде № 3, получается картина: Совет Народных Судей—вторая и последняя инстанция для Народных Судов; Кассационный Суд в Москве—вторая и последняя инстанция для Окружных Судов. *Связи, однако, между*

обоими этими системами никакой нет. Нет ни «единого Народного Суда», ни единой судебной системы. Фактически оставалась старая дореволюционная система различных судов: народные суды—мировые суды; с'езд мировых судей—Совнарсуд, окружные суды; сенат—Высший Кассационный Суд, но единства, связи между обоими параллельными системами никакой нет. А рядом существовала еще и трибунальная система.

Вот, товарищи, то, что приходится установить в области нашего творчества до половины 1918 г. (декрет о суде № 2, декрет о суде № 3 и инструкция Стучки от июля 1918 г.).

Позвольте, чтобы нам кончить с этой первой половиной 1918 года, оставляя в стороне Революционные Трибуналы, о которых будет еще речь впереди, пока еще указать, что в это самое время—10-го июля издается закон о спекуляции, чрезвычайно важный закон в том отношении, что он дает в первый раз квалификацию признаков преступления и устанавливает минимум наказания. Это была первая попытка творчества в области материального права, в области уголовного кодекса, попытка, которой до сих пор не было, и которая является в этом отношении принципиально-важной, как переход к попыткам создания нового материального права.

Из других моментов этого времени отметим тот чрезвычайный момент, когда в июле месяце, опять-таки под влиянием жизненной необходимости, отменяется тов. Стучкой инструкция Штейнберга о Революционных Трибуналах.

Всю эту работу тов. Стучки можно, таким образом, характеризовать, как работу по освобождению нашего судопроизводства от влияния штейнберговских принципов и как попытку построения классовой юстиции, или попытку внедрения классовых принципов в наши суды, но попытку далеко еще не ставившую вопрос ребром о том, какой же должна быть все-таки *система* пролетарского суда. Этот вопрос ставится только в ноябре 1918 года, при разработке «Положения о едином Народном Суде», и разрешается в сторону децентрализации, на основании принципиально противоположных воззрений, чем те, к которым, казалось, склонялся декрет о суде № 3. О существе их мы поговорим в следующую нашу беседу.

Положение о едином народном суде.

Лекция 6-я.

Законодательные акты 1918 г. все можно охарактеризовать, как первые робкие шаги к постановке ряда организационных процессуальных и материальных вопросов, однако, отнюдь не приведенных в систему и, мало того, сплошь и рядом представлявших собой перекрещивающиеся, взаимно противоречащие начала и принципы, взятые из архивов либерального буржуазного права, с одной стороны, и с другой, вытекавшие из непосредственных требований жизни и логики революционных событий.

К концу 1918 г. мы имеем, наоборот, первый законченный законодательный акт — это Положение о Народном Суде РСФСР, являющееся сведением в систему того нового, на чем к этому времени остановился Наркомюст. С этого момента «Положение» легло в основу всей нашей судебной системы и просуществовало нетронутым в своих основных чертах до 1923 г., т. е. в течение почти всех 5-ти лет вплоть до последней судебной реформы. Оно было лишь немного видоизменено Положением о Народном Суде 1920 г., повторившем в общем и целом основные положения и принципы системы 1918 г. Оно было дополнено декларативным изложением принципиальных воззрений на сущность права и наказания, в виде принятых в 1920 году «Основных руководящих начал уголовного права РСФСР», дополнялось рядом циркуляров и декретов, таких, напр., как циркуляр об особых сессиях или декрет о Высшем Судебном Контроле 1921 г., отдельными, более мелкими законодательными актами, чисто инструкционного характера,—но в основе своей оно просуществовало все 5 лет.

Поэтому, изучение этого положения является основной нашей задачей, тем более, что как раз в то же время, 5-го октября 1918 г., первый циркуляр Кассационного Отдела при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете по делам, рассматриваемым в Революционном Трибунале, проводил принципиально иные начала, чем те, которые были вложены в «Положение о Народном Суде».

Тот факт, что одновременно вышли два друг с другом не связанные, друг другу принципиально противоречащие в области своей структуры и понимания судебных учреждений, законодательных акта,—характеризует ту двойственность в нашей судебной системе, которая получила начало именно с этого момента и которая оказа-

лась изжитой более или менее, но далеко еще не совсем, только судебной реформой 1923 г.

Мы подробнее потом остановимся на изучении развития Трибуналов. Пока только еще раз отметим приведенные в прошлой нашей беседе слова П. И. Стучка из его статьи о том, что первоначально Трибуналы не понимались, как суды, и что лишь жизнь потом исправила это неправильное толкование.

Мы должны приступить теперь к подробному изучению Положения о Народном Суде. Оно имеет в своем составе раздел 1-й об общих началах судоустройства, другими словами, изложение принципов судебной организации; оно имеет раздел 2-й под названием «общие начала судопроизводства», т. е. изложение принципов процессуального права. Затем идет раздел: «Совет Народных Судей», обрисовывающий строение и судопроизводство второй инстанции, часть, которую надлежало бы отнести к части судоустройственной, ибо она трактует о составе Совета Народных Судей, а общие начала судоустройства изложены в первой части. С точки зрения архитектоники закона это, конечно, недостаток, но не существенный. Во всяком случае, это — закон, который охватывает, за исключением норм материального права, все законы и все положения о судоустройстве, дает описание всей судебной системы и ее динамику— судопроизводство, как таковое. И все это изложено, всего на всего, в 98 статьях. Я должен сказать, что это одна из наиболее ценных черт нашего первого революционного законодательства—краткость, ясность, легкость усвоения. Всего 98 статей. Сейчас у нас 226 статей Уголовного Кодекса, 457 статей Уголовного Процессуального Кодекса, 340 — Процессуального Гражданского Кодекса, около 400 — в Гражданском материальном Кодексе плюс 200 с лишним статей Положения о Судоустройстве. Это уже не пустяк, это в 10 раз более трудно усвоимо, и с это точки зрения жалко отказываться и расставаться с этим первым памятником нашего судебного творчества. Всего 98 статей, это—безусловно крупное достоинство. Спрашивается: но по существу, это плюс или минус? Если сравнить наши теперешние кодексы с кодексами старых времен, то устав уголовного судопроизводства насчитывал свыше 1.600 статей; наш Уг. Проц. Код.—приблизительно одну треть, а между тем наш кодекс не менее полон, чем старый устав 1864 года. Это тоже завоевание. Может быть, для народного суда, для первичной формы суда и гражданского, и уголовного, надлежало бы вернуться к принципу более сжатого, менее подробного изложения, и тем самым предоставить суду большую свободу. И, наоборот, я принципиально высказался бы за то, чтобы при определении процессуальных и материальных норм для инстанции, разбирающей более сложные дела, надлежит не жалеть статей и полезно быть более точным, в особенности в области процессуальных норм. Здесь можно от судей требовать большего и в смысле знания законов и в смысле знания самого материала по делу, с которым приходится оперировать, ибо суть дела требует большей точности. Мне кажется, что истина лежит посредине, и ограничиться для изложения и системы судоустройства, и материального,

и процессуального права лишь 98 статьями—мне представляется недостаточным.

Перейдем к рассмотрению принципов, на которых строилось Положение о Народном Суде. Статья 1-я гласит, что во всей РСФСР учреждается «Единый Народный Суд». Что это значит: единый Народный Суд? Это лишь выражение принципа, что для всех граждан и для всех категорий преступности,—а здесь сказано более широко: «для всякого рода дел, как уголовных, так и гражданских всех категорий»—устанавливается единая форма суда. Принцип в высокой степени красивый и в высокой степени привлекательный. Простая и ясная форма единого суда для всех граждан и для всех дел всех категорий, как гражданских, так и уголовных, с едиными процессуальными нормами,—вот цель, достигнуть которую поставило себе «Положение о едином Народном Суде». Если бы мы могли создать такой суд, мы достигли бы идеала суда вообще. Мы могли бы с гордостью поглядеть на дело рук своих. Однако, достигли ли мы его? Или, вернее, такой ли суд построило «Положение»? Мы имеем все же здесь два состава судов. Ст. 2 говорит, что Народный Суд действует в составе *одного народного судьи и двух народных заседателей* для одной категории дел, и в составе *одного постоянного судьи и шести народных заседателей* для другой категории дел. Принцип единого народного суда получает, таким образом, первый удар, ибо по существу это уже две формы суда, он един лишь постольку, поскольку один и тот же судья на основе одних и тех же процессуальных норм разбирает все категории дел; отличаются эти две формы только количеством заседателей. С точки зрения единства судебной системы это все-таки гораздо более приемлемая вещь, чем построение судебной системы из двух и даже трех различных судов, как это было по декрету № 3 и Инструкции, или из таких же трех различных судов, как построена сейчас действующая система: Народный Суд, Губернский Суд и Верховный Суд, или три различных суда для трех различных категорий дел. С точки зрения реального единства суда, а не единства только теоретического, конечно, за «Положением о Народном Суде» имеется громадное преимущество, хотя все-таки это—не единый суд.

Как же построен этот Народный Суд? «Народный Суд действует на территории советского района (ст. 3), число народных судей в советском районе определяется Уездным Исполкомом Советов и утверждается Губернским Исполкомом Советов. В городах, где существуют Районные Советы, число народных судей определяется Районными Советами». Кто строит здесь суд? Городской Совет, Губернский Исполком. Имеет ли к этому делу какое-либо отношение центральная власть? Никакого. Таков первый и основной принцип, на котором базируется вся система. Принцип децентрализации, принцип отказа центральной руководящей власти вносить какие-либо руководящие нормы в построение юстиции, а следовательно, и отвечать за построение юстиции, этот принцип проведен здесь последовательно и выдержан до конца. Как прикажете отнестись к этому принципу?

Этот принцип децентрализации характерен для революционного момента после той страшной централизации, на началах которой был построен наш старый режим и каким был режим старой Франции. Этот же принцип проводит «Положение». Конечно, можно было быть уверенным, что не найдется такого Совета, который не создал бы у себя ни одного Народного Суда. С другой стороны, такая постановка вопроса вполне отвечала принципам 1918 года—«вся власть на местах», и потому какой-нибудь Городской Совет или Областный Совет Народных Комиссаров Печенежского уезда Архангельской губ. мог совершенно правильно умозаключать: мы власть на местах, мы приемлем декреты центральной власти постольку, поскольку они для нас приемлемы, и мог совершенно спокойно отвергать всякие притязания центральных комиссариатов на руководство. Эта точка зрения анархического федерализма была очень популярна в 1918 г. Вы не найдете в эту эпоху в наших законодательных актах вообще никакой другой формы принуждения, кроме принуждения декларативного, исходящего лишь из априорного предположения, что декреты центра и мест не могут друг другу противоречить в силу реального и повсеместного единства интересов трудящихся масс. Эта точка зрения нашего революционного идеала, точка зрения будущего, когда отмирающее государство уже переродится в свободный союз, об'единившись на основе свободной федерации свободных коммун, не могла, однако, удержаться в атмосфере классовой борьбы и гражданской войны 1918—1920 г.г. При наличии длительного периода, который предстояло еще пережить диктатуре рабочего класса в атмосфере ожесточеннейшей классовой борьбы с рядом внешних и внутренних классовых врагов, эта диктатура была мыслима, как раз, лишь при условии отчаяннейшей централизации власти. Диктатура, основанная на децентрализации и на одной моральной обязательности ее приказов,—это была маниловщина, которая могла существовать, конечно, только первое время. Интересно, что и французская общественность при якобинцах в 1793 году была построена на началах уже строжайшей централизации. Якобинцы при помощи своих клубов, как мы при помощи своих Губкомов, держали всю страну в ежовых рукавицах. В этом случае урок якобинцев пошел нам впрок. Это признают и наши враги. В сменовеховском «Накануне» вы можете прочесть о том, что, мол, большевистский «орден» в 10 раз выдержаннее и дисциплинированнее, чем орден якобинцев. Ну что же, честь и слава большевикам за это. Вот все, что мы можем сказать.

«Положение» же, как мы видим в 3 ст., выдержанно и последовательно проводило принцип абсолютной децентрализации судебной системы. Чрезвычайно существенно с точки зрения принципиального содержания статья 4, которая в примечании трактует об из'ятиях из подсудности Народных Судов. Это примечание гласит: «дела о контр-революционных деяниях, саботаже, дискредитировании Советской власти и шпионаже рассматриваются Революционным Трибуналом, от которого зависит признать дело не имеющим политического значения и передать дело в Народный Суд». Таков второй удар, нанесенный принципу «единого суда». На ряду с прин-

ципом единого народного суда провозглашается принцип из'ятия из него ряда дел о государственных преступлениях. Почему? Исходя из каких соображений? Что из себя представляли Революционные Трибуналы в тот момент? Это был октябрь месяц 1918 г. Если бы это выделение было в начале 1918 г., оно было бы явно бессмысленно, потому что, как мы доказали на анализе инструкции Штейнберга, по существу Революционные Трибуналы не отличались от Окружных Народных Судов ничем иным, кроме количества заседателей (6 в Трибунале и 12 в Окружном Суде).

Но в октябре это было уже не так, 22 июня был первый смертный приговор по делу Щастного в Верховном Трибунале. Это был поворот в линии Революционных Трибуналов, который отделил несокрушимой гранью Народные Суды от Трибуналов. Благодаря этому вопрос встал так, что это из'ятие получило совершенно иной политический смысл. Государственные преступления из'яты из ведения Народных Судов. Это означало не просто из'ятие ряда дел. Это из'ятие означало, во-первых, что от Народных Судов отнималась задача охраны данного социального правопорядка, данного господствующего класса, во всех тех случаях, когда на эти интересы делается сознательно, во имя политических целей, покушение, направленное не против отдельного лица, а направленное против класса в целом, против политической системы. Изымалась охрана интересов господствующего класса в наиболее откровенной форме, охрана политической системы, охрана социального правопорядка. Но так как мы выше определили вообще основную задачу суда, как охрану социального правопорядка, то при из'ятии этого дела из ведения народных судов, что же оставалось им и в силу каких принципов производилось это из'ятие. На долю системы судов, так сказать, основных судов остаются преступления, направленные против личности, против имущества, одним словом, вся масса бытовых явлений, которые могли в известных случаях разрешаться либо своеобразным судом—путем арбитража, либо такой постановкой суда, где форма не имела особого значения и сам суд, как таковой, уходил из поля зрения *первостепенных* и особо важных, с точки зрения законодателя, *звеньев общей сети государственных установлений*. При такой постановке, однако, с тем большим значением могли выступить на первый план второстепенные функции и задачи суда; функции культурная, агитационная и иные могли без ущерба для дела занять превалирующее значение. Таков был теоретический и практический смысл этого из'ятия. Это из'ятие перенесло центр тяжести вопроса о задачах суда в совершенно иную плоскость и тем самым значительно смягчило все те недочеты и неудобства и принципиальную невыдержанность, какую несло с собой построение суда на принципе абсолютной децентрализации. Это не означало все же того, что такое построение было правильно. Оно только, так сказать, «смягчало вину».

Я уже вам говорил во всех своих беседах, что для меня нет разницы между принципиальным крупным делом о контр-революционном заговоре и делом о мордобитии или делом о нарушении

правил езды по городу, ибо и то и другое, как контр-революционный заговор есть покушение, направленное на данный социальный порядок в целом, так и нарушение правил езды по городу есть всегда индивидуальное нарушение гражданином той или иной детали правопорядка, установленного данным общественным классом в своих интересах. Вот почему для меня вообще такое принципиальное из'ятие немыслимо, недопустимо, и я в этом отношении более последовательный сторонник системы единого суда в его целях, в его задачах, чем те товарищи, которые, проводя это разделение, говорят: для таких преступлений мы идем на из'ятие, зато для всех остальных категорий преступлений мы устанавливаем единый суд. Единства здесь нет, ибо здесь единое содержание суда, как института, рассечено на части, из него вынута душа всей системы—его принципиальное назначение. Во всяком случае, говорить о едином Народном Суде после такого из'ятия было сплошным лицемерием. Однако, и для оставшихся «бытовых» преступлений единства суда, как мы видим, создано не было. И для них были созданы два суда, да и то ненадолго. Даже для этой массы преступлений условия эпохи не давали еще предпосылок для единого суда. Такая постановка дела дала только одно — она выдвинула на первый план те второстепенные, второочередные задачи суда, как института, о которых я говорил в первой нашей беседе,—задачу воспитательную, задачу агитационную, задачу пропагандистскую и проч. Эти задачи начинают в народных судах превалировать над всеми остальными. Происходит подмена содержания самой идеи суда. Суд начинает трактоваться скорее, как орган воспитательного воздействия и широкой политической демократической общественной школы, чем как орган охраны государства и интересов господствующего класса в данном обществе. (См. статью Д. И. Курского).

Наконец, такое трактование задач суда нашло свое отражение и в партийной программе РКП, принятой на партийном с'езде в марте 1919 года, т. е. непосредственно после принятия «Положения о едином Народном Суде». Нам надлежит поэтому на этих вопросах остановиться подробнее.

Мы позволим себе остановиться на анализе этого момента глубже, ибо это самый кардинальный вопрос.

Понимать суд исключительно как «правообразующую» силу или как школу права или, наконец, даже как политическую школу для воспитания трудящихся масс является, повторяем, с нашей точки зрения, подменой основного содержания суда, как классового института, действующего в классовом обществе.

Только для общества, в котором классовое разделение либо исчезло совершенно, либо, исчезая, доживает свои последние дни, совершенно правильной представляется та постановка, какую дает программа РКП, так как в этих условиях можно ставить задачей наказания переход к широко практикуемым мерам морального воздействия, к перенесению центра тяжести судебной деятельности от карательных функций к функциям обличительным, к замене всякого рода наказаний в том числе таких, как лишение свободы, такими,

которые не влекли за собой ничего, кроме морально-политического эффекта.

Далее, только в этих условиях, т.-е. тогда, когда новый социальный правопорядок окреп и отживающие традиции ослабели, психологические и всякие другие навыки, которые были свойственны капиталистическому обществу, — а трудящиеся массы уже представляют собой в подавляющем своем большинстве сознательно и одинаково мыслящее население с одинаковыми, привившимися, благодаря новому социальному правопорядку, этическими нормами —мыслима такая организация суда, при которой: а) не нужна была для него единая руководящая инстанция, направляющая судебную политику, и б) при которой бы государство, как таковое, т.-е. руководящий класс смог бы с полной уверенностью предоставить разрешение всех дел «совести» народным заседателям, не опасаясь при этом, что это поведет к разнобою в их решениях. С этой точки зрения программа РКП декларировала то, что должно еще было быть, и ее ошибка заключалась в том, что то, что должно было бы быть или что еще будет только впоследствии, она уже декретировала, как то, что уже есть или что она полагала уже возможным организовать.

Между тем, благодаря этой, в корне неверной постановке, получилось, что оказавшаяся на деле реальная система суда, включая *все* ее формы, ни в малой мере не явилась похожей на то, о чем писала программа РКП. Правда, для 90 проц. бытовых мелких дел, проходящих через Нарсуды, можно было, не опасаясь, сравнительно спокойно проводить такую организацию суда; ее отнюдь нельзя было, однако, последовательно провести для всех дел. В результате, с одной стороны пришлось: а) выделить из рассмотрения Народного Суда ряд дел, переданных суду с 6-ю заседателями, б) совершенно из'ять дела трибунальной подсудности, в) допустить одновременно расправу ВЧК. От горделиво провозглашенной в программе РКП фразы, что Советская власть создала «единый народный суд, вместо системы различных судов», не осталось камня на камне, гордое заявление оказалось фразой, а самый народный суд оказался пущенным на волю судеб без всякого руководства в атмосфере ожесточеннейшей гражданской войны в стране, где сознание подавляющего большинства крестьянского населения сплошь было наполнено пережитками и инстинктами собственнического, мелко-буржуазного характера.

Задача эпохи могла и должна была быть понимаема совершенно иначе. Прокламировав будущий суд и его систему и его принципы, надлежало во что бы то ни стало создавать такую систему, которая отвечала бы потребностям настоящего, надлежало строить именно не единый суд, а единую систему различных судов. Положение о Народном Суде не оказалось, однако, принципиально выдержанным даже в отношении к тем категориям преступлений, которые охватывались этой системой.

Так, согласно ст. 7-й п. «а»: «Народный Суд в составе 6-ти заседателей рассматривал дела о посягательстве на человеческую жизнь,

о причинении тяжелых ран или увечий, об изнасиловании, о подлоге, о подделке денежных знаков или документов, о разбоях, о взяточничестве или спекуляции, о монопольной скупке нормированных продуктов». В этой статье отразилось новое противоречие такого построения суда при наличии уже проведенного выделения из него дел особенно опасных. Если дела об убийстве, об увечье, об изнасиловании могли быть целиком, как дела бытового характера, не носящие однако, в себе элементов, в силу своей сравнительной редкости, особой общественной опасности, переданы общим народным судам, то дела о разбое, т.-е. о бандитизме, о подделке денежных знаков, о спекуляции для 1917—18 г.г.—это были явления в высокой степени общественно-опасного характера. С этой точки зрения, поскольку эти явления направлялись в силу своего массового характера (спекуляция, бандитизм) против данного социального порядка в целом, они носили явно выраженный классовой характер и колебали основы нового социального правопорядка. Ясно было, что ни в коем случае эти преступления не могли рассматриваться в народных судах, которые по своей структуре были лишены возможности проводить какую-либо единую политику и претендовали лишь на воспитательную работу. Спекуляция в 1918 г. была политическим преступлением и имела политическое об'ективное значение. Отдельное убийство, как дело Комарова-Петрова, это в бытовом отношении, может быть, интересное дело, в политическом отношении цена ему была—ломаный грош; и интерес оно представляло собой только для возбужденной фантазии мещан; с точки зрения государственной—цена ему была нуль. Но бандитизму место было в исключительных судах или, вообще, в судах, специально приспособленных для охраны интересов господствующего класса, а не в судах-школах, судах с воспитательными функциями, между тем его из доктринерства передали в Нарсуд, как и спекуляцию,—в результате, жизнь моментально внесла поправку. «Положение» вышло в октябре, а в феврале «Положение о Революционных Трибуналах» уже было изменено в том смысле, что Революционные Трибуналы получили право принять к своему рассмотрению любое дело и отбросить любое дело, не считаясь ни с какой формально предписанной им подсудностью. Вот как жизнь исправляла закон, и спекуляция, и бандитизм пошли опять в трибуналы, несмотря на «Положение». Здесь, как и в 7-й статье, отразилась принципиальная неясность в вопросе о существе и задачах суда, как такового. О той же принципиальной невыдержанности говорит следующее примечание к той же статье, предоставляющее Народным Судам по уголовным делам право признать необходимым рассмотреть в составе 6-ти заседателей любое дело, подлежащее рассмотрению в составе 2-х заседателей. К чему сводится на практике это правило? К тому, что стиралась всякая грань между обоими формами судов? Может быть, так фактически проводился принцип единого суда? Но в таком случае зачем вообще это разделение на две формы и каковы же мотивы этого разделения в конце концов? Неужели же только в том, что, мол, 7 человек решат дело лучше, чем три? Принцип, с моей точки зрения, спорный.

Зато большим достижением следует признать следующую статью: «При рассмотрении гражданских и уголовных дел народные заседатели пользуются одинаковыми правами на ряду с народными судьями». Должен сказать, что в целом ряде местных судов, когда они строились по усмотрению и по желанию отдельных уездных и губернских комиссаров юстиции, нередко ставился вопрос об отделении судей от заседателей, одним словом, сохранились принципы суда присяжных. С этой путаницей закон кончает, устанавливая полное равенство и тех, и других. Следы путаницы все-таки остались.

По ст. 9. «В судебном присутствии с 6-ю заседателями председательствует судья или один из заседателей, а при двух заседателях председательствует постоянный народный судья». Этого я тоже не понимаю. Это опять путаница. Откуда это председательствование заседателей? Это все еще остатки штейнберговщины.

Позвольте перейти теперь к другим основным принципам «Положения». Для народных судей устанавливается определенный ценз, классовый ценз. Его установила уже инструкция. Избираются они общими собраниями Советов из кандидатов, выдвигаемых Исполн. Комитетом Советов; в уездах—из кандидатов, представляемых «сельскими и волостными исполкомами». Значит, кем избираются? В конечном счете сельскими и волостными исполкомами, даже не городскими. Мелкой земской единицей, как сказали бы раньше.

Этими же низовыми ячейками, вплоть до волостных исполкомов, они могут быть в любой момент отозваны. Нар. Ком. Юстиции что-нибудь об этом знает? Ничего не знает. Имеет какое-нибудь влияние? Никакого не имеет. Здесь децентрализация доведена до своего логического конца, до абсурда.

Как же происходит составление списков заседателей? Тем же порядком. О порядке же их призыва говорит ст. 17-я: «Из утвержденных списков народных заседателей избираются по жребию по 8 заседателей (6 очередных и 2 запасных) на каждую сессию Народного Суда для рассмотрения дел, указанных в ст. 7, по 3 заседателя (два очередных и один запасной) для рассмотрения дел, указанных в ст. 8 настоящего положения, следующим порядком: в городах, имеющих районные Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов, Президиумом этих Советов совместно с коллегией постоянных судей данного советского района, а в остальных городах и уездах Президиумом Исполнительных Комитетов городских или уездных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов совместно с представителями Народного Суда или Совета Народных Судей».

Та же старая громоздкая история, которую мы встречали уже в инструкции. Чрезвычайно громоздкое и неуклюжее здание! Маленькое примечание к этой статье, однако, опять спасает дело. Примечание гласит: «в видах экономии времени, органы, намечающие по жребию заседателей, могут одновременно установить несколько очередей, согласно расписания, представленного народными судьями».

Вы видите, как фактически пресловутая жеребьевка отходит на задний план, заменяясь более удобным способом назначения за-

седателей. Отсюда до способа, установленного теперешним Положением о судоустройстве, в виде призыва заседателей по алфавиту—один шаг.

От низшей судебной ячейки перейдем теперь ко второй инстанции — построению Совета Народных Судей. Как она строится? По статье 81-й: «Все Народные Суды, входящие в состав губерний, составляют судебный округ». Для рассмотрения кассационных и частных жалоб и для ближайшего контроля над действиями Народных Судов утверждается Совет Народных Судей» (ст. 82). Совет Народных Судей состоит из 1) председателя, 2) постоянных членов от 2 до 5, и 3) народных судей округа, участвующих в заседании Совета по очереди (ст. 83). Председатель, заместитель председателя и постоянные члены суда избираются *губернскими с'ездами народных судей округа, утверждаются Губисполкомами и образуют Президиум Совета Народных Судей.* Члены Президиума отзываются Губисполкомом как по их собственной инициативе, так и по представлению С'езда (ст. 84). Итак, кто же избирает Президиум? *Судьи.* Это принцип, целиком перенесенный из декрета о суде № 2, с его автономными коллегиями. Кем утверждается Президиум? Губисполкомом или Городским Советом. Наркомюст опять никакого отношения к этому не имеет. Принцип децентрализации и здесь проведен. Перейдем теперь к внутренней структуре. «Для рассмотрения поступающих дел Совет Народных Судей образует уголовное и гражданское отделения, которыми заведуют члены Президиума» (ст. 85). Для рассмотрения кассационных жалоб составляется присутствие из 5 человек, в том числе два члена Президиума и три народных судьи, призываемых по очереди (ст. 86). Ведение заседаний Совета Народных Судей возлагается на председательствующего, каждый раз избираемого данным составом из своей среды. Опять-таки сугубый демократизм, фактически упраздняющий возможность какого-либо руководства и преемственности в вопросах кассационной политики губернского судебного центра. Вся система построена на принципе децентрализации судебных районов. децентрализации судебных округов, децентрализации в управлении судами и максимальной коллегиальности при решении дел. Так как решение гражданских дел и уголовных дел при отсутствии кодексов и неопытности нарсудей было предоставлено, по существу, усмотрению кассационной инстанции, то такая постановка дела фактически обозначала следующее: мы получили картину—*60 кассационных инстанций не только без какого-либо руководящего направляющего центра вообще, но без какой-либо связи между собой.* А так как Наркомюст не имел права при этих условиях влиять ни на состав Народных Судов, ни на состав Совета Народных Судей, ни на отдельные решения, принимаемые Советом Народных Судей, ни на отдельные толкования законов, то мы получим систему, в которой, благодаря принципиально выдержанной децентрализации в построении судебной практики, *Наркомюст был фактически упразднен, был признан ненужным, как руководящий центр.* Вот сущность и существо Положения о Народном Суде 1918 г. Если с принципиальной

точки зрения поставить вопрос, правильно ли такое построение вообще, двух ответов быть не может. Конечно, оно неправильно. А между тем, его принципиально защищали. Вот вам пример: в своей статье, напечатанной в «Праве и Жизнь», о которой я вам уже говорил, проф. Полянский собирает теоретические обоснования этой системы в отдельных речах на с'ездах деятелей юстиции и из отдельных статей наших судебных работников и приводит ряд выдержек, которые пытаются обосновать правильность этой системы. Существо аргументации сводится к следующему: Суд должен быть не только единым, но и местным судом. Как орган власти местных советов или как орган местного населения, решающий все вопросы на основании совести и разумения, суд, как правообразующий фактор, не нуждается в руководстве и централизации. На возражение, что при такой системе мы получим не суд, а произвол, нам отвечают, что и в этом нет никакой беды. Постройте суд так, чтобы в нем был представлен в громадной массе народный элемент, дайте ему полную свободу при определении наказания, дайте ему только основные вехи по вопросам процессуального права, самые основные грубые вехи, а остальное предоставьте на усмотрение свободно избираемого Совета Народных Судей, поставленного смотреть только за соблюдением этих грубых вех, а не за тонкостями процессуальных норм, и вы можете быть спокойны, что никаких особенных ошибок не будет. Народ сам создаст свое право. Этим рассуждениям нельзя отказать в последовательности и даже на первый взгляд убедительности. В особенности при условии, если из такого суда из'яты более сложные, политические и иные дела, требующие особого порядка рассмотрения. Но эта система, простая и легкая, широко отворяющая двери для судебного усмотрения, грешит прежде всего немарксистским фетишизмом перед словом «народ» и во всяком случае представляется абсолютно не отвечающей правильным задачам и целям единого народного суда в нашем понимании, то-есть, в том более глубоком понимании, которое не терпит двойственности в самом понимании задач суда. Во всяком случае, как ни красива, быть может, эта система со стороны,—в нашей практике, а в особенности в условиях сегодняшней практики, она представляется абсолютно неприемлемой, не говоря о том, что при такой постановке дела право, безотказное, безапелляционное право исполкомов, районных советов смещать и назначать судей по своему усмотрению привело бы к тому, что никакой гарантии для правильности решения какого-бы то ни было дела здесь не было бы.

Еще вчера мне пришлось рассматривать совершенно случайно постановление одного из Обкомов, одной из наших автономных областей Сев. Кавказа, где буквально сказано: «Поставить председателю Губернского Суда и губернскому прокурору на вид, что они не выполнили предписания Обкома, выразившееся в требовании строжайшей информации о всех делах, касающихся местных работников, в результате чего и получилось при рассмотрении дела такого-то присуждение по иску с Губернского Совнархоза 45 миллионов рублей знаками 1923 г., что, конечно, не имело бы места при

соответствующей информации Обкома, *в виду явной вздорности претензий истца»*. Вот вам положение, которое показывает, к чему на деле могли приводить зависимость и сменяемость судей. Обком постановляет: если бы с нами посоветывались, то не присудили бы с Совнархоза по иску «в виду явной вздорности претензий истца».

Я перехожу от анализа судоустройственной части «Положения о Народном Суде» к вопросу о судопроизводстве. Порядок судопроизводства изложен в разделе об общих началах судопроизводства. Я не буду говорить о статьях, которые не вызывают сейчас с нашей стороны никакой критики и лишь упомяну о примечании к ст. 23-й, которое окончательно и бесповоротно рвет со старым порядком и говорит, что «ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств исключаются». В основном своем тексте ст. 23-я говорит, что «Народные Суды могут по своему убеждению определять меру наказания». Ст. 23-я стирает, таким образом, последнюю грань между обоими формами судов. Теперь нет разницы между Народным Судом с 2-мя заседателями и Народным Судом с 6-ю заседателями. Статья стерла все ограничения, которые были раньше—постановление декрета о суде № 1, устанавливавшее для Нар. Суда максимум наказания в 2 года, и ограничение инструкции, повышавшее санкцию до 5 л. С точки зрения системы единого суда—это шаг вперед, с точки зрения логики—шаг назад, т. к. этим самым подрывался самый принцип целесообразности 2-х форм судов.

Следствие: «предварительное следствие по уголовным делам, рассматриваемым 6-ю заседателями, возлагается на следственную комиссию. Следственная комиссия состоит из председателя и 2-х членов, избираемых городскими советами. Они могут быть отозваны во всякое время» (ст. 28 и сл.). Требуется определенный политический стаж. Наркомюст опять не имеет никакого отношения к следственным органам. В предварительном следствии допускается участие защитника, назначаемого коллегией защитников (ст. 34). Либеральный принцип торжествует,—однако, участие защитника может быть ограничено следственной комиссией (ibid). С этим всем мы уже встречались при разборе инструкции местным нар. судьям от июля 1918 г.

40-я статья трактует о сторонах в процессе: «для содействия суду при губисполкомах учреждаются коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон». Избираются они, опять-таки, Исполкомами, опять на основе классового принципа, но *получают содержание в размере оклада народного судьи, по смете Наркомюста.* Это—принципиальная статья, которая впервые пыталась создать у нас советскую адвокатуру. Кончилась эта попытка неудачей. Своих работников мы набрать не могли, так как набирали их в суды (в принципе эта статья правильна), а господа же адвокаты предпочитали получать жалование и тут, и там, т. е. и оклад, и мзду с клиента. Голого приказания закона оказалось недостаточным для этих «ревнителей права» и поклонников «внеклассового суда». Обязательное привлечение защиты по делам с 6-ю заседателями—такова была новелла, которую принесло с собой «Положение».

В разделе о порядке производства дел из процессуальных моментов интересна только ст. 58-я, общая для гражданского и уголовного процесса, обязывающая председателя об'яснять обвиняемому и сторонам право отвода, знаменующая стремление закрепить ряд правовых гарантий для обвиняемого и тяжущихся. Самой важной, однако, представляется ст. 73, требующая мотивированных приговоров—от Народного Суда. Суд обязан был изложить в приговоре *сущность приговора и основание его.*

Эта мотивировка приговоров, обязательная для Народных Судов, долгое время оставалась камнем преткновения для нашей судебной практики. Простые рабочие от станка, посаженные народными судьями, были вынуждены писать мотивированные приговоры. Конечно, это было плюсом с точки зрения большей обоснованности приговора, но это было чрезвычайно затруднительно для судебных работников и уже, конечно, не отвечало принципиальному воззрению на суд, как на суд народной совести, где мотивировка приговоров согласно буржуазной теории вообще принципиально исключается. Судьи совести не должны были об'яснять мотивов, которые легли в основание их решений. Положение о Народн. Суде, исходившее из представления о Нар. Суде, именно как о суде совести, вступало в противоречие с самим собой. В Трибуналах, наоборот, как мы увидим, никогда не требовалась мотивировка, в то время, как согласно буржуазной теории от трибунала как раз надлежало требовать мотивировки, как от судей, назначенных, постоянных, а не судей совести. Оба эти буржуазных принципа оказались перевернутыми вверх ногами в нашей судебной практике. Современный же процессуальный кодекс, как мы знаем, в его последней редакции упразднил требование мотивированных приговоров и для Нар. Судов. Он исходил при этом из той предпосылки, что и Нар. Суд, и Трибуналы в своем качестве судов равны и что поскольку и тут, и там судьи имеют задачей соблюсти закон и покарать его нарушителя, закон настолько доверяет им, что не требует об'яснять почему тому или другому доказательству придана вера, или, наоборот, ее не придано; закон обязывает их только написать подробно то, что они признают доказанным. И в этом отношении действующее положение принципиальнее и выдержанее, чем положение о Нар. Суде.

Перейдем к рассмотрению построения судопроизводства в кассационной инстанции.

Для кассационного разбирательства, по ст. 88-й, обязательно вызывается потерпевшая сторона или лицо, при чем неявка их не исключает рассмотрения дела и без них. В остальном мы имеем повторение инструкции со всеми ее положительными и отрицательными сторонами: скрытая апелляция (жалоба на несправедливость приговора) и т. д. Вот и все. Итак, что же из себя представляет Положение о Народном Суде? Позвольте подвести итоги. Это есть прежде всего разрыв с системой Штейнберга, с надуманностью и принципиальной неразберихой декретов о суде № 1 и № 2 и в то же время первая в общем и целом принципиально выдержанная система построения пролетарского суда. В этом ей отказать нельзя. С другой

стороны, это есть наибольшее развитие той линии, которая была занята Наркомюстом после июля 1918 г. и которая в течение 5-ти лет систематически проводилась им в жизнь. Эта линия сводится к системе децентрализации, с одной стороны, и построения самой судебной системы на началах наибольшей простоты, ясности и наибольшей близости суда к населению и его свободы, с другой стороны.

Наиболее наглядным выражением этого факта является то, что в Положении всего 98 статей. Оно отличается принципиальной невыдержанностью в той части, в которой логически приводит к необходимости построить специальный суд для рассмотрения дел об особо общественно-опасных деяниях, которые нельзя предоставить к рассмотрению на волю божию без каких-либо руководящих указаний, что в свою очередь логически привело к развитию трибуналов, как особой системы, отдельной от общих судов. Тот же принцип децентрализации привел затем к полной зависимости судов от местных районных Советов, что не с точки зрения идеи, вложенной в эту зависимость, а с точки зрения реального влияния на суд заинтересованных лиц при решении того или другого дела и фактического устранения всякой возможности действительного контроля и направляющего руководящего значения Наркомюста — явились безусловно неправильной. Допущенное затем по Положению строение второй кассационной инстанции не связывало ничем кассационных судей, не давало им никакой обобщающей связи, что логически должно было приводить к разнобою в толковании законов и к проведению отсебятины в судебной политике на местах. Эта система простого судебного процесса, доступного судебного процесса могла быть избрана только для ограниченного круга дел, но в эту систему должны были быть введены поправки, во-первых, в виде определенной формы контроля над деятельностью Народного Суда и 2-я поправка в смысле выделения дел, требующих обязательно не простоты, а точности процессуального права, дел более важных. Отсюда уже логически вытекала необходимость нарушения принципа единства Народного Суда, а переход от принципа единого Народного Суда к принципу единства судебной системы, чтобы все эти логически неизбежные различные формы суда свести к одному принципу, одной плановой иерархии. В условиях же диктатуры рабочего класса и гражданской войны эта система «de facto», на деле привела к тому, что *Наркомюст выпустил из рук своих бразды правления и едва-едва теперь только подбирает эти вожжи в 1923 году.*

Трибуналы и их развитие.

Лекция 7-я.

История трибунальной юстиции (мы можем так выразиться), являет собой картину гораздо более планомерного, систематического и принципиально выдержанного развития, чем развитие общей судебной системы, которое мы обрисовали в предыдущий раз. Это не может об'ясняться, конечно, исключительно случайными причинами. Это не могло об'ясняться случайными причинами уже потому, что института, учреждения, на которое было бы возложено руководство трибуналами, как таковыми, специально не было вообще. Оно создалось лишь впоследствии. Причины были двоякого сорта.

Первой причиной того, что трибунальная юстиция получила более планомерное и принципиально-выдержанное развитие, было то, что логикой вещей трибуналы, как органы расправы с контр-революционными элементами, в эпоху гражданской войны должны были, не могли не получить первенствующего значения во всей остальной судебной системе и, поэтому, на них, хочешь, не хочешь, а вынуждены были и партийные, и общественные, и советские организации обратить свое сугубое внимание, так что поневоле, если о чем-либо думали вообще в эти первые годы революции в области судоустройства, то думали о трибуналах, а не об общих судах. Это было первой причиной, почему здесь практика менее расходилась с теорией и трибуналам было уделено больше внимания и сил.

Вторая причина заключалась в том, что путь развития трибунальной юстиции, путь, по которому нужно было пойти и пошли, был слишком отчетливо намечен, опять-таки, самим содержанием той эпохи, в которой трибуналы насаждались,—эпохи гражданской войны. Здесь путь придания трибуналам функций исключительного суда настолько был ясен по существу возложенных на них задач, что над этим думать особенно не приходилось. Нужно было думать о деталях, а не о принципиальном содержании. Оно было ясно, и равным образом отсюда вытекала с неменьшей ясностью необходимость централизованного руководства трибуналами. Ибо пустить охранять государство и интересы государства «без руля и без ветрил» было, конечно, абсолютно недопустимо.

Но и в истории трибунальной юстиции мы находим в первую эпоху отражение тех же колебаний, которые мы видели в области общих судов. Они не были, к счастью, долговечны и уже к октябрю месяцу 1918 г.,трибунальная юстиция получила законченные формы, после которых мало приходилось добавлять. Ценнейшая в этом отношении статья Петра Ивановича Стучки в сборнике о пятилетии Верховного Суда, которую я вам цитировал, говорит нам, что трибуналы в первые годы, хотя и создавались, как исключительные суды, создавались скорее как органы обличения, и с целями не столько карательными, сколько обличительными, как органы публичного обличения со стороны рабочих и крестьян. От революции и от поведения ее противников,—пишет Стучка,—зависело усилить их до значения карательных органов. По моему, если, действительно, такая постановка вопроса имела место при начале трибунальной юстиции, она, конечно, было в корне ошибочна, потому что нельзя было допустить ни на одну минуту,—надо было для этого быть ребенком,—что такая глубокая социальная революция, как наша, обойдется без органов репрессии или с органами репрессии, которые имеют только обличительные задачи, или что наши противники будут с нами состязаться только в области словесных прений, в залах трибунальных заседаний. Не трудно было предвидеть, что борьба будет ожесточенной и следовало потому озаботиться созданием соответствующего орудия борьбы. Но как бы то ни было, так ли был поставлен вопрос, как пишет т. Стучка, или иначе,—это откроют впоследствии седовласые мужи, которые будут писать историю Революции,—но, во всяком случае, по теперешним точным документам по инструкции Революционным Трибуналам Штейнберга от 18 декабря, мы видели, что Революционные Трибуналы первого периода по существу не отличались, в плоскости своего принципиального строения, от общих судебных мест. Суд демократический, революционный, классовый, публичный, гласный, с допущением защиты и обвинения, с предоставлением этому суду такой же меры свободы размаха в репрессии, что и Народному Суду—вот что представляют собою трибуналы и только. При такой постановке дела трибуналы действительно могли быть очень хорошей политической кафедрой, но отнюдь не устрашающим орудием борьбы.

Я приводил вам выше данные, которые характеризовали размах репрессии в эту пору и которые выражались в приговорах: Пуришкевичу 2 года тюрьмы, генералу Болдыреву, одному из самых злостных врагов Советской Власти, чуть ли не общественное порицание, Шнеуру—высылка за границу,—одним словом, репрессии, которые с точки зрения действительной революционной борьбы—яйца выеденного не стоили.

Причин тут, конечно, целый ряд. Из них первая то, что вообще репрессия и суровая кара, как таковая, как наказание, не свойственна рабочему классу и, как общее правило, мы можем наблюдать, что рабочий, сидящий за судейским столом, всегда имеет тенденцию быть мягким, кроме, конечно, тех случаев, когда он ви-

дит политическую необходимость уничтожить политического врага. В 1918 же году мы могли в порыве аффекта иметь убийство Шингарева и Кокошкина, но едва ли оба эти классовых врага получили бы даже тюрьму в тот момент, если бы были преданы суду. Это обычная психология рабочего класса, с которой часто приходится иметь дело. Были, конечно, и другие причины, в частности к одной из них нужно отнести влияние защиты и недостаточную выдержанность рабочих судей. Из этих первых приговоров видно, что вопрос о необходимости коренной реформы Революционных Трибуналов должен был быть поставлен, он вытекал сам собой, как политическая необходимость. В качестве курьезов первой эпохи трибунального производства я рекомендую товарищам, желающим ознакомиться с ними, прочесть старые газеты, в частности «Русское Слово» и «Русские Ведомости» и петроградские газеты за январь-март месяцы 1918 года. В них вы найдете описание первых процессов в Петроградском Трибунале. Корреспонденты, захлебываясь от радости, писали в этих газетах: глядите, мол, как идиотски поставлен суд у большевиков. Я приведу один из курьезов из этих писаний: описание того, как председатель Трибунала сначала дал слово обвинителю, затем допросил обвиняемого, после чего суд ушел совещаться. Оставшись ни с чем, защитник кричит: «эй, я еще не говорил». На что председатель, махнув рукой, подает реплику: «Какая беда»—и уходит. Эта картина характерна для той нескладицы, в которой проходили первые заседания Революционных Трибуналов. Она, конечно, характеризует эпоху. Курьезов вы найдете много, если вы просмотрите первые протоколы Кассационного Отдела при ВЦИК в период приблизительно с июля по октябрь 1918 г. В первых 300 делах, рассмотренных в волостных и районных Трибуналах, ибо каждая волость и район хотели иметь свои Трибуналы, вы увидите также не раз поразительные номера. Трибуналы, рассматривающие гражданские дела, дела о разводе, дела о «кумышковарении»—составляли повседневное явление.

Положение, таким образом, создалось такое; что вопрос о репрессиях необходимо было поставить ребром, и мы знаем, что 2 ноября 1918 г., когда возникла ВЧК по борьбе с контр-революцией, шпионажем, спекуляцией и преступлениями по должности, фактически дело борьбы с контр-революцией перешло к ней. И сразу же стал вопрос, что это за учреждение, какое оно имеет отношение к юстиции? Этот вопрос был поставлен в Совете Народных Комиссаров Штейнбергом, тогдашним министром Юстиции. Тогда вопрос был разрешен таким образом, что Всероссийск. Чрезвычайная Комиссия является ничем иным, как органом следствия, не имеющим никаких прав судебной репрессии. Такая постановка вопроса, принципиально вообще правильная, при данном состоянии трибунальной юстиции, конечно, не выдерживала никакой критики. Если нет орудия борьбы, надо было его создать. Если Рев. Трибуналы не переделать, то необходимо создать другое орудие борьбы. Этого требовала жизнь и, конечно, не Штейнбергу было создать из Револю-

ционных Трибуналов действительное орудие классовой борьбы и репрессии. Историю развития отношений ВЧК и Трибуналов мы рассмотрим после, а пока перейдем к изложению истории Трибуналов, как таковых. Трибуналы начали работать согласно инструкции 18 декабря. Московский Революционный Трибунал работал по инструкции, которая была выработана группой товарищей и утверждена Московским Советом. По ней Московский Трибунал работал вплоть до марта месяца, до переезда в Москву Совета Народных Комиссаров. В Москве во главе юстиции стал с.-р. Шрейдер, комиссар юстиции Москвы и Московского округа. Здесь либеральные принципы нашли свое воплощение в принципиальном допущении защиты в стадии предварительного следствия, в организации публичной камеры предания суду с вызывом сторон. Первый удар такому положению вещей был нанесен законом 9 мая 1918 года. Этот закон был издан под влиянием прямых требований жизни, как результат целого ряда процессов, которые показали явную недостаточность действующих трибуналов.

Закон 9-го мая, распубликованный 14-го мая, имел тоже свою историю. Первоначально предполагалось создание учреждения, которое бы руководило трибуналами, в лице особого «Народного трибуна». Приблизительно в апреле месяце 1918 года в Москве был создан, правда, в чрезвычайно своеобразной форме, Комиссариат Публичного Обвинения. Этот Комиссариат имел задачей постановку публичного обвинения для целей защиты интересов государства и революции в Революционных Трибуналах, как контр-организация против засилия в Революционных Трибуналах буржуазной адвокатуры и как средство поднятия революционной репрессии. Одновременно с этим Комиссариату Публичного Обвинения передавались функции наблюдения за законностью и привлечению к ответственности ряда должностных лиц; при нем образовалось нечто в роде маленького следственного отдела.

Таким образом, уже в мае 1918 года у нас возникает идея, по существу, прокурорского надзора, которая нашла свое осуществление только сейчас, но которая уже тогда выдвигалась жизнью, как необходимый корректив против слабости репрессий, против засилья буржуазной адвокатуры в трибуналах.

Это институт просуществовал недолго, всего-навсего месяц или полтора и декретом 14-го мая о Революционных Трибуналах был упразднен. Что же принес с собой этот последний декрет? Прежде всего количественное упорядочение трибуналов. Ст. 1-я декрета предписывала: «Революционные Трибуналы сохранить лишь в крупных центрах, столицах, губернских городах, крупных узловых станциях и промышленных центрах, упразднить все, так называемые, местные, армейские Революционные Трибуналы с передачей дел в ближайшие Революционные Трибуналы».

Так начинался этот декрет с упразднения отсебятины, самостийности в исключительных судах. Имея в виду создать суд исключительный с узкой подсудностью и большим размахом репрессии, де-

крет не мог допустить положения, при котором трибуналы росли бы как грибы.

Ст. 2 говорит о подсудности. Декрет первоначально, однако, совсем не суживал, а, наоборот, расширял подсудность. Кроме дел по борьбе с контр-революцией, декрет предписывал: «Возложить на Революционные Трибуналы дела по борьбе с погромами (элемент не политический, но социально-опасный), взяточничеством, подлогами, неправомерным использованием советских документов, хулиганством и шпионажем...» Эта довольно странная амальгамма преступлений — от хулиганства до шпионажа, однако, имеет в своем существе нечто общее. В принципиальной выдержанности этому декрету отказать нельзя. Хулиганство в понимании его в мае 1918 г. было непосредственно близко бандитизму. Отбросы общества, деклассированные войной и революцией элементы мешали молодой власти гарантировать населению минимум элементарной безопасности, они могли и должны были быть обузданы суровой репрессией, ибо известно, что обыватель все вопросы высокой политики пошлет в трубу и всякую власть отправит ко всем чертям, если она не гарантирует ему того, что он ночью по улице может вернуться спокойно домой, и что его не обокрадут.—«Прежде всего мой кошелек, а потом судьбы вселенной и всего мироздания»—такова типичная психология обывателя-мещанина. И поэтому об'единение во 2-м пункте, как равно опасных в социальном отношении для государства явлений хулиганства и шпионажа, является вполне логическим и правомерным с точки зрения эпохи. По тем же причинам к трибунальной подсудности было отнесено взяточничество и подлоги. Ст. 3, наоборот, предписывала: «Из'ять из ведения Революционных Трибуналов все дела обще-уголовного характера и передать таковые в судебные учреждения». С точки зрения построения закона этот пункт излишен: если предыдущий пункт говорит, что трибуналу подсудны только такие-то дела, то ясно, что все остальное ему не подсудно. Это азбука, но в 1918 г. нужно было ставить все точки на «и». Далее закон гласит: «Отменить деление трибунала на отделения по борьбе со спекуляцией и по борьбе с контр-революцией». Это явление имело место в ряде трибуналов в Петрограде и Москве, где трибуналы делились на 2 части с 2-мя председателями: один по делам по борьбе со спекуляцией и председатель по делам по борьбе с контр-революцией. Это разделение только вызывало путаницу, но не имело никакого критерия. Следующая статья: «Упразднить Главный Трибунал по делам печати». Оба эти пункта имели одну цель—упростить исключительный суд. «При каждом трибунале учредить коллегию обвинителей, в составе не менее 3-х лиц, избираемых местными советами непосредственно или по представлении Революционных Трибуналов или Наркомюста». Здесь впервые, в мае 1918 г., уже резко выражен принцип руководства личным составом со стороны НКЮ, который сам только что еле еле становился на ноги. «На обязанности коллегии обвинителей возложить участие в заседаниях следственных комиссий по рассмотрению вопросов о предании суду...», т. е. в теперешних распоря-

дительных заседаниях, «и дачу заключений по вопросу о подсудности и о полноте произведенного следствия», т. е. то, что теперь называется «утверждением обвинительного заключения». Наконец, «непосредственного участия на суде»,—то, что теперь именуется «поддержанием обвинения»,—одним словом, все функции прокурорского надзора. Последние статьи декрета реформируют следственную часть.

«Следственная комиссия разрешает все вопросы следствия в закрытых заседаниях...» Этим декрет сразу закончил со всей московской маниловщиной.

Декрет особо указывает на роль обвинительной коллегии при заключении следствия. Подробнее эти вопросы были разработаны в подробной инструкции обвинительной коллегии, о которой мы будем говорить ниже. Важно отметить создание Центральной Обвинительной Коллегии, наблюдающей за деятельностью всех судебных учреждений. Эта последняя получает *административные права в отношении всех местных коллегий*, раньше, чем таковые права получил Верховный Трибунал, как руководящий судебный центр. *Идея прокурорского надзора в почти законченном ее виде, таким образом, была проектирована уже в 1918 году.*

Этот маленький декрет, чрезвычайно глубокий по своему принципиальному содержанию, впервые проводил в жизнь организацию публичного надзора со стороны государства за судами. Как же был организован этот надзор? Обратимся теперь к разбору инструкции обвинительным коллегиям, изданной Центральной Обвинительной Коллегией и напечатанной в «Изв. ВЦИК». Эта инструкция нам покажет, как впоследствии мыслили ее авторы дальнейшее развитие этих функций обвинительных коллегий. Декрет ничего не говорил о порядке отчетности местных коллегий, ни об их взаимоотношениях с органами местной власти, поэтому Центральная Коллегия рекомендует прежде всего установить ежемесячную отчетность, сообщающую о категориях дел, об обвинительных или оправдательных приговорах, о порядке возбуждения ходатайства при Центральной Коллегии, о признании каких-либо дел особо важными и делегировании для них специальных обвинителей. Особенно важна попытка поставить обвинителей в независимое положение: *устранение из коллегии обвинителей может иметь место только через местный Совет по представлении Президиума Трибунала или коллегии обвинителей.* Права и обязанности коллегии обвинителей следующие: участие в заседании следственной комиссии о предании суду, право делегировать своих членов в любое дело в качестве стороны, право присутствовать при допросе свидетелей, право требовать передопроса, требовать новых доказательств наравне с защитой, и, наконец, составлять обвинительные тезисы по каждому делу. В виду того, что в местной практике Трибуналов до сих пор составление обвинительных заключений возлагалось на следователей, предлагалось за следователями сохранить составление заключения по делам с изложением фактической стороны дела, формулирование же обвинения возлагалось на обвинителя. Эта инструкция от Цен-

тральной Коллегии местным коллегиям, которая была опубликована в «Известиях ВЦИК», но в Собрание Узаконений не вошла. Она носит характер, с одной стороны, организационной инструкции, организационного судоустройственного закона, который ставит и разрешает вопрос о взаимоотношениях Центральной коллегии обвинителей, местных советов и Наркомюста. Затем она ставит вопросы процессуальные: о порядке производства предварительного следствия, о порядке участия обвинителей в предварительном следствии, о праве обвиняемых на обвинительные тезисы, о порядке их составления и, наконец, о порядке кассационного протеста и из'ятия ряда дел по постановлению коллегии обвинителей. Таким образом все вопросы процессуального характера, которые сейчас получили разрешение только после издания кодексов, уже ставились в 1918 г. Это наш аргумент против всех тех, которые заявляют, что создание правовых норм есть результат Нэпа. Вздор, они явились в результате всей нашей практики и систематизации идей, которые пытались найти свою писанную форму еще в 1918 году.

Инструкция принципиально важна, во-первых, как яркое выражение принципа централизации, с одной стороны, принципиальное признание необходимости писанных процессуальных норм, с другой стороны, и как попытка организации публично-правового надзора со стороны государства за судьями, с третьей стороны. Законы от 14 мая и циркуляр об обвинительных коллегиях являются принципиальным в этом отношении новшеством, резко расходившим с тем, что делал НКЮ, который в это же время строил свои окружные суды, высший контроль и другие явно неудобоваримые на практике вещи.

Следующим законом, который еще более резко выразил те же принципы трибунальной юстиции, является закон 11-го июня, об организации Кассационного Отдела и об организации Верховного Трибунала ВЦИК.

Я должен вам сказать, что в феврале 1918 г., в сборнике № 21, в «Собрании Узаконений», за подписью т. Штейнберга, был опубликован декрет об организации, согласно ст. 11-й инструкции Революционным Трибуналам (штейнбергской), при первом Отделе НКЮ Кассационного Отделения. Жалобы на приговоры Революционных Трибуналов рассматривались в этом отделении, которое передавало их для внесения во ВЦИК через НКЮ или отвергало. Маленький декрет, чрезвычайно характерный по путанице, которую он в себе содержал. Прежде всего спрашивается: если приговоры считались окончательными и на них вовсе нельзя было жаловаться, то ст. 11-ую следовало понимать, как предоставление НКЮ исключительного права только по особо важным делам обратиться во ВЦИК с ходатайством о назначении последним вторичного разбора дела. Это инициатива сверху — это ревизионный порядок, это отнюдь не кассация. Между тем декрет говорит о кассационных жалобах. Значит, жалобы подаются? Подаются. Значит решения не окончательные? При чем же тут ст. 11-я, которая говорит: «решения трибунала окончательны». Если можно жаловаться, то можно и пересма-

тривать. Кто же кассирует? НКЮ. Так и написано: «Кассационное Отделение при НКЮ». Когда мне пришлось впервые ставить вопрос о создании Верховного Суда и Кассационного Одела, я должен сознаться, грешным делом, что и понятия не имел о существовании этого Кассационного Отделения при НКЮ и только, когда уже прошел закон о Кассационном Отделе, я получил громадную кипу дел из Кассационного Отделения НКЮ и был удивлен, откуда эти дела взялись? Основной же дефект был в том, что само рассмотрение дел было поставлено вне всяких процессуальных норм и зависело от административного усмотрения. Это не было, таким образом, ни административным надзором, ни судебной кассацией. Член Коллегии докладывал дело,—Коллегия решала либо так, либо сяк. Впоследствии такой же порядок был принят при установлении декрета о Высшем Судебном Контроле. Необходимость урегулирования дела кассационного обжалования была очевидна. Особенно эта неразбериха сказалась на деле меньшевика Мартова, которого т. Сталин привлек за клевету в печати. Дело Мартова слушалось в Московском Трибунале. Результаты этого дела были довольно неожиданные: я не помню точно, что постановил суд по жалобе т. Сталина, но я помню, что он одновременно постановил Мартова обвинить в другом преступлении. Вопрос перешел по предложению т. Сталина, который это опротестовал, во ВЦИК, а ВЦИК отменил в порядке кассационном решение по этому делу и передал его на новое рассмотрение. Получилась картина: дело возникло по частной жалобе о клевете в печати, дело рассматривалось, обвиняемый оказался обвиненным по другому обвинению. И, наконец, решение это отменено на пленарном заседании ВЦИК, не Президиума, а всего ВЦИК, тогдашнего, где были и меньшевики, и эс-эры, и большевики, *отменено парламентом, после прений по существу дела*.. Вот что получилось.

До известной степени это напоминало картину суда над Людовиком XVI в Конвенте, где также по существу решали: казнить или миловать. Вот почему пришлось,—и это было правильно,—поставить вопрос об общей реформе кассационного дела и организации кассационного надзора.

Этот надзор был организован законом об учреждении Кассационного Отдела при ВЦИК и порядке кассации приговоров Революционных Трибуналов.

Для рассмотреня кассационных жалоб и протестов учреждался особый Кассационный Отдел. Кассационный Отдел учреждался в составе Председателя Кассационного Отдела, избираемого Совнаркомом и утверждаемого ВЦИК, и 2-х постоянных членов, одного делегируемого для этой цели члена Коллегии Наркомюста и одного представителя ВЦИК. Для дачи заключений по жалобам и протестам, в качестве докладчика, присутствовал представитель обвинительной коллегии Революционного Трибунала при ВЦИК. (Немного раньше этого закона имеет место другой закон об организации Верховного Революционного Трибунала при ВЦИК). Сторонам было дано право поддерживать свои кассационные жалобы. Кассационные жалобы

вносятся в Касс. Отдел через Рев. Трибунал в трех случаях: при нарушении правил о подсудности, форм судопроизводства и в случаях вынесения явно несправедливого приговора. Был назначен двухнедельный кассационный срок. Революционные Трибуналы в 3-дневный срок были обязаны направлять жалобы в Кассационный Отдел, при чем приостанавливалось выполнение приговора до рассмотрения дела в Кассационном Отделе. Дела должны быть рассмотрены в Кассационном Отделе в 2-х недельный срок и затем те, которые подлежали пересмотру, передавались в тот же Трибунал в ином составе, или направлялись по подсудности. В случае, если приговор признавали явно несоответствующим вине подсудимого, то Кассационный Отдел входил с представлением во ВЦИК, *который мог изменить приговор без направления его для вторичного рассмотрения,* или даже вовсе прекратить дело. Этот закон 1918 г. еще более знаменателен, чем предыдущий. Он устанавливает: 1) единый кассационный центр, 2) отделяет его от административного органа Наркомюста, 3) устанавливал персональную связь с Наркоматом путем делегирования одного члена, 4) разрешает все вопросы, как это делается сейчас процессуальным кодексом, устанавливает сроки, порядок направления дел до моментов кассационного обжалования, направление дел после решения в кассационной инстанции. Особое внимание здесь привлекает только один момент—это возможность *изменения приговора по существу без вторичного его рассмотрения,* т. е. то, что никогда не имела права никакая другая инстанция ни в одной судебной системе вообще. Это мог делать только ВЦИК и лишь при наличии явного несоответствия деяния осужденного с приговором и при наличии осуждения явно невинного. Мы видим, что эти основы трибунального производства целиком дожили до настоящего времени и являются достаточно жизненными и сейчас.

Я позволю себе дополнительно указать на закон об учреждении Верховного Революционного Трибунала. Верховный Революционный Трибунал учреждался следующим образом: при ВЦИК учреждается Революционный Трибунал для рассмотрения ряда дел особенно важных, передаваемых постановлением ВЦИК на рассмотрение Трибунала по сессиям, созыв которых также определяется ВЦИК. Состав Верховного Трибунала, все члены его—6 заседателей и Председатель назначаются из членов ВЦИК. Здесь впервые вводился принцип *постоянного* состава, хотя и в довольно завуалированной форме, потому что закон называл членов Трибунала постоянными судьями и в то же время всех их брал из членов Палаты. Народные заседатели и постоянные судьи как то спутаны, но во всяком случае принцип подбора твердого, определенного, гарантирующего политическую квалификацию *состава* судей и определенную политическую линию, здесь выражен точно и ясно.

Одновременно было опубликовано следующее постановление. Тремя строчками, за подписью Народного Комиссариата Юстиции т. Стучки, в июле месяце, проведена была еще одна коренная реформа. Оно гласит следующее: «Все доселе изданные инструкции о деятель-

ности Революционных Трибуналов отменяются». Больше ничего. Что это означало? Это означало то, что Трибунал отныне был ничем не связан в определении мер репрессий. И первый же процесс Верховного Трибунала, закончившийся расстрелом Щасного, показал, что революция отныне не намерена была шутить. Трибунал получил то, без чего он был пустяковиной, а не орудием борьбы. Трибунал сделался исключительным судом, и что именно в этом смысл реформы ясно из того, что при отмене инструкции Штейнберга в отношении Революционных Трибуналов, отменялись не процессуальные нормы; мы видим, что как раз процессуальные нормы детализированы законом о Кассационном Отделе; мы видим, что гарантии правосудия для исключительного суда, гарантии личности для обвиняемых, они сохранялись особой инструкцией Обвинительным Коллегиям и что гарантии правильности судебного решения вводились законом о создании Кассационного Отдела. Отменялось то, что сводило Трибуналы на нет.

С прежним либерализмом, с импотенцией революционных судов в области репрессий,—вот с чем кончала эта реформа, и одновременно создавался регулирующий центр, наблюдающий за формой судоговорения—а последним параграфом, последней статьей закона о Кассационном Отделе, на Президиум ВЦИК возлагались обязанности утверждать представления Кассационного Отдела о понижении или повышении репрессии по делам, по которым форма не нарушена, но репрессия не соответствует содеянному—руководство таким образом всей карательной политикой передавалось верховному контролирующему органу—ВЦИК.

Эта идея находила и до того времени свое отражение на практике, как это было с делом о 3-х следователях Московского Революционного Трибунала: Гугеле, Лейсте и Подгайском (товарищи, которые просматривали мою книжку «за 5 лет», могли с этим делом ознакомиться), занимавшихся шантажем. Московский Трибунал приговорил их к 6-ти месяцам тюрьмы, а ВЦИК увеличил возложенное на них наказание с 6 мес. до 10 лет.

Эта неслыханная для буржуазии, абсолютно невероятная вещь, совершеннейший вздор с точки зрения буржуазного права—повышение наказания в результате кассационной жалобы—с точки зрения задач исключительных судов в ту эпоху была совершенно правомерная вещь. Революционные Трибуналы охраняют государство и его интересы. Государству совершенно безразлично, каким путем до него доходят сведения о том, что такой-то социально опасный индивидуум получил 6 месяцев тюрьмы. Кассационный Отдел, до которого дошло это, хотя бы в порядке жалобы этого лица, получившего 6 мес., полагает, что интересы государства, которые призваны блюсти Революционные Трибуналы, выше интересов частных лиц, и постановляет: увеличить наказание с 6 месяцев до 10 лет. Но Кассационный Отдел сам по себе блюдет только форму закона, он блюдет, чтобы процессуальные нормы не были нарушены. Не его дело самостоятельно руководить карательной поли-

тикой. Поэтому он передает свое решение ВЦИК и повышение или понижение наказания производится органом, регулирующим всю жизнь страны, руководящим политикой вообще. Вот смысл этого права, отвечающий революционным потребностям эпохи, в момент отсутствия материального уголовного кодекса. Отсутствие материального уголовного кодекса приводило к тому, что суд мог дать в Рязани за мордобитие—выговор, а в Туле за мордобитие—расстрел. Раз и тот и другой приговор был вполне правомерным и вполне законным, нужно было создать какой-нибудь регулирующий центр. Этим регулирующим центром являлся в окончательной инстанции ВЦИК.

Практика Кассационного Отдела получила свое принципиальное обоснование в том же 1918 г., в циркуляре Кассационного Отдела № 1 от 5 октября. Этот циркуляр представляет собой исторически замечательный документ; исторически замечателен он тем, что Кассационный Отдел взял на себя задачу НКЮ—организацию и руководство Трибуналами, не будучи к этому формально призван. Это было, однако, вопиющей необходимостью и поэтому никто не протестовал против такого захвата.

Этот циркуляр знаменателен прежде всего формулой, с которой он начинается, а именно: «По соглашению с Народным Комиссариатом Юстиции Касационный Отдел при ВЦИК настоящим предлагает Президиумам Ревтрибуналов, следственными и обвинительным коллегиям и губернским комиссарам юстиции, первым для неуклонного исполнения, а последним для руководства и наблюдения нижеследующие руководящие начала, принятые Кассационным Отделом и его фракциями, после рассмотрения более 300 жалоб из всех областей и местностей Республики».

Замечательная эта формула «по соглашению с НКЮ», потому что прежде всего, она устанавливает как бы некоторое равенство в праве руководства судебными учреждениями между обоими центрами. Эту формулу мы найдем сохранившейся до сих пор, поскольку и сейчас руководящие циркуляры Верховного Суда скрепляются подписью Народного Комиссара Юстиции, но только «Положение о Судоустройстве» 1923 года писанным законом разрешило этот вопрос.

Замечательно в этом циркуляре упоминание о губернских комиссарах юстиции, учреждении, которое первое свое юридическое крещение получило только в 1919 г.

Следующий абзац циркуляра представляет собой перечисление всех законов, которые до сих пор были изданы, как организационных, так и процессуальных и материальных, как основание для последующего изложения. В этом отношении перечисление чрезвычайно важно, как указание на источник права и повторяется в дальнейшем тексте все время, всякий раз, когда циркуляр устанавливает какую-либо материальную норму. Весь следующий раздел в 8 пунктах определяет подсудность Революционных Трибуналов и, очень подробно указывая признаки преступлений, подсудных Трибуналам, фактически является первым *материальным уголовным кодексом без указа-*

ния карательной санкции, при чем в отдельных случаях он дает в порядке толкования ряд руководящих принципов, которые должен иметь в виду суд, чтобы не совершить ошибки и не принять к своему производству дело, сходное по внешним признакам с делами, подсудными Трибуналам, но явно неподсудными им по общему духу трибунального законодательства. Для примера приведем два абзаца.

Так, согласно циркуляра, Революционному Трибуналу предаются: 1) «По делам по обвинению в контр-революционной деятельности все, кто организует контр-революционные выступления против Рабоче-Крестьянского Правительства, участвуя в них непосредственно или в подготовительной к ним стадии; или участвует во всевозможных контр-революционных заговорах и организациях, ставящих своей целью свержение Советского Правительства, хотя бы в результате его деятельности и не было контр-революционного выступления; участвует непосредственно в выступлениях, хотя бы сам специально не был предуведомлен о таковых заранее и не состоял предварительно членом каких-либо организаций, подготовляющих таковые; Кассационный Отдел предуведомляет при этом, что признает контр-революционными всякие выступления, независимо от поводов, по которым возникли, если они против Советов или их Исполнительных Комитетов или отдельных советских учреждений, как-то: продовольственных, административных и иных, если они сопровождались разгромами или иными насильственными действиями или хотя бы угрозами таковых по отношению к деятельности или деятелям этих органов. Если же они сопровождались набатным звоном, то виновные в производстве такового наказываются, как прямые участники, при чем покушение рассматривается, как оконченное преступление (Декрет № 1 о Суде, ст. 8, декрет от 4 мая и декрет о набатном звоне)». 2) «По обвинению в саботаже: 1) кто активно противодействует Рабоче-Крестьянскому Правительству или призывает других противодействовать ему путем неисполнения декретов и иных постановлений Советской власти, местной или центральной; явно игнорирует такие постановления и своими действиями затрудняет правильный ход работ в правительственных или общественных учреждениях или призывает к саботажу или организует таковой. В случае же, однако, когда имеет место простое неисполнение или неподчинение постановлениям местных властей—Исполнительных Комитетов, Советов или их Отделов, местных Комиссариатов Труда, Военного, Податного, Здравоохранения или Продовольственных и иных, а равным образом постановлений профессиональных союзов или фабрично-заводских комитетов или подобных им рабочих организаций, за каковые нарушения в качестве меры наказания указан штраф, налагаемый в административном порядке, или для разрешения споров по поводу каковых учреждены примирительные камеры или жилищные комиссии и иные учреждения—Трибуналы не могут принимать к своему рассмотрению дела о подобных нарушениях, направляя их в подобных случаях в местные Народные Суды или примирительные камеры или непосредствен-

но для взыскания штрафа по принадлежности. То же самое относится ко всем делам о невзносе контрибуций, буде таковые наложены Советами в определенном для этого порядке».

Оба абзаца, в особенности первый, дают указания об'ективных признаков, влекущих трибунальную подсудность. Абзац второй, наоборот, отклоняет ряд преступлений, которые, подходя формально под эту подсудность, не могут по своему духу подлежать рассмотрению Трибунала. Это первый опыт трибунального кодекса и стоит пожалеть о том, что дальнейшее развитие трибунальной юстиции пошло не по пути этого циркуляра, а по пути предоставления полной свободы трибуналам при определении подсудных им дел. В этом циркуляре важно то, что циркуляр берет из материального уголовного кодекса самое важное для судов и для правильной постановки судебного дела—определение признаков преступления, оставляя пока открытым вопрос о карательной санкции. Для той эпохи иначе поставить вопрос было нельзя.

Второй основной раздел циркуляра определяет границы м е с т н о й подсудности. Нужно отметить здесь, что циркуляр не только в раз'яснение закона 14 мая упраздняет уездные Трибуналы, но и устанавливает срок, после которого приговоры будут признаваться недействительными, т. е. берет на себя основную регулирующую административную роль по управлению судами, как таковыми, перечисляя те уездные Трибуналы, которые он, Кассационный Отдел, считает возможным сохранить.

Следующий раздел говорит о составе Трибунала и устанавливает обязательные нормы этого состава, нарушение которых повлечет за собою безусловную отмену приговора. Точно также разделы о следственной комиссии, об обвинительной коллегии представляют из себя ничто иное, как совокупность процессуальных норм, при чем должно отметить характерное отличие этих процессуальных норм, их явно выраженную тенденцию к расширению границ судебного усмотрения в ущерб интересам и правам обвиняемых, что соответствует общему духу исключительного суда. Поскольку циркуляр относится к концу 18 года и, как таковой, был связан еще господствовавшей практикой и еще не умершими тенденциями Штейнбергского законодательства, он включает в себе ряд постановлений, которые следовало бы исключить, как, например, пункт о допущении свободной защиты. Раздел о приговорах и протоколах судебных заседаний представляет собой краткий перечень процессуальных норм, обязательных для этой стадии процесса. Наконец, последний раздел о кассации приговоров, указывая обязательный порядок прохождения кассационных жалоб, устанавливает чрезвычайно характерный для всего духа циркуляра тезис, что на оправдательные приговоры «обжалуемые по мягкости их, допускаются кассационные протесты *всех неопороченных граждан*, а не только участвующих в деле, *поскольку все граждане заинтересованы в охранении завоеваний Революции*». Этот принцип наглядно показывает то основание воззрение на сущность Революционных Трибуналов, которым руководился Кассационный Отдел.

Вот вам циркуляр 5 октября. Это одновременно материальный кодекс, процессуальный кодекс, организационный устав. Вот вам основы судостройства, датированные 5 октября 1918 г. Это в то время, когда, как мы знаем, выходило «Положение о Народном Суде», с его децентрализаторским духом и «педагогическим» воззрением на сущность судов. Циркуляр показывает ту линию, которую заняли трибуналы. Ее основа—это декрет об учреждении Кассационного Отдела и этот циркуляр.

Но этого мало: приблизительно в октябре месяце, как бы в дополнение к этому декрету, был созван 1-й с'езд председателей Революционных Трибуналов. Передо мной лежит резолюция этого с'езда, дающая принципиальное обоснование всей той политики, которую трибуналы проводили. К анализу этих резолюций мы и перейдем.

1-й С'езд председателей Трибуналов и закон 12 апреля 1919 года.

Лекция 8-я.

Расхождение, которое наметилось между 2-мя системами строения судебных учреждений в июне 1918 года, окончательно закрепляется в ноябре, когда произошел одновременно первый С'езд председателей Революционных Трибуналов, одобривший целиком циркуляр Кассационного Отдела от 5 октября, и когда было опубликовано первое Положение о едином Народном Суде. Мы знаем, что оно было построено на началах децентрализации, принципиально выдержанной снизу и до верху. С'езд председателей Рев. Трибуналов стал на точку зрения централизации. Передо мною лежит проект инструкции Революционным Трибуналам, принятой на 1-м С'езде председателей, заседавшем от 29 октября до 3 ноября 1918 г. Основным, дающим освещение всему остальному содержанию инструкции, является ее первый вводный абзац, определяющий задачи трибуналов. Согласно этому абзацу, Революционные Трибуналы учреждены со специальной целью—для борьбы с контр-революционными силами, для усиления революционной репрессии против лиц, уличенных в контр-революционном влиянии «*в из'ятие из системы общих установлений*», но «*при сохранении, однако, основных правовых гарантий для обвиняемых*». Такая постановка вопроса, заключающая в себе всю философию исключительных судов, есть единственно принципиально правильная и выдержанная постановка вопроса. Трибунал есть суд, пусть суд жестокий, но суд—вот что прежде всего говорит эта формула. Мы даем ряд правовых гарантий, обеспечивающих правильность судебного приговора, но мы имеем основною целью борьбу, а не демонстративное обличение или политический диспут,—вот что говорит эта вводная часть. В соответствии с этим Трибуналам предоставлено «*ничем не ограниченное право в определении мер репрессии*». Так ставит вопрос ребром и так отвечает на него проект инструкции, urbi et orbi, декларируя основное отличие трибуналов, как исключительных судов от общих судебных мест.

В полном соответствии с этим определяет проект инструкции подсудность Революционных Трибуналов. Основным критерием, определяющим такую подсудность, выставляется признак «особой опасности» совершенного деяния для Республики; постановка вопроса о наличности этой «особой опасности» устанавливается, как обязательная для трибунала при оценке им любого доходящего до него дела. С'езд не поколебал тех рамок подсудности, которые устанавливал закон 14 мая или тех, какие были установлены циркуляром от 5 октября. Он внес, однако, сюда существенный корректив. «Отнюдь не всякое,—говорит проект инструкции,—из преступлений, подсудных трибуналам по формальным признакам, должно быть оставляемо в ведении трибуналов». Следственным комиссиям поэтому предоставляется широкий простор «разгружать трибуналы от массы мелких дел, попадающих на их рассмотрение».

Вся вводная часть заключается принципиальным тезисом, что в данную инструкцию введено «не то, чем вообще должны руководствоваться трибуналы в своем решении, а то, чем разнится рассмотрение дел в трибуналах от рассмотрения дел в общих судах».

Этот общий абзац мы цитируем как еще одно доказательство того, как серьезно смотрели инициаторы трибунальной юстиции на свое место в системе общих судов и как далеко по своему содержанию отстоит эта цитата от маниловщины первого периода об «обличительных», а не карательных функциях трибунала. Однако, эта цитата направлена одинаково и против тех товарищей, которые, отстаивая карательные функции трибуналов, трактовали в силу этого трибуналы не как суд, а как орудие борьбы и расправы. Принцип, что трибунал есть суд, как и всякий другой суд, только отличающийся своими некоторыми специфическими признаками, о которых должна трактовать предлагаемая инструкция, и за пределами которых для трибуналов должны быть обязательны принципы общих судов—вот что положено в основу резолюции первого с'езда председателей Трибуналов. Принцип единства суда нашел здесь свое выражение более наглядно и более выпукло, чем в самом Положении о едином Народном Суде.

Первая после вступления часть инструкции подробнейшим образом разрабатывает вопросы подсудности. В этом отношении инструкция есть ничто иное, как второе издание циркуляра от 5 октября, но в более разработанном виде, в виде кодифицированного свода законов и правил для деятельности Революционных Трибуналов. Тут дан как бы проект уголовного кодекса. Дальнейшая схема инструкции опять-таки аналогична схеме циркуляра Кассационного Отдела: местная подсудность, организация трибуналов, следственная комиссия, обвинительная комиссия при трибунале, порядок производства предварительного следствия, организация выездных сессий, состав и компетенция руководящих коллегий трибуналов, компетенция распорядительных заседаний, судопроизводство в трибуналах и порядок кассации приговоров—вот что дает инструкция.

Все это было дано, повторяю, в ноябре 1918 года. Таким образом, говорить, что трибунал до сего периода жил на правах расправы, без всяких правовых норм, могут лишь люди, которые ничего не знают о порядке советской юстиции. Кроме этого можно безбоязненно сказать, что в отличие от общих судов *наш исключительный суд гораздо раньше и тверже стал на ноги в смысле установления правовых процессуальных норм, которыми он руководился, чем общий суд*. К анализу этих норм мы еще вернемся.

С'езд не ограничился, однако, определением руководящих правовых норм для трибуналов и поставил сверх этого общий вопрос о реформах, которые должны быть произведены в области трибунальной юстиции. Эта резолюция, как подводящая итоги почти годовой деятельности трибуналов, чрезвычайно важна и начинается с констатирования факта, что трибуналы до сих пор далеко не стояли на той высоте, «какая требовалась от них тяжелыми условиями переживаемого момента и сущностью возложенных на них по мысли законодателя задач». Причинами этого С'езд полагает: пестроту в организации трибуналов, недостаток соответствующих работников, *отсутствие общих судов*, что имело своим последствием перегруженность трибуналов делами, к ним не относящимися и, наконец, чрезвычайную длительность следствия, благодаря чему трибуналы не могли осуществить своей задачи—нанесения быстрых и суровых ударов врагам революции.

«С'езд не может не указать, говорит та же резолюция, что в подобном положении в значительной степени приходится признать виновность и центральной власти. С'езд не может усмотреть до сих пор единой линии в законодательной деятельности НКЮ в отношении Революционных Трибуналов». «Признавая министерство Штейнберга повинным в чрезмерном увлечении декоративной стороной процесса,—говорит дальше резолюция,—что выразилось в создании громоздкого аппарата 40 заседателей, с обязательной жеребьевкой, стенограммой и т. д. и в допущенном им же, в корне противоречащем задачам Трибунала, ограничении их прав в определении норм наказания, как оно нашло свое место в инструкции от 19 декабря,—С'езд констатирует, с другой стороны, совершенно необ'яснимое, по мнению с'езда, ни из условия переживаемого момента, ни из фактических условий и данных о деятельности общих судебных установлений на местах, в особенности поскольку это касается Окружных Судов, ни, наконец, из содержания основной мысли ст. 8 декрета о суде № 1, то сокращение подсудности Трибуналов, какое принес с собою декрет о суде № 3. С'езд констатирует в этом отношении его прямое противоречие с духом ст. 8 декрета № 1 о суде. Вторым дефектом существующего законодательства о трибуналах является созданная тем же декретом о суде № 3 и совершенно связавшая трибуналы попытка дать в декрете *кодекс кар* за спекулятивные преступления в чрезвычайно, как уже показал опыт, неясной и запутанной редакции. Наконец, *неразработанность до сих пор процессуальной сторо-*

ны трибуналов, как особых исключительных судов, точно также вредно сказывается на деятельности трибуналов».

Этот обвинительный акт против Наркомюста не может быть признан не отвечающим действительности. Наш анализ законодательства НКЮ в этой области за первый год существования Советской власти вполне совпадает с содержанием резолюции. В качестве мер, являющихся настоятельно необходимыми, С'езд предложил, во-первых, разработать в самом спешном порядке *единый декрет о трибуналах с точным определением особенностей, отличающих трибуналы от общих судов.* В частности, С'езд считал возможным сократить судебную коллегию от 7 до 5 человек. По вопросу о подсудности С'езд предложил обратить к подсудности трибуналов все дела о спекуляции, равным образом дела о взяточничестве. Рассматривая факт издания декрета о спекуляции, изымавшего его из ведения трибуналов в момент самого разгара продовольственного кризиса, как доказательство того, насколько далеко от реальной действительности стояли авторы декрета, С'езд категорически высказался за отмену этого из'ятия. В свою очередь С'езд предлагал из'ять из подсудности трибунала все дела о хулиганстве, маловажных нарушениях по должности, нарушении караульной службы и т. д. Наконец, по вопросу о военно-судебных учреждениях, С'езд категорически высказался за *единство их структуры по аналогии с общими трибуналами.*

Такова была работа С'езда в области трибунального строительства. Этим С'езд, однако, не ограничился.

Третьим вопросом, который вызвал на С'езде самые горячие дебаты, был злободневный для всех трибуналистов вопрос о взаимоотношениях Революционных Трибуналов и чрезвычайных комиссий по борьбе с контр-революцией. Мы видели, как возникла Чрезвычайная Комиссия в ноябре 1917 года. До ноября 1918 года она существовала без каких бы то ни было положений и норм. За этот период она пережила громадную эволюцию и превратилась из одной из комиссий Совета Народных Комиссаров в целый наркомат, имеющий разветвления по всем губернским и уездным центрам, страшный беспощадностью своей репрессии и полной непроницаемостью для чьего бы то ни было глаза всего того, что творилось в ее недрах. Кроме права арестов, она присвоила себе право безапелляционного решения вопросов жизни и смерти, при чем эти самые решения выносились «тройками» или «пятерками» чрезвычайных комиссий без каких бы то ни было норм, определявших как подсудность, так и метод рассмотрения дел. Вторая половина 1918 года была эпохой разгара красного террора, поэтому вполне понятно, что в атмосфере этих исключительных полномочий могли возникнуть и иметь место ряд эксцессов и ненормальностей в работе этих комиссий, которые в свою очередь не могли не вызвать справедливой реакции. С'езд трибуналистов в особой резолюции подверг анализу эту деятельность чрезвычайных комиссий и указал путь, с помощью которого по его мнению можно было надеяться гарантировать Советскую власть от этих теневых сторон без ущерба для задач террора, как такового. «Не отрицая круп-

ных заслуг чрезвычайных комиссий, уже оказанных ими пролетарской революции, не отрицая возможности наступления вновь такого момента в развитии революции, когда потребность в немедленной и беспощадной репрессии отодвинет опять на второй план обычные формы борьбы с контр-революцией путем судебного процесса», — говорит резолюция С'езда — «Всероссийский С'езд ответственных работников Революционного Трибунала тем не менее считает своим долгом открыто указать на те теневые стороны, какие выпукло проявились в деятельности Ч. К., благодаря отказу, правда вынужденному, от основного требования судебного процесса—*гласности*, равно как и от *отсутствия законодательного определения прав и полномочий Ч. К.* по осуществлению ими возложенных на них задач».

Критика, которой подвергнул С'езд председателей трибуналов деятельность Ч. К., и пути, которые он указал для ликвидации этих теневых сторон, настолько исторически важны и ценны, что мы позволим себе привести всю эту часть резолюции полностью.

«С'езд указывает прежде всего на чрезвычайную и недопустимую, в силу важности и ответственности возложенных на Ч. К. функций, спутанность, господствующую среди деятелей Ч. К. в границах их полномочий. В ряде мест Ч. К. присвоили себе не только право окончательного и безапелляционного решения всех дел, подсудных трибуналам, но и права контроля со стороны Ч. К. над деятельностью судебных мест в виде требования на свое рассмотрение дел, уже находящихся в производстве трибуналов, пересмотра уже состоявшихся приговоров или, наоборот, внесудебной ликвидации дел, по которым судебное или следственное производство трибунала еще не закончено. Подобное положение приводит на практике к тому, что трибуналы ставятся не раз в полную невозможность осуществления возложенных на них задач. Трибуналы не знают, где находятся и какова судьба не только тех лиц, дела о коих находятся в производстве трибуналов, но какова вообще будет судьба и ценность постановленного трибуналом приговора.

В частности, присвоенное себе Ч. К. бесконтрольное право распоряжения местами заключения и полная несогласованность работы общих органов привело к тому, что сплошь и рядом имеет место одновременное зачисление арестованных за обоими учреждениями, самостоятельное со стороны Ч. К. освобождение или, наоборот, заключение под стражу лиц, освобожденных или арестованных трибуналами, перевод их без ведома трибуналов из одного места заключения в другое, а не раз и прямой отказ, если не молчаливое игнорирование со стороны Ч. К. предложения трибунала исправить ошибку, когда трибуналы указывали Ч. К. на нежелательность и недопустимость подобного положения вещей.

С'езд обращает, наконец, внимание на чрезвычайную небрежность в ведении дел, имеющую место сплошь и рядом в производстве Ч. К., благодаря чему дела, передаваемые в трибуналы, приходят туда неподшитыми, без описи документов, с утерянными до-

кументами, с документами, пересылаемыми по частям, на крайнюю неумелость и небрежность ведения допросов, без соблюдения подписи протоколов допрашиваемыми и производящими допрос и т. д.

В виду всего вышеизложенного С'езд находит крайне необходимым: 1. *Немедленно же в законодательном порядке проведение точного положения о правах и полномочиях Ч. К.*, 2. *точное разграничение условий, в которых не только допустим, но и должен быть признан обязательным порядок внесудебной ликвидации*, 3. Проведение с начала до конца на все органы Ч. К. в той же мере, что и на остальные правительственные учреждения, права судебного контроля, предоставленного трибуналам.

С'езд не может не указать, что нормальным порядком для направления дел, находящихся в производстве Ч. К., должен быть признан порядок направления дел после производства предварительного дознания или следствия в трибуналы и иные общие судебные места, что по мере того, как Революционный Трибунал будет обращаться в гибкий аппарат быстро и решительно действующей репрессии, необходимо сокращать, а затем и прекратить внесудебную ликвидацию дел при помощи Ч. К.

По делам, находящимся в производстве учреждений Ч. К., действия Ч. К., по мнению с'езда, могут быть приравнены к действиям нормальных следственных властей». Так говорил с'езд.

В качестве безотлагательных необходимых указаний, которые должны быть немедленно же преподаны В. Ч. К., с'езд указывает нижеследующие положения: «1) Воспрещается всем Ч. К. ведение в какой бы то ни было стадии и в каком бы то ни было порядке параллельного производства по делам, уже переданным Ч. К., или возникшим независимо от них и находящихся в производстве трибуналов или иных судебных мест. 2) Воспрещается всем Ч. К. какое бы то ни было, без ведома соответствующего судебного места и его на то согласия, зачисление содержащихся под стражей и числящихся за трибуналом и иными судебными местами заключенных, если, конечно, в производстве Ч. К. нет за ними иного дела, отличного от того, по которому ведется производство судебными учреждениями. 3) Воспрещается самовольный без ведома трибуналов и иных судов перевод заключенных, числящихся за судебными местами, из одного места заключения в другое, их освобождение под залог или на каких-либо иных условиях, вторичное задержание освобожденных постановлениями следственных или судебных властей, если в производстве комиссий не имеется иного отличного от того дела, по которому ведется судебным местом производство по обвинению данного лица или группы лиц, но и в этом последнем случае перевод, освобождение или арест может иметь место только в случае, если со стороны судебного места не встречается никаких возражений или протестов. 4) Воспрещается Ч. К. наложение единовременно административных взысканий по делам, передаваемым ими для судебного разбирательства или находящимся в производстве судебных мест. 5) Воспрещается Ч. К. заключение в тюрьму на срок кого бы то ни

было по делам, находящимся в производстве комиссий, если только таковое заключение не было предусмотрено в обязательном постановлении Ч. К. или соответственных властей и если лицо не привлечено именно за нарушение указанного постановления. 6) Все Ч. К. предваряются сверх того, что следственным комиссиям Трибуналов принадлежит право привлекать к судебной ответственности агентов Ч. К. за преступления по должности в той мере, что и агентов других правительственых учреждений и что никакими привилегиями Ч. К. в этом отношении не пользуются».

Таковы были конкретные мероприятия, которые предлагал Сезд. Накануне закрытия с'езда было опубликовано то единственное Положение о Чрезвычайных Комиссиях от 2 ноября, с которым комиссии благополучно просуществовали остатки своего бытия.

Сравнивая этот закон с резолюцией с'езда Рев. Трибуналов, должно отметить, что очень много, к сожалению, из того, что было ясно для наших трибуналов, было не совсем ясно для многих наших ответственных руководителей общей политики. Спорным прежде всего был вопрос о закономерности самого этого акта, опубликованного от имени ВЦИК, но фактически утвержденного только Президиумом. Согласно этому акту ВЧК об'является центральным органом, об'единяющим деятельность всех Ч. К. и «планомерно проводящим в жизнь непосредственную борьбу с контр-револ., спекуляцией, взяточничеством и т. д.». Этим исчерпывалось все, что говорил закон о полномочиях Ч. К. Нельзя не признаться, что сказано по меньшей мере мало. Ни о праве ареста, ни о праве производства такового, ни о порядке рассмотрения дел, ни о порядке вынесения приговоров—*ничего не сказано.* Это называется закон! Когда этот закон вышел, мне лично пришлось говорить с покойным Я. М. Свердловым. Я ему сказал, что это не закон, а бог знает что. «Почему вы не хотите открыто сказать, в чем дело?» Покойный Свердлов ответил: «Не зачем, это и так всем ясно». Ну, конечно, при такой постановке вопроса разговаривать не приходилось. И до конца существования Ч. К. какого-либо другого закона о ВЧК не было. С этим приходилось считаться и Рев. Трибуналам и Народному Комиссариату Юстиции.

Не менее туманен и недостаточен был 2-й и дополнявший его 5-й пункт декрета, определявший взаимоотношения ВЧК с органами НК Юстиции и НК Внутренних Дел. Согласно пункту 2-му ВЧК обязывалась в отношении обоих этих Комиссариатов «работать с ними в тесном контакте». Видимо, для тех же целей, согласно п. 5-му, оба эти Комиссариата делегировали в состав ВЧК своих представителей, а согласно п. 4-му председатель ВЧК, назначенный Советом Народных Комиссаров, входил в Коллегию Наркомвнудела. Но больше этого закон опять-таки *ничего не говорил.*

Что означал этот «контакт»? Зачем посылались туда представители НКЮ, что они там делали, или, вернее, что они могли там делать и чего не могли делать? Обо всем этом—ни звука.

В результате, после первых же попыток что-нибудь делать, эти представители демонстративно ушли из ВЧК, и «контакт» оказался

не только не осуществленным, но оба ведомства до самого конца находились между собою в состоянии открытой борьбы и прерванных «дипломатических сношений». Так ответил закон на постановление С'езда деятелей Ревтрибуналов. Как бы то ни было С'езд деятелей трибуналов, имевший место параллельно с выходом Положения о Народных Судах и Полож. о Ч. К., означает момент, когда наша юстиция, по крайней мере, в той своей части, которая была представлена трибуналистами, «нашла самое себя» и противопоставила себя как неоформленной рыхлой массе Народных Судов, так и не менее неоформленному порядку осуществления репрессий через посредство Ч. К.

Резолюции С'езда не остались безрезультатными и 1919 г. в самом своем начале принес два опять-таки новых законодательных акта.

Во исполнение постановлений 1-го С'езда трибуналистов руководители трибунальной юстиции подняли вопрос о создании *единого декрета* о трибуналах. Такой декрет был опубликован 12 апреля 1919 года, но... далеко не в той форме, как предопределял С'езд.

Положению предшествовала специальная резолюция ВЦИК от 17 февраля 1919 года по вопросу о взаимоотношениях трибуналов с Ч. К. Таким образом, оба вопроса, о которых дебатировал С'езд, нашли свое выражение в законе. Ранее этого, однако, спор был вынесен деятелями трибунала на улицу, в печать, при чем в печати принял чрезвычайно резкую форму. Я помню статьи т. Дьяконова «Суд или Расправа», статьи т.т. Сорина и Петерса, полемизировавших с трибуналистами и свою статью, которая была озаглавлена «Пора кончать» и которая вызвала взрыв негодования со стороны т.т. работников Ч. К. Помню ряд собраний в рабочих районах, прения во фракции Ц. И. К. и, наконец, в самом Пленуме ВЦИК.

Результатом явилось постановление ЦИК от 17 февраля «О Всероссийской Чрезвычайной Комиссии», изданное «в дополнение и развитие Положения о ВЧК от 2-го ноября». Какое это было «дополнение и развитие», мы сейчас увидим. Но это положение можно было назвать, как угодно, но отнюдь не Положением о ВЧК, так как о последней там говорилось до чрезвычайности мало. Собственно говоря, это было положение о Ревтрибуналах и их взаимоотношениях с ЧК.

О чем же говорило это постановление?

Прежде всего оно начиналось с категорической декларации, что «право вынесения приговоров по всем делам, возникающим в Ч. К., передается реорганизованным Трибуналам, при чем следствие по всем делам должно быть закончено не позднее 1-го месяца».

Так начиналось это постановление и нельзя не признать, что в нем заключалась крупнейшая победа трибуналистов над Ч. К. по всей линии. ВЦИК пошел на словах, по крайней мере, дальше, чем пошел С'езд работников Трибунала. Однако, только на словах.

По ст. 2-й при наличии вооруженного выступления (контр-

револ., бандитского и т. п.), а равно в местностях, об'явленных на военном положении—по преступлениям, указанным в самом постановлении о введении военного положения (ст. 3), за Ч. К. сохраняется «право непосредственной расправы», наконец, по ст. 8-й ВЧК было предоставлено «право заключения в концентрационный лагерь».

Этим исчерпывалось все, что говорило постановление о Ч. К.

Что же в конце концов получилось? Если 2-я и 3-я ст.ст., сохранявшие полномочия Ч. К. в определенных условиях, все-таки устанавливали хоть какой-нибудь об'ективный признак для такого из'ятия (открытое вооруженное выступление, об'явление военного положения), то ст. 8-я предоставляла самый широкий простор, ибо ничего не говорила о том, кого и на какой срок можно заключать в лагерь. Опубликованное же вскоре после этого июльское постановление Президиума ВЦИК, давшее перечень преступлений, подпадающих под непосредственную расправу Ч. К., передавало эти деяния внесудебной расправе *всегда*, раз об'являлось военное положение, чем придало постановлению от 17 февраля распространительный смысл, при чем к таковым категориям преступлений отнесло: подделку денежных знаков, участие в поджогах и взрывах, разбой и вооруженный грабеж, взлом советских и общественных складов и магазинов с целью незаконного (?) хищения (как будто может быть «законное хищение») и п. 10... незаконную торговлю кокаином!

Так кончился фактическим восстановлением прежнего порядка 1-й этап борьбы трибуналистов с чекистами.

Одновременно постановление проводило коренную реформу трибуналов. Согласно ст. 4 постановления от 17 февраля Трибунал состоял теперь из *трех* человек, избираемых на месячный срок Губисполкомом, при чем суд должен был быть назначаем «через 48 часов после окончания следствия».

Такая скоропалительная юстиция была вполне в духе Ч. К. Для того, чтобы заставить этих работников вырасти до того уровня, на котором уже стояли работники трибуналов, приходилось, видимо, еще долго ждать. П. «в» статьи 4-й в четырех строках определял всю процессуальную сторону действия трибунальной юстиции, при чем из гарантий для обвиняемых сохранял только две: 1) их личное присутствие при разборе дела и 2) публичность заседаний. Что касается остальных процессуальных норм, все они были поставлены в зависимость от трибуналов: допущение или недопущение защиты, вызов или невызов свидетелей и т. д. Одновременно тот же пункт говорил о неограниченных правах трибуналов в области репрессий и о недопустимости обжалования их приговоров. Ст. 5 и 6 декрета оговаривали зато особые права трибуналов на *поверку деятельности* Ч. К. в смысле «поверки их следственных действий» и «закономерности содержания под стражей арестованных».

К сожалению, оба эти пункта остались недетализированными и, как и следовало ожидать, фактически в жизнь не вошли.

Впрочем, на предложенном компромиссе по существу не хотели мириться обе стороны, и трибуналисты, так же как и чекисты, ни на йоту не пожертвовали своими принципами и на перерождение самих себя в скоропалительную юстицию не пошли. Так первое сражение по существу кончилось ничем.

Однако, игнорировать закон от 17 февраля было нельзя и во исполнение его 12 апреля было опубликовано Положение о Трибуналах. Поскольку издание такого Положения соответствовало стремлению с'езда, трибуналисты вложили в него весь свой опыт и оно явилось первым органическим законом о Революционных Трибуналах Республики.

Впрочем, надо оговориться. Первым таким законом было принятое 4 февраля и опубликованное 12 февраля Положение о Военных Трибуналах, выработанное Реввоенсовстом Республики.

Оно также, как и инструкция 1918 года местным Народным Судам, как инструкция Штейнберга от декабря 1917 года, как приказ Антонова-Овсеенко от января 1918 года, опубликовано только за подписью Наркома Троцкого и в такой же мере является незакономерным актом, как и все мною перечисленные акты. Еще более характерным является его опубликование благодаря тому, что оно опубликовано тогда, когда вокруг вопроса о трибуналах шел отчаянный спор, что, однако, нисколько не помешало появлению подобного сепаратного законодательства. Этот приказ ничего не говорил по вопросам судопроизводства, чрезвычайно широко определял подсудность, отрицал какую бы то ни было кассацию и апелляцию приговоров, а самые трибуналы строил на основе иерархического подчинения трибуналов низших категорий высшим: дивизионных—армейским, армейских—фронтовым и фронтовых—Реввоенсовету.

Зато самые трибуналы строил *из трех человек, всех назначаемых военным начальством*. Так разрубило гордиев узел военное ведомство. Их метод подхода к вопросу был, как видите, чрезвычайно упрощен и не имел ничего общего с теориями «Положения о едином Народном Суде».

Положение о Ревтрибуналах от 12 апреля все-таки не пошло по такому радикальному пути.

Положение о Ревтрибуналах от 12 апреля являлось сводкой всех законов об исключительных судах, изданных до этого времени, почему начиналось декларацией, что оно издается «в отмену всех изданных до сего декретов, инструкций и положений», а в ст. 4-й заявляло, что, все ревтрибуналы, военно-полевые суды и иные чрезвычайные учреждения судебного характера, «учрежденные в ином порядке или действующие с нарушением правил»—подлежат упразднению. В этом выразилось исполнение 1-й части пожеланий с'езда об издании единого закона о Ревтрибуналах.

Для того, чтобы наглядно обрисовать атмосферу, в которой происходила выработка Положения о Ревтрибуналах, достаточно

сравнить проект положения, который был внесен в комиссию ЦИК трибуналистами с тем проектом, который из нее вышел. Если вводная часть была в обоих проектах одинакова, то первая же статья Положения вскрывала коренную разницу в воззрениях на то, как нужно подойти к вопросу. В то время, как проект трибуналистов говорил, что Ревтрибуналы учреждаются со специальной целью рассмотрения дел о контр-революционных деяниях и иных, «*признаки которых указаны ниже*», в соответствии с чем 2-й раздел давал в 5-ти пунктах подробную квалификацию преступлений, подсудных трибуналам,—проект, превратившийся в закон, вместо этого давал *общую формулу* о подсудности трибуналам *всех дел* о деяниях, «*идущих против завоеваний Октябрьской Революции и направленных к ослаблению силы и авторитета Советской власти*». Как результат такой общей формулы, ст. 1-я кончалась такой знаменательной фразой: «оспаривание подсудности по делам, принятым в Ревтрибуналах, не допускается». Так, одним взмахом пера была похерена вся предыдущая произведенная трибуналистами работа по уточнению подсудности, и широкий принцип простора для усмотрения был поставлен во главу угла всей трибунальной деятельности. Это было плюсом, конечно, с точки зрения уничтожения нелепых ограничений декрета о суде № 3, но это был шаг назад, ибо трибуналистам уже не нужна была такая широкая свобода. Они уже переросли ее.

Скорее это было приближение к Чрезвычайным Комиссиям и их методу рассмотрения дел.

Еще более резко те же тенденции отразились в разделе 2-м, касающемся организации Трибуналов. Фактически заседатели были упразднены уже постановлением от 17 февраля, где говорилось о *трехчленном* составе трибуналов без указания на то, какими же должны были быть эти члены—постоянными или переменными. Закон 12 апреля устанавливал *трехчленный* состав постоянных членов трибуналов, но, во-первых, из «ответственных политических работников», во-вторых, избираемых сроком на 1 месяц. Другими словами, ни тот, ни другой принцип не был проведен в чистой форме и получились—*постоянные судьи, назначаемые на короткий срок*. Таким компромиссом закончилась пока-что борьба обоих тенденций. Раздел о предварительном следствии в ст. 8 повторяет целиком ст. 5-ю постановления 17 февраля о праве трибуналов поверять следственные действия Ч. К., но вставляет слово «отдельных следственных действий», в результате чего весь смысл ст. 5 чрезвычайно суживается и вся она получает еще более невразумительный характер. Более детальное развитие получает бывшая ст. 6 постановления 17 февраля в теперешней 11-й статье, где указан путь, через который трибуналы осуществляют свое право надзора над незакономерностью содержания под стражей, а именно «постановляя через распорядительное заседание трибунала об освобождении или изменении меры пресечения или наказания *по делам ему подсудным*».

Эти последние *три* слова, которых также не было в первоначальном тексте постановления от 17 февраля, отражают стремление Ч. К.

освободиться от нового стеснительного для их порядка. При сравнении с текстом проекта вы можете опять констатировать, что закон чрезвычайно скупо отнесся к детализации этого права и отклонил редакцию первоначального проекта работников трибуналов. Важно отметить ст. 9, отнимавшую от следственных комиссий право самостоятельно прекращать дела. Это право предоставлено теперь исключительно самому трибуналу и с самостоятельностью следственных комиссий было покончено раз навсегда.

Остальные разделы представляются мало чем отличающимися от проекта, предложенного трибуналистами, и включают в себе основные черты трибунального процессуального права, сохранившегося в общих чертах до сих пор и перешедшего по наследству к нынешним Губсудам.

Эти черты надлежит отметить, поскольку положение 12 апреля, впервые после циркуляра Кассационного Отдела от 5 октября, легализовало их.

Прежде всего здесь нужно отметить статьи 15 и 16, говорившие о правах обвиняемых обозревать следственное производство, получать копию обвинительного заключения и заявлять ходатайства по существу произведенного следствия. Это была первая писанная гарантия для обвиняемых, допускавшаяся законом. Интересно отметить, что в Положении о Народном Суде мы не находим вовсе аналогичной статьи. Ст. 17-я и 18-я определяли условия допущения защитников, ставя его *целиком в зависимость от усмотрения трибуналов.* При чем суд обязан назначить защитника только при условии, если участвует обвинитель. При сравнении этих статей со статьями Положения о Народном Суде мы увидим, что это первое принципиальное ограничение прав обвиняемых. Ни о допущении защиты в стадии предварительного следствия, ни об обязательном допущении защиты в зависимости от тягости пред'явленного обвинения (ст. 34 и 43 Положения о Народном Суде) здесь нет уже и речи.

Ст. 20, 21 и 22 определяют исключительно прерогативы трибуналов при разрешении процессуальных вопросов во время судебного следствия. Вызов или невызов свидетелей, оглашение или неоглашение их показаний, приобщение новых документов и т. д., все это целиком предоставлено также на усмотрение трибуналов. Ст. 22 специально ограничивает случаи обращения дела к доследованию, запрещая такое обращение, если неполноту следствия можно восполнить тут же на заседании.

В разделе о постановлении приговора важны ст. 24, 27 и 28. Ст. 24 установила для трибуналов обязательность мотивировки приговоров («краткое изложение основания приговора»). Этим трибуналы сближались с общими судами. Наоборот, ст. 27, устанавливая обязательство вручения осужденным копии приговора, ограничивает кассационный срок 48 часами вместо месячного, который был установлен для общих Народных Судов. Одновременно та же статья пре-

доставляла всем гражданам право кассационного протеста на оправдательные приговоры трибуналов.

Раздел 8-й повторяет по существу закон о кассационном отделе, называя его Кассационным Трибуналом. Изменения, которые внес закон, заключались в том, что вместо представителя центральной обвинительной коллегии, *которые вообще упразднялись*, заключение было поручено давать особому члену-докладчику, утверждаемому ВЦИК. Поводы для кассации (ст. 35) оставлены те же, что были и раньше, при чем в отличие от Положения о Народном Суде «неполнота следствия» не являлась кассационным поводом. В ст. 36, определявшей случаи, когда Кассационный Трибунал был обязан входить в Президиум ВЦИК с представлением об изменении приговоров «вследствие несоответствия приговора с деянием осужденного», эта формула заменила теперь собою прежнюю формулу «по явной несправедливости или при осуждении явно невинного». Таким образом, формула получилась более широкая и Президиум ЦИК получил возможность изменять приговор не только путем понижения наказания, *но и путем повышения*, что являлось, конечно, неслыханным поруганием основ буржуазного правосознания.

Наконец, раздел последний (9) повторяет закон 1918 года о Верховном Трибунале, при чем сокращение количественного состава этого суда—с 7-ми до 3-х—не было точно зафиксировано законом, а лишь подразумевалось, как вывод из самого факта, что раздел о Верховном Трибунале был включен в общий закон о трибуналах.

Таково Положение о Трибуналах, принятое в 1919 г.

Каковы же итоги нового Положения?

Оно строилось, как мы видели, в результате борьбы трех взаимно перекрещивающихся тенденций: тенденций Наркомюста, как последние выразились в «Положении о Нарсуде», 2) тенденций Ч. К. и 3) тенденций самих трибуналистов. Наркомюсту удалось во изменение основного, подробно выработанного самими трибуналистами проекта, провести: а) обязательную мотивировку приговора и б) упразднение коллегии обвинителей. Обе эти поправки не могут быть признаны ни целесообразными, ни принципиально выдержанными. Первая фактически в жизнь не вошла, вторая разрушила то хорошее, что приносил собой закон 14 мая.

Ч. К. удалось добиться: 1) сокращения состава трибунала с 5 до 3, 2) упразднения народных заседателей, 3) уничтожения точно определенной подсудности и 4) ряда упрощений в технике судопроизводства. Едва ли все эти изменения, сближавшие трибуналы с Ч. К., могли быть признаны целесообразными, поскольку, собственно говоря, это был путь по линии наименьшего сопротивления, а не путь вдумчивой государственной работы.

Наконец, трибуналистам удалось в общем и целом отстоять свой основной проект и осуществить свою основную цель,—получить *единый закон* о трибуналах, ввести в него все выработанные практикой кардинальные отличия трибунального производства, от общего производства, которое обеспечивало, как сказано было вводной

резолюцией 1-го с'езда: а) действительность репрессий и б) сохранение *основных правовых гарантий для обвиняемого.*

С момента издания этого закона трибуналы действительно стали трибуналами, т. е. исключительными судами и орудиями классовой репрессии; получил окончательное оформление руководящий центр—Кассационный Трибунал и оказались связанными воедино Верх. Трибунал и Губернские Трибуналы.

Тем не менее оставались раз'единенными военные суды, находившиеся вне общей системы Военные Трибуналы, и—самое главное—несогласованными и построенными на взаимно исключающих друг друга принципах две основные ветви советской юстиции: трибуналы и общие суды. Наконец, к той же категории явлений, характеризующих продолжавшую существовать неразбериху, могут быть отнесены: а) постановление Президиума ВЦИК от 20 июня, возвращавшее Ч. К. их внесудебные полномочия и «Положение о Полковых Военных Судах», опубликованное 10 июля 1919 г., повторявшее сплошь в отношении военных судов принципы строения Народных Судов. Этот закон воссоздавал для военной юстиции детально разработанные нормы Народного Суда, построенного по всем правилам искусства, и в качестве такового явно непригодного для потребностей реальной жизни армии в условиях 1918 г.

Мы могли бы закончить этим обзор законодательного творчества 1919 года. По сравнению с 1918 годом это творчество не может похвастаться ни стройностью, ни выдержанностью в принципиальной области, ни богатством своих идей.

«Положение о трибуналах» было результатом компромисса. «Положение о Народном Суде» продолжало действовать таким, каким оно было создано в 1918 году. Военное Ведомство работало сепаратно и несогласованно, ВЧК творила свое дело вообще без каких бы то ни было норм. В качестве закона, хронологически совпадающего с этим временем, мы отметим лишь один закон, равным образом изданный в ненадлежащем порядке, который, однако, впоследствии сыграл решающую роль при реформе общей юстиции; это «Положение о губернских отделах юстиции», опубликованное в январе 1919 г. за подписью Наркома Юстиции т. Курского.

Чем было вызвано это Положение? Когда было опубликовано в октябре 1918 г. Положение о Народном Суде, оно представляло собою уже готовый органический закон. Губернские комиссары юстиции были учреждены повсеместно в первый период после октябрьской революции, когда еще было необходимо иметь на местах чисто административный орган с широкими полномочиями для проведения задачи разрушения старых судов. После того, однако, как декретом о суде № 2 и затем декретом о суде № 3 и, наконец, «Положением о Народном Суде» были заложены основы для организации судов, роль губернских отделов юстиции, стала, по меньшей мере, неясной и вопрос об их функциях, как равно вопрос об их

взаимоотношениях с Советами Народных Судей всплыл сам собой. Положение о губотделах юстиции является попыткой ответить на эти вопросы.

Рассматривая Положение, мы видим, что тут Наркомюст уже не так последовательно проводит свою точку зрения децентрализации и, предоставляя назначение личного состава полностью Губисполкомам, сохраняет все же за собой право *утверждения*. Почему Наркомюст одновременно отказывался от этого права по отношению к председателям Совета Народных Судей—остается совершенно невыясненным. В области руководства административными органами НКЮ, видимо, считал себя обладающим большей полнотой прав.

Каковы же функции были у Губотдела? Из четырех подотделов, поименованных в ст. 7-й: общего, административно-хозяйственного, судебно-следственного и карательного, только один судебно-следственный имеет непосредственное отношение к работе судов; все остальные являются либо типично административными, как хозяйственный или карательный, ведающий тюрьмами, либо консультационными с уклоном в сторону прокуроского надзора, как подотдел общий, на котором лежало: 1) разрешение юридических вопросов, возникающих в губисполкоме и местных советах, и 2) преследование незакономерных действий низших органов власти. Наоборот, судебно-следственный отдел имел задачей: «организацию Народных Судов, Революционных Трибуналов, следственных комиссий, коллегий обвинителей, защитников и представителей сторон в гражданском процессе и судебно-исполнительных органов и *наблюдение за их действием*». Конкретно на нем лежали созыв периодических с'ездов народных судей в уездах, руководство составлением очередных списков народных заседателей, представление кандидатов в члены следственных комиссий и общее наблюдение за производством дознания милицией.

Если отсюда исключить необходимые мероприятия первой эпохи по организации судебных мест и наполовину техническую работу по составлении списков заседателей и организацию следственных комиссий, то в качестве постоянных функций придется оставить: *наблюдение за деятельностью судов* и созыв периодических с'ездов судей. «Положение», однако, ничего не говорит ни относительно *форм* этого наблюдения, ни относительно *содержания* этого наблюдения, ни относительно *порядка и взаимоотношений между губотделами юстиции и НКЮ в результате наблюдения*. Ст. 12 возвращается вновь к тому же вопросу и поясняет, что *контроль и инструктирование* местных учреждений отдел юстиции осуществляет или *непосредственно, или через особых инструкторов*. Закон опять-таки, однако, ничего не говорит ни о пределах полномочий этих инструкторов, ни о форме инструктирования. Другими словами, закон молчит по всем основным злободневнейшим вопросам практики.

Этой характеристикой законодательного творчества НКЮ мы закончим обзор его деятельности за 1919 год.

Неразрешенные вопросы, видимо, должны были ждать своего разрешения в будущем. И, действительно, все они опять встали на следующих очередных с'ездах судебных работников, протекавших почти одновременно, но *раздельно друг от друга*—на 2-м всероссийском С'езде председателей Трибуналов и на 3-м всероссийском С'езде деятелей юстиции.

1920 год. Положение о Революционных Трибуналах от 27 марта и 2-й С'езд Председателей Революционных Трибуналов.

Лекция 9-я.

Раньше, чем приступить к рассмотрению содержания работ с'ездов деятелей юстиции за 1920 год, остановимся еще на двух законодательных памятниках 1919 года, хотя и не имеющих непосредственного отношения к вопросам судоустройства, однако, оказавших влияние на работу органов юстиции и потому не могущих быть оставленными нами без внимания. Один из них, впрочем, имеет непосредственное отношение к вопросам судоустройства и потому не может быть ни в коем случае обойден молчанием. Эти два акта будут, с одной стороны, «Руководящие начала по уголовному праву», опубликованные 12 декабря 1919 года и, с другой стороны, декрет Совета Народных Комиссаров от 21 октября 1919 года об учреждении при В. Ч. К. особого Революционного Трибунала, действующего на началах совершенно иных, чем те, на которых действовали все остальные трибуналы. Оба эти закона характерны, как по своему содержанию, так и по порядку своего издания. Что представляют из себя эти начала по уголовному праву, выработанные НКЮ и опубликованные, как законодательный акт? Они представляют из себя совокупность статей нашей общей части уголовного кодекса, т.-е. изложение основных принципов деятельности судов. Мы знаем, что наши суды, в особенности в этот период, нуждались, главным образом, в практических указаниях, а не в общих принципах. Общие принципы, конечно, тоже были нужны, но их как раз в этот революционный период в полной мере заменяло «революционное правосознание», служившее для пролетарских судей достаточным источником права, чтобы не делать принципиальных ошибок. Если Коллегия НКЮ сочла формулировку общих принципов и преподание их в виде законодательного акта необходимым, то это можно понимать только как признание со стороны НКЮ необходимости оформить основные пункты этого революционного правосо-

знания, выделив из шелухи старых понятий буржуазного права все то, что подходило к практике и принципам революционного марксизма. Эта работа была, конечно, чрезвычайно ценна. Однако, взятая сама по себе без практических выводов из нее, она теряла в своей ценности почти все и, с этой точки зрения, была на 9/10 работой ненужной или, вернее, работой недоделанной. Наша оценка будет ясна всякому, кто представит себе в настоящий момент наш Уголовный Кодекс, преподанный для практического применения судам, без... особенной части. А между тем фактически, именно такого рода памятником являются «Руководящие начала».

Конечно, в нашем действовавшем тогда законодательстве уже были декреты, определявшие отдельные преступления и соответствующие за них возмездия, как, например, декрет о спекуляции, о взяточничестве и др., т. е. действовали отдельные статьи особенной части уголовного кодекса. Но отсюда можно было сделать только один вывод, что нужно дать уголовный кодекс целиком, т. е. и особенную и общую часть. НКЮ пошел иным путем и «пока что» решил дать только одну общую часть.

Практической ценности этот памятник, как мы говорили, не имел и нам важно на нем остановиться, лишь как на памятнике первой попытки теоретически обосновать и изложить принципиальные воззрения советской юстиции в области уголовного права.

Основной и самой ценной частью этого памятника является его вводная часть, об'яснявшая, зачем издаются «Руководящие начала».

Это введение настолько характерно и резко выявляет совершенно новую точку зрения на суды и их деятельность, чем ту, которую проводил до сих пор Наркомат Юстиции, в частности, в «Положении о едином Народном Суде», что мы не можем не привести его целиком. Вот оно:

«*Введение*. Пролетариат, завоевавший в Октябрьскую революцию власть, сломал буржуазный государственный аппарат, служивший целям угнетения рабочих масс, со всеми его органами, армией, полицией, судом и церковью. Само собой разумеется, что та же участь постигла и все кодексы буржуазных законов, все буржуазное право, как систему норм (правил, формул), организованной силой поддерживавших равновесие интересов общественных классов в угоду господствующим классам (буржуазии и помещиков). Как пролетариат не мог просто приспособить готовую буржуазную государственную машину для своих целей, а должен был, превратив ее в обломки, создать свой государственный аппарат, так не мог он приспособить для своих целей и буржуазные кодексы пережитой эпохи и должен был сдать их в архив истории. Без особых правил, без кодексов, вооруженный народ справлялся и справляется со своими угнетателями. В процессе борьбы со своими классовыми врагами пролетариат применяет те или другие меры насилия, но применяет их на первых порах без особой системы, от случая к случаю, неорганизованно. *Опыт борьбы*, однако, приучает его к мерам общим,

приводит к системе, *рождает новое право*. Почти два года этой борьбы дают уже возможность подвести итоги конкретному проявлению пролетарского права, сделать из него выводы, необходимые обобщения. В интересах экономии сил, согласования и централизации разрозненных действий, пролетариат должен выработать правила *обуздания своих классовых врагов* (курсив везде наш), создать метод борьбы со своими врагами и научиться им владеть. И прежде всего это должно относиться к уголовному праву, которое имеет своей задачей борьбу с нарушителями складывающихся новых условий общежития в переходной период диктатуры пролетариата. Только окончательно сломив сопротивление повергнутых буржуазных и промежуточных классов и осуществив коммунистический строй, пролетариат уничтожит и государство, как организацию насилия, и право, как функцию государства. Этой задаче, задаче помочь органам советской юстиции выполнить свою историческую миссию в области борьбы с классовыми противниками пролетариата, идет навстречу Народный Комиссариат Юстиции, издавая настоящие руководящие начала по уголовному праву РСФСР».

... «В процессе борьбы со своими классовыми врагами, пролетариат применяет те или другие меры насилия»... От такой формулы не поздоровится не только принципам либерально-буржуазной школы о надклассовой сущности судов, но и точке зрения на суд, как на политическую школу и орудие воспитания населения. «Пролетариат должен выработать правила обуздания своих классовых врагов»...—это тоже хорошо сказано.

Поскольку все такого рода формулы об'являли войну либерально-мещанским теориям декретов о суде № 1 и № 2, их стоило опубликовать. Право, как результат классовой борьбы, эта здоровая истина, к сожалению, пришла в голову работникам НКЮ только через год опыта и практической работы.

Дальнейшие разделы «Руководящих начал» отнюдь не отличаются, к сожалению, такою точностью в области формулировки. Раздел первый «об уголовном праве» дает определение, что есть право вообще, уголовное право и советское уголовное право, в частности. Право определяется, как «система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной вооруженной его силой». Это не совсем точно: право не есть система отношений—право есть только писанное выражение данной системы общественных отношений,—это будет верно. В соответствии с этим, советское уголовное право определяется, как совокупность норм, имеющих задачей охранять систему общественных отношений, «соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата». Это определение вполне верно. Следующий раздел говорит об уголовном правосудии и о преступлении и наказании.

Что есть преступление? В буржуазных учебниках преступление определялось как «совершение деяния, запрещенного законом

под страхом наказания». Это есть ничто иное как отсылка от Понтия к Пилату. Преступлением именуется всякое деяние, запрещенное уголовным законом. А что такое уголовный закон? Это есть совокупность норм, карающих преступление. Такое определение буржуазной юстиции—сущий вздор. Однако, определение, какое дают «Руководящие начала», не лучше, так как оно также отсылает определение преступления к уголовному праву, это также отсылка от Понтия к Пилату. Надлежало бы сказать так: преступлением является всякое признаваемое государственной властью подлежащим наказанию нарушение устанавливаемого этою же властью порядка общественных взаимоотношений.

Кто определяет наказуемость? Государственная власть. Исходя из каких интересов? Исходя из интересов господствующего класса, выразителем которого она является.

Так следовало бы формулировать определение преступления. Принципиально важна ст. 8-я и корреспондирующая с ней ст. 16-я, говорящая о задачах наказания. Таковыми является охрана общественного порядка от правонарушителей, *опасных для данной системы общественных отношений.* При чем, «с исчезновением условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялись опасным для данного строя, совершивший его не подвергается наказанию».

Эти принципы положены в основу всей нашей практики. Они вытекают из всех наших воззрений на классовый характер общества, на генезис преступления, на цели наказания. Последовательна с этой точки зрения ст. 9, допускающая «если преступник не поддается приспособлению к данному общественному порядку и его физическое уничтожение».

С точки зрения борьбы с общественно-опасным состоянием это только необходимый логический вывод и, с этой точки зрения, все вопли и слезницы: «ах, расстрел, ах, мы против смертной казни»—не выдерживают никакой критики. Это не значит, что мы сейчас принципиально защищаем смертную казнь. Если бы мы были так богаты, что могли бы устроить такие хорошие тюрьмы, в которые можно было бы запереть особо опасных преступников навсегда, мы не возражали бы против упразднения смертной казни. Но мы принципиально не можем допустить такую постановку вопроса, при которой расстрел не допускается, исходя из предпосылки о том, что, мол, жизнь есть такое благо, «утрата коего не возвратима». Прежде всего жизнь вовсе не такое ценное благо, а, во-вторых, такого рода принципы не могут иметь места и приниматься всерьез в условиях классовой диктатуры.

Мы не можем не отметить, однако, недостаточности того, что говорится в этом отделе о существе наказания. Наш Уголовный Кодекс идет дальше и устанавливает еще одну цель наказания. Именно, предупреждение новых преступлений, как со стороны лица, уже совершившего преступление, «*так и со стороны других неустойчивых элементов общества*» (ст. 4 Уг. К.). Этой последней оговорки нет

в «Руководящих началах». А между тем применять наказания с целью устрашения, «чтобы другим неповадно было», полезно и отрицать значение террора, мы—в практике судебной работы отнюдь не можем. И маниловские теории, что террор не устрашает—отбрасываем, как опровергнутые действительностью.

Остальные пункты «Руководящих начал» мы оставляем без рассмотрения, за исключением ст. 25, определявшей «примерные виды наказания», где имеются в п. «л» и в п. «о» такие меры, которых сейчас у нас нет, как «об'явление врагом народа» и «об'явление вне закона» и ст. 27, определявшую «пространство действий уголовного права». В отличие от действующей ст. 1-й Уголовного Кодекса, ст. 27 распространяла действие «Руководящих начал» без различия на граждан и иностранцев, независимо от того, где они совершили преступление, на территории РСФСР или на территории другого государства, если они там уклонились от суда и следствия и ныне находятся в пределах РСФСР.

Этой последней постановке вопроса нельзя отказать в большей правильности и принципиальности с точки зрения применения начал нового пролетарского, а не старого буржуазного права, чем действующая ст. 1-я общей части Уголовного Кодекса.

Вот все, что мы считаем необходимым сказать по поводу «Руководящих начал». Общий итог—они представляли собой очень ценный и важный документ, но в силу своей оторванности от особенной части, большого практического значения иметь не могли.

Гораздо большее практическое значение имел коротенький декрет «об Особом Трибунале ВЧК», опубликованный 21 октября 1919 года. Этот декрет вышел из недр ВЧК и отличался соответственными качествами. Трибунал состоял из 3-х членов, назначаемых ВЧК. Подсудность определялась путем из'ятия из общей подсудности дел по обвинению в «крупной спекуляции товарами и продуктами, взятыми на учет», а также всех дел о должностных преступлениях лиц, уличенных в хищениях, подлогах, неправильной выдаче нарядов, в участии в спекуляции в той или иной форме и во взятках». Из'ятие определялось усмотрением ВЧК, Совета Народных Комиссаров и Народных Судов. Ст. 3-я определяла процессуальные нормы следующей выпуклой формулой: «Особый Революционный Трибунал в своих суждениях руководствуется исключительно интересами революции и не связан какими-либо формами судопроизводства. Заседания Особого Революционного Трибунала гласны. Приговоры Особого Революционного Трибунала окончательны и обжалованию в кассационном порядке не подлежат».

ВЧК добилась своего и учредила Трибунал по своему образу и подобию. Перевернутым оказался прежде всего основной принцип, по которому при судах должен существовать следственный орган. Теперь розыскной орган учреждал при себе свой суд. Однако, логика судебного процесса оказалась сильней самих инициаторов декрета. Никаких форм!—гордо провозглашал декрет и одновременно добавлял,—но заседания Трибунала гласны. Однако, на практике после

первых же заседаний, сами работники этого Трибунала пришли к необходимости *установить иные обязательные формы процесса:* а) доклад следователя, б) об'яснение подсудимого, в) удаление суда в совещательную комнату, г) об'явление приговора и т. д. Все громовые филиппики против норм оказались пустым звуком, ибо без них обойтись было нельзя. Распорядительные заседания тоже пришлось ввести. В чем же была разница? В свободе от форм! Но это еще не великое завоевание. В отсутствии кассационного обжалования! Но кассационное обжалование есть лишь одна из форм, от которой в определенной обстановке отказываемся и мы. Процессуальные нормы—это гармоника, которую рабоче-крестьянская власть сжимает в зависимости от общих условий. Вот принципиальная точка зрения, а не огульное отрицание частных норм и нелепое противопоставление норм «чекистских» нормам «судебным».

Как бы то ни было закон был издан. Его издание доказало только одно, что компромисс февраля 1919 года не разрешил вопроса и что вопрос нужно поставить еще раз.

Перейдем к рассмотрению, как он был разрешен в 1920 году. 1920 год начался законодательным актом чрезвычайной исторической и политической важности, постановлением Совета Народных Комиссаров, утвержденным затем постановлением ВЦИК (первое датировано 7 января, второе 2 февраля) об отмене высшей меры наказания. Согласно этому постановлению расстрел был отменен, как мера наказания, по всем делам, рассматриваемым Ч. К., Губернскими и Верховным Ревтрибуналами. Закон умалчивал *о Военных Трибуналах*. Из этого вытекало, что этой категорией судов высшая мера могла быть применяема.

Мотивировка этого постановления Сов. Нар. Комиссаров целиком и полностью совпадает с только что разобранными нами воззрениями Советской власти на существо наказаний, как они изложены в «Руководящих началах».

«Разгром контр-революции во вне и внутри, уничтожение крупнейших тайных организаций контр-революционеров и бандитов и достигнутое этим укрепление Советской власти дают ныне возможность Рабоче-Крестьянскому Правительству отказаться от применения высшей меры наказания, т. е. расстрела, по отношению к врагам Советской власти»,—так говорит закон. «Только возобновление Антантой попыток, путём вооруженного вмешательства или материальной поддержкой мятежных царских генералов, вновь разрушить устойчивое положение Советской власти и мирный труд рабочих и крестьян по устроению социалистического хозяйства может вынудить возвращение к методам террора».

Меняются условия, меняются методы борьбы. Делом, а не словом доказала этим актом Советская власть свое принципиальное отношение к террору. После этого ее никто больше не мог упрекать, что она следует обычной политике буржуазии, всегда откладывающей реформы «впредь до успокоения».

К сожалению, «успокоение» продолжалось недолго и уже в

июне 1920 г. Советской власти пришлось взяться за прежнее оружие. До этого, однако, вышло в свет новое Положение о Ревтрибуналах от 27 марта 1920 года.

Новое Положение было написано, как говорится в его вводной части, «во исполнение поручения февральской сессии ЦИК 7-го созыва». Неразрешимые противоречия законодательства 1919 года заставили вновь поставить все «проклятые» вопросы. Месяца октябрь и ноябрь 1919 года принесли с собой не только Особый Трибунал при Ч. К.; Военное Ведомство 18 ноября 1919 года опубликовало еще один закон о Ревтрибуналах, развивавший прежнее положение о Военных Трибуналах (февральское), наконец, тот же вопрос о «*своих*» железно-дорожных трибуналах подняло к этому моменту ведомство путей сообщения. Параллельно развивалась и действовала, применяя все формы репрессии вплоть до расстрела, еще одна форма суда, в виде так называемых «дезертир-комиссий», переименованных впоследствии в «труддезертир-комиссии». Другими словами, судебная машина разлезлась по всем швам, всякий строил суды, какие он хотел. Дальше так продолжаться не могло.

В результате новое Положение было принято «в целях об'единения деятельности органов по борьбе с преступными деяниями, направленными против Рабоче-Крестьянской власти и устанавливаемых Революцией порядков, в видах достижения единства в применении мер чрезвычайной репрессии по делам о таковых деяниях и в изменение закона о Трибуналах от 12 апреля 1919 года и закона о Военных Трибуналах от 20 ноября 1919 г.». Новое положение, как говорит ст. 1-я, об'являлось в качестве «*основного* закона о Революционных Трибуналах Республики». Этого мало, ст. 2-я особо поручала согласовать с ним действующие положения о Трибуналах Военных, Военно-Железнодорожных, о трибунале *ВОХРЫ* «и иных трибуналах, кои могут быть впредь организованы, поскольку в законе о них не будет оговорено противное, с публикуемым Положением поручается соответствующим ведомствам». Что же нового вносило это новое основное Положение в прежнюю действующую практику?

Если оно было задумано, как Положение, имевшее задачей только об'единить деятельность всех исключительных судов, то оно было проведено в жизнь с изменениями, более глубокими.

Прежде всего была изменена ст. 1-я, которая вместо материального признака дел, подсудных трибуналам, а именно дел о контрреволюции и иных, выставляла формальные признаки, а именно дел, «направляемых к ним Ч. К., особыми отделами и комиссиями по борьбе с дезертирами и *принятых трибуналами к своему рассмотрению*».

Это означало, что трибуналы, получая широкое право принимать или не принимать дела к своему производству, в то же время могли проявлять эту свою власть только в отношении дел, *уже направленных к ним.* Таким образом, у них отнималась инициатива по принятию дел. Это был результат давления Ч. К. и дальнейший шаг по проведению той же линии. Однако, эта тенденция чрезвычайно

смягчалась, во-первых, упомянутым правом трибуналов не принимать к своему рассмотрению направляемые к ним дела и предоставлением права направлять те же дела, помимо Ч. К., еще целому ряду учреждений, в том числе Народному Комиссару Юстиции, Народному Комиссару Внутренних Дел, Народному Комиссару Рабоче-Крестьянской Инспекции, местным Губисполкомам и Президиумам местных Советов Народных Судей по представлению народных судей.

Смягчалась эта тенденция 2-м абзацем ст. 1-й, по которой право начатия дел сохранялось за трибуналами под условием направлять в этих случаях поступившие к ним заявления в Ч. К.

На деле это означало уничтожение самостоятельных следственных комиссий при трибуналах. Вот все, чего добились сторонники Ч. К. Свою независимость и самостоятельность трибуналы отстояли полностью.

Впрочем, уничтожение следственных комиссий также было проведено далеко не полно. Правда, теперь не было уже ни следственных комиссий, выбираемых Советами, ни отдельных следователей, производящих следствие, взамен их ст.ст. 8, 9, 10 и 11 вводился при трибуналах особый институт *следователей-докладчиков*, на обязанности которых лежало приводить в порядок передаваемые из Ч. К. дела, составлять по ним обвинительные записки, а в известных случаях по отдельным поручениям трибунала производить и отдельные следственные действия. Для Военных же и Военно-Железнодорожных Трибуналов следователи были сохранены полностью в виде самостоятельных, единоличных, состоящих при трибуналах, следователей. Таким образом и эта победа чекистов была победой эфемерной. За то не менее эфемерной оказалась и победа трибуналистов. Идя на эти уступки, они потребовали уступок также себе в виде упразднения, во-первых, Особого Трибунала при ВЧК, во-вторых, внесудебных полномочий, переданных Ч. К. постановлением от 20 июня 1919 г. Согласно ст. 5-й, декреты от 21 октября и 20 июня 1919 г. отменялись и еще раз торжественно декларировалось об упразднении «всех существующих чрезвычайных военных судов и иных учреждений чрезвычайного характера с судебными функциями, равно как Ревтрибуналов, учрежденных в ином порядке или действующих не на основании правил, изложенных в настоящем Положении». Это была действительная победа.

С таким категорическим разрешением вопроса не могли в свою очередь примириться работники ВЧК. Они ослабили его поэтому примечанием к ст. 1-й, согласно которому за ВЧК и ГубЧК с утверждением ВЧК сохранялось право заключения в лагерь принудительных работ на срок не свыше 5-ти лет всех нарушителей «трудовой дисциплины, революционного порядка и вообще паразитического элемента», в случае, «если дознанием не установлено достаточных данных в порядке уголовного преследования». В соответствии с этим ст. 9-я расшифровывала старое Положение ВЦИК февраля 1919 года и давала трибуналам право «поверки следственных действий по делам вообще уже поступившим к трибуналам, как равно и

находящимся еще в производстве Ч. К. и Особых Отделов, розыскные действия по которым уже закончены». Детализирована, равным образом, была статья о порядке проверки закономерности содержания под стражей в сторону обязания трибуналов раньше освобождения выждать 7 дней для получения об'яснения от учреждения, за которым числится арестованный.

Мы увидим сейчас, какой интерпретации и толкованию подверглись эти функции в ближайшем же будущем, как со стороны работников Ч. К., так и со стороны трибуналистов. Пока что можно остановиться только на констатировании этого нового компромисса, которым закончился второй этап борьбы. Ценой отказа от самостоятельного следственного аппарата трибуналы еще раз одержали верх. Однако, формула победы их,—право «поверки следственных действий» по делам, «розыскные действия по коим закончены» и право Ч. К. на внесудебную расправу по делам, «где не установлено достаточных данных для уголовного преследования»—обе эти формулы были до чрезвычайности неясны и спутаны. Единственный плюс заключался в большей детализации процессуальной стороны и в реально достигнутом об'единении сепаратно возникших и сепаратно действовавших исключительных судов.

Плюсом также должен быть признан отказ от прежней широкой всеоб'емлющей формулы, определявшей подсудность трибуналов. В ст. 2-й закон опять возвращается на старую дорогу определения материальных признаков. Трибуналам об'являются подсудными теперь: 1) дела о контр-революционных деяниях, 2) дела о крупной спекуляции товарами и предметами, взятыми на учет, 3) дела по крупным должностным преступлениям лиц, обвиняемых в хищении, подлогах, неправильной выдаче нарядов и участии в спекуляции в той или иной форме, равно и в иных, более выдающихся должностных преступлениях, в том числе и взяточничестве, 4) дела о явном дискредитировании власти советскими работниками, 5) дела о дезертирах, признанных злостными, и укрывателях дезертиров, поскольку таковые дела Комиссиями по борьбе с дезертирством будут признаны превышающими их компетенцию, а также о пособниках и подстрекателях к дезертирству.

Сверх того, «Трибуналы вправе принять к своему производству из направляемых дел сверх указанных категорий и дела о всяких иных деяниях, если усмотрят в них признаки опасности для РСФСР или порядков в нем установленных».

«Определения трибуналов о принятии или непринятии дел окончательны и никакому обжалованию не подлежат»,—так разрешил новый закон вопрос о взаимоотношениях Ч. К. и трибуналов и о подсудности последних.

В непосредственно организационной области отметим еще нововведение ст. 6-й, которая вместо прежних обязательных 15-ти членов, избираемых на срок в 1 месяц, устанавливает количественный состав трибуналов, ставя его в зависимость исключительно от местных потребностей для выездных сессий, самый срок избрания продол-

жает до 3-х месяцев, при чем в качестве одного обязательного члена судебной коллегии вводит *представителя местной Ч. К. или Особого Отдела*. Это была уступка тенденциям ВЧК.

Новый компромисс просуществовал, однако, до 23 мая 1920 г., т. е. *два месяца*. После взрыва на Ходынке Советом Труда и Обороны была образована Особая Комиссия, которая для осуществления «беспощадной расправы над всеми врагами Республики» получила право предоставлять права внесудебной расправы местным Ч. К. в отношении «всех преступлений, направленных против военной безопасности Республики (взрывы, поджоги, измена, шпионаж, спекуляция военным имуществом, преступное нерадение при проведении охраны военных складов и др. военных мероприятий).

Это постановление моментально было истолковано ВЧК таким образом, что, поскольку ей дано указанное право, *она также может, мол, его передоверять своим местным органам*. Что же касается перечня преступлений, то при отсутствии контроля, уследить за тем, чтобы это право внесудебной расправы применялось только по указанным категориям дел, не представлялось ни малейшей возможности. Так неудачно закончился второй компромисс и по существу все осталось по-старому.

Гораздо большего удалось достигнуть—и в этом основное завоевание нового закона—в отношении процессуальной стороны. Не в пример всем прежним положениям, новое положение, не колебля ни в чем принципов трибунального производства, в разделе о подготовительных к суду действиях трибунала (ст. 13—16), об обвинении и защите в трибуналах (ст. 17), о порядке рассмотрения дел в трибуналах (ст. 18—22) и о постановлении приговоров (ст. 23—27) подробно рассматривает процессуальную сторону, дает ответ на все вопросы практики, возникавшие благодаря чрезвычайной краткости Положения 1919 года. Из нововведений следует отметить ст. 14, разрешавшую трибуналам не вызывать свидетелей при достоверности и категоричности их показаний, независимо от признания их существенными. Ст. 20 заключает в себе новый принцип о праве трибунала не допускать вовсе прений сторон, если трибунал признает дело в достаточной степени выясненным. По ст. 19 то же право предоставлено трибуналам по вопросу о продолжении допроса вызванных свидетелей. Уточнена ст. 24, согласно которой Трибунал теперь обязан был выносить приговоры, руководствуясь исключительно оценкой обстоятельств дел (раньше в законе было сказано «обстоятельствами дел»), и «интересами Пролетарской Революции» (раньше было сказано: «указанием революционной совести»). Уточнена прежняя статья о праве протестов по приговорам трибуналов всякого гражданина с указанием, что это право протеста предоставляется только по протестам на мягкость приговора или оправдательный приговор. На суровость приговора мог жаловаться, таким образом, только осужденный.

Самым существенным нововведением и завоеванием был раздел о Кассационном Трибунале и о Верховном Ревтрибунале.

Правда, по 26-й статье приговоры Военных и Военно-Железнодорожных Трибуналов были свободны от кассационных обжалований. Это не избавляло их, однако, от подотчетности и подконтрольности единому отныне руководящему центру *в порядке надзора.* Только теперь в 1920 г. оформлены законом права надзора, фактически осуществлявшиеся Кассационным Трибуналом с момента создания Кассационного Отдела. Кассационный Трибунал учреждался по тексту ст. 28 для «установления единообразия деятельности всех трибуналов, надзора над ними, разрешения процессуальных и иных вопросов, как равно рассмотрения кассационных жалоб и протестов по делам, разбираемых в трибуналах». Это уже шире, чем только кассационный надзор. Строился Кассационный Трибунал так же, как и до сих пор, с той только разницей, что теперь по закону председателем Кассац. Трибунала должен был быть обязательно член коллегии НКЮ, а членами—председатель Верховного Трибунала, с одной стороны, и Главного Военного Трибунала (Трибунала Республики)—с другой. Этим достигалось об'единение всех до сих пор сепаратно действовавших ответвлений исключительной юстиции. Отмена Положения о Военных Трибуналах от 20 ноября, установление единых процессуальных форм для Военных и Железнодорожных Трибуналов наравне с трибуналами гражданскими, слияние верхушки в едином руководящем центре — таков был способ, помощью которого устанавливалось единство судебной системы. В остальном Кассационный Трибунал не был изменен ни в чем, кроме ограничения, введенного ст. 32, по которому допущение сторон к об'яснениям при кассационном рассмотрении дел также было поставлено теперь в зависимость от самого трибунала. Основной центр тяжести реформы заключался в ст. ст. 36, 37, 38. Согласно этим статьям все Ревтрибуналы, в том числе и военные и железнодорожные обязаны были представлять отчетность и копии своих приговоров в Кассационный Трибунал, *периодически в сроки, указанные Кассационным Трибуналом.*

Согласно ст. 37 член-докладчик К. Т. был обязан представлять в К. Т. «сводки о деятельности всех трибуналов, как равно докладывать ему о всех замеченных им нарушениях, предлагая применение тех или иных *дисциплинарных мер* по отношению к председательствующему в заседании *до отстранения от должности и предания суду, включительно,* при чем независимо от наличия или отсутствия кассационной жалобы, если найдет нужным, *истребует от трибунала все дело* для осмотра его в ревизионном порядке. От Кассац. Трибунала будет в этом случае зависеть, признав допущенные нарушения существенными, отменить приговор и передать его на новое рассмотрение в Трибунал в ином составе, либо изменить меру репрессии в порядке ст. 35 настоящего Положения. О своей собственной деятельности Кассационный Трибунал представляет отчетность в Президиум ВЦИК и Народному Комиссару Юстиции».

Наконец, ст. 38-я говорит: «Разрешение возникающих в по-

рядке трибунального производства вопросов процессуального характера, как по кассационным жалобам, так и в результате ревизионной деятельности Кассац. Трибунала, если разрешение их потребует принципиального истолкования статей закона и преподания определенных указаний всем трибуналам для исполнения, осуществляется Кассационным Трибуналом путем инструкций, циркуляров и раз'яснений по предварительному докладу члена-докладчика и после утверждения таковых НКЮ».

Этими 3-мя статьями вводились, во-первых, обязательная отчетность трибуналов перед центром, во-вторых, право наложения дисциплинарных взысканий с правом истребования любого дела в порядке надзора и изменения приговора и, в-третьих, право раз'яснения закона.

Таких прав не имел даже Реввоентрибунал Республики, присвоивший себе право (отмененное этим положением) изменять приговор в порядке надзора без обращения дела на вторичное рассмотрение, т. е. право, принадлежавшее только ВЦИК. Этими тремя статьями фактически легализовался второй Наркомюст, создавался авторитетный единый центр, т.-е. то, чего до сих пор не было в общей системе НКЮ. Однако, учреждая такой центр, фактически *закон подчинял его НКЮ*, поскольку председателем его был обязательно член коллегии НКЮ (в этом отступление от прежнего закона, который требовал только членства, но не председательствования) и, во-вторых, поскольку требовалось утверждение всех его циркуляров Нар. Комиссариатом Юстиции. В этом отразился советский принцип, отличный от принципов буржуазного права: *министр выше Сената*, а не наоборот. Верховный Суд или Верх. Трибунал наблюдает за судебной практикой; судебной политикой руководит Наркомюст.

Положение о Ревтрибуналах было опубликовано 27 марта, в апреле 1920 года собрался 2-й С'езд деятелей Ревтрибуналов. Что же постановил с'езд?

С'езд заседал с 26 по 28 апреля в Москве. В порядок дня был поставлен вопрос организационный, вопрос о взаимоотношениях губернских отделов юстиции и Революционных Трибуналов, вопрос о взаимоотношениях с Ч. К., вопрос о процессуальной стороне трибунального производства по новому закону, о мерах наказания и порядке применения амнистии и, наконец, вопрос об отчетности и штатах трибуналов. Мы рассмотрим только наиболее важные из этих резолюций, да и то не полностью, а лишь в наиболее существенных местах.

Положение о трибуналах уже было опубликовано, когда состоялся С'езд, таким образом перед с'ездом стала задача только детализации Положения и расшифрования тех его статей, которые такого расшифрования требовали.

«Всецело поддерживая мысль о необходимости закрепить в качестве трибунальных работников *постоянный кадр таковых*,—говорит резолюция по организационному вопросу,—дабы обеспечить этим, как непрерывность накопляемого судебного опыта, так и воз-

можность со стороны центральных учреждений регулировать деятельность местных работников... С'езд считает нужным дополнить ст.ст. 6 и 7 основного Положения последовательным проведением в жизнь принципа утверждения председателя Трибунала кассационным центром и *запрещения Губисполкомам произвольно менять состав Трибунала и в особенности отзывать председателя* без мотивированного представления о том в Кассационный Трибунал, за которым должно быть сохранено право согласиться с таким отводом».

Эта резолюция С'езда является шагом вперед, по сравнению с практикой основного Положения, по пути дальнейшей централизации судебной работы и показывает, что та линия, которую проводил с самого начала Кассац. Отдел целиком разделялась всеми трибуналистами. В соответствии с этим, резолюция требовала, чтобы «предложения Кассационного Трибунала об отозвании председателя по мотивам его несоответствия» должны были «безотлагательно исполняться Губисполкомами».

Только одного права принципиально не признавали трибуналисты за Кассационным Трибуналом, это права непосредственно назначать председателей. В этом отношении трибуналисты последовательно стояли на почве Советской Конституции, не признававшей такого права ни за одним центральным учреждением, кроме Военного Ведомства. Этого права незачем было, конечно, давать. Важно было закрепить состав работников трибуналов, а не назначать их.

Что касается судопроизводственной части, то здесь резолюция о процессуальной стороне по новому закону подробно остановилась прежде всего на вопросе, как должны следователи-докладчики составлять обвинительные заключения, и соответствующие статьи закона получали исчерпывающее раз'яснение. Такое же значение имеет 3-я часть резолюции, трактующая о содержании приговоров и судебных протоколах. Однако, основное ее содержание заключается во 2-м пункте, устанавливающем на основании текста нового закона «*два основных порядка рассмотрения дел в трибуналах: развернутый* или широкий порядок и сокращенный или *упрощенный* порядок рассмотрения, понимая под первым—рассмотрение дела с участием обвинения и защиты, вызовом необходимых по делу свидетелей, допущением прений сторон и т. д. и под вторым—слушание дела без свидетелей, без защиты и обвинения с одним только допросом обвиняемого самим председателем Трибунала и предоставлением обвиняемому последнего слова».

Первый порядок (развернутый) С'езд рекомендует применять только, «*как исключение*, т. е. по делам, требующим *такого* порядка по своей сложности или по своему политическому содержанию и важности затрагиваемых процессом общественных вопросов».

«Второй порядок,—говорит резолюция,—должен быть усвоен, как *общее правило*, для большинства дел, для постановки трибунальной репрессии на должную высоту, при чем согласно точному смыслу ст. 14, *вызов свидетелей должен иметь место лишь в случаях, когда показания свидетеля не возбуждают доверия и требуют личной про-*

верки. Подробную инструкцию С'езд предлагает разработать Касс. Трибуналу».

Так формулировал С'езд принципиальные процессуальные отличия трибуналов от общих судов. Как практическая руководящая директива, такое указание имеет, конечно, значение указания величайшей важности. Оно ценно тем более, что является доказательством того, как последовательно проводилась на практике трибуналистами основная идея о задачах трибунала, как она выражена еще в декрете о суде № 1, в знаменитом 8-м пункте этого декрета. Ни одного отступления от этой идеи не позволил себе С'езд.

Чрезвычайно подробно остановился С'езд на больном вопросе о взаимоотношениях Ревтрибуналов и Ч. К., посвятив длиннейшую резолюцию анализу 8, 9 и 12 статей основного Положения. В целях устранения тех недочетов в работе Ч. К., которые, по мнению С'езда, с достаточной резкостью уже обнаружились и в основном сводились: «1) к часто имевшему место слишком поспешному и неоправдывающемуся необходимостью лишению свободы привлеченных по делу в качестве обвиняемых, 2) к продолжительному содержанию этих лиц под стражей без необходимого дальнейшего движения дела о них, 3) к ряду неправомерных действий отдельных следователей и работников Ч. К. при допросах, арестах и обысках, 4) к вменению в вину привлекаемых по делу неподлежащих вменению и не караемых законом действий, 5) к несовершенству технического аппарата Ч. К. при проведении следствия, благодаря чему следствие не проводилось с достаточной полнютой и не давало тех результатов, какие должно было дать».

С'езд подробно останавливается затем на тех средствах контроля, которые предоставляют ему 8, 9 и 12 статьи. Главным и основным средством С'езд считает *осмотр дела* следователем-докладчиком. Действительность этого контроля, по мнению С'езда, будет зависеть всецело, однако, от того, «насколько сам Трибунал сумеет поставить на должную высоту работу своих следователей-докладчиков». Принять все меры поэтому к должной постановке этого института С'езд категорически вменяет в обязанность всем председателям Трибуналов.

Обращаясь к праву «поверки следственных действий Ч. К.» ст. 9, С'езд расшифровывает понятие «законченности розыскных действий» и полагает под ним разуметь «момент проведения ликвидации преступной деятельности привлекаемых лиц путем ареста их по постановлениям Ч. К. и пред'явления главным виновникам обвинения при первых допросах и сосредоточения в руках соответствующего следователя всех данных розыска до следственной разработки».

Эта попытка расшифровки, конечно, не была на практике полностью проведена и в этом отношении дело едва ли подвинулось далеко.

Третье средство контроля заключалось в «проверке закономерности содержания арестованных», при чем, по мнению С'езда, «все заключенные по постановлению административных мест, независимо от того, в какой стадии находится их дело, могут быть поверяемы с

точки зрения закономерности их содержания под стражей и со всеми последствиями для учреждений, за коими они числятся, за неправомерное лишение свободы. *Умело, правильно и широко использованное это право должно*, по мнению С'езда, *явиться одной из самых могучих правовых гарантий, мыслимых в Советской Республике в период диктатуры пролетариата».*

Наконец, особо С'езд подошел к расшифрованию примечания к 1-й ст. Здесь С'езд одобрил целиком приказ, подписанный 17 апреля председателем ВЧК Дзержинским и мною. Этот приказ, подробно рассматривающий взаимоотношения Ч. К. и трибуналов, по вопросу о расшифровании примечания к ст. 1, говорит следующее:

«ни в коем случае не должно так понимать предоставленное право,—говорит этот приказ,—что Ч. К. может по своему усмотрению направлять любое дело или в судебном или в административном порядке, ограничивая в таком случае только меру репрессии заключением в лагерь на срок не свыше пяти лет. *Такое толкование прямо исключается точным смыслом закона.* Мы живем в эпоху,—продолжает дальше приказ,—когда классовая борьба буржуазии и преступного мира против нас не приняла еще таких форм, когда всякое преступление мы можем карать только путем судебного воздействия, или когда всякое преступление настолько дает возможность точно себя определить, что мы безбоязненно можем отдать его на гласное рассмотрение с уверенностью, что преступник будет наказан».

Исходя из этих правильных предположений, приказ стремится *точно перечислить все категории, к которым может быть применена административная мера.* Конечно, такое перечисление никогда не может быть полным, тем не менее ценна сама постановка вопроса. Одновременно приказ разрешает вопрос, как поступать в случаях, если по делу одновременно проходит ряд лиц, привлекаемых в порядке судебном и в порядке административном. Резолюция с'езда, цитируя эту часть приказа, категорически настаивает на *обязательном пересмотре Ч. К. своих административных постановлений, в случае, если лица, преданные суду по тому же делу оказались бы оправданными.*

Общая характеристика резолюции С'езда по этому вопросу—упорное проведение тех же принципов по охране революционной законности без ущерба для революции, какие проводил еще 1-й с'езд трибуналистов в 1918 г. И в этом отношении трибуналисты остались верными себе.

Более важной для нашего исследования является резолюция, определявшая отношение трибуналистов к общим органам юстиции.

Этот вопрос встал впервые в момент, когда губернские отделы юстиции, учиненные, как мы видели, Положением 1919 года после завершения первого периода организационного строительства встали перед вопросом, что же им делать дальше? Инструкция НКЮ возлагала на них *наблюдение над деятельностью судов.* С другой стороны, трибуналы достаточно выросли, чтобы быть свободными от опеки учреждений и лиц, ниже их стоящих,—а в этом трибуналисты не без

основания были убеждены—по своей практике, опыту и квалификации. Согласно с этим резолюция с'езда трибуналов утверждала, что местный зав. Губотделом Юстиции «не может ни вмешиваться в дело распределения функций и разделения труда внутри судебной коллегии между отдельными членами Трибунала, ни требовать от председателя Трибунала представления себе каких бы то ни было отчетов в устной или письменной форме о деятельности Трибунала, ни присваивать себе каких-либо прав ревизионного характера или надзора за деятельностью трибунала». С учреждением Кассационного Отдела и введением в жизнь 37 и 38 статей положения о Касс. Трибунале, С'езд считал «*всякий надзор со стороны местных отделов юстиции излишним*». С'езд оставлял в прямом ведении зав. отделом юстиции только ведение уголовной статистики, списков личного состава и наблюдение за своевременным и правильным ассигнованием сумм. Заведующим Губотделами Юстиции «не возбраняется, как выражался С'езд,—представление своих замечаний по поводу общего характера и всей деятельности трибунала в целом, проявляемой им медленности в движении дел, соблюдении требуемых законом сроков и т. д., как в самый трибунал или Губисполком, так и непосредственно в Кассац. Трибунал, однако, какие бы то ни было меры в отношении трибунала в результате сообщений зав. отделами юстиции могут быть принимаемы только самим Губисполкомом в целом и то за исключением случаев, в отношении коих требуется на основании вышеизложенного санкция Касс. Трибунала, либо кои вообще могут быть приняты только Касс. Трибуналом, как судебной инстанцией, располагающей правами надзора». Так разрешали вопрос трибуналисты. Едва ли они были правы в полной мере.

Последняя резолюция, принятая с'ездом, «о мерах наказания, налагаемых трибуналом в порядке применения частной амнистии Президиумом ВЦИК», отвечала на вопрос, уже поставленный в то время НКЮ о целесообразности издания уголовного кодекса.

С'езд признавал создание «особого уголовного кодекса и скалы наказаний по определенным категориям преступлений для дел, рассматриваемых в трибунале, *принципиально нежелательным, не отвечающим ни духу трибунальной репрессии, ни основным воззрениям пролетарского общества на существо наказания, ни условиям переживаемого периода диктатуры пролетариата*».

Эту принципиальную постановку вопроса надлежит отметить именно, как принципиальную. Трибуналисты желали оставить за собой право регулировать репрессии «по совести», полагая, что переживавшаяся эпоха 18—20 года не давала еще оснований для создания устойчивой скалы наказаний. Что касается «основных воззрений пролетарского общества на существо наказаний», то с'езд прав был в этом лишь постольку, поскольку проектируемый кодекс устанавливал бы «аптекарскую точность» при отмеривании и отвешивании «дозы» репрессии.

Не менее принципиальным являлся последний абзац этой резолюции, рекомендующий трибуналам «избегать назначения дли-

тельных сроков лишения свободы по приговорам трибунала, заменяя эту длительность либо оговорками о невозможности применения амнистии, либо оговоркой о помещении осужденного в места заключения со строгим изоляционным режимом без права свиданий, переписки и прочих льгот, предоставляемых осужденным особым порядком».

Борьба против злоупотребления большими сроками заключения, стремление установить действительное наказание, хотя бы и короткое, но отбытое осужденным полностью—вот что предлагала резолюция трибуналистов. Впоследствии же более принципиально обоснованная формула этой резолюции сделалась законом.

Таковы были резолюции 2-го с'езда. Подводим их общий итог. Это были резолюции практиков, серьезных и вдумчивых работников, неуклонно и твердо проводивших линию борьбы за законность, с одной стороны, и за твердость репрессий—с другой.

Трибуналы выросли и, вполне окрепнув, стали на ноги. Они представляли из себя теперь самостоятельную судебную систему, стройную в своей внутренней иерархии, наполненную глубоко принципиальным идейным содержанием, с достаточным кадром опытных работников и со своим самостоятельным, регулирующим и управляющим центром. В резолюции о взаимоотношениях с губотделами юстиции они себя резко и категорически противопоставили общей юстиции. Расхождение обоих ветвей юстиции дошло до своего апогея. Как смотрела на свое настоящее и будущее другая ветвь, покажут нам резолюции другого с'езда судебных работников—3-го с'езда деятелей юстиции.

1920 г. 3-й С'езд деятелей юстиции и „Положение о Народном Суде" 1920 года.

Лекция 10-ая.

3-й С'езд деятелей юстиции собрался в Москве и работал с 25 по 28 июня 1920 года после почти двухгодового опыта функционирования Положения о Народном Суде 1918 года и почти полугодового функционирования Губернских Отделов Юстиции на основе Положения 1919 года. С'езд состоял, главным образом, из заведующих Губотделами Юстиции и председателей Совнарсудов. Из вопросов, предложенных на усмотрение С'езда, мы отметим: 1) предложения НКЮ о необходимых изменениях в Положении о Народном Суде, 2) доклад НКЮ о местных органах юстиции 3) мой доклад о взаимоотношениях между ЧК, Ревтрибуналами и отделами юстиции и 4) доклад тов. Козловского об уголовном кодексе.

Мы берем только те резолюции, которые являются принципиальными, и не затрагиваем резолюций по иным вопросам, которые такого характера не имеют.

С какими же предложениями выступил НКЮ после почти полуторагодовой практики Положения о Народном Суде? Эти предложения целиком вошли в принятую резолюцию и сводились к следующему.

Во-первых, принципиально было признано необходимым сохранить существующий коллегиальный порядок рассмотрения уголовных дел и гражданских дел с участием двух и шести заседателей. С'езд не остановился, однако, на вопросе, почему целесообразно сохранить два рода суда с двумя и шестью заседателями. В протоколах С'езда мы не находим ничего по этому поводу, кроме указания принятой резолюции (в скобках), что 6 заседателей вводятся «в зависимости от особой сложности и важности дел». С'езд остановился лишь на доказательстве необходимости сохранения коллегиальности вообще. Вопрос, видимо, заключался в том, не нужно ли для мелких бытовых «обывательских дел» уничтожить заседателей совершенно, введя вместо них единоличного «мирового»

судью. С'езд высказался за сохранение коллегиальности. Чрезвычайно интересна, однако, мотивировка такого сохранения. Это не та мотивировка, которую мы приводили выше, когда обосновывали участие народных заседателей на принципе советского государства строить свои учреждения так, чтобы в работе этих учреждений принимало участие само трудящееся население. «Борьба с массовыми нарушениями,—говорил докладчик,—возможна только тогда, когда судья, разрешая то или иное нарушение и применяясь во всяком приговоре к декрету, *сумел бы убедить население в лице народного заседателя,* что это есть нарушение, что это вещь абсолютно недопустимая и что это деяние, подлежащее каре. Какой каре,—в этом отношении или установлен минимум в декрете или в задачах судьи—придумать целесообразную меру наказания, которая отвечала бы и интересам населения в целом, и интересам самого исправляемого».

Эта цитата показывает, как смотрел докладчик НКЮ на задачу судов. Обучение населения в лице народных заседателей началам нового правосознания, предлагаемым декретами советской власти,—вот задача судов. Нельзя не согласиться, что такая постановка вопроса по меньшей мере оригинальна. Судьи, определяющие наказания, должны быть убеждаемы председателем, что наказать нужно. Спрашивается, ну, а что будет, если они не будут убеждены? Что тогда будет с декретами, с судебной политикой, с охраной интересов государства. И это говорится о судах, как средствах борьбы с массовыми преступлениями. Это говорится о судах, куда передаются дела о незаконном провозе мешка муки, по борьбе с самогоном, по борьбе с нелегальной торговлей и спекуляцией, говорится в 1920 году в разгар наростания массового недовольства крестьянства экономической политикой Советской власти. Так говорить в это время могли только люди, не отдававшие себе отчета в основном вопросе, что есть суд вообще и что есть суд в классовом обществе в эпоху пролетарской диктатуры и гражданской войны. Логическим выводом между тем из такой постановки вопроса вытекало проведение через эти суды в качестве «об'ектов воспитания», для которых подсудимый и его судьба должны были явиться только чем-то в роде учебного пособия,—стремление провести через эту школу возможно большее количество учащихся. Об этом трактовал 4-й пункт тезисов, предложенных НКЮ, он гласил: «4) в списки очередных народных заседателей должны быть вносимы *поголовно все трудящиеся,* имеющие право избирать и быть избираемыми в совет. Исполкомам остается право вычеркивать из списков заседателей антисоветский элемент. Заседатели, уклонившиеся от участия в заседании, подвергаются штрафу, соединенному с принудительными работами».

Такова была резолюция, принятая С'ездом. Сопоставьте с этим закон 1920 г. о трибуналах, изгонявший оттуда целиком заседателей, удлинявший сроки судебной деятельности членов трибунала, противопоставьте затем этим тезисам НКЮ вводную часть основного закона о трибуналах и хотя бы вводную часть резолюции 1-го с'езда

председателей трибуналов 1918 г. и вы увидите картину полного и принципиального расхождения работников обоих ветвей юстиции по основному кардинальнейшему вопросу о задачах суда. Впрочем, тот же докладчик одновременно развивал теорию двумя строками выше, что суд должен быть «самым живым, самым подлинным откликом того правосознания, которое существует в населении, и чтобы в приговоры и решения суда проявлялось это народное самосознание»...

Как связать этого рода утверждение с вышеприведенной цитатой об обучении населения через суд *новым* нормам—предоставляем судить читателям. Как бы то ни было, но в только-что цитированной резолюции нашла свое отражение основная исходная точка зрения НКЮ и С'езда на задачи суда. Плюсом по сравнению с положением 1918 года здесь было только то, что вопрос о способе составления списков был теперь из'ят из текста самого Положения о Народном Суде и передавался на разрешение НКЮ в порядке издания особой инструкции. Поскольку этим упразднялся старый громоздкий порядок составления списков народных заседателей путем обязательной жеребьевки, постольку это был плюс. Мы увидим, как разрешила этот вопрос инструкция, изданная в развитие и исполнение постановления С'езда; пока что резолюция изымала способ составления из текста закона.

2-й и 3-й тезисы затрагивали вопросы о порядке избрания народных судей и порядке их отзыва. Здесь С'езд стал, правда, очень робко, но все же на почву *принципиально отличную от той, на которой стояло Положение о Народном Суде*. С'езд предложил утверждение и отзыв народных судей проводить, во-первых, обязательно через Губисполком и, во-вторых, с обязательным отзывом Губотдела Юстиции. Соответствующая мотивировка в докладе НКЮ сводилась к следующему: «Власть на местах,—говорил докладчик,—оказалась, несомненно, чрезвычайно полезною, оказалась той властью, которая сумела удержать острый революционный период в возможный порядок и Советская власть сохранилась и укрепилась... Но вот по вопросу о праве выбора нарсудей и праве отзыва этих судей, мы встретились с некоторыми *неприятными следствиями того демократизма, который мы позволили себе в 13-й статье* Положения о Нарсуде». «Это усмотрение (уисполкома) *должно быть преодолено сознательно построенной схемой строения народных судов*».

Эта совершенно новая идея закрепления личного состава и ограничение системы децентрализации была несомненно выдвинута практикой. Именно практики оказались наиболее горячими сторонниками этой реформы. Однако, должны были пройти 2 года прежде чем до этой простой истины додумались работники НКЮ.

Та же самая постановка вопроса проводится затем с'ездом в 6 тезисе, касающемся организации следственных властей. С'езд предложил *упразднить* следственные комиссии и заменить их *единоличными следователями*. Последние учреждались по проекту с'езда по районам, где они избираются губисполкомами и состоят в

ведении Совнарсудов, сверх того *при отделах юстиции*. Последние назначаются Губотделами и *утверждаются НКЮ.*

Так, Губотделы Юстиции создали при себе свой аппарат, исполняющий функции судебного органа, и поставили его полностью *вне зависимости от местных властей*. Это уже была целая революция. Совершенно ясно, что и здесь инициатива ясно исходила от Губюстов. К сожалению, в протоколах мы не находим ни одного слова об'яснения произведенной революции. Тем яснее ее сущность сама по себе. Во всяком случае принципам Положения о Нарсуде 1918 года наносился серьезный удар и в пределах губернии с децентрализацией было покончено.

11-й тезис являлся дальнейшим логическим развитием этих же новых идей в отношении Советов народных судей.

Мы знаем, что Совнарсуд по Положению избирался с'ездом народных судей и даже Губисполком не мог оказывать влияния на его состав. Эту главу Положения с'езд положил изменить указанием на право Губисполкомов *не утверждать* избранных народных судей членами Совнарсуда и, в случае неимения соответствующих кандидатов, новых членов назначать по своему усмотрению. Нельзя не признать чрезвычайной целесообразности этого принципа, однако, «независимость» и «самостоятельность» от этого терпела значительный ущерб. О роли Наркомюста опять не говорилось ни одного слова.

Тезис 8-й наносил третий удар принципам «Положения о Нарсуде». Этот коротенький тезис говорил, что признает целесообразным «учреждение в губернских и уездных городах *особых сессий и дежурных камер при Губсудах*». Порядок их функционирования устанавливался опять-таки особой инструкцией НКЮ. В соответственной части доклада т. Черлюнчакевича по этому вопросу говорится буквально следующее: «... так как рассмотрение дел об освобождении от воинской повинности по так называемым религиозным убеждениям требуют от судей *известной политической устойчивости*, политического развития, для того, чтобы применить правильно декрет, то необходимо создание особых сессий для рассмотрения этой категории дел...» «Я еще упомянул, что в ряде губерний, в Московской, в частности, дела поступали из ЧК и Ревтрибунала характера несомненно политического и спекулятивного, который близко граничит с политическим, по которым возмездие и правильная оценка возможны только в том случае, когда такие дела рассматривает квалифицированный состав народных судей, а *не случайно избранный на местах*,—такие дела требуют известной судебной устойчивости и стало быть особых сессий».

Что это такое? Это есть признание полного банкротства действующей системы народного суда при разрешении вопросов более серьезных, во-первых. Во-вторых, это есть признание необходимости создать наряду с двумя уже существующими формами Народного Суда третью форму, третий суд, под названием особой сессии. В-третьих, это есть отказ *на деле* от провозглашенной на словах

теории «обучения населения» через суд. В-четвертых, это есть приближение к точке зрения, на которой стояла трибунальная ветвь нашей юстиции. И, наконец, в-пятых, это есть *разрушение системы и принципов* Положения о едином Нарсуде. Как-то, однако, случилось так, что ни докладчик, ни с'езд этого «во-первых, во-вторых и в-третьих...» не заметили и приняли предложения НКЮ.

Последний тезис, на котором стоит остановиться, из принятых с'ездом, это тезис 7-й, говоривший о новой организации защиты. С'езд предлагал этим тезисом упразднить созданную Положением о Народном Суде советскую адвокатуру в виде коллегии защитников и вместо нее учреждал, с одной стороны: при отделах юстиции коллегию обвинителей (вспомним, что они были только что уничтожены по Положению о Трибуналах 1919 г.). В отношении же защитников с'езд принял предложение НКЮ об «обязательной трудовой повинности граждан, способных исполнять эту обязанность».

Система надуманная, крайне неудачная и на практике не приведшая ни к чему. Во всяком случае нельзя было признать выходом принудительное обязание враждебных советских элементов «по-советски» исполнять обязанности защитника.

Такова была основная резолюция, принятая с'ездом по докладу НКЮ о необходимых изменениях в Положении о Народном Суде. С'езд пробил брешь в децентрализованной системе народного суда, уничтожив децентрализацию, по меньшей мере, в пределах губернии, пробил брешь в системе автономного строения суда, как оно проводилось Положением при строении Совета народных судей, и, наконец, нанес удар системе единого суда, декретировав создание третьей формы суда в виде особых сессий. Этим плюсом должен быть противопоставлен основной минус в виде того извращения в понимании задач суда, как оно было допущено с'ездом в п. 4-м о поголовном привлечении населения для участия в суде—в целях обучения этого населения... политграмоте.

Вторым докладом, на котором надлежит остановиться, был доклад трибуналистов, сделанный мною по вопросу о взаимоотношениях Губотделов юстиции с трибуналами и о взаимоотношениях трибуналов и НКЮ с ЧК. Этот второй пункт моего доклада отнюдь не имел такого актуального значения на с'езде деятелей общих судов, как на с'езде трибуналистов. Поэтому вместо подробной резолюции, принятой трибуналистами по вопросу о взаимоотношениях с ЧК, с'езд ограничился коротеньким постановлением о необходимости для НКЮ принимать непосредственное участие в составлении приказов и распоряжений ВЧК, касающихся общих норм и законоположений, в соответствии с чем находил необходимым введение представителя отдела юстиции в коллегию ВЧК. Зато первая часть доклада об отношении между отделами юстиции и трибуналами вызвала самые оживленные прения.

Недавно принятые резолюции с'езда трибуналистов ударили с'езд деятелей юстиции по самому больному месту. В результате прений с'езд принял резолюции, в которых признал резолюцию

с'езда председателей трибуналов *«противоречащей интересам дела отправления революционного правосудия на местах* и входящей в коллизию с действующими постановлениями об отделах юстиции». Одновременно с'езд признал, что «исчерпывающими указаниями при разрешении вопроса о взаимоотношениях Губотделов юстиции и Ревтрибуналов может служить лишь принятый текущим с'ездом проект положения о местных органах юстиции». Эта суровая резолюция, принятая с'ездом, означала по существу об'явление открытой войны. Да так оно и было на самом деле, ибо на местах повсеместно создались самостоятельные губернские центры, в виде Губотдела юстиции, с одной стороны, и Губревтрибунала—с другой. Ревтрибуналы не видели основания считаться в своей деятельности с указаниями иными, кроме тех, которые исходили от трибунального кассационного центра.

Губотделы в качестве губернских центров не видели основания к тому, чтобы исключать из пределов их ведения трибуналы, как судебные учреждения своей губернии. Совершенно ясно было, что вопрос подлежал разрешению в общем законодательном порядке. В то время, как, однако, трибуналисты имели на своей стороне писанный закон—основное Положение 1920 года, Губюсты не могли противопоставить этому закону ничего, кроме Положения об отделах юстиции 1919 года, подписанного Наркомом и... «принятый текущим с'ездом»,—как говорится в резолюции,—но не имеющий обязательной силы закона—проект нового положения. Не наше дело, конечно, разрешать сейчас юридический вопрс о правах и обоснованиях этих прав обоих спорящих сторон. Для нас, как для историков развития судебной системы важно лишь констатировать, что на вызов, брошенный с'ездом трибуналистов, последовала не менее резкая отповедь и реакция со стороны деятелей общей юстиции. Расхождение достигло действительно своего кульминационного пункта и обе системы судов определились, как два враждебных лагеря.

Как же разрешал этот спор принятый с'ездом, опять-таки, по докладу Черлюнчакевича проект Положения «о местных органах юстиции»?

Это целый подробно разработанный закон, обрисовавший компетенцию Губотделов юстиции в 12 пунктах.

Губотделы юстиции об'являлись по проекту «проводниками организационных и административных мероприятий Наркомюстиции в области судоустройства и карательного дела» и как таковые были предназначены осуществлять также «общее наблюдение за соблюдением всеми советскими органами узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянской власти».

Губюсты таким образом осуществляли, с одной стороны, работу административно-организационную и, с другой стороны, работу прокурорского надзора. Как таковые, в обоих этих функциях они об'являлись непосредственными органами центрального Комиссариата. Еще одно, наиболее выпуклое проявление новой позиции Наркомю-

ста по сравнению с «Положением» 1918 года. Наркомюст захотел теперь быть активным центром, однако, в качестве органов своего влияния начал строить не суды, а административные органы—Губотделы юстиции.

Пункт 3-й раздела «А», принятой с'ездом резолюции, возлагал на Губюсты «наблюдение за общим направлением деятельности всех органов путем ознакомления с делами таковых, и истребованием от них периодических отчетов и статистических сведений». По п. 4 Губюстам предоставлялось право, кроме порядка кассационного обжалования приговоров в обычной форме, «представления НКЮ в порядке надзора судебных приговоров и решений, хотя и вступивших в законную силу, но по серьезным основаниям требующих пересмотра».

П. «а» примечания к ст. 12 устанавливал порядок ревизий судебных органов, в том числе Ревтрибуналов и Совнарсудов; по п. «б» ст. 12 Отделу юстиции предоставлялось право «возбуждения вопроса об отзыве председателей и членов Ревтрибуналов и народных судей», при чем по п. «в» председатель Совнарсуда должен был *входить в состав коллегии Губюста* и заведывать в нем судебно-следственным под'отделом.

Такая постановка вопроса чрезвычайно усиливала роль Губюстов и фактически подчинила им трибуналы и Совнарсуды. Председатель Совнарсуда делался подчиненным Губюсту не только в порядке надзора, но и в порядке административном, как член коллегии и зав. под'отделом. Председатель Трибунала оказывался подчиненным ему в порядке надзора и мог быть даже отстранен в случае обнаружения явного злоупотребления.

Должно признать, конечно, что потребность в создании такого органа в губернии, при слабости центрального надзора, была безусловна, но можно и должно было спорить против предоставления такой власти административному чиновнику, назначаемому и сменяемому губисполкомом, в отношении которого Наркомюст по п. «г» ст. 12 мог только не согласиться с его назначением, но не больше. Этим положением НКЮ, создавая сильный административный центр в губернии, руководство этим последним совершенно упускал из рук, вернее, прямо отказывался от такого руководства. Самое большее, на что шел Наркомат, это на просмотр уже вошедших в силу приговоров и решений. Проект, однако, ничего не говорил о том, что дальше будет делать Наркомат с этими решениями.

Сильная центральная губернская власть в области судебной, но в то же время власть административная,—вот что представлял из себя новый проект положения. Конечно, при такого рода тенденциях говорить о мирном существовании этих органов власти с Трибуналами, также не менее укрепившимися и сумевшими уже поставить себя в независимое от Губисполкомов положение под защитой кассационного центра—говорить не приходилось.

Проект положения не разрешал, однако, других не менее спорных вопросов, которые ставила жизнь. Наряду с Губюстом по Поло-

жению Совнарсуд об'являлся *«органом ближайшего контроля* над подведомственными ему органами юстиции». Как таковые, Совнарсуды имели те же права ревизий всех судебно-следственных и судебно-исполнительных органов и временного отстранения от должности лиц, замеченных в злоупотреблениях. Кроме контрольных они имели сверх того ряд административно-распорядительных функций в области организационной работы. На Совнарсуды возлагалось по п. 3-му раздела «Б» образование особых сессий и дежурных камер, распределение *совместно с Губюстом* по участкам народных судей и народных следователей, командировка нарсудей в Губземотделы и комиссии о несовершеннолетних, собирание и систематизация приговоров и решений. Наконец, Совнарсуду было предоставлено право, которого не имел сам Губюст—инструктирование Народных Судов *в области правильного применения и толкования декретов Советской власти*, путем рассылки циркуляров, а также приговоров и решений, *имеющих принципиальное значение.*

При таком положении вещей правильно поставленные и вполне оформившиеся Совнарсуды неминуемо должны были поглотить зав. губернским отделом юстиции. Этого тоже не заметили составители проекта Положения.

Раздел «В» конструировал организацию нового уездного центра, Уездного Бюро Юстиции (Убюст). Это уездное бюро было конструировано, однако, на основах совершенно иных, чем губюст, оно целиком всеми корнями было связано с «Положением о Нарсуде». Уездное бюро избиралось общим собранием народных судей и следователей в числе не более *трех*. Этот орган ведал в пределах уезда технически-административной и организационной работой, в том числе организацией особой сессии и частично нес функции нотариата и... прокуратуры. По картинному выражению докладчика т. Черлюнчакевича это бюро до сих пор представляло собою «недоговоренное, крайне общее и расхлябанное учреждение». «В настоящее время, говорил докладчик, настал момент покончить с этой расхлябанностью». Это желание вполне законно и разумно. Едва ли, однако, оно удовлетворялось в достаточной мере вносимым проектом. Ни порядок создания этого бюро, ни его компетенция не могут быть признаны продуманными. Каким образом коллективный орган будет исполнять финансово-хозяйственные функции? Почему этот орган должен был быть выбран с'ездом народных судей? Каким образом, наконец, этот орган будет производить расследование о незакономерных действиях местных органов власти, от которых зависели в конечном счете все те народные судьи уезда, которые входили в уездное бюро, оставалось неясным.

Таков был проект резолюции о местных органах. Повторяем, это был по существу новый организационный закон, которому не хватало одного—организации верхушки, структура которой была неясна. Но основным дефектом этой системы являлась несогласованность взаимоотношений Совнарсуда и губюста, губюста и трибунала, губюста и НКЮ.

Интересно отметить, как в докладе по этой резолюции докладчик, споря против претензии трибуналистов и отстаивая права губюста, говорил: «я подчеркиваю, что нет принципиально никакого противоречия, никаких принципиальных различий между Народным Судом и трибуналом. Различие лишь по качеству и даже не по качеству, а по категориям дел, которые подлежат рассмотрению. Народный Суд есть об'емлющая массу, организация, расчитанная на массу обывательского характера, но также *орган пролетарской диктатуры, призванный карать и своей карательной практикой* является отображением власти советской. Трибуналы призваны рассматривать дела шпионские, политические, главным образом, о тех преступлениях, которые выходят за пределы местности, которые играют роль всероссийскую. Вот единственное различие. Тот и другой—орган политический и на роль политическую Народные Суды претендуют давно».

Поразительна та легкость, с какой на этом с'езде докладчики НКЮ меняли основное содержание своих докладов. Еще разительнее следующий абзац. «Отсюда вытекает,—говорит докладчик,—что бы в каждой губернии, как и в центре, была единая карательная политика, чтобы и трибуналы в своей карательной практике, свои предположения, свои соображения *проветряли бы и контролировали бы* в коллегии отдела юстиции. Это минимальное требование в интересах Республики и мы от этого положения отступать не можем.

Товарищ докладчик забыл, что как раз единство карательной политики прежде всего требовало, чтобы *в центре была единая карательная политика.* Это было уже создано для трибуналов. Это не было еще сделано для отделов юстиции. С этой точки зрения единство политики обеспечивалось больше независимостью трибуналов от отделов юстиции, чем их связанностью с последними.

Наконец, последняя резолюция с'езда, заслуживающая особого внимания, была по докладу т. Козловского об уголовном кодексе.

Мы видели, как по этому вопросу принципиально высказался с'езд трибуналистов, признав создание уголовного кодекса и скалы наказаний «противоречащим основным воззрениям пролетарского общества на существо наказания». В результате прений с'езд принял резолюцию, в которой признал необходимым «классификацию уголовных норм» и принял схему такой классификации, но, как говорит резолюция, «отнюдь не предрешая вопроса об установлении кодексом карательных санкций». С'езд занял, другими словами, нерешительную, двойственную политику под явным влиянием резолюции трибуналистов, отвергших установление карательных санкций, как новшество принципиально нежелательное.

Так закончился с'езд.

Народный Комиссариат Юстиции, созывая с'езд, «впитал в себя,—говоря словами докладчика,—доводы и поводы недоразумений, которые возникли на местах, и фиксировал их».

Соображения практики, таким образом, а не теоретический анализ принципов, на которых надлежит строить Народные Суды,

явился источником для творчества НКЮ. После с'езда началась реализация резолюций с'езд и проведение их в жизнь.

Первых актом этого творчества было «Положение о Народном Суде» 1920 года, распубликованное 21-го октября. Новое Положение буквально скопировало все поправки и предложения с'езда. В некоторых отношениях оно пошло дальше их. В Положении всего 97 статей, т.-е. на одну меньше, чем в Положении 1918 года. В ст. 1-ю введено изменение в том смысле, что из нее исключено упоминание о постоянном народном судье, действующем единолично. В ст. 3-й внесено основное изменение, передавшее определение участков народного суда в ведение губисполкома, а не уисполкома и требовавшее утверждения числа участков Народным Комиссариатом Юстиции. Закон пошел тут дальше, чем требовал с'езд. Примечание к ст. 4-й, определявшее подсудность Ревтрибуналов, изменено в соответствии с законом 1921 г., при чем из ст. 7, определявшей подсудность Народному Суду в составе 6 заседателей, исчезли дела о взяточничестве и о спекуляции. Если сопоставить с этим то, что из оставшихся в ведении этого рода суда дела о поджоге, о разбое, о подделке денежных знаков, сплошь и рядом также шли в трибуналах в порядке прав, предоставленных последним ст. 2-й основного положения, получается, что для Народного Суда с 6 заседателями остались только убийство, причинение увечья и изнасилование, но для такого количества дел не имело смысла учинять особый суд. Суд с 6 заседателями умирал сам собой, как особый суд. Его поддерживало только сохранявшееся ст. 9-й право любого народного судьи передать любое дело из суда с 2 заседателями в суд с 6 заседателями.

В ст. 10-ю внесены изменения, о которых не говорил с'езд, уничтожавшие право заседателей председательствовать в суде. Это было полезное и необходимое нововведение.

Ст. 14 вводила изменение, предуказанное с'ездом о порядке утверждения и отзыва судей губисполкомами с заключения отдела юстиции.

Ст. 16 повторяла целиком предложение с'езда о внесении в списки народных заседателей всего трудящегося населения. Зато вместо прежней ст. 17 порядок составления списков был предоставлен теперь всецело на усмотрение НКЮ.

В ст. 20 усилена ответственность народного заседателя за неявку. Коренное изменение по указаниям с'езда последовало в ст.ст. 28—32 по вопросу об организации следствия, где целиком проведены резолюции с'езда о создании единоличных народных следователей и весь этот раздел переработан заново. Заново были переработаны ст.ст. 39, 40 и следующие, трактующие об организации защиты и опять-таки повторяющие резолюции с'езда. Важно отметить ст. 47, согласно которой Нарсуду было предоставлено право допускать и не допускать защитника не по делам,—как говорила прежняя ст. 43,— рассматриваемым судом с 6-ю заседателями, а по делам, во-первых, в которых участвует обвинитель и, во-вторых, по делам, по которым обвиняемый содержится под стражей, в случае его о том просьбы.

Это было расширением прав обвиняемого по сравнению с Положением 18 года.

Раздел о производстве дел изменен сравнительно мало. Здесь кардинально изменена только ст. 75,—по нашему мнению, неудачно,—требующая помещения в приговоре не только «подробного основания» приговора, но и помещения справки о судимости, сведений о возрасте, профессии, последнего места службы и партийной принадлежности осужденного. Коренным образом изменена бывшая ст. 78, новая 79, устанавливающая двухнедельный, вместо прежнего месячного, срок обжалования, и выделено в особую статью прежнее примечание к 75-й статье, по которой право обжалования приговоров по уголовным делам было предоставлено местным исполнительным комитетам. Так как эта статья оказалась теперь помещенной отдельно от статьи о кассационном обжаловании, то отсюда можно было сделать вывод, что закон предусматривает право исполкомов обжаловать приговор не только по кассационным, но и по иным мотивам, в том числе по мотивам политическим. Еще более резко выявлена та же мысль в примечании к ст. 84-й, которого раньше вовсе не было, о правах Наркомюстиции по высшему «судебному контролю» над приговорами и решениями всех Народных Судов. Это право подлежало определению особым положением. Здесь упоминается, во-первых, термин «высшего контроля» и, во-вторых, в качестве органа такого контроля упоминается НКЮ. Идея необходимости создать руководящий и регулирующий судебный центр в обще-республиканском масштабе была признана, таким образом, Положением 20 года, в явное нарушение основных принципов строения суда по декретам № 1 и № 2 и по Положению 18 года. Положение 20 года возвращается в этом случае к принципам декрета № 3.

Как робко и неуверенно, однако, выражен этот принцип, стыдливо скрытый в маленьком примечании к ст. 84-й! Как дипломатически молчит в этом случае закон о формах и порядке этого надзора! Уточнения, видимо, приходилось ждать.

Дальнейшие статьи, трактующие о Совете народных судей, вводят первое решительное изменение опять-таки примечания в виде права губисполкомов не утверждать выборных членов в Президиум. Ст. 88 упрощает прежнюю 86 статью, сводя состав кассационного присутствия с 5 человек до 3, исключая из прежнего состава одного постоянного члена президиума и 1 народного судью. Это упрощение прежней сложной конструкции должно приветствовать. В соответствии с этим председательствует теперь в заседании член президиума, а не выбираемый по своему усмотрению пятеркой из своей среды член присутствия, как было раньше.

Наконец, в 88 статье мы имеем уездные бюро юстиции, в качестве передаточных инстанций жалоб на народных судей в Президиум Совнарсуда.

Положение 20 года отличается, таким образом, от Положения 18 г. явно выраженной тенденцией к централизации, которая, однако, была и осталась парализованной принципами, положенными в

основу структуры суда, как 1-й, так и 2-й инстанции. *Децентрализованная система местных губернских центров, несвязанных друг с другом и действовавших поэтому в разнобой,*—вот как можно было бы кратко охарактеризовать существо этой системы. В таком виде Положение просуществовало до 23 года нетронутым. Развития центрального аппарата Положение 20 года не дало. Следующим крупным фактическим нововведением был опубликованный непосредственно Наркомюстиции, без проведения в законодательном порядке, ряд крупнейших актов по существу законодательного характера. Все они явились только исполнением предначертаний с'езда. В первую голову должно указать на опубликованное 22 августа 20 г. циркуляром № 20 «Положение о местных органах юстиции», целиком, полностью и буквально повторявшее «положение о местных органах», принятое с'ездом. Оно не было даже опубликовано в «Собрании Узаконений» и было введено, так сказать, самолично Народным Комиссаром. Поскольку оно буквально пересказывало резолюцию с'езда, останавливаться на его разборе мы не будем.

17 сентября был опубликован 2-й циркуляр за № 21, проводивший вторую коренную реформу во исполнение постановления с'езда, а именно организацию *особых сессий* при Совнарсудах. В вводной части этого циркуляра содержится прямая ссылка на то, что «необходимость их признана 3-м Всероссийским с'ездом деятелей юстиции». Циркуляр содержит в себе только 6 пунктов, но от этого он не делается менее важным. Если в области судопроизводства особая сессия руководствуется, согласно ст. 5 циркуляра, «постановлениями и положениями о Нарсуде—без каких бы то ни было из'ятий», то в области судоустройства она явилась ничем иным, как *новым родом суда*. Ст. 2-я точно определяет подсудность особых сессий, куда относятся: 1) все дела, поступившие из ЧК и Ревтрибуналов, а именно о крупной спекуляции и более важных должностных преступлениях, 2) дела о нарушениях трудовой повинности в случае особой злостности и повторности таковых, 3) дела об изготовлении и продаже спиртных напитков и 4) дела об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям. Согласно ст. 3-й циркуляра НКЮ, Отделы Юстиции, Совнарсуды и Убюсты по своей инициативе и по инициативе других органов могут передать на рассмотрение особой сессии любое дело, «если признают, что оно имеет крупное общественное значение». Так определяется подсудность. Это—подсудность исключительного суда. Так и нужно было бы тогда говорить и во всяком случае не путем циркуляра можно было проводить подобного рода ломку основного закона о Народном Суде. § 4 циркуляра определял состав особой сессии. Председателем в ней обязательно должен был быть член Президиума Совнарсуда по назначению Совнарсуда или Убюста. Президиум Совнарсуда мог поручить, однако, председательствование народному судье и не состоящему членом Президиума. Откровенный характер подбора выражен более, чем ясно. Также подбирался для особой сессии состав заседателей. Этот последний вопрос разрешен был также в

циркуляре № 34 от 6 ноября 20 года в «Инструкции о порядке составления списков народных заседателей».

Инструкция была издана во исполнение примечания к ст. 18 нового Положения. Она разрешала два вопроса: порядок составления списков заседателей для особой сессии, другими словами, для двух форм суда. Во введении к этой инструкции повторяется целиком аргументация докладчика на с'езде о необходимости обучения населения через суд.

«Без массового приобщения трудящихся к участию в рассмотрении дел, обычно возникающих среди тех же трудящихся,—говорит инструкция, — невозможно углубление среди политически отсталых слоев населения пролетарского правосознания и ознакомление их с новым советским правом, декретированным рабоче-крестьянским правительством. Но вместе с тем, как в целях поднятия авторитета суда, так и в целях политического воспитания масс через суд, который своими приговорами в духе пролетарского правосознания должен являться одним из средств агитации и просвещения, необходимо приобщение широких масс к участию в суде проводить постепенно и планомерно, выделяя более подготовленные и политически сознательные группы народных заседателей (ударные группы) и расширяя все более и более списки их».

Повторение теории о суде-школе, о суде-орудии обучения—вот о чем говорит это введение. В связи с этим п.п. 1, 2, 3, 4 Циркуляра указывают, каким образом надлежит получить списки *всего поголовно* трудящегося населения от отдельных предприятий и иных мест скопления рабочих, «занятых ремесленным, кустарным, с.-х. трудом», как говорит инструкция. Даже рабочих, работающих сдельно, на дому, хочет вовлекать в судебную работу инструкция. Все эти списки должны быть представлены в уездные бюро юстиции. Только по отношению к населению деревень, в виду явной невозможности представления списка поголовно всего населения, п. 3-й предлагает включать не всех граждан, а в пропорции 1 на 100 жителей каждого селения, т. е. применительно к пропорции, принятой 7-м С'ездом Советов при определении числа депутатов от селения; при этом учреждение, составляющее списки, должно было особо отмечать «кто из внесенных в списки состоял депутатом в волостном с'езде, кто состоит членом сельского исполкома и членом РКП (б.)».

На основании полученных списков убюсты выделяют из этих списков для дел, рассматриваемых особой сессией, «специальный список из наиболее сознательных и политически подготовленных лиц, пользуясь при этом в соответственных случаях указаниями Уездного Комитета РКП (б.)» (sic), после чего представляют их на утверждение Исполкома, которому предоставляется право вычеркивать из списков граждан «опороченных, по мнению исполкома, контр-революционной деятельностью».

Согласно 7-й статье уездное бюро юстиции затем в порядке *жеребьевки* или в порядке строго установленной очереди намечает требуемое число заседателей на каждую сессию Народного Суда, при

чем согласно п. 9 «для дел, рассматриваемых в особых сессиях, очередные народные заседатели должны комплектоваться исключительно из ударного списка, составленного согласно п. 4».

Так ответил Наркомюст на вопрос, поставленный на с'езде о подборе заседателей. Мы видим, что в лице особых сессий был создан, таким образом, ничто иное, как еще один исключительный суд. Повторяем, это было признание банкротства системы единого суда, и банкротство вообще суда в той его форме, в какой он был учрежден по Положению.

Наконец, циркуляр № 38 от 23 ноября об организации обвинения и защиты на суде в дополнение и развитие статей 39, 40 и 43 Положения давал ряд указаний о порядке составления списков защитников и порядке привлечения их к отбытию новой «трудовой» адвокатской повинности.

Такова была деятельность НКЮ в 1920 году.

В 1921 году советская юстиция вступила, таким образом, имея две, резко отмежевывавшиеся друг от друга судебной системы. Процесс отмежевания не был, однако, еще в полной мере закончен, по крайней мере, в области общей юстиции. 1921 год закончил и оформил это отмежевание окончательно снизу и до-верху, доведя его, таким образом, до абсурда и сделав невозможным дальнейшее раздельное существование обоих систем.

В следующей беседе мы рассмотрим «венчавшие здания» декреты 21 года, закреплявшие отмежевание наверху и подготовку их последующего слияния в единую судебную систему на 4-м Всероссийском совместном с'езде деятелей юстиции и трибуналов в январе 1922 года.

1921 год Окончательное размежевание и 4-й С'езд Деятелей Юстиции.

Лекция 11-ая.

1921 год—это год, когда окончательно нашли свое выражение в законодательных актах те тенденции, которые в резолюциях были отражены 2-м с'ездом трибуналистов и 3-м с'ездом деятелей юстиции. Эти законодательные акты закрепили расхождение в центре, подобно тому, как положение о Народном Суде и положение о Ревтрибуналах закрепляло расхождение на местах. На первое место из этих законодательных актов нужно отвести основной закон «об об'единении всех Ревтрибуналов Республики» от 23 июня 1921 года, закончивший ту работу по об'единению в одну систему всех исключительных судов, о которых говорил еще 1-й с'езд деятелей трибуналов. Поводом к изданию этого закона послужило, как всегда бывает, случайное обстоятельство. В процессе подготовительных работ поставлен был общий вопрос о необходимости создания, наконец, единого регулирующего центра для трибуналов.

Из основного Положения о Ревтрибуналах 1920 года мы знаем, что в ряде статей этого Положения (ст. 36, 37 и 38) Кассационному Трибуналу было предоставлено право истребовать любое дело, находящееся в производстве любого трибунала Республики, для осмотра его и отмены в порядке надзора и что сам трибунал строился по принципу представительства НКЮ, Верховного Трибунала и Главного Военного Трибунала, или, как его называли, Трибунала Республики, при чем председательствование в этом Трибунале Положение возлагало обязательно на члена коллегии НКЮ.

Закон 23 июня 1921 года пошел по тому же пути, предначертанному основным Положением 1920 года и «в целях об'единения деятельности всех исключительных судов Республики» (в законе по ошибке сказано «всех без исключения судов Республики») «и установления надзора за этой деятельностью», учредил состоящий при ВЦИК *единый*, как говорит закон, Верховный Революционный Трибунал. Он должен был явиться по точному смыслу ст. 1, во-первых, единым кассационным органом, во-вторых, органом ближайшего над-

зора для всех действующих на территории РСФСР трибуналов, и, в-третьих, судом первой инстанции для дел особой важности. В связи с этим декрет предписывал *об'единить* Верховный Трибунал при ВЦИК, Главный Военный Трибунал и Главный Железнодорожный Трибунал, передав этому новому учреждению функции и права прежнего Кассационного Трибунала.

Верховный Трибунал учреждался в составе: а) пленарного об'единенного заседания председателей его коллегий и б) Кассационной, Военной, Судебной и Военно-Транспортной Коллегий Верховного Трибунала и областных Отделений Верховного Трибунала. Закон об'единял, таким образом, бывшие ранее самостоятельные верховные трибуналы на правах частей единого трибунала. Председателем этого единого центра закон назначал члена Коллегии НКЮ. Весь состав проходил через утверждение Президиума ВЦИК. В качестве докладчика сохранялся особый член-докладчик, также утверждаемый ВЦИК, согласно принципам, установленным еще Положением 1920 года.

Судебная, Военная и Военно-Транспортная Коллегии, бывшие ранее самостоятельными центрами, теперь сохраняли только ту связь со своим прежним ведомством, что их состав формировался по представлению этих ведомств. Члены этих коллегий, однако, должны были теперь, кроме работ в своих коллегиях, принимать участие в работах Кассационной Коллегии по очереди, устанавливаемой пленумом. Основное содержание реформы заключалось именно в правах пленума, которому согласно ст. 6-й передавались все права по надзору, предусмотренные 36, 37 и 38 статьями. Пленуму одновременно предоставлялось право пересматривать и отменять приговоры и определения всех своих коллегий, при чем какие бы то ни было директивные указания военного и железнодорожного ведомства по вопросам карательной политики не могли иметь место иначе, как через обсуждение и проведение их через пленум Верховного Трибунала по докладу соответствующей коллегии.

Так был создан, наконец, единый верховный полномочный регулирующий центр, при чем самый этот центр был сделан подотчетным исключительно Президиуму ВЦИК и Наркомюсту. Этому последнему, однако, исключительно в порядке осуществления им его прав по высшему судебному контролю (см. ниже).

Закон 23 июня разрешил ,наконец, и наболевший вопрос о взаимоотношениях трибуналов и Ч. К. Издание 21 марта 1921 года декрета, ограничившего срок заключения под стражу по судебному приговору 5-ю годами, поставило на очередь вопрос о соответствующем сокращении полномочий Ч. К. В связи с этим в закон 23 июня была включена ст. 11, которая во изменение примечания ст. 1 основного Положения *понизила* срок заключения, на который Ч. К. могли теперь заключать лиц без судебного разбирательства—*до 2-х лет*. Одновременно закон ограничил права Ч. К. присуждать к таковому заключению, предоставив им эти права только в отношении лиц: а) уличенных в принадлежности к анти-советским партиям или

б) к явно белогвардейскому элементу. В местностях, об'явленных на военном положении, Ч. К. сохраняли права на применение высшей меры лишь по следующим 3 категориям преступлений: а) по делам шпионажа, б) по делам о бандитских преступлениях, в) об участии открыто в вооруженном восстании. Одновременно закон *контроль над этого рода приговорами* также возлагал на Верховный Трибунал, для чего вводил в состав Пленума представителя ВЧК.

Так, в конце концов прямым подчинением Ч. К. трибуналам, с предоставлением последним действительного права контроля путем отмены незаконных постановлений, была закончена эта борьба. Следующий этап ее относится уже к эпохе после реформы 1923 года к моменту организации прокурорского надзора и имеет свою особую историю.

Третье принципиального характера нововведение заключалось в вводимом новым законом ограничении прав военного и транспортного ведомств изменять приговоры своих трибуналов своей властью. Это право приостановки приговора, которое имел раньше Реввоенсовет, Народный Комиссар Путей Сообщения и комиссары дорог отменялось и изменение приговора впредь могло иметь место исключительно через Касскоплегию в порядке 35 статьи основного Положения.

В связи с этим закон проводил реформу на местах. Она выражалась, во-первых, в упразднении большинства военно-железнодорожных трибуналов и большинства военных трибуналов. В качестве особенности их структуры и судопроизводства оставлялись только иной порядок формирования их личного состава путем назначения и отсутствие кассационного обжалования на их приговоры, и, в-третьих, право присуждения к высшей мере наказания вне зависимости от наличия военного положения. В частности, подсудность дел жалезнодорожных трибуналов была ограничена делами исключительно железнодорожных и водных служащих, «если результатом их деятельности был ущерб транспорту».

В отношении общих трибуналов также была проведена реформа. Последняя заключалась в учреждении при каждом Губтрибунале «постоянного отделения по военным и крупным служебным преступлениям». Эти отделения также получили право присуждения к высшей мере наказания вне зависимости от военного положения. Закон оговаривал, однако, передачу дел в эти отделения 2-мя условиями—признаком материальным, согласно которому подлежали передаче только дела о контр-революционных восстаниях, заговоре, бандитизме, о воинских преступлениях и злостном дезертирстве и б) признаком формальным—обязательным прохождением этих дел через распорядительное заседание Ревтрибунала в составе председателя, его заместителя и входящего в трибунал по Положению члена Ч. К.

Так, этим законом были восстановлены права трибунала, которых они были лишены со временем отмены высшей меры в 1919 году. Эта отмена существовала недолго и уже постановлением ВЦИК 28 января 1920 года на трибуналы, действующие на территории,

об'явленной на военном положении, право вынесения приговора к высшей мере наказания было возвращено. Закон снимал это последнее ограничение и требовал лишь передачи дела в военное отделение.

Если к этому добавить закон от 22 мая 1920 же года, по которому Губернскими Ревтрибуналами в тех же местностях, об'явленных на военном положении, было предоставлено право при вынесении приговора к расстрелу входить в Губисполком с представлением о непропуске кассационной жалобы, с обращением приговора к немедленному исполнению, то отсюда станет ясно, каким страшным орудием репрессий делались Ревтрибуналы в лице их военных отделений, тем более, что закон 23-го июня уничтожал ограничения, существовавшие по закону 1920 года в виде требования единогласного постановления Губисполкома о непропуске кассационной жалобы.

Особо приходится отметить последнее завоевание трибуналистов по этому закону, выраженное в 3-й части ст. 10-й. Закон устанавливал теперь *несменяемость председателя Губревтрибунала без санкции Верховного Ревтрибунала.* Так в 1921 году была проведена резолюция 2-го с'езда трибуналистов 1920 года. Трибуналы получили теперь окончательно оформленную организацию.

Вся система представлялась теперь в следующем виде: Губернские Ревтрибуналы и их отделения, число которых закон не ограничивал и которые на практике вырастали и доходили нормально до 3-х, а в периоды ударной работы до 5, 7 и более. Введение продналога в 1921—22 году заставило развернуть эту работу отделений в чрезвычайной степени. Были трибуналы, в которых в ударный период работало до 10 отделений. Это последнее обстоятельство поставило на очередь вопрос о создании регулирующего судебного центра в самом трибунале. Таким центром выявился сам собой президиум Ревтрибунала, получивший по циркуляру Верхревтрибунала права надзора над приговорами его отделений. Трибунал составлялся фактически путем назначения. Председатель его избирался Губисполкомом, однако, на деле он *представлялся к назначению Верховным Трибуналом* и был с момента назначения несменяем. Говорить об его зависимости от Губотдела юстиции в таких условиях было смешно. Исключительный суд вырос и окреп, превратившись в стройную, внутренне-согласованную систему.

Право применения высшей меры, усиленное правом Губисполкома не пропускать кассационную жалобу, превращало трибунал в действительно страшное орудие репрессий.

Над всеми трибуналами стоял и управлял ими самостоятельно и полновластно Верховный Трибунал, об'единявший в лице своего пленума все коллегии. Верховный Трибунал осуществлял надзор, как кассационный, так и общий. Ему предоставлялось право отмены приговора, вынесенного любым трибуналом. Он ведал личным составом трибунальных работников, их назначением и перемещением. Он имел право толкования законов и направления карательной политики. Сам он был фактически независим от НКЮ, поддерживая с

ним только личную связь через своего председателя. Военные и военно-железнодорожные трибуналы являлись его органами и были ему подотчетны и подконтрольны. Единственное отличие их в отсутствии кассационного обжалования было сломлено с изданием Уголовного Процессуального Кодекса первой редакции, вошедшего в силу с 1 августа 1922 года.

Наконец, тот же Верховный Трибунал осуществлял надзор над внесудебными полномочиями ЧК.

Так закончили свою эволюцию Трибуналы. Дальше уже им было некуда итти.

Общая юстиция в 1921 г., хотя и в гораздо меньшей степени, встала на тот же путь, что и трибунальная юстиция.

26 ноября 1920 г. было опубликовано опять-таки только за подписью Наркома Юстиции Положение об отделах Народного Комиссариата в отмену старого Положения еще времен Штейнберга 1917 г. Новое Положение, однако, ни в малой степени не могло быть признано удовлетворительным. Всего в несколько строк, оно не давало ответа ни на один из основных практических вопросов о методе и способах деятельности Комиссариата и, хотя ставило перед собой очень широкие задачи, фактически осуждало Комиссариат на полное бездействие. В доказательство достаточно привести описание основных отделов—судоустройства и судебного контроля, в отношении которых Положение говорило буквально только следующее:

«Отдел судоустройства. Организация Народных Судов, органов следствия, обвинения и защиты, наблюдение за их деятельностью и руководящие им указания».

«Отдел судебного контроля. Рассмотрение в порядке надзора отдельных приговоров и решений Народных Судов, возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам, направление жалоб и ходатайств отдельных граждан и учреждений, подаваемых в НКЮ, на незакономерные действия должностных и частных лиц».

И все. Больше ни одного слова. Кто действует, каким образом действует, в каком порядке и какими средствами действует? Ничего. При таком положении, конечно, не могло быть ни руководства, ни организации, ни контроля. Его в сущности и не было. Так, однако, долго не могло продолжаться. После «Положения о местных отделах юстиции», принятого III с'ездом, логическим следующим шагом должно было явиться Положение о центральном Наркомате, разрешавшее все поставленные выше недоуменные вопросы. Такая попытка должна была быть сделана. И она была сделана.

Передо мной лежит «Положение о НКЮ», датированное, приблизительно, ноябрем же 1921 г. и в одной своей части подписанное Калининым и Лениным, хотя почему-то не вошедшее в Собрание Узаконений. В этом Положении дана попытка определить точнее круг деятельности центрального Наркомата и средства, которыми он располагал.

Анализ этих средств покажет, на каком уровне реальных возможностей в организационной работе стоял центральный аппарат в

1921 г. Положение возлагало на Наркомат: а) организацию и инструктирование судов, б) рассмотрение в порядке высшего контроля вошедших в законную силу приговоров и решений, подлежащих почему-либо отмене, в) преподание судам руководящих указаний и раз'яснений, г) предварительное рассмотрение законопроектов и толкование законов, д) руководство всем пенитенциарным делом и ж) наблюдение за проведением в жизнь отделения церкви от государства. Сверх того, при Наркомате функционировала особая следственная часть.

Оставляя в стороне все остальные отделы, перейдем к рассмотрению основных двух — судоустройства и судебного контроля и спросим, чем же мог работать Комиссариат? Каковы были его реальные средства по осуществлению этих задач? Формулировка их в общем и целом должна быть признана правильной и даже слишком *широкой*, поскольку пункты «б» и «в» в такой общей формулировке (отмена приговоров и толкование законов) по меньшей мере могли вызвать сомнения.

В качестве реальных средств по *практическому руководству* судами НКЮ по Положению располагал следующими средствами: а) истребованием от подлежащих судов отчетов и об'яснений и б) посылкой инструкторов на места. Отдел же судебного контроля располагал правом: а) производства на местах ревизий и б) опять-таки преподания руководящих раз'яснений и толкований. Единственным *реальным* правом была *отмена приговоров* в порядке высшего контроля, о чем ниже. В остальном центральный комиссариат был *бессилен*, так как не обладал никаким влиянием на личный состав при его назначении, ни правом смещения, ни правом переброски работников. Итак, указывать и раз'яснять, требовать отчеты и ревизовать—вот все, что мог центральный аппарат. Но этим не могло быть исчерпано руководство даже при наличности права влияния на личный состав. Для этого необходимо было *знать и стоять в курсе всей текущей практики судов*. Этого же не могли дать ни сухие отчеты, наполненные голой цифирью о движении дел, ни случайные ревизии, ни случайно отмененные приговоры. Правда, Положение возлагало на отдел судебного контроля *систематизацию* принципиальных решений судов и раз'яснений НКЮ, но и тут оставался тот же вопрос об аппарате, а на этот вопрос Положение не давало ответа.

Выход мог быть найден в правильной организации *местных связующих органов*. И мы видели, что Положение о Губотделах юстиции давало некоторые основания полагать, что при помощи их центральный аппарат мог бы работать. Однако, лежащая перед нами часть Положения о НКЮ, касающаяся местных органов, имеющая под собою подписи Калинина и Лэнина, разрушает и эту надежду. Новое Положение по сравнению с принятым III с'ездом значительно *ослабляет* положение Губюстов в пользу *председателей* Трибуналов и Совнарсудов. Тут уже нет ни слова ни о праве отвода со стороны НКЮ заведующих отделами, ни о праве последних давать отзывы о перемещениях и назначениях в пределах губернии. Поста-

новления о ревизии Совнарсудов и Трибуналов, принимаемые отделом, получают силу только по утверждению их Президиумом Губисполкома. В состав коллегии отдела введены сами эти председатели на правах действительных членов и главная работа Губюста сосредоточена на роли передаточной инстанции между НКЮ и Губисполкомами и судами. Видимо *суды уже настолько выросли, что помыкать ими Губюст больше не мог.* Но от этого не только не выигрывал, а проигрывал центральный Комиссариат.

Таково было новое Положение. Оставалось, следовательно, только право отмены приговоров в порядке судебного контроля, к анализу которого мы и перейдем.

Положение о высшем судебном контроле опубликовано 12 марта 1921 года со ссылкой на «Положение о Народном Суде» от 21 октября 1920 года. Сообразно вводной части декрета «для установления правильного и единообразного применения всеми судебными органами законов РСФСР и соответствия их деятельности с общим направлением политики Рабоче-Крестьянского Правительства», закон возлагал на НКЮ общий надзор за деятельностью этих органов и давал право об'явления *не имеющими законной силы* приговоров и решений Нарсудов по основаниям, определяемым НКЮ, и разрешал ему же делать постановления о возобновлении судебных дел в виду вновь открывшихся обстоятельств. Эти два последние права были действительно могучими и реальными правами. Правда, мы находим в Собрании Узаконений за 1920 год № 9 в Положении о Народном Комиссариате Юстиции чрезвычайно краткое и невыразительное упоминание о «судебном контроле», как отделе НКЮ, где НКЮ предоставлено право рассмотрения в порядке надзора отдельных приговоров и возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Мы видели, однако, что там не оговорен ни порядок надзора, ни порядок поступления дел, ни порядок рассмотрения их. И само Положение подписано только Народным Комиссаром без соответствующей санкции законодательных органов.

Положение «о высшем судебном контроле» есть, наоборот, закон, отвечающий на все эти вопросы. Согласно ст. 2 основанием для признания приговоров и решений не имеющим законной силы признавалось: 1) явное нарушение или неприменение законов Советской власти, или 2) принятие судебными органами к своему производству дел, не подлежащих судебному разбирательству, или, наконец, 3) явное противоречие приговора или решения руководящим началам советского законодательства и общей политике Рабоче - Крестьянского Правительства.

Возбуждение вопроса о признании приговоров не имеющими силы могло иметь место только со стороны центральных и областных или губернских органов власти, или по инициативе самого НКЮ. Всякие ходатайства, исходившие от иных лиц, могли быть рассматриваемы НКЮ только по получении заключения Губотдела юстиции.

Также был поставлен вопрос о пересмотре дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Здесь заявление направляют в НКЮ, куда представлялось все дело непосредственно из судебного органа вместе с заключением этого органа. Народный Комиссариат Юстиции выносил постановление об отмене приговора или решения, после чего обращал дело к новому судебному разбирательству. Таков был закон. Повторяю, хотя о праве высшего судебного контроля упоминается еще в Положении о местных отделах юстиции 1920 года и в Положении о Губотделах юстиции 1920 года, реальное значение это право получило только с момента издания закона о высшем судебном контроле. Так произошло потому, что до этого момента об этом праве НКЮ никто не знал. К чему, однако, непосредственно привело опубликование этого закона?

При отсутствии кассационного центра, который регулярно наблюдал бы за текущей практикой всех судебных мест, при несвязанности практики 60 кассационных центров, при отсутствии точных материальных и процессуальных норм, результатом опубликования такого закона могло быть только одно: поток жалоб в НКЮ в порядке высшего судебного контроля, долженствовавший неминуемо затопить Наркомюст. Так оно и произошло. С другой стороны, при настоятельной потребности в единстве процессуальной практики, НКЮ при осуществлении этого надзора в порядке судебного контроля невольно должен был сбиваться на кассационный надзор или по меньшей мере весьма и весьма приблизиться к чисто кассационному контролю. Так и случилось. Коллегия, в составе члена коллегии НКЮ и заведующих отделениями судебного контроля с консультантами—докладчиками в качестве членов, фактически превратилась в кассационную инстанцию, рассматривающую дела по жалобам заинтересованных лиц. Жалобы же подавались: а) вне всяких сроков, б) вне зависимости от того, была ли подана и была разрешена и как разрешена кассационная жалоба в Совнарсуде и в) вне всяких поводов, вернее, по всяким поводам, на которые приходило в голову указать заинтересованным лицам. Так как рассмотрение производилось не в порядке судебного заседания, а в порядке административного присутствия без вызова сторон, негласно, то его результат едва ли мог быть признан соответствующим действительным обстоятельствам дел, и во всяком случае отмена приговоров и решений, которая согласно проекта Положения о НКЮ 1921 г. должна была обязательно проходить через коллегию НКЮ, не давала никаких гарантий того, что дело решено правильно. Впоследствии же это право было передано одному члену коллегии без постановки вопроса в коллегии НКЮ.

Неправильная в корне первоначальная постановка дел привела вместо контроля к созданию новой инстанции и новой волокиты без действительной гарантии контроля. Этим дело, однако, не ограничилось. Чтобы положить какую-нибудь препону потоку жалоб и дел, НКЮ издал через 6 месяцев после издания закона 15 сентября 1921 г. циркуляр о порядке направления и рассмотрения дел по декрету о высшем судебном контроле.

Согласно этому циркуляру все жалобы, подаваемые в порядке судебного контроля, должны были быть предварительно рассматриваемы в Губотделе юстиции. Жалобы на приговоры, по которым еще нет кассационного определения, не рассматривались. Если же жалоба кассационная не была подана, то жалобы в порядке высшего контроля оставались совершенно без рассмотрения. Коллегия Губюста была обязана оставить жалобу без последствия, если в жалобе были указаны поводы, не вполне отвечающие признаками ст. 2 декрета о высшем контроле. Другими словами отбрасывались все жалобы кассационного характера. В противном случае, дело истребовалось и направлялось в НКЮ с заключением коллегии Губюста. Рассмотрение дел производилось коллегией Губюста без вызова сторон и судей. В самых исключительных случаях коллегия получала право приостановки приговора или решения. Такой же порядок был установлен для жалоб, поступающих непосредственно в НКЮ. Вторичная подача жалоб по делу, однажды разрешенному в порядке судебного контроля, не допускалась. Принесение жалоб в порядке внесудебного контроля не ограничивалось никаким сроком.

Что установила эта инструкция? На деле она установила *еще одну кассационную инстанцию на местах,* полномочную и полноправную по непропуску жалоб, а в иных случаях *и по приостановке приговоров и решений,* действующую опять-таки вне всяких сроков и правил и решавшую дела без каких бы то ни было процессуальных норм. Единственное ограничение, которое знал закон, касалось Ревтрибуналов, в отношении коих было установлено, что пересмотр приговоров трибуналов в порядке высшего судебного контроля не может иметь места без заключения Кассационного Трибунала. Логика жизни оказалась сильнее и НКЮ не удалось ни остановить потока жалоб, ни ввести правильного судебного контроля. Инструкция о порядке применения высшего судебного контроля была линией наименьшего сопротивления вместо реформы всей действовавшей судебной системы.

В противовес стройной централизованной системе Трибуналов система общих судов представляла собою следующую картину.

1) Народные Суды, связанные только губернским центром, с заседателями, набиравшимися для «обучения» и работавшие без систематического руководства в составе то с двумя, то с шестью заседателями без точно определенной подсудности с правом любое дело слушать, то в одном, то в другом составе.

2) Особые сессии тех же судов с «отборными» заседателями, работавшие под председательством члена Президиума Совнарсуда и потому являвшиеся скорее его органами, также со спутанной и неясной подсудностью.

3) Совнарсуды, фактически зависимые от Губисполкома и Губюста, олицетворявшие собой кассационную инстанцию, работавшие также без систематического руководства и творившие на подобие удельных князей в пределах своего «феода» суд и расправу по своему усмотрению, также, как по своему усмотрению и толковавшие закон.

4) Губотюсты в качестве сильных административных кулаков, сидевшие в губернии, распоряжавшиеся деньгами, зависимые от Губисполкома и имевшие право отменить любое решение и приговор, но сами не имевшие никаких систематических указаний.

5) И, наконец, центральный Наркомат, не располагавший никаким сильным аппаратом и серьезными правами по управлению, кроме права судебного контроля, фактически приведшего к затоплению его жалобами, для разгрузки от которых он и это право в значительной степени передоверил тем же Губотюстам. Такова была картина реальной действительности состояния общей советской юстиции в 1921 г.

Лучшим показателем ее печального положения было то, что в составе председателей Совнарсудов насчитывалось до 49 проц. *беспартийных* людей.

Основная причина такого положения коренилась в основном дефекте Положения 1918 г.,—принципиально выдержанной децентрализации в построении и управлении судами.

Так дальше продолжаться не могло.

Единственным просветом в этом положении было постановление Президиума ВЦИК о губернских отделах юстиции, направленное к укреплению и поднятию их авторитета. Оно предлагало Губисполкомам: а) направить в отделы юстиции и вообще судебные учреждения лучших работников, наиболее надежных и крепких, б) стремиться всеми силами, чтобы работа судебных учреждений встречала повсеместную поддержку со стороны всех органов, в) без исключительных поводов *не производить смены заведующих отделами юстиции*, о всякой такой смене извещать центральный Комиссариат, приводя соответствующие мотивы отзыва и представляя сведения о заместителе, г) принимать во внимание отводы центрального Комиссариата, при чем при недостижении соглашения переносить вопрос на разрешение ВЦИК, д) организовать повсеместно коллегии по вновь утвержденному Положению (см. выше) и е) снабдить всех нарсудей личными удостоверениями с указанием их прав по наблюдению за производством дознания и содержанием арестованных и оградить их самих от произвольных арестов.

Это постановление, принятое 25 августа 1921 г., указывало путь, на который готова была встать центральная власть страны. *Это был путь, уже пройденный трибуналами.* Этот путь не был, однако, полностью использован Наркоматом Юстиции.

В результате к концу года создалось положение, которое в связи с общим изменением в политике Советской власти и переходом к новой экономической политике не могло быть более терпимым. Вопрос стал таким образом: либо *реформа* общая и коренная, либо полный отказ от судов как реального орудия в руках государственной власти и определенного звена в общей системе государственного управления и государственной жизни страны. То, что можно было делать в 1918 г., что можно было терпеть в 1919—1920 г., не могло дольше иметь место в условиях нэпа, гражданских правоотношений и начинавшегося широкого товарооборота в 1921—1922 г.г.

Если для уголовной репрессии существовали трибуналы и Ч. К., то для гражданских дел *ничего не было.*

Вопрос о реформе, таким образом, сам собою повис в воздухе и в неподготовленной неразработанной форме сам собою всплыл на IV всероссийском с'езде деятелей юстиции в 1922 г.

4 с'езд деятелей юстиции собрался 26 января 1922 года. Состав с'езда, по данным мандатной комиссии, насчитывал 374 делегата с решающим голосом и 152 с совещательным, из них 278 коммунистов. На с'езде были представлены 51 губерния, 9 автономных областей и 11 советских республик. С решающим голосом было представлено 53 представителя Губюстов, 54 от Совнарсудов, 11 от Наркомюста, 52 от Убюстов, 37 от исправтрудов (органы карат. отдела) и 67 от автономных республик. Ревтрибуналы были представлены 49 от Губернских Ревтрибуналов, 6 от Верхтрибунала, 22 от Военных Ревтрибуналов и 23 от Транспортных Ревтрибуналов. Всего 100 человек. Таким образом, большинство принадлежало *общей юстиции*, представленной даже уездными работниками. Это был действительно первый всероссийский с'езд судебных учреждений. Из 10 пунктов порядка дня мы выделяем только 5 пунктов: информационный доклад Наркома т. Курского «о задачах Советской юстиции в связи с новой экономической политикой», «Доклад о судоустройстве» т. Лунина, «Доклад о прокуратуре»—мой с содокладом Эстрина и доклад об адвокатуре т. Черлюнчакевича. Мы оставляем остальные вопросы без рассмотрения, несмотря на их важность, поскольку близкого отношения к судоустройству они не имеют.

Первый доклад Наркома ставил перед с'ездом проблему о задачах юстиции, как проблему, которая сейчас получила особое значение в связи с новыми обстоятельствами экономической жизни. Эту проблему докладчик выразил, как проблему «законности» и «организованного вмешательства права в государственную и хозяйственную жизнь». Причины, которые, по мнению докладчика, мешали до сих пор проведению этих начал в жизнь, заключались в условиях гражданской войны. «Для меня важно констатировать,—говорил докладчик,—прежде всего возможность ликвидировать внешний фронт, возможность сузить и ограничить область внесудебных репрессий. Это первое условие, которое дает возможность приступить к строению советской юстиции». Так говорил докладчик. Я не могу вполне согласиться с такой постановкой вопроса и полагаю, что область внесудебных репрессий была такой широкой в эпоху гражданской войны не только благодаря тому, что была гражданская война, но и потому, что во-время не были созданы соответствующие органы судебной репрессии. Тот факт, что военные трибуналы, т. е. органы судебной репрессии, успешно боролись с контр-революцией на фронтах, доказывал, что об'яснение тов. Курского отнюдь не было всеисчерпывающим.

«Мы отлично понимаем,—продолжал дальше докладчик,—что основной фактор, который сейчас воздвигает советскую юстицию,—это наша новая экономическая политика». Это тоже не совсем так.

Новая экономическая политика была могучим фактором в этом отношении, однако, правовые нормы вырабатывались нами в области трибунальной и общей юстиции и тогда, когда новой экономической политики не было. Это утверждение было верно только в области гражданско-правовых отношений. Здесь действительно новая экономическая политика сыграла решающую роль. От постановки этого основного вопроса докладчик перешел к вопросам судоустройства. «Мы стоим перед фактом,—говорил он,—одновременного существования народных судов и трибуналов. Мне известны резолюции многих губернских с'ездов, которые решительно высказываются за об'единение всех органов юстиции в едином народном суде. И я должен сказать, что, конечно, *это путь, которым мы пойдем*, но вопрос *во времени*, можем ли мы сейчас, в условиях, которые мы имеем, скажем, на железных дорогах, в условиях, которые мы имеем в области контр-революционных выступлений против советской республики, провести здесь эту единую организацию. *С'езд этот вопрос обсудит*, он даст ответ на этот вопрос».

Таким образом, докладчик отказался сам дать ответ. Как, однако, он думал, по этому вопросу дает ответ следующая цитата доклада: «если мы выдвигаем, как основную организацию, единый народный суд, будет ли он единым, *или мы будем вынуждены остановиться также на параллельной организации Ревтрибуналов, что вернее* — во всяком случае единый народный суд должен быть организован таким образом, чтобы он действительно был судом, близким населению, судом, связанным с деревней, судом, связанным с рабочими организациями в городах». Докладчик шел, таким образом, на временное сохранение трибуналов, как параллельной системы, допускал ее временное существование. О создании *единой системы* он, видимо, не ставил вопроса. О том же говорит цитата о близости суда к деревне. Однако, и здесь, констатируя разницу в воззрениях деревенского народного суда и суда городского на кражу, которая по приведенной в докладе статистикой каралась в деревне в 7 раз строже ,чем в городе, выход докладчик видел не в такой реформе суда, которая обеспечивала бы возможность руководства судов в смысле проведения единой политики, а опять-таки преподания суду «руководящих указаний» в форме на этот раз того уголовного кодекса, проект которого был предложен с'езду. К сожалению, этот вопрос также не был в достаточной степени развит в докладе и самый доклад был принят без прений, как доклад информационный, только к сведению. Разрешение больных вопросов следовало ждать в прениях и резолюциях по другим пунктам порядка дня.

Они возгорелись с чрезвычайной остротой по 3-му пункту порядка дня по докладу о судоустройстве. Официальный докладчик от Наркомюстиции т. Лунин начал с постановки основного того же вопроса о наличии двойной системы судов, исходя из факта существования пролетарской диктатуры в мелко-буржуазном окружении. Это совершенно правильная марксистская постановка вопроса привела его к необходимости вывода построить суд так, чтобы он был

в силах отразить мелко-буржуазное влияние. Ответ на это докладчик дал в форме категорического признания необходимости *сохранения двух систем судов.* «Можем ли мы сейчас сказать,—спрашивал докладчик,—что нам не требуется суд высшей подсудности. К этому основному моменту сводится весь вопрос... Суд высшей подсудности, принимая все предпосылки во внимание, *нам необходим, как суд политический и по сложным уголовным делам*».

Это уже был неверный вывод. Из того, что необходим суд по политическим делам, из этого не вытекала необходимость двух систем. Тов. Лунин, видимо, также, как и т. Курский, не ставил вопроса об единой системе и представлял себе лишь альтернативу: либо уничтожение трибуналов, либо уничтожение Совнарсудов, при чем в этом противопоставлении сбивался на старую опровергнутую жизнью точку зрения, что трибунал не есть суд. «Мы рассматривали,—говорит он,—всегда трибунал в процессе нашей революционной работы, как суд классовой диктатуры, как суд политической борьбы, а не как суд в тесном смысле этого слова». К сожалению, докладчик не уяснил, чем же должен был быть, по его мнению, «суд в тесном смысле этого слова». «Признак расправы,—говорит дальше докладчик, превалировал поэтому в трибуналах над признаками суда». Говорить так мог лишь человек, который ничего не знал в истории трибуналов. Соответственно с таким исходным пунктом докладчик выставлял требования ограничения подсудности трибуналов преступлениями политическими, должностными и воинскими. Этого докладчик требовал от него, как от суда «независимого от мелко-буржуазного класса». Вытекало ли отсюда, однако, что другие формы суда должны были быть «зависимые от мелко-буржуазного класса». По нашему, не вытекало. По докладу выходило, что этот вопрос, видимо, спорный. По крайней мере, подходя к народному суду, докладчик ставил вопрос следующим образом: выделение из общей системы особых сессий, с особыми ударными заседателями, диктуется необходимостью исключить, как буквально говорит докладчик, «возможность быть в народном суде в качестве заседателей представителям мелко-буржуазной стихии», которая могла бы «толкнуть суд по направлению мелко-буржуазного влияния». Поэтому особые сессии, как суды, в которых сосредоточиваются дела особой важности, должны остаться. «Здесь,—говорил докладчик,—мы должны проводить нашу линию пролетарской диктатуры». Отсюда вытекало, видимо, что в других судах ее проводить было не нужно. Конечно, с подобной постановкой вопроса было нелепо спорить. Докладчик сам, видимо, это чувствовал и в дальнейшем докладе уже говорит о том, что суд народный должен быть построен, «не в смысле РСФСР-вском, а в смысле преобладания в нем пролетариата, вернее, той части народа, которая осуществляет диктатуру пролетариата. Здесь необходимо обратить внимание на состав судов; состав должен быть строго квалифицированный».

Последний вывод докладчика был тот, что суды «должны остаться пролетарскими, осуществляя пролетарскую диктатуру». «По

этому принципу мы должны строить суды и должны приблизить их к населению».

Так закончил докладчик, по существу это означало, что никакого ответа на основной кардинальный вопрос, «как обеспечить линию пролетарской диктатуры в общих судах», он ничего не дал. Точно также запутался докладчик и в другом вопросе, «*о единстве народного суда*». Как совместить наличие особых сессий с единым народным судом? «Принцип единства,—говорил докладчик,—вытекает из подсудности всех без исключения дел одному суду. Этот принцип непоколебим и останется». Но «поскольку сейчас мы переживаем момент диктатуры, постольку этот принцип является в этой области *декларативным и останется таким, пока мы не переживем острого момента классовой борьбы*». Так сам докладчик признал крах системы единого суда. В соответствии с этим предложенная им резолюция представляла из себя жалкое компромиссное решение, которое ничего не говорило по основному вопросу. Мы вернемся потом еще к этой резолюции, пока перейдем к содокладу по вопросу о судоустройстве.

Мое выступление по содокладу по этому вопросу было до известной степени выступление экспромптом, поскольку оторванный от общих работ по Наркомюстиции, я вообще не ставил своей задачей вмешательство в работу НКЮ. Поэтому выступление по содокладу имело задачей только поделиться с товарищами мыслями, которые невольно сами собой напрашивались не у одного меня.

Основные принципы, которые были высказаны мной, сводились к следующему: нужно оставить трибунальное производство так, как оно есть, построенное сепаратным и его не трогать или *нужно поставить вопрос об общей реформе*. Единство судебной системы может выражаться только в 2-х формах: а) единстве принципов организации судов и б) единстве принципов судебной практики. Оба принципа должны быть проведены и до конца последовательно. Ни тот ни другой в действующей системе не выявлен и не проведен и не гарантирован. Имеется ли у нас единая форма судебных мест? Нет, не имеется. Имеются 2 формы Народных Судов с 2 и 6 заседателями, имеется законом непредусмотренная, неизвестно каким образом появившаяся особая форма суда в виде особых сессий, имеются исключительные суды—трибуналы.

В области практики налицо то же отсутствие единства и абсолютная децентрализация. Единство будет только тогда, когда будет *единая кассационная инстанция*. Судебная политика должна отражать классовые интересы рабочих. Для этого необходима руководящая инстанция, ее сейчас нет. Имеется высший судебный контроль, но каким образом он построен? Каким образом до него доходят дела? Этот закон не выдерживает никакой критики. Вместо действующей системы я предлагал в качестве первоначального наброска следующий план: Народный Суд с 2 заседателями, как основная ячейка суда, Совнарсуд, построенный на тех же принципах, без права Губисполкома сменять председателя, при чем заседатели здесь должны

подбираться из председателей судов первой инстанции, в этом гарантия, что он будет пролетарским судом, который нам необходим. Тогда,—говорил я,—«трибунальная подсудность целиком к ним отойдет и «нам *не нужно будет строить параллельной системы исключительных судов, ибо они целиком и правильно будут рождены из единой системы судебных мест»*. Такой Совнарсуд будет губернским центром, управляющим народными судьями, при котором прекрасно будет работать судебно-следственная часть, прокуратура и адвокатура *и не будет никакого места Завгуботюсту*. Процессуальные формы трибунальной юстиции должны быть сохранены для этого губернского суда. Следующий вопрос об основном руководящем центре. Должен быть организован Верховный Кассационный Суд, единый на манер теперешнего Верховного Трибунала. Что остается тому,—спрашивал я в конце доклада, — что называется теперь Наркомюстом? Остается вся прокуратура, все вопросы назначения и перемещения председателей губернских судов, вся законодательная работа и все тюремное дело. Но должна быть уничтожена теперешняя неразбериха по надзору Наркомюста над приговорами и решениями судов.

Таков был содоклад.

Горячие прения, разгоревшиеся по этому поводу, показали крайнее упорство сторонников обоих точек зрения. В особенности характерно выступление другого работника НКЮ тов. Лисицына, который выступил за сохранение трибунала, лишь бы не ломать действующей системы Народного Суда. Тов. Лисицын не мог понять, как это губернский суд будет выносить высшую меру наказания. Последний аргумент его заключался в указании на бедность НКЮ, «которому дают только 15.000 пайков» и на то, что нужно «опираться на существующий аппарат, на то, что уже проверено опытом, а не создавать нового». Однако, целый ряд ораторов с мест, при чем, главным образом, из Совнарсудов и Губюстов, поддерживал целиком другую точку зрения. В результате прений во имя того, чтобы не принимать «скоропалительных резолюций», принятие резолюции было отсрочено на время.

В тот же день был поставлен другой вопрос, по которому начался другой принципиальный бой—вопрос о построении прокуратуры.

Здесь разногласия были по двум основным вопросам. Я предлагал провести то, что сейчас осуществлено, крайнюю централизацию в управлении прокуратуры, совершенно независимую от мест и необходимость слияния персонально Прокурора Республики с Наркомом Юстиции. Против этой точки зрения содокладчик предлагал, с одной стороны, построить прокуратуру, как строятся все другие учреждения, т.-е. *зависимой от губернских губисполкомов* и разделить Прокурора Республики от Наркома Юстиции. Одновременно я предлагал коренную реформу в виде *полного уничтожения заведующего губернским отделом юстиции*. В содокладе Эстрина содокладчик оспаривал только своевременность предлагаемого мною принципа строения про-

куратуры. Связь с местами докладчик аргументировал соображением, что беззакония творятся и в центре, а не только на местах, необходимость сохранения отделов юстиции—необходимостью координировать действия двух разных действующих судебных систем. В общем как и в вопросе о судоустройстве принципиальных возражений, кроме указаний на «несогласованность с конституцией», против моей системы не было. Однако, большинство с'езда, несмотря на то, что оно состояло из заведующих губотделами юстиции, фактически высказалось за реформу. В результате прений вопрос был перенесен во фракцию, после чего были предложены на голосование две параллельные резолюции, касавшиеся вопросов судоустройства, вопросов организации прокуратуры и вопроса о дальнейшем существовании губотделов юстиции.

Резолюции, однако, не были *поставлены на голосование в виде двух самостоятельных резолюций*. Настроение с'езда было совершенно определенно и резолюции, предложенные официальными докладчиками, едва ли имели шанс пройти. При таком положении нельзя было ставить на голосование резолюций, которые принципиально отвергали бы резолюции НКЮ, а тем более предрешать вопрос о судебной реформе раньше, чем таковой вопрос был бы подвергнут обсуждению в инстанциях, руководящих государственной политикой страны. Ошибкой с этой точки зрения была вообще постановка на обсуждение этих вопросов до их разрешения в органах, руководящих политикой. Острота прений вокруг этих вопросов показывала, во-первых, их чрезвычайную злободневность, а единодушие с'езда то, что другого выхода, помимо указанного мной, видимо, не было. В результате были приняты согласованные, компромиссные резолюции.

Принятые резолюции, однако, не остались такими, какими были внесены докладчиками. Основные тезисы предложения моего доклада вошли в принятую резолюцию.

По основному вопросу о судоустройстве с'езд принял резолюцию Лунина, вставив в нее следующий абзац: «в области судоустройства, укрепляя и развивая принципы единого Народного Суда, *как органа диктатуры пролетариата* и вовлечения в органы суда широких масс рабочих и крестьян, с'езд высказывается за создание в центре *авторитетного высшего судебного органа, об'единяющего кассационную деятельность всех видов судов»*.

Этот тезис ознаменовал первую основную победу идей централизации, единогласно вотированную с'ездом. Резолюция ничего не говорила дальше о реформе всей системы, что, однако, было фактически предрешено. По докладу о прокуратуре с'езд принял дополнения, передающие основные тезисы моего доклада, а именно: «Прокуратура снизу и до-верху должна быть построена независимой от местных влияний и назначается и смещается распоряжением Прокурора Республики. 2) Прокурору, как наблюдающему за соблюдением законов, должен быть предоставлен совещательный голос в заседаниях исполкомов. 3) Прокурор не связан решением губотдела юстиции». Эта резолюция, правда, обходила молчанием два основных вопроса,

по которым шел бой на с'езде: вопрос о построении центральной прокуратуры в смысле персонального слияния Прокурора Республики с Наркомом Юстиции и вопрос о ликвидации губотюста. Оба эти острые вопроса были сознательно обойдены с'ездом, так как, по установившейся практике 3-го с'езда, после резолюции с'езда Наркомат был бы связан в своих решениях, чего по тактическим соображениям нельзя было допустить. Однако, и здесь прения не остались без результатов. С'езд принял дополнительно по докладу организационной секции *постановление о губотюстах*, по которому *фактически похоронил губюсты* и в этом случае целиком стал на точку зрения моего доклада, а именно: 1) согласно этому постановлению судебно-следственный под'отдел отдела юстиции подлежал передаче Совнарсуду. 2) Наблюдение за общим направлением действующих судебных органов у губотюста отнималось. 3) Право истребования отчета и статистических сведений сохранялось лишь постольку, поскольку таковые были необходимы губюсту для докладов губисполкомам и Наркомюсту. 4) В соответствии с этим отпадало право ревизии судебных мест. 5) Наблюдение за личным составом и деятельностью комиссий о несовершеннолетних передавалось Совнарсуду. 6) Организация защиты сохранялась за губюстом лишь временно в связи с новым проектом, принятым с'ездом, об адвокатуре. Зато в отношении избрания губюста с'езд вводил принцип утверждения его НКЮ и несменяемости без санкции центрального наркомата. 7) Уездные бюро юстиции сохранялись, однако, лишь впредь до введения прокуратуры. В конце концов, это было четвертование губюстов живьем, функции их растаскивались по частям прокуратурой и Совнарсудом. Так разрешил с'езд больные вопросы.

Это разрешение не может быть признано, конечно, ни полным, ни последовательным. Здесь сыграли роль, однако, те причины, о которых мы говорили выше. Общее настроение с'езда было совершенно определенным. После этого вопрос о реформе был фактически предрешен. И Наркомюсту оставалось лишь проводить в жизнь принятые, но невысказанные до конца решения.

Июньская сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, введшая Положение о прокуратуре, провела полностью его построение на принципах абсолютной централизации назначаемости и смещаемости исключительно постановлением Прокурора Республики и персонального слияния Прокурора Республики и Наркома Юстиции. Одновременно 18-й пункт Постановления гласил, что «с изданием настоящего Положения все обязанности, лежавшие до сего времени на отделах юстиции и возлагаемые настоящим Положением на органы прокуратуры, переходят в исключительное ведение последних».

Губюсты после этого не могли долго существовать и к 1-му августа, т.-е. сроку введения прокурорского надзора, были повсеместно ликвидированы Наркоматом Юстиции.

Постановлением той же сессии было введено «Положение об адвокатуре», целиком принятое на основе резолюций 4-го с'езда, с

предоставлением адвокатуре определенной автономии и отказом от принципа советской адвокатуры и трудовой повинности. Это была уступка, на которую было необходимо пойти.

На 4-й же сессии ВЦИК в октябре было принято новое «Положение о судоустройстве РСФСР», подлежавшее введению в жизнь 1-го января 1923 года. Еще раньше на июньской сессии был принят переработанный, согласно указаниям с'езда, Уголовный Кодекс и на 4-й сессии материальный Гражданский Кодекс. С первого же августа начал действовать Уголовно-Процессуальный Кодекс.

Положение о Судоустройстве *полностью провело принципы содоклада о судоустройстве* на 4-м с'езде деятелей юстиции.

Согласно этому новому Положению, умерли: а) особые сессии, б) дежурные камеры, в) суд с 6-ю заседателями и... трибуналы. Вместо них выросли: 1) Народный Суд, построенный, однако, так, что теперь он по методу самого своего построения должен был явиться оплотом против мелкобуржуазной стихии, 2) Губернский Суд, заменивший собою трибунал и Совнарсуд, сохранивший всю мощь репрессий и процессуальной особенности трибунального производства, но построенный на том же принципе привлечения народных заседателей, что и Народный Суд, и одновременно явившийся кассационным центром и органом надзора для Народных Судов и, наконец, 3) Верховный Суд, обладавший всеми правами судебного надзора и явившийся единой кассационной инстанцией для Губернских Судов и руководящим органом карательной практики для всех судов. Последней новеллой еще через год народные заседатели были введены и в Верховном Суде. Новый процессуальный кодекс ликвидировал полностью высший судебный контроль. Его права по возбуждению вопросов об отмене вошедших в законную силу решений и приговоров перед Верховным Судом перешли к прокуратуре. Зато к Наркомюсту перешла вся категория вопросов хозяйственно-административных, учета личного состава работников юстиции, при чем председатели Губернских Судов получили по новому закону ту гарантию несменяемости без санкции НКЮ, которой до сих пор пользовались по закону 23 июня 21 года только Ревтрибуналы.

Так была подготовлена и завершена грандиозная судебная реформа, давшая нам, в конце-концов, *единую судебную систему*, обеспечивавшую классовый характер практики судов и охрану интересов пролетариата в условиях капиталистического окружения и классовой борьбы.

Нам остается перейти к ее анализу и критике, чтобы. наконец, затем поставить и ответить на последний вопрос, какими должны быть сейчас и каковы перспективы дальнейшей эволюции наших судов в связи с дальнейшим укреплением и развитием нашего государства от диктатуры пролетариата к установлению действительного коммунистического общества.

1922 год.

Лекция 12-я.

1922-й год это последний год из тех, которые мы подвергнем рассмотрению с точки зрения того, что он дал в области законодательного творчества по советской юстиции. Это едва ли не один из самых плодотворных в этом отношении годов, вернее не плодотворных, а плодовитых. С 1-го июня 1922 года вступил в действие Уголовный Кодекс, с 1-го августа вступил в действие Кодекс Уголовно-Процессуальный, с 1-го же августа вошли в силу новые положения об адвокатуре и прокуратуре, с 1-го января 1923 года вступает в действие Гражданский Кодекс, с 1-го января 1923 года новое Положение о Судоустройстве и в ближайшее время открывается 2-я сессия ВЦИК, вниманию которой будет предложен Гражданско-Процессуальный Кодекс и целый ряд изменений в области Уголовного Кодекса и иных. Таким образом, творчество 1922 года охватывает сразу всю область судебной работы и параллельно дополняется, кроме того, специальными положениями о нотариате, о судебных исполнителях, одним словом, целым рядом добавочных положений, охватывающих ряд сторон судебной работы, являющихся дополнительными, побочными, но тем не менее весьма существенными сторонами этой деятельности. Невольно возникает вопрос, чем вызвано это творчество, вернее, где тот императив, благодаря которому вдруг с такой энергией заработал НКЮ. Весьма многие склонны толковать это явление и до сих пор толкуют, в особенности те, которые не умеют отделять формы от содержания, в том смысле, что весь этот бешеный поток законодательного творчества вызван исключительно нэпом, вот, мол, нэп пришел, нэп не может жить без точных юридических норм и появились точные юридические нормы. Другие идут еще дальше и говорят, что нэп пришел и не столько пришел нэп, сколько пришла Западная Европа, и вот для того, чтобы показать товар лицом перед Западной Европой, для этого нужны в России точные юридические нормы, правовой порядок, правовая жизнь, законность и прочие хорошие, но пустые словеса. Есть такая публика, есть такие товарищи, которые до сих пор это утверждают и даже искренно убеждены, что они говорят глубочайшую политическую истину, а на самом деле то, что они говорят глубочайший

цинизм, оскорбление русской революции, глубочайшая глупость, ибо, если мы посмотрим, как русская революция, русский рабочий класс, вообще, руководящие элементы рабочего класса и нашей партии смотрели на юридические нормы, то мы увидим, что они отдавали даже слишком большую, с моей точки зрения, дань юридическим нормам, когда в 1917 году они создавали демократические суды, учреждали публичные заседания следственных комиссий, Трибуналы строили так, что они походили больше на политические диспуты, чем на суд, а Народные Суды строили, как школьный орган воспитания масс, а не борьбы. Правда, одновременно с этим наша партия и рабочий класс не боялись попирать самым жестоким образом буржуазные нормы тогда, когда учреждали ЧК и давали ей чрезвычайные полномочия. В этом достоинство и сила нашей партии, что она не боится нарушать формы, когда это нужно. Но чтобы сказать, что мы с презрением отметаем всякое право, что мы с презрением отметали уважение к праву, к нашим собственным законам, которые мы издаем, сказать, что мы только для Европы стали заниматься законодательством, это могут говорить только люди, которые настолько утратили всякие сдерживающие центры, настолько далеко перешли всякие границы в неуважении к самим себе, а прежде всего, к нашему коллективному творчеству, что с такими людьми не приходится разговаривать. Такого явления будто наше творчество было выработано и провоцировано нэпом—не было. Прежде всего, мы видели, что уже в октябре 1918 г. в циркуляре № 1 заключались основные моменты уголовного процесса и особенной части уголовного кодекса, мы видели, что в 1920 году в руководящих началах по уголовному праву были даны основные образующие моменты нашей системы права, наших воззрений на сущность уголовного процесса, уголовного наказания и науки уголовного права, мы видели, что в Положении о Народных Судах, также отражались те же моменты, которые затем прошли в развитии нашей трибунальной и общей юстиции.

В тенденции к унификации права, к унификации процесса, к установлению единообразной судебной практики, к установлению органа контроля и наблюдения над деятельностью суда, хотя бы и в такой несовершенной форме, как высший судебный контроль отражались те же принципы. Нэп был атмосферой, способствовавшей, это верно, ускорившей выявление этой неизбежной фазы развития нашей судебной работы, но и только, больше этого он ни в коей мере не предопределил сущности работы. И, наоборот, возьмите вы наиболее подверженную влиянию нэпа область гражданских правовых отношений, гражданско-материальный кодекс. Что говорит 1-я статья? Она говорит, гражданское право охраняется законом постольку, поскольку оно не вступает в противоречие с своим хозяйственным и социальным предназначением и только в этих пределах охраняется законом. Вместо признания неприкосновенности этого права, в первой же статье вводится условное понимание гражданских прав,—это идеология совершенно неведомая для буржуазного права. Возьмите наш Уголовный Кодекс, возьмите знаменитую 25-ю статью,

которая при определении наказания вменяет судье в обязанность каждый раз ставить вопрос, а принадлежит ли данное лицо по своему социальному положению к буржуазному или трудовому классу и, в зависимости от этого по существу безразличного обстоятельства, назначать наказание. Хорошая уступка нэпу, хорошее творчество под влиянием нэпа. Вздор и чепуха. Возьмите дальше Гражданско-Процессуальный Кодекс, который будет опубликован на-днях. Там статья 2-я говорит: суд может приступить к рассмотрению гражданского дела, не иначе, как по заявлению заинтересованных в этом сторон, а дальше говорит следующее: прокурор вправе вступить в дело в любой стадии процесса, а равно начать дело даже при отсутствии заявлений заинтересованной в этом стороны, если усмотрит, что в данном положении вещей нарушены интересы государства или интересы представителей рабочего класса. А, если нарушены интересы буржуазии,—закон об этом молчит, *это нас не касается*. Вот как мы ставим вопрос. Спрашивается,—все это порождение нэпа? Мы брали гражданский и Гражданско-Процессуальный Кодексы, но вы возьмите любой из наших законов, возьмите наше Положение о Судоустройстве. Основные элементы этого положения говорят, прежде всего, о том, чтобы не допускать ни в суд, ни в состав народных заседателей, ни в следователи, ни в прокуратуру, ни куда бы то ни было представителей не трудящихся элементов; суд строится принципиально как классовый суд на основе отбора представителей рабочего класса. Так что говорить о том, что нэп породил творчество 1922 года могут только люди, не думающие. Однако, этим не исключается все-таки влияние нэпа. Нэп все-таки повлиял и, прежде всего, повлиял в том отношении, что при построении новых форм наши законодательные органы, в особенности подготовлявшие работу, вместо того, чтобы построить новую систему на основе своего опыта за 5 лет, они в определенной части построили его на началах реставрирования старого. В этом ошибка. При дальнейшем разборе во второй части нашего курса, я подробно остановлюсь на этих дефектах действующего нашего положения и действующей нашей системы судопроизводственной и уголовной. Пока только я отмечу, что переход от 97 статей Положения о Народном Суде, охватывающих все судоустройство и производство, к 450 статьям Уголовно-Процессуального Кодекса, 226 статьям Уголовного Кодекса, 350 статьям Гражданского материального Кодекса и около 100 статьям Положения о Судоустройстве—это немножко множко. Все это создало чрезвычайную сложность нашей судебной работы и нашей ближайшей задачей будет ее упрощение. Какова же основная линия работы или вернее постепенность в работе 1922 года? Первым был выработан Уголовный Кодекс. Уголовный Кодекс в настоящее время терпит уже 3-ю переработку. Вы увидите, что изменения, которые мы вносим на ближайшую сессию в высокой степени существенные и почти целиком меняют один из разделов. Уголовный Кодекс не дал ничего в смысле измене-

ния общей части со времени «Руководящих начал», в общей части он основывается на принципе разделения преступлений на 2 категории,—те, за которые закон указывает санкцию не ниже, и те, за которые закон указывает не выше известного наказания. К первой категории относятся преступления наиболее опасные в социальном отношении. Насколько выдержана эта система? В общем и целом она безусловно принципиально выдержана. Насколько учтен опыт жизни при построении карательных санкций? Моя точка зрения, что он далеко не учтен. Потому-то мы так часто и меняем кодекс, что опыт жизни сильнее и что мы живем в эпоху, когда слишком быстро идет развитие жизни и нельзя полагать, что нормы могут быть устойчивыми на продолжительное время. Я укажу на ряд статей, как на пример этой неустойчивости. Возьмем 136 ст.: «нарушение проведения в жизнь государственной монополии... карается на срок не ниже 6 месяцев», это очень хорошо, это дает нам широкий простор. Но мы знаем, что в настоящее время нарушение монополии внешней торговли в известных случаях требует расстрела, нам нужны сейчас 2—3 смертных приговора за нарушение внешней торговли, а этого по закону нельзя. Возьмем другой пример: при дальнейшем падении нашего рубля, при дальнейшем развитии свободного обращения и спекуляции с иностранной валютой,—нужны ограничительные меры. Отсюда грозные циркуляры по этому поводу тов. Сокольникова и Дзержинского, а в то же время закон разрешает свободное обращение иностранной валюты,—эти два примера показывают только, как еще не урегулирована жизнь, чтобы можно было ее втиснуть в определенные рамки. Другой пример: 142 статья говорит: «умышленное убийство карается на срок не ниже восьми лет», а вот вам дело Комарова-Петрова, его судили по 184 статье, за разбой. А что такое разбой? Разбой, есть похищение имущества. Если бы его судили по 142 статье за убийство,—ему бы дали только 10 лет. Суд знает, что Комарова отпустить нельзя, нужно расстрелять, но если бы точно считаться с законом, если бы при этом не было статьи о разбое—его расстрелять было бы нельзя. А между тем, это вопрос принципиальный—вводить ли расстрел за простое убийство, пусть даже самое зверское, приемлем ли расстрел за неполитическое преступление? Вот вопрос, который показывает, что очень многое в Уголовном Кодексе вызывает сомнения.

Как строился Уголовно-Процессуальный Кодекс? Дефекты Процессуального Кодекса не только в том, что целый ряд статей излишен, но и в том, что он слишком обязателен по категоричности своих статей; он слишком детализирует судебную процедуру,—в этом его недостатки. Но постольку, поскольку он приводит в порядок судебную процедуру—он плюс, и необходимый нам.

Гражданский Процессуальный Кодекс, с которым вы познакомитесь в ближайшее время, представляет собой равным образом такую же сложную систему, хотя должен сказать, что он проще Уголовно-Процессуального Кодекса тем, что он охватывает только процесс, но не охватывает предварительного следствия, не охва-

тывает целого ряда мелочей о порядке производства действий отдельными членами суда, о порядке проверки доказательств и т. п., не охватывает техники проверки, протоколов и т. п.

С другой стороны, наш Гражданский Процессуальный Кодекс построен по принципу, переворачивающему вверх ногами принцип буржуазного гражданского процесса. Принцип буржуазного гражданского процесса исходил из того, что по суду вы—две стороны, спорящие между собой о гражданском праве, о конкретном праве: вы являетесь буржуазной индивидуальной личностью, всецело отвечающей за свои поступки и всецело распоряжающейся своим имуществом и на вас лежит поэтому обязанность доказать свои притязания, а на вашем должнике лежит обязанность опровергнуть эти доказательства; потрудитесь спорить,—я слушаю. Вот точка зрения буржуазного гражданского процесса. Если ты что-нибудь проворонил и не сумел доказать,—твое дело, суд не вмешивается, суд слушает. Вот форма гражданского процесса буржуазного права, принципиально логичная: ты собственник, отстаиваешь свое право и, поэтому, сам за него отвечаешь; суд не ищет доказательств. В результате, в старом гражданском процессе бывали случаи, когда судья подзывал защитника и говорил: да, скажите вы своему идиоту, подзащитному, чтобы он то-то и то-то сделал и сказал,—сам судья ему этого сказать не мог. Наш процесс построен на обратном принципе: суд ищет доказательств; суд ищет истины даже в гражданском процессе; суд не связан формальными доказательствами; суд имеет право поверять все доказательства, кроме тех, бесспорность и категоричность которых признана законом. Здесь мы уступаем буржуазному праву и считаем вексель доказательством, которое нельзя оспаривать свидетельскими показаниями. Вы видите, что в гражданском процессе по целому ряду вопросов мы стоим на совершенно иной точке зрения—и в этом наше завоевание.

Какие принципы положены в основу нашего Положения о Судоустройстве? В основу нашего Положения о Судоустройстве, прежде всего, положен принцип сугубой централизации суда, раз, и в то же время принцип единой судебной системы, два, не единого народного суда, как я говорил, а единой судебной системы. У нас разные суды: суд с двумя заседателями, Суд Губернский, Суд Верховный и пр. временные формы, перечисленные во 2-й статье Положения о Судоустройстве, по принципу построения этих судов единообразный. Я уже, кажется, говорил, что в ближайшую сессию вносится проект, вводящий народных заседателей в Верховный Суд, что уничтожает последнюю принципиальную разницу между Народными Судами и верхушкой суда.

Второй принцип, который положен в основу нашего Положения о Судоустройстве, это принцип единой кассационной инстанции, каковой является Верховный Суд, имеющий право надзора над кассационными отделениями Губернских Судов.

Третий принцип, который положен в основу нашей системы

судоустройства, это есть резко выраженный классовый принцип, без какого бы то ни было колебания в сторону каких-либо демократических выборов и т. д.

Четвертый принцип — это принцип централизации в управлении административной частью судебного аппарата; закон устанавливает порядок назначения и увольнения судей с гарантией определенной устойчивости и независимости их в области разрешения отдельных дел, но не в области направления судебной политики. Еще большая централизация в построении прокурорского надзора и, наконец, самый основной и последний принцип, который положен в основу нашей судебной системы, это принцип некоторой иерархии в ее построении, принцип построения на началах иерархических, началах подчиненности, чего раньше не было, ибо у нас не было высшего и низшего суда.

Я думаю, что эти начала безусловно начала здоровые. Они тоже отличаются некоторой сложностью и громоздкостью; об этом я говорил, когда докладывал в сессии ВЦИК'а о нашей судебной системе. Дальнейшая эволюция в нашей судебной системе должна пойти в сторону упрощения, в сторону упразднения излишних, громоздких, судебных деталей. Быть может, мы будем стремиться в дальнейшем к принципу построения единого Народного Суда. Но то, что завоевано сейчас, это точность, цельность и, главное, централизованность,—от этого мы никогда не откажемся. Суд—школа, суд—политическая трибуна, суд, предоставленный на произвол любого совета,—к этому, я думаю, мы никогда не вернемся.

Вот, товарищи, в общем и целом то, к чему мы пришли в результате пяти лет нашего судебного творчества.

Общее впечатление зигзагообразной линии развития нашей юстиции об'ясняется, с одной стороны, историей нашей революции, с другой стороны, недостаточно ясным и отчетливым выяснением себе принципиальных тезисов, которые должны были быть положены в основу юстиции, что отражается, по моему, и до сих пор. Но, во всяком случае, основное выпрямление от линии общедемократического суда к линии классового суда пройдено полностью и этот цикл закончен.

Позвольте теперь перейти к постатейному анализу.

Судебная реформа 1922 года.

Лекция 13-я.

Нам осталась третья часть нашего курса, описание и критика действующей судебной системы. Я говорил в первых своих беседах с вами о том, что в целом ряде отношений я лично считаю нашу действующую судебную систему в высокой степени несовершенной, а в известном отношении, как я тогда сказал, даже ни на что не годной. Практика истекшего года более всего убедила меня в этом и потому при рассмотрении нашей действующей судебной системы я буду подвергать критике те ее стороны, которые, с моей точки зрения, не удовлетворяли тому назначению, какое вообще имелось в виду при создании этой судебной системы. Это, конечно, не значит, что вся судебная система, как она действует сейчас, ни на что не годна. Ничего подобного. Громаднейшие плюсы она с собой принесла и никто другой, как судебные работники, которые работали в наших судебных учреждениях до реформы и работают сейчас, не могут лучше, чем кто-нибудь, это подтвердить. Но, тем не менее, недостатки есть и о недостатках мы и будем говорить. Но позвольте, однако, раньше говорить о достоинствах, о той последовательности, которая положена в основу этой судебной системы и проанализировать действующую судебную систему в том порядке, в каком она изложена непосредственно в законе, при чем я беру закон последний, т. е. действующую судебную систему со всеми дополнениями, которые внесены в нее последней сессией ВЦИК'а. Конечно, сюда не войдут те дополнения, которые подлежат еще внесению в нее на предстоящей сессии ВЦИК'а, хотя, конечно, о них также придется сказать. Эти дополнения будут касаться организации Верховного Союзного Суда, который пока что написан в конституции, но которого в природе пока еще нет и который должен быть учрежден, как последний венчающий здание судебной системы институт. Этот институт логически вытекает из принципа Союза Советских Республик. И потому одна из практических задач времени заключается в том, чтобы согласовать это вновь возникающее учреждение с теми началами, которые положены в основу действий нашей судебной системы. Здесь еще раз отразилась та же черта в истории наших судебных учреждений, которую мы наблюдали уже много раз,—это зигзагообразный путь развития нашей судебной

работы и судебной истории, это вмешательство до известной степени чуждых сил, которые вдруг, как «deus ex machina», преподносят вам факт, с которым не знаешь, что делать. Так и здесь, в этом анализе принципов, положенных в основу Верховного Союзного Суда, мы часто будем спрашивать себя, как согласовать это со всем тем, что было сделано раньше. Но в общем и целом, конечно, эта несогласованность будет носить характер сравнительно неважный, мелкий, и коренных расхождений с принципами мы не найдем, так как если бы мы их нашли, то пришлось бы закрывать лавочку и сказать, что вся наша работа, не работа, а чехарда.

Позвольте поэтому начать с основ действующей судебной системы и критики ее в порядке постепенности так, как она изложена в Положении о Судоустройстве в первой статье. Эта первая статья Положения о Судоустройстве гласит так: «В целях ограждения завоеваний пролетарской революции, обеспечения интересов государства, прав трудящихся и их об'единений, на территории РСФСР действует следующая единая система судебных учреждений». Что нового и что старого заключается в этой первой статье? Нового, если мы сравним с Положением о Народном Суде, мы увидим следующее. В первом Положении о Народном Суде говорилось, что на территории Республики действует следующая система единого Народного Суда. Здесь говорится, что действует единая система судебных учреждений, не единый суд в своей единой форме, рассматривающий дела всех категорий, а единая согласованная *система судов различных устройств*. Вот принципиальная и коренная разница. Если мы вернемся еще дальше назад к нашей первой беседе, когда мы рассматривали 11-й пункт программы партии, в котором говорится, что создан единый народный суд, упразднена множественность различных судов различного устройства и упразднены инстанции для различного рассмотрения дел, чем упразднена волокита, то мы увидим в первой нашей статье, как бы отказ от принципиальных тезисов нашей партийной программы, ибо это есть создание судов различных устройств, ибо это есть восстановление системы инстанций, ибо это есть усложнение, а не упрощение судов. И невольно поэтому возникает вопрос, что это означает в истории наших судебных реформ за истекшие 5½ лет? Мы стремились доказать до сих пор, что для нас нет абсолютной формы суда. Если вы вернетесь к нашей первой беседе, то вы вспомните, как я доказывал, что нет принципиальной разницы между расправой и судом. Нет принципиальной разницы между различными формами суда, а есть только количественная, т. е., другими словами, этим самым мы констатируем следующий факт: пролетарская республика на пятом году своего существования сказала: *для различного рода преступлений мы принципиально признаем действие различных судебных учреждений во имя единой общей цели, но требуем, чтобы эта цель была едина и требуем, чтобы эти учреждения были согласованы между собой.* Ответ на эти требования и дает первая статья, которая говорит: «В целях ограждения завоеваний пролетарской революции...»—эта ста-

рая фраза, это есть ничто иное, как повторение пункта 8 декрета № 1 о суде от 24 ноября 1917 г., где, как вы помните, статья 8-ая говорит: «В целях ограждения завоеваний пролетарской революции...» И о том же говорило, как мы знаем, первое Положение о Революционных Трибуналов 1919 года: «В целях ограждения интересов пролетарской диктатуры...» Такова первая цель наших судов. Для этого действует система судебных учреждений или, иными словами, для этого действуют в этой системе ее отдельные звенья и отдельные формы, в частности, *губернский суд, военный трибунал и другие формы исключительно суровой расправы государства над классовым противником рабочих и крестьян.* Дальше: «В целях обеспечения интересов государства». Но мы знаем, что, например, гражданскому отделению Губернского Суда по действующей системе подсудны все те иски, в которых в качестве ответчика или истца выступают госорганы. Это опять таки показывает, что в согласованной системе определенные звенья осуществляют вторую часть вводной формулы. И, наконец: «в целях обеспечения прав трудящихся и их об'единений». Это охватывает всю совокупность дел, подсудимых Народным Судам, всю совокупность дел, подсудных Губернским Судам, минус те дела, которые затрагивают интересы государства.

Итак, в этой статье изложены, как все цели, так и формы судов в нашей системе и здесь же содержится в нераскрытой формуле признание наличности целесообразности и необходимости различного рода судов для различных категорий уголовных и гражданских дел.

Статья говорит дальше: «действует следующая единая система...» В этом слове «единая» и заключается разница от предыдущего положения о едином Народном Суде. Программа РКП, которая писалась в 1919 г., оказалась недостаточно полной по сравнению со всеми потребностями жизни и, поэтому, практически мы от нее теперь отступаем. «Действует Народный Суд в составе постоянного народного судьи и 2-х заседателей, Губернский Суд, Верховный Суд РСФСР и его Коллегии». Итак, первая же статья оправдывает свое слово «единая» в том отношении, что дуализм, о котором мы говорили в течение прошлой 2-й части нашего курса, дуализм трибунальной юстиции и дуализм общей юстиции упразднен. В этом величайшее завоевание и величайшая заслуга проведенной реформы. Нет больше двух систем юстиции, есть одна система и в эту одну систему вложено единство. Вот в чем выражается единая система: Народный Суд, в составе одного постоянного судьи и 2-х заседателей, Губернский Суд по той же формуле и Верховный Суд, опять-таки построенный по той же формуле.

Рядом с этой 1-й статьей является в высокой степени характерной 2-я статья, еще более характерной, чем первая статья. Если первая представляет собой положительную программу,—вторая статья заключает в себе отступление от программы. Она говорит: «Для рассмотрения дел специальных категорий, в виду особой сложности этих дел, необходимости специальных знаний и навыков для их рассмотрения, и по соображениям особой опасности отдельных деяний

для военной мощи, для хозяйственного преуспеяния страны, наряду с единой системой народных судов временно действуют следующие специальные суды...» Значит, единая система—единой системой, но рядом с нею существуют «временно», как говорит закон, еще специальные суды. Значит, всю совокупность жизненных явлений не удалось уложить в единую систему и, поэтому, и здесь пришлось сделать ряд отступлений. Да, не удалось! Но это не наша вина, а наша беда. Они оставлены нами против нашей воли. Какие же отступления? «По делам и преступлениям, угрожающим крепости и мощи армии—Военные Трибуналы...» Что это значит? Эти Военные Трибуналы, они оторваны от общей системы? *Нет,*—в этом завоевание, плюс,—*они не оторваны, они включены в общую систему, но они принципиально различны по методу своего построения.* Вот почему они являются специальными судами... «По делам особенно важным, угрожающим транспорту,—Военно-Транспортные Трибуналы...» Это—пережиток прошлого, с моей точки зрения, не выдерживающий никакой критики и подлежащий безусловному упразднению. И остатки этих трибуналов, которых на территории РСФСР и всего союза имеется сейчас всего 8, доживают сейчас последние дни и в ближайшем будущем будут, вероятно, упразднены; им нечего делать больше; по мере роста и укрепления Губернских Судов для Военных и Военно-Транспортных Трибуналов места нет. Если они остались, то, как выражение инерции и косности нашего законодательства, силы определенных традиций, как существуют еще в порядке традиций по известным делам органы внесудебной расправы—чрезвычайные комиссии. Я не говорю и не скажу, что эти органы внесудебной расправы канули в Лету совершенно; ни на одну секунду я подобной глупости не скажу. Будет время, возникнут вновь. Вопрос в том, что при данной политической ситуации, при данной об'ективной ситуации нам не нужна эта форма охраны государства. Поэтому мы можем совершенно спокойно сказать по поводу военно-транспортных судов, *что их время прошло* и больше не вернется, ибо нет никаких принципиальных соображений, которые заставляли бы отстаивать их специальное существование: ни территориальная подсудность, ни материальная подсудность, ни организационная структура,—ничто не заставляет сохранять их дальше. Они будут упразднены. Самое же главное—соображения финансовые категорически требуют их абсолютного упразднения. Дальше. По делам, связанным с нарушением Кодекса Законов о Труде, действует особая трудовая сессия Народных Судов. Я позволю себе подробно остановиться на рассмотрении целесообразности осуществления этих учреждений. Мы знаем, что они возникли очень недавно, следовательно, это не восстановление или оживление старых форм, а возникновение новых форм учреждений. Что такое эти трудовые сессии, как они возникли? Мы знаем, что благодаря неурегулированности нашего законодательства, благодаря общему неустройству нашей жизни и непрочности нашей судебной системы, всякий раз, когда жизнь тем или другим из своих острых углов кого-нибудь очень сильно

ущемит, то этот ущемленный обычно начинает вопить. Так и было в данном случае. Суд не справился с массой дел, возникших в области применения Кодекса Законов о Труде и в области гражданских правоотношений и в области уголовной и вот в недрах ВЦСПС и Наркомтруда возникла мысль о создании параллельных *своих судебных учреждений.* Эта мысль возникла и нашла себе выражение в определенном проекте, внесенном в президиум ВЦИК'а, вокруг которого поднялась чрезвычайная борьба. Аргументы, которые при этом выдвигались, были, конечно, самого обычного характера, — требуется специальный подход для того, чтобы разрешать вопросы договоров рабочих коллективов или нарушения законов о труде. Рабочие, заседающие в Народных и Губернских Судах не хорошо, мол, понимают кодекс законов о труде, а вот рабочие, заседающие в ВЦСПС или в губпрофсоюзах, те лучше понимают. Это первый аргумент сторонников новой ведомственности, а другой аргумент тот, что право надзора по таким делам должно быть предоставлено *ВЦСПС* и *Наркомтруду,* а не НКЮ. Конечно, нельзя отказать в некоторой правильности этого аргумента, не первого, а второго. В вопросах, касающихся рабочих договоров, требуется определенная специализация, определенные навыки,—совершенно верно, но чтобы из этого вытекала необходимость особых своих судов это абсолютно не доказано. Мы понимали это, когда дело шло о буржуазном обществе, когда мы стремились, чтобы все вопросы и конфликты между трудом и капиталом разрешались особыми судами, в которых были бы представлены профессиональные союзы, мы боремся против того, чтобы сажали в качестве супер-арбитров в эти суды чиновников, потому что мы знаем, что государственный чиновник в буржуазном государстве есть, прежде всего, приказчик буржуазии; поэтому мы всегда против той лжи, которая проповедует, что в этих примирительных камерах будет беспристрастное отношение к интересам рабочих; мы говорим, что мы против ваших примирительных камер; мы требуем, чтобы в этих судах сидели только одни рабочие, на что, конечно, не согласна буржуазия. Но когда такие аргументы выдвигаются в советском государстве, когда в рабочем государстве требуют от имени рабочих особого особого *рабочего* ВЦСПСовского суда, то делается только смешно или грустно. Мне пришлось, как раз, участвовать в комиссии, где разбирался вопрос: учинять такой особый суд или не учинять. Были в этой комиссии представители Наркомтруда и ВЦСПС; в результате получился компромисс. Определенная необходимость некоторой специализации всецело удовлетворена учинением трудовых сессий в Народных Судах. Но поскольку здесь создан орган специального состава, поскольку здесь не народные заседатели, а выдвигаемые губпрофсоветами постоянные члены,—от Наркомтруда и от губпрофсовета, поскольку здесь *отступление от системы,* с моей точки зрения, вовсе не необходимое, удар единой системе нанесен. В своем проекте первоначально ВЦСПС шел дальше, —он хотел, чтобы и во второй инстанции и в Верховном Суде у него были «свои» люди. Единая система стала растаскиваться заживо раньше, чем она возникла.

Дальше идет пункт «г»—«по делам земельным действует земельная комиссия». Интересный факт: «одновременно на одной и той же сессии ВЦИК'а принято два кодекса—Положение о Судоустройстве и Земельный Кодекс. В Положении о Судоустройстве говорится: надзор принадлежит НКЮ, а в положении о земельном кодексе говорится: земельные споры подлежат разрешению земельной комиссии *и никакие иные учреждения не имеют право в это дело вмешиваться.* Это принято на одной и той же сессии, одними и теми же людьми и чуть ли не в один и тот же день. Об'ясняется это тем, что Земельный Кодекс, как и все у нас, конечно, проходил целый ряд комиссий и учреждений и нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы все охватить сразу, всё и все согласовать. Поэтому отдельная несогласованность не в счет. Но в чем же все-таки суть? Земельная комиссия это комиссия, которая имеет функции административные и судебные. Эта комиссия разрешает земельные споры в первой инстанции. во второй инстанции—в уезде, в 3-й инстанции—в губернии, в Высшей Земельной Коллегии—в 4-й инстанции. Это совершенно своеобразно построенная коллегия, в которую, как и сказано было законом, «не моги вмешиваться». Мы на это не пошли, а теперь и статья 134-я говорит: «Образуемые для разрешения споров о земле, Земельные комиссии действуют согласно опубликованному положению и в *порядке надзора подчиняются Наркомюсту и его органам и Прокурору Республики».*

Таким образом, ст. 134-я, как бы, и их также вводила в эту единую систему, Но, когда на практике встал вопрос, в какой же форме это подчинение должно быть, в какой степени осуществляется этот надзор,—должен сказать, что переговоры по этому вопросу привели к тому, что приблизительно лишь с момента окончания землеустройства, когда землеустройство по закону сделается фактом в каждой данной области,—предполагается, что вопросы земельного характера, споры земельного характера будут из'яты из ведения земельных комиссий и переданы в ведение Народных Судов. Это тоже—компромисс, на который также пришлось пойти. Когда он будет осуществлен, сказать трудно, но не целесообразно. по моему, сейчас настаивать на передаче, пока Народные Суды сами не стали на ноги. Земельные вопросы такие сложные вопросы, такая масса здесь особенностей бытовых и др., так важен и нужен здесь надзор, так важна и нужна близость к населению в этом вопросе,—что. конечно, наша судебная система с нашими нищими, пока что, народными судами с этим делом не справится. Пока нужно считаться с этим, как с фактом, и молчать.

Иначе совершенно обстоит вопрос с пунктом «д»: «по делам и спорам об имущественных правах между госорганами—работают местные и высшая арбитражные комиссии». Это новые учреждения, которые сразу получили чрезвычайно большое развитие, крайнюю крепость, мощность и которых, я бы сказал, ожидает богатое будущее. Что такое эти арбитражные комиссии? Товарищам-практикам нужно отдать себе совершенно ясный отчет в этом во-

просе. Арбитражные комиссии рассматривают имущественные споры между госорганами. Что это значит? Вот, например, последнее дело, над которым нам пришлось ломать голову,—это спор между Хлебопродуктом и Госсельскладом по вопросу об уплате некоторой суммы денег по взаимным обязательствам,—что это такое? Спор по обязательствам это есть гражданское дело—спор об имущественном праве между двумя государственными учреждениями. Но судебный спор это или не судебный спор? Здесь может быть двоякого рода постановка вопроса. Первая постановка вопроса: я, государственный орган, действующий на хозрасчете; действуя на хозрасчете, я являюсь юридическим лицом и, как юридическое лицо, я имею право обязываться по договору и получать по договору, обязываться по векселю и получать по векселю. Представьте себе, что мне не платят; я иду в гражданское отделение Губернского Суда и говорю: такой-то мне не платит, вот вексель. А мне на это отвечают: суду ваше дело не подсудно, оно подсудно арбитражной комиссии. Что это значит de facto? De facto это значит, что из совокупности гражданских дел изымаются все дела, в которых всегда и по преимуществу, главным образом и даже исключающим образом, заинтересовано государство. Другими словами, из *ведения судебных учреждений изымается то, для чего существуют судебные учреждения*. Ибо сказать так, что наши суды существуют затем, чтобы судить друг с другом нэпманов или, чтобы разбирать иски нэпманов к государству и государства к нэпманам,—я, конечно, понимаю, что мы никому не можем отказать в охране его прав, которые ему гарантированы законом, но слишком большая роскошь давать наших лучших товарищей и работников исключительно для такого пустяшного дела. Вот почему спор об арбитражных комиссиях сразу же принял необычайную остроту и с первых же шагов их деятельности вопрос об их существе и взаимоотношениях с общими судами встал во весь рост в наших законодательных учреждениях, в частности в СТО. Должен сказать, что НКЮ проиграл начисто это дело, поскольку аргументировкой против было выставлено следующее: Совет Труда и Обороны для того, чтобы избавить себя, как высший хозяйственный орган страны, от разбора различных споров имущественного характера между подчиненными ему и руководимыми им хозяйственными органами страны, создал при себе и для себя подсобные арбитражные комиссии, которым и передал всю совокупность этих мелких дел, чтобы разгрузить себя в своей повседневной работе. Вместо того, чтобы СТО сам рассуждал о том, сколько должен Госсельсклад Моссукну или сколько ГУТ должен НКПС, — он при себе создал этот орган. Вот что отвечало СТО. А, посему, к суду это никакого отношения не имеет. *Это вовсе не суд, а правительственный арбитраж, это есть технически-административный орган.* Ибо и в ГУТ'е и в НКПС лежит государственный капитал, которым распоряжается не ГУТ и не НКПС, а распоряжается СТО, распоряжается государство, и, поэтому, СТО может сказать: может быть, тебе, ГУТ, и полагается

столько-то с НКПС, но, если мы это возьмем с него, то он затрещит и дороги ходить не будут, а поэтому ты ничего не получишь. Целесообразность заставляет СТО закрыть глаза на всякие юридические аргументы НКЮ и сказать: а, все-таки, арбитражные комиссии это наши комиссии и вы сюда, други любезные, не суйтесь. Так кончился спор, когда он был поставлен в высших законодательных органах. И вот нам с вами надо разобраться и сказать: кто же прав в этом споре: НКЮ или СТО?

Я, конечно, скажу, что правы и те и другие, или, вернее, не правы ни те и не другие и вопрос совершенно не так стоит. Нельзя ставить вопрос абстрактно, это старая марксистская истина и тот из нас, кто поставил бы вопрос абстрактно, тот и был бы не прав. Если бы Наркомюст стал на ту точку зрения, что ГУТ есть юридическое лицо, а НКПС или кто-нибудь другой есть только об'екты гражданского права, и потому ГУТ должен получить по обязательству и, как Шейлок, может сказать: отдай мне то, что мне полагается, а там хоть трава не расти, то, конечно, такой Наркомюст нужно было бы прогнать по шеям, так как это значило бы, что он оброс юридической плесенью и больше уже ничего не чует. Но, конечно, никогда такой глупости Наркомюст не говорил. Он говорил, что, принимая во внимание целый ряд особенностей в отношениях государственных учреждений, надлежит в Гражданском Процессуальном Кодексе написать *главу об особенностях в производстве дел об исках государственных органов друг к другу*, арбитражную комиссию *включить, как отделение Губернского Суда,* а Высшую Арбитражную Комиссию включить в состав отделений Верховного Суда и т. д., ибо все равно мы не можем отказать ни ГУТ'у, ни всяким другим учреждениям в том, что они все-таки юридические лица и что, если они заключают договоры для своих хозяйственных расчетов, они должны иметь гарантии, что по договору они получат кое-что. Это первое. Или же—говорили мы, тогда точно укажите, какие дела вы относите к категории административных дел, с которыми идут в Совет Труда и Обороны, и в арбитражную комиссию, или в Реввоенсовет, и с какими делами нужно итти в суд. Если это вопросы административно-хозяйственные, требующие толкования уставов тех или других хозяйственных органов, или толкования того или другого административного постановления СТО, то эти дела к суду никакого отношения не имеют, для таких дел можно делать какую угодно комиссию. Но поскольку существуют нормы, поскольку можно установить из'ятие из наших общих норм, *нельзя делать так, чтобы вопрос об обязательности платить или нет решался в СТО* или, чтобы жаловаться на решения ВАК можно было бы в СТО, а не в суд. В положении об Арбитражной Комиссии имеется место, где говорится: местные арбитражные комиссии принимают все дела к своему производству до 500 р., губернские областные арбитражные комиссии принимают дела свыше 500 р., а Высшая Арбитражная Комиссия принимает в свое рассмотрение любое дело. На Высшую Арбитражную Комиссию можно жаловаться в СТО, *СТО может пере-*

решить любое дело. Порядок рассмотрения дел списан слово в слово с нашего процессуального кодекса: те же повестки, вызовы, выезды, встречные иски и т. д., все, что хотите. Мы имеем, таким образом, копию суда и больше ничего, но извращенную копию. Поскольку Высшая Арбитражная Комиссия решала дела на основании Гражданского Кодекса, постольку моментально у нее возникала потребность толкования закона, специального раз'яснения действующих законов и получилась каша в 9-й степени. Когда нам пришлось поднять борьбу по этому вопросу, то вся аргументация, которую нам приводили наши противники, заключалась в том, что они отмахивались руками и говорили: ваш суд известно, что такое. Но что было им известно, нам так и осталось неизвестным... Здесь сказывается та же тенденция, которая была в свое время в военном ведомстве, когда оно строило *свои* военные и транспортные суды, когда оно строило военные трибуналы. Гражданские взаимоотношения при нэпе занимают крупнейшее место в ряду отдельных явлений и соотношений отдельных лиц между собой. Хозорганы, как тесно связанные с ними, стремятся создать свой суд при общем суде. В чем разница между Высшей Арбитражной Комиссией и Губернским Судом? В Арбитражной Комиссии заседают хозяйственники, которые разрешают дела по своему обычному праву. Эта тенденция и полезна, и вредна. Конечно, хорошо было бы хозяйственников посадить в суд, к этому мы и ведем, и, вероятно, следующая реформа будет заключаться в том, что в Губернских Судах по гражданским делам будут заседатели из числа хозяйственников, как это сделано для Верховного Суда, где заседает 50% из числа хозяйственников. Но опасность этой тенденции не в том, что они создают свое право, а в том, что *это их право далеко не наше право,* потому что не руководители хозяйственных органов, как таковые, непосредственно работают там, а вся та масса отброшенных революцией буржуазных юристов, засевших в хозяйственных органах, которые реставрируют там свое старое право. Последний закон о порядке надзора за Арбитражной Комиссией принят СТО, но еще не принят ВЦИК'ом. Там сказано следующее: «Прокурору Республики принадлежит право обжаловать в СТО решение Высшей Арбитражной Комиссии», а дальше говорится: «а СТО может оставить этот протест без движения».

... Получается картина, при которой Арбитражная Комиссия переворачивает законы вверх ногами. Прокурор жалуется в СТО, а СТО, высший законодательный орган страны, может оставить этот протест без движения? Полная нескладица. Во всяком случае, отсюда вытекает только один вывод: что *арбитражные комиссии, в настоящем их виде, представляют собой далеко не оформившийся институт, но, чтобы там ни говорили, для меня ясно—судебный институт.* По существу об'екта своего судоговорения, по методам своего судоговорения, по результатам своего судоговорения,—это есть судебное учреждение. Значит,весь вопрос заключается в том, чтобы поднятую борьбу за единство судебной системы довести до кон-

ца и, как я писал в одном из №№ «Еженедельника Сов. Юст.», я ни на одну секунду не теряю уверенности, что не сегодня-завтра, не завтра—послезавтра победим и добьемся своего. На этой утешающей нас надежде я позволю себе прекратить нашу дискуссию по поводу 2-й статьи и перейти к ст. 3-й.

Следующая, 3-я статья уже переходит к некоторым деталям. От основных принципов, от основных воззрений на задачу суда и указаний на то, как суды строятся в ст. ст. 1-й и 2-й, мы переходим к ст. 3-й, где говорится о двух новых принципах, которые едва ли найдешь в старом положении. Статья гласит: «Народный судья, действующий единолично или совместно с нар. заседателями, осуществляет свою деятельность в пределах того района, который ему указан и в этих пределах он ответствен в своих действиях исключительно перед судом или в нижеопределенном порядке перед выше стоящими судебными учреждениями РСФСР». Припомните историю наших судебных учреждений, о которых мы говорили с самого начала. В этих первых беседах мы указывали, что в эту первую пору деятельности наших судебных учреждений судья был не только не независимым, а непосредственно зависел от Районного Совета, от местного Совета, от Губисполкома и т. д. В дальнейшем, немного раньше в области трибуналов, немного позже в области юстиции, начала пробиваться тенденция к установлению независимости судей. Старый буржуазный фетиш судьи, независимого от государственной власти, как будто бы, снова возник, как Феникс из пепла. Это, конечно, вздор. Никакой независимости судьи от государственной власти мы не проповедуем, но независимость судьи в его решениях, в пределах законов, которыми он обязан руководствоваться, от внесудебного влияния, от внесудебного давления мы проводим и не видим ничего в этом скверного. Если бы мы представили себе такую картину, что суд наших рабочих и крестьян оправдал бы убийцу Либкнехта,—чтобы мы сделали с таким судом? Да, будь ты десять раз независимым, мы тебя разгоним, потому что нам не надо такого суда, который оправдывает убийц наших вождей. Все это прекрасно, может быть подсудимый расскажет, как он дошел до такого преступления, суд размякнет и скажет: иди и больше не греши,—тем более, что в современной обстановке нам такие люди не страшны. А, все-таки, мы такой приговор отменим, судей разгоним, а убийцу расстреляем. Ибо мы никогда не понимали независимость судей в такой абсолютной форме, но в определенных пределах мы этой независимости требуем. Об этом говорится в этой статье, и не будем греха таить, это пожелание в громадной степени осталось еще только пожеланием; в действительности внесудебными влияними в нашем судебном деле еще хоть пруд пруди. Это есть, но что мы этого не хотим и что этого не должно быть,—это факт, это предписано законом, и мы добьемся этого.

Статья 4-я говорит о территориальной подсудности Губернского Суда. Новое в этой 4-й ст., во 2-й ее части, где говорится: «Губернский Суд распространяет свою деятельность на территории губер-

нии и имеет надзор за всеми действующими на территории губернии судами, кроме выездной сессии Верховного Суда, Военного и Военно-Транспортного Трибунала . . . .»,—это то, чего не хватало и чего не было совершенно в Положении о Народном Суде—права административного судебного надзора у второй инстанции над первой, ибо никакого права надзора, кроме кассационно-процессуального, Совнарсуд не имел. Теперь все это сосредоточено в административном кулаке, который представляет из себя Губернский Суд. В этом—громадное завоевание, которое дано реформой,—в создании крепкого судебного административного губернского центра; в этом сущность и ядро реформы.

5-я статья говорит о Верховном Суде. По закону Верховному Суду принадлежит право судебного контроля, но не надзора. Ибо контроль по делу, это не надзор вообще. Надзор же—дело НКЮ.

Статья 6-я фиксирует в законе учинение такого нового органа, который создан параллельно с судом и который окончательно заменял собой прежний Губюст: «для надзора за общим соблюдением закона, непосредственного надзора за предварительным следствием и поддержания обвинения на суде действует государственная прокуратура. С внешней стороны это тоже, если хотите, возвращение вспять. Статья только систематизирует уже разобранный нами выше институт. Статья 7-я строит органы следственного производства для предварительного расследования преступных действий в пределах вверенных им участков и при отдельных судебных учреждениях следователи действуют под наблюдением Губернского Суда и прокуратуры. Тут самый трудный вопрос. Где разграничительная линия, в каких пределах наблюдают Губсуды, в каких пределах прокуратура. В настоящий момент вопрос о пределах надзора Губпрокуратуры и Губсуда за народными следователями поставлен во всей его остроте. Вопрос этот разбирался на первом районном совещании прокуратуры, имевшем место 1-го июня здесь в Москве и затем повторенном в Ростове-на-Дону, в Самаре и Иркутске, где сразу выяснились две точки зрения. По первой точке зрения утверждается—следователь есть подчиненный орган прокурорского надзора, следователь собирает факты под надзором прокуратуры. Прокурор утверждает обвинительное заключение, он может изменить меры пресечения, он дает указания следователю, которые для последнего обязательны. Таким образом, следователь есть агент прокуратуры, поэтому его надлежит целиком и полностью передать в прокуратуру, переименовав в помощники прокурора или агента прокуратуры,—как угодно. Другая точка зрения заключается в том, что следователь есть судья в стадии до суда. Следователь, поэтому, должен быть независимым так же, как и судья, чтобы на него никто не мог давить. Следователь обязан собирать все факты и за и против обвиняемого и сказать: привлекаю или не привлекаю. Поставьте следователя в условия, в какие вы ставите судью, и вы получите то, что до известной степени имеет место в Англии, где судья проводит предварительное следствие и перед ним уже имеются обе стороны, которые при анализе

и сборе фактов помогают собирать—одна сторона факты за, другая против. Каждая из этих двух точек зрения имеет в свою защиту довольно много аргументов и им нельзя отказать ни в стройности, ни в логичности, ни в последовательности. Я бы сказал, что в этих точках зрения отразились те две тенденции, которые выявляются все время в истории нашей судебной организации: точка зрения охраны интересов личности и охраны интересов государства. Мы ни одну минуту не ошибемся, если скажем, что *первая точка зрения стоит у нас на втором плане.* Рассматривать следователя в качестве супер-арбитра, посланника слепой Фемиды не приходится и потому вторая точка зрения о следователе-судье ни в нашей действительности, ни вообще в действительности критики не выдерживает. Мы помним, что по старому уставу 64-го года следователь был несменяем, как и судья. Но царская юстиция обошла этот момент тем, что стала назначать не следователей, а временно исполняющих их обязанности. Только временно исполняющие обязанности следователя получали места, а следователей не назначали вовсе. А между тем ясно, что следственный аппарат это все и если он будет работать не в надлежащем направлении, то ни о какой судебной политике говорить нельзя. И если надо суд строить так, чтобы суд был орудием охраны интересов господствующего класса, а не кораблем без руля и без ветрил, то также нужно строить и следственный аппарат. Поэтому, конечно, при рассмотрении этой проблемы, мы с точки зрения нашего понимания скажем, что следователь есть и должен быть ничем иным, как органом прокуратуры. В последней редакции Уголовно-Процессуального Кодекса мы найдем резко выраженной эту тенденцию. В книжке проф. Полянского, посвященной сравнению двух редакций кодекса, эта тенденция отмечена, и в этой книжке он, к своему сожалению, констатирует, что прокуратура получила небывалое усиление по отношению к органам следственной власти. Так разрешается принципиальная проблема об организации следственной власти и ее взаимоотношениях с прокуратурой. От независимых коллегиальных следственных комиссий, публично решающих вопрос о предании суду, перед которым выступает прокурор, как сторона—до единоличного следователя—послушного агента прокурора—вот путь, пройденный нашим законодательством в этом вопросе и по нашему *правильный* путь.

8-я статья говорит об адвокатуре, которая также приспособлена здесь к нашей судоустройственной системе. «В целях обеспечения помощи трудящимся и предоставления защиты в Народных Судах при Губернских Судах, под наблюдением последних (но не под наблюдением прокуратуры), действуют Коллегии Защитников»... Должен указать, что и здесь наша практика несколько расходится с этим законом. Закон построен вполне правильно: «под наблюдением Губернских Судов действуют коллегии защитников»... Но, когда мы посмотрим соответствующую главу о коллегии защитников (гл. 6-я, ст. 139 и т. д.), мы увидим, что там Губ. Суд делит свое право наблюдения с Президиумом Исполкома и, как в отношении следова-

телей вопрос стоит о пределах грани, также и здесь стоит вопрос: где предел влияния. И интересная получается картина: если бы до революции мы перед старой адвокатурой, перед старым советом присяжных поверенных поставили вопрос: «Милостивые государи, как вы хотите, чтобы кто за вами наблюдал: суд (судебная плата или окружной суд) или губернские и земские собрания или губернская управа или губернатор?»,—то они, конечно, сказали бы: «Ради бога, избавьте нас и от губернских и земских собраний, и от губернской управы, и от губернатора, тем паче. Уж лучше суд; какой бы он там ни был, такой, сякой, немазанный, а, все-таки, нам с ним легче». А, если вы спросите у наших адвокатов, то они скажут наоборот: «Мы хотим иметь дело с Исполкомом». По этому поводу недавно был конфликт между Московским Губсудом и Московским Исполкомом, конфликт этот перешел на Сессию ВЦИК'а и впоследствии я укажу, как он был разрешен. Но пока отметим, что право Губернских Судов воздействовать на коллегии защитников, путем исключения из коллегии, встретило живейшую оппозицию в среде коллегий защитников и в некоторых Губисполкомах. При дальнейшем анализе мы перейдем к более детальному рассмотрению этого вопроса. Этот вопрос жизнью поставлен и окончательного разрешения еще не нашел.

9-я статья говорит об еще одном учреждении, которое возникло и действует при Губернских Судах,—судебных исполнителях и нотариате.

Ст. 10 говорит, что «пределы компетенции и ответственности этих учреждений определяются статьями настоящего Положения».

Вот вам 9 основных статей нашего Положения о Судоустройстве. Они указывают в ст. 1-й, во-первых, цели, во-вторых, основные ячейки системы; во второй статье указаны исключения, вынужденные волею независимых от нас обстоятельств. В 3—8-й ст. определены пределы компетенции и ответственности народных судей, Губернских Судов, Верховного Суда и затем перечисление действующих при судах и связанных с ними учреждений: прокуратуры, адвокатуры, нотариата, судебных исполнителей и народных следователей. Последняя 10 статья говорит, что за ответом на все спорные вопросы надлежит обращаться к статьям настоящего кодекса.

Позвольте перейти к подробному анализу отдельных разделов положения.

Действующая система 1922 г.

Народный суд.

Лекция 14-я.

Глава об основных положениях, которую мы рассматривали в прошлый раз, в своей первой статье заключала вводную часть, определявшую цель судебной системы и ее основные задания. С другой стороны, она определяла основные звенья судебной системы, а именно: народный судья единоличный, народный судья и два народных заседателя, Губернский Суд и Верховный Суд. Для того, чтобы окончательно уже больше не возвращаться к вопросам принципиального характера, позвольте еще немного остановиться на этой первой статье и окончательно формулировать принципиальное содержание нашей судебной системы, как оно в этой статье выражено. Здесь мы имеем 4 вида судов: единоличный судья, судья единоличный и два заседателя, Губернский Суд и Верховный Суд. Я уже указывал, что, в отличие от положения об едином Народном Суде, тут имеется единая судебная система и 4 категории суда. В полном соответствии с основной точкой зрения на суд, как на орган охраны государственного порядка, Советская власть этим совершенно последовательно говорит: ина слава луне, ина слава звездам,—для одних преступлений Народный Суд в составе двух заседателей, для других Губернский Суд, а для 3-х—Верховный Суд, для одних преступлений одна форма суда, для других преступлений,—другая форма, этого требуют существо преступлений, интересы государства и задачи суда. Пока существует классовое общество, пока существует государство, мы устанавливаем нормальный общий суд, народный суд, относя к категории дел, ему подсудных, все преступления, которые не заключают в себе элементов сознательного покушения на основы нового социального порядка в его целом. И, наоборот, против преступлений, более опасных, мы защищаемся более совершенной, с нашей точки зрения, формой защиты классовых интересов рабочих и крестьян, более отточенными формами суда, более обеспечивающими интересы государства,—Губсудом. И, наконец, для категории дел особой важности, мы учреждаем особое орудие—Верховный Суд. С точки зре-

ния принципов, которые мы все время развиваем, это совершенно последовательно и, наоборот, совершенно непоследовательна, с точки зрения этих принципов, точка зрения единого равного для всех Народного Суда. Ибо эта вторая точка зрения одной своей стороной примыкает к той типичной буржуазной точке зрения, которая ставит в первую голову защиту интересов индивидуальности, а не защиту интересов класса. Буржуазная наука отстаивала единый суд, равный для всех при всех категориях преступлений потому, что в эпоху борьбы буржуазии за завоевание своих прав против абсолютной монархии ей было важно обеспечить себе свои права путем большей совокупности гарантий, чем те, которые ей предоставлял старый режим. Вот почему и мы в свое время при царизме требовали для политических преступлений суда присяжных, чтобы вопрос о виновности решал суд присяжных, а не назначенные царские чиновники. Это была только форма классовой борьбы. Теория, что суд должен быть единым для всех категорий преступлений, при всякой обстановке— не наша теория.

. . . Вздорность этой теории ясна. На каком таком основании рабочий класс, стоящий у власти, учинит такую глупость, что черносотенного террориста шпиона будет судить в суде, облеченном теми же полномочиями и по тем же процессуальным нормам, что и суд, который судит самого обыденного воришку. Вот почему мы эту систему единого суда, равного для всех, отвергли, взамен чего наше Положение о Судоустройстве совершенно ясно и точно говорит: существует следующая система судебных учреждений: Народный Суд, Губернский Суд, Верховный Суд, военный суд, может быть, ЧК. Это первое принципиальное содержание, краеугольный камень всей системы.

Второе положение: «Народный Суд действует в составе постоянного народного судьи и двух народных заседателей; Губернский Суд действует тоже в составе 2-х народных заседателей, Верховный Суд то же самое, только трибуналы действуют пока без народных заседателей». По существу и тут мы сталкиваемся с тем же вопросом. Вы помните из нашего курса, как ставился первоначально этот вопрос о народных заседателях, когда был суд с 2 народными заседателями и 6 народными заседателями для определенных категорий преступлений. Потом, по декрету № 2 в окружном суде было 12 народных заседателей. Во время обсуждения действующей судебной системы у нас был отчаяннейший спор: одни товарищи стояли за сохранение 6 народных заседателей для Губернских Судов; другие и я в том числе—за сохранение единой системы и за уничтожение этой лишней формы суда. Моя точка зрения, в конце-концов, победила. Товарищи говорили: нужно сохранить 6 нар. заседателей затем... затем, что, таким образом, обеспечивается... Что обеспечивается?— Большая серьезность и вдумчивость решений. Почему? 6 человек лучше думают, чем 2? Потому что, как говорится, одним умом больше? Я не вижу особой доказательности в этом утверждении, я считаю, что «в многоглаголании несть спасения»...

Таким образом, мы сохранили цифру 2 и для Губернского Суда.

Дебатировалась, впрочем, и такая постановка вопроса: нужны ли вообще народные заседатели в Губернском Суде? Самая постановка этого вопроса чрезвычайно характерна: она показывает, насколько мы в нашей практике отдалились от того пункта нашей программы, который говорит о том, что поголовно все трудящееся население должно привлекаться к отправлению судебных обязанностей. В качестве руководящего был установлен, как раз, обратный принцип. Отвечать так, что, мол, заседатели вообще не нужны, конечно, нельзя, так вопроса нельзя ставить. Нам нужно все наши учреждения строить так, чтобы они пропитывались принципиальными тезисами всей нашей государственности, принципами вовлечения в работу наших и всех органов управления трудящихся масс. На этом мы стоим. Мы делаем это тогда, когда требуем от каждого члена исполкома, чтобы он нес какую-нибудь работу по управлению государством, когда говорим, что каждый из нас должен переходить из одной отрасли в другую и в каждой отрасли строительства государства быть, как у себя дома,—все это, вместе взятое, заставляет нас поставить вопрос так, что мы *принципиально не можем отказаться от народных заседателей,* но и только. Наоборот, мы сознательно их вводим в работу суда, но вовсе не в качестве своеобразного «гласа народа». У нас нет,—это следующий принцип, который у нас проводится,—у нас нет суда—органа государства и затем голоса народа, которые сидят на двух разных скамейках во имя различных целей. Мы говорим: вы работаете и работаете вместе от начала и до конца, с момента, когда вы сядете, в качестве заседателей, и вплоть до приговора, который вы подпишете вместе с председателем.

Вот наша теория, согласно которой двое рабочих в нашем суде принимают участие в охране интересов рабочего класса от начала до конца, вплоть до вынесения приговора. Вот то, что отличает наши суды от старой формы суда. Сообразно с этим *подбор народных заседателей должен производиться рабочими организациями,* в первую голову наиболее крупными общественными организациями, которые лучше знают, кому надлежит поручить охрану интересов государства. Таково принципиальное обоснование нашей постановки вопроса в отличие от постановки буржуазной.

Теперь мы переходим к главе 2-й, где будут уже подробно рассматриваться отдельные вопросы структуры наших судебных учреждений. Глава вторая говорит о порядке избрания и отзыве народных судей и об участках Народных Судов. Прежде всего и здесь надлежит отметить первое основное нововведение, которое дает новая система, определяющая ценз для народных судей, отвечающая на вопрос, кто может быть народным судьей. Отнюдь не всякий. Прежде всего не может быть народным судьей лицо, не удовлетворяющее требованиям 65 статьи Конституции, лицо, не имеющее право выбирать и быть избранным в Совет. Этой статьей, однако, обеспечивается не только классовый остов, но, кроме того, обеспечивается, что все те, которые в какой бы то ни было степени были прикосновенны к защите старого капиталистического порядка, не могут быть народными судьями. 2-е требование—это *двухгодичный стаж ответственной политиче-*

ской работы в профессиональных, партийных или рабочих организациях или *трехгодичный стаж практической работы в органах советской юстиции на должности не ниже народного следователя.* Введение ценза политического, общественного или служебного, который фактически обозначает одно и то же, ибо человек, 3 года проработавший в органах советской юстиции на должности не ниже народного следователя, может быть признан в достаточной степени лойяльным по отношению к Советской власти. Таким образом, охрана интересов и прав трудящихся поручается лицам, которые не менее, чем 3-х летней работой доказали, что они удовлетворяют такому назначению, или которые не менее 2-х лет проработали в рабоче-крестьянских и партийных организациях—таково требование закона. Такого требования не было до сих пор ни в положении о Народном Суде, ни в инструкции. Там говорилось вообще о праве быть избранным и избирать в Совет, но специального стажа не требовалось. Следующим требованием, которое проведет Наркомюст, как только немножко нам будет полегче в смысле денежном, материальном и т. д., как только мы будем иметь возможность пред'явить еще большие требования для народных судей, будет требование практического стажа в наших судебных учреждениях на должности стажера при Губернском Суде. Мы будем требовать 2-х летней практической работы на должности прикомандированного к Губернскому Суду в качестве, скажем, секретаря для поручений, то, что раньше называлось кандидатом на судебные должности. Затем мы будем требовать экзамена, не университетского экзамена, а экзамена при Губернском Суде, практического экзамена. И тогда, может быть, мы эту статью изменим и будем прямо говорить, что лица, имеющие право избирать и быть выбранными в совет и лица, выдержавшие определенные испытания и проведшие не менее двух лет на должности прикомандированного к Губернскому Суду или губернскому прокурору, могут быть народными судьями. Это одно из будущих требований, которое можно будет ввести тогда, когда будет легче дышаться в смысле материальном.

Не могут быть народными судьями лица, исключенные за позорящие поступки... Это требование этическое, которое мы устанавливаем для наших работников суда. Все это доказывает ту серьезность, тщательность, с какой закон относится к вопросам личного состава. «Избираются нарсудьи Губисполкомами *по представлению Губсуда или Наркомюста*». Губ. Суд представляет, назначает Губисполком. Это вопрос, который равным образом имеет принципиальный характер. Вы помните, что мы писали в программе Р. С. Д. Р. П. о выборности всех судей народом, эту выборность в ее абстрактной форме мы похерили в программе РКП, действующий закон идет еще дальше и требует выбора не трудящимися вообще, а Губисполкомом, как организованным представительством трудящихся, на котором лежит обязанность охраны интересов государства в данном районе и который единственно имеет право утверждения или избрания соответствующих народных судей. Еще больше внимания обращает закон на порядок отзыва: народные судьи избираются сроком на один год и могут быть переизбранными. Мы знаем, что по нашей конституции

Советы в праве отзывать своих чиновников до срока в любой момент. Этот принцип представлялся нам всегда завоеванием конституции. Однако, статья 13-я говорит: «отзыв народных судей до срока или их перемещение в пределах губернии может иметь место исключительно постановлением Губисполкома, его избравшего, по предложению НКЮ или по собственной инициативе, но с *обязательным сообщением одновременно подробных мотивов отзыва НКЮ*». Мы сохраняем, таким образом, за Губисполкомом право переместить народного судью или его отозвать, но требуем при этом сообщения подробных мотивов НКЮ. Я не знаю, были ли случаи таких сообщений, вероятно, на практике было обратное,—перемещали без мотивов и не сообщали. Это, конечно, разультат того, что жизнь у нас далеко не уложилась еще в определенные рамки,—но тенденция законодательства чрезвычайно важна: закрепить, сделать судью (об этом, помните, мы много говорили) устойчивым и независимым в своем положении от влияния местных органов власти, для обеспечения независимости судебных решений в пределах законов. Вот то, что мы берем от старой теории независимости судей, независимости суда, и говорим, что это—плюс, который мы не желаем упразднить. Здесь голая формула нашей конституции о праве отзыва по любым мотивам и без всяких мотивов,—это не такая уже хорошая вещь, которой можно похвалиться, потому что мы знаем, к чему на практике это может привести. Независимой судебной практики у нас нет и не может быть, но независимость судебных решений должна быть ограждена. «Смещение же с должности судей может быть только по суду или в порядке дисциплинарной ответственности». Закон различает отзыв и смещение. Одно, когда вы снимаете судью, чтобы дать ему другую работу. Но когда вы смещаете его за негодностью, потрудитесь это доказать и смещение произвести по суду или в порядке дисциплинарной ответственности, но не иначе. Этого желает закон.

Ст. 14-я определяет административную роль Губернского Суда по определению судебных районов в губернии. Эта задача, которая раньше ложилась на Губисполком и завгубюста, целиком передается Губернскому Суду, который устанавливает число участков. «Число участков,—говорит закон,—утверждается Губисполкомом и НКЮ, который может установить для каждой губернии минимум судебных участков». Зачем это делается? Это связано с общей административной работой НКЮ, с его правом надзора за общим уровнем судебной работы. За НКЮ сохранено поэтому право требовать организации определенного минимума судебных участков для данной губернии.

3-я глава говорит о народных заседателях и порядке призыва их к исполнению обязанностей. Это глава самая важная. Кто может быть народным заседателем? Могут быть все трудящиеся обоего пола, имеющие право избирать и быть избранными. Никакого иного ценза.

Казалось бы ст. 15-ой довольно; она говорит о том, кто может быть народным заседателем. Ст. 16-я, однако, дополнительно говорит о том, кто им не может быть. «Не могут быть народными заседателями: 1) лица, опороченные по суду, 2) исключенные из общественных

и профессиональных организаций за позорящие поступки и поведение». Это не значит—исключенные вообще, как, напр., в известных случаях из РКП за мещанское поведение; требуется исключение «за позорящие проступки и поведение...»,—налицо опять-таки этический подход. Вот два требования; ничего больше не требуется по закону: ни грамотности, ни политического ценза; общие принципы: принадлежность к трудящемуся классу и минимальный этический уровень. Все.

Теперь основной вопрос: о порядке составления списков народных заседателей. Мы знаем, что в буржуазных судах списки заседателей составлялись в земских или городских управах, затем они представлялись в определенной очереди на заседание суда и тут происходила жеребьевка; жеребьевкой избирались из определенного списка на самом суде 12 человек; стороны могли отвести 6 человек, без всякого мотива. Всю эту процедуру мы похерили и вместо этого установили, прежде всего, число народных заседателей для каждого участка, из расчета 3 человека в неделю (считаем 2 человек и 1 запасного), итого, округлив, по 200 человек народных заседателей на участок. При этих условиях, если у нас в Москве 60 или 62 участка, значит, на Москву нужно 12.000 человек народных заседателей. Население Москвы исчисляется сейчас приблизительно в полтора миллиона человек; из них трудящихся около 1 миллиона. Значит, ни о каком поголовном привлечении их не может быть и речи, так как списки составили бы сотни тысяч человек. Кто же составляет списки? Списки народных заседателей составляются однажды в год на 1-е декабря, чтобы начать год с 1-го января. За месяц до срока 1-го ноября в каждом уездном центре особые комиссии развёрстывают на соответствующее числу участков народных судей количество заседателей по промышленным предприятиям, волостям, селам, воинским частям каждого уезда. Эти комиссии, под председательством члена местного уездного исполнительного комитета, в составе местного помощника губернского прокурора и одного из народных судей определяют общее потребное количество заседателей. На Москву, скажем, на 60 участков, из расчета по 200 чел., итого 12.000 чел. В Москве или в уезде имеется столько-то промышл. предприятий, столько-то волостей, селений, столько-то воинских частей... Разверстка производится примерно в пропорции: 50 проц. заседателей—на промышленные предприятия, на рабочих, 35 проц.—на крестьянское население и 15 проц. на воинские части. Итак, 50 проц. представителей фабрично-заводского пролетариата, таков типично выраженный классовой состав и выражение гегемонии рабочего класса. 50 проц. идет на остальных трудящихся,—35 проц. на крестьян и 15 проц. на смешанный состав воинской части. Сравните с этим ст. 16 Положения о Народн. Суде 1920 г.—и вся громадная принципиальная разница обоих систем станет ясной. Комиссия составляет разверсточные ведомости, которые посылает затем в фабр.-зав. комитеты. Напр., Прохоровка получает повестку, что на ее предприятие падает столько-то заседателей, она производит выборы.

Как? Тут нет, собственно, даже выборов трудящимися, *здесь избранный руководящий орган данного рабочего коллектива производит отбор народных заседателей, а не выборы.* При таких условиях говорить о поголовном привлечении не приходится, здесь производится совершенно определенный классовой отбор по степени политической подготовленности, — написано черным по белому. Этого требует закон. Определенные гарантии, однако, установлены: «В течение недели каждый трудящийся имеет право заявить отвод», что такой-то не может быть народным заседателем; не то, что каждый трудящийся может сказать, что я хочу, чтобы вот этот был народным заседателем путем голосования, а каждый трудящийся может сказать, что *я не хочу, чтобы такой-то им был, потому что он не соответствует этому званию.* Статья 22-я говорит, что отведенные могут пожаловаться в соответствующий профессиональный союз, уездный исполком или под'отдел данной военной единицы; последние обязаны в этом случае рассмотреть жалобу.

«Народный судья, получив списки, составляет общий список и отсылает его в комиссию для окончательного утверждения, не ожидая которого производит призыв *в порядке алфавитной очереди».* Тут нет никакой жеребьевки, по алфавиту очередь установлена. Это сделано на тот случай, чтобы у народного судьи, который работает на отлете, руки были связаны при выборе заседателей при разрешении целого ряда гражданских дел, в особенности в деревнях, где, конечно, возможен целый ряд давлений. Случай определяет тут порядок призыва. Комиссия, получившая от всех народных судей списки, составляет общий список, при чем она может исключить из списка лица, почему-либо не удовлетворяющие требованиям и затем составляет еще особый список для участия в выездных сессиях Губсуда, особый ударный, так как в Губсуде дела сложнее и требования к заседателям гораздо выше.

Это об'ясняется необходимостью особой квалификации для дел, подсудных Губсуду.

Такова 3-я глава, которая с беспощадной откровенностью вскрывает и классовый принцип, которым руководствуется закон. Этот принцип отбора, как таковой, находится в коренном противоречии как с теорией о поголовном привлечении всех трудящихся, так и с тем, что это поголовное привлечение является основной задачей нашей партии, как сказано в программе РКП. Эта глава представляется основной главой, определяющей все содержание закона. И, к сожалению, в этой главе ничего не говорится о том, о чем нужно было говорить. Нет ни одной статьи в Положении о Народном Суде, в которой было бы сказано: «Народные заседатели принимают участие в судебном заседании во всех его стадиях на равных правах вместе с председателем и участвуют вместе с ним при постановке приговора в совещательной комнате». Этой важной статьи нет в этом положении. Она настолько, видимо, подразумевалась сама собой, что ее не считали нужным написать, а между тем это основная статья и без нее не ясно, в какой роли участвуют в суде народные заседатели.

Остановимся теперь на статье 31-й, говорящей о порядке отчетности Нарсуда. До сих пор порядок отчетности предписывался не законом, а либо инструкцией, либо циркуляром НКЮ. Во всяком случае, закон по сему поводу молчал. Теперь же в этой статье говорится: «Непосредственный надзор за деятельностью народных судей, в том числе и за технической постановкой дела, принадлежит Губсуду, коему народные судьи подчинены и в порядке дисциплинарном... Порядок материальной, денежной и всякой иной отчетности определяется инструкицей НКЮ и указаниями и распоряжениями Губсуда»...

Этим кончается раздел по существу о Народном Суде. Дальше идут разделы о народных следователях, о судебных исполнителях, о нотариате, т. е. об учреждениях, которые действуют рядом с судом.

Что касается народных следователей, здесь важно отметить то, о чем мы говорили по поводу народных судей,—требование ценза. Прежде всего, где следователи состоят? «При соответствующих следственных участках, при уголовных отделениях губернских судов, при Верховном Суде, при Отделе Прокуратуры НКЮ...»— вот 4 пункта. Вы видите, что в указании этих 4-х пунктов, где сосредоточены следователи, принципиальной выдержанности нет. Почему они состоят при следственных участках? Потому что следственные участки разбросаны? Почему они состоят при уголовном отделении Губернского Суда? Потому что таковое находится в одном месте? Дела, которые разбираются в Губернском Суде, могут расследоваться и на территории уездов. Дальше, по тем же основаниям следователи состоят при Верховном Суде и, наконец, при Отделе Прокуратуры НКЮ. Здесь полная неразбериха. Если они существуют при Отделе Прокуратуры НКЮ для производства срочного расследования,—почему они не могут существовать при губернских прокурорах? Если они существуют при уголовных отделениях Губернских Судов и при Верховном Суде,—так зачем они существуют при Отделе Прокуратуры НКЮ? И вопрос, который я поднимал прошлый раз, основной вопрос судоустройства: надлежит ли следователей подчинить губернскому прокурору, в качестве его аппарата, или следует их причислить к судебному аппарату, в качестве особого рода судей,—этот вопрос остается неразрешенным. Этот вопрос должен быть разрешен и я полагаю, что его следует разрешить в том отношении, что всех следователей должно сосредоточить при прокуратуре. Такой опыт произведен в Москве, где все следователи были из'яты из Губернского Суда и их камеры расположены при Прокуратуре. Прокурор обязан по закону следить за проведением следствия. Прокурор должен давать указания следователям. В каком порядке может Губернский Суд в это дело вмешиваться? Так возникает вопрос, который на практике вызывает целый ряд трений и будет вызывать эти трения, пока закон не разрешит этот вопрос кардинально. Здесь надлежит ответить на этот вопрос только следующим образом: следственный аппарат есть аппарат прокурорского надзора; следственный аппарат должен быть сосредоточен при прокуроре. Тогда возникает другой вопрос:

как же разорваться прокурору? Нужны ли районные следователи или их можно целиком упразднить? И есть очень много данных за то, что их можно упразднить. Наш Процессуальный Кодекс, как и Уголовный Кодекс так построены, что почти все дела, где нужно предварительное следствие, сосредоточены в Губернском Суде: убийство—в Губернском Суде; грабеж с более или менее серьезными данными для расследования—в Губернском Суде. Следовательно, нужно сосредоточить губернских следователей при Губернском Суде. Раньше, когда был у нас народный суд с 2-мя заседателями и народный суд с 6-ю заседателями и трибуналы, то при трибуналах были следователи и были районные народные следователи, потому что простое убийство, фальшивомонетчество, поджог и т. д. относилось к компетенции Народных Судов с 6-ю заседателями. А теперь, когда все это относится к компетенции Губернских Судов,—все народные следователи сосредоточиваются при Губернских Судах и районным следователям, по существу, нечего делать, кроме тех случаев, когда им передают дела народные судьи, которым самим не хочется производить следствие. Отсюда возникает вопрос: возможно ли упразднить районных следователей и сосредоточить их всех целиком при прокурорском надзоре. Первоначальные следственные действия можно возложить на нар. судей. «Следователи при районных участках именуются народными, следователи, при Губернских Судах именуются старшими следователями, следователи при Верховном Суде—следователями по важнейшим делам и т. д.—всю эту статью можно выкинуть; это—табель о рангах, которая никому не нужна теперь. «Не могут быть следователями: лица, опороченные по суду (это ясно) или исключенные из общественных и профессиональных организаций; не имеющие 2-летнего стажа на должности не ниже секретаря народного судьи или не сдавшие определенного испытания при Губернском Суде...» Здесь уже прямо говорится о том, о чем я вам говорил: об установлении не общеобразовательного, а юридического стажа. В отношении следственного дела, это более чем своевременное требование. А то ко мне пришел на-днях один товарищ и говорит: «я хочу быть следователем». Почему? «У меня есть нюх такой...» А почему вы знаете? «Я чувствую». Вот и делайте его следователем. Не могут быть следователями, однако, кроме того, лица, замеченные во время гражданской войны в нелойяльном отношении к Советской власти или причастные к антисоветским партиям. Это совершенно вздорный пункт, в свое время вставленный т. Дзержинским. Кем замечены во время гражданской войны в нелойяльном отношении к Советской власти? ГПУ. Мы не можем руководствоваться таким соображением: «замеченные во время гражданской войны», это надо расшифровать. Что значит: «причастные к антисоветским партиям». Если, скажем, он когда-то принадлежал к социал-демократической партии, он не может быть народным следователем? Вздор, мало ли у нас бывших меньшевиков сидят на еще более ответственной работе. Такая формулировка совершенно неудовлетворительна и этот пункт нужно выбросить целиком.

Теперь о назначении народных следователей. Оно производится Губсудом и утверждается Губисполкомом и НКЮ. Тут, как раз, совершенно не нужен НКЮ. Это только бюрократизм. Но отстранение следователя от должности производится просто постановлением суда по предложению Губисполкома или НКЮ. Здесь уже нет гарантий несменяемости. Мы отвергли теорию, что следователь есть следственный судья и его нельзя сместить, и, наоборот, говорим: можно. Мы и требуем абсолютной зависимости следователей от Губсуда, но зато только от Губсуда, который один производит смещение по предложению НКЮ или Губисполкома. Старшие же следователи назначаются, смещаются и увольняются непосредственно по определению тех органов, где они состоят. И особо здесь стоит вопрос об отношениях Губсуда и Губпрокурора к следователям. (В целом ряде городов были столкновения на этой почве. Спрашивается, где предел административной власти Губсуда, и где предел административной власти Губпрокурора?).

По этому вопросу был бой. Этот вопрос разрешен окончательно специальным циркуляром, который стал на ту точку зрения, что Губсуды в этом отношении действуют только в порядке административного управления, а не в порядке вмешательства в непосредственное следственное производство; они не могут теперь потребовать дела в порядке следственного производства. В новом процессуальном кодексе сказано, что право истребования принадлежит исключительно прокурорскому надзору. Таким образом, сделан еще шаг в эту сторону. На предстоящем с'езде деятелей юстиции мы будем дебатировать этот вопрос и, вероятно, подчиним полностью весь следовательский аппарат прокурорскому надзору.

Позвольте еще остановиться на следующих двух главах. Коллегия защитников по новому закону в связи с новым положением, которое принято последней сессией ВЦИК'а, есть орган суда. При Губсуде состоит коллегия защитников. Деятельность коллегии регулируется основным положением, утвержденным НКЮ. Как избираются члены коллегии защитников? Старый спор получил, наконец, свое разрешение. Мы не смотрим на них, как на государство в государстве, а как на одну из категорий судебных работников, подчиненных особому порядку. «Члены коллегии утверждаются президиумом Губисполкома по представлению Губсуда. В дальнейшем прием членов коллегии производит уже президиум коллегии с доведением до сведения президиума Губисполкома, которому предоставляется право отвода новых членов в течение месячного срока... и право отзыва уже утвержденных членов коллегии защитников». Это последнее есть новшество, исправившее неправильный уклон первой редакции закона, где шустрым адвокатикам удобнее было протащить свою идейку о «полной внутренней автономии адвокатуры». По новой редакции, Губисполком может устранить утвержденных членов коллегии защитников. Здесь также стоят два вопроса: 1) может ли Губисполком целиком в любой момент постановить пересмотреть весь состав коллегии защитников,—об этом ничего не говорится в законе. Вопрос должен быть разрешен по аналогии, мо-

жет ли он это сделать в отношении народных судей? Может, но как? Он войдет с соответствующими мотивами в Губсуд и НКЮ, и больше ничего. Может ли он это сделать в отношении Губсуда? Может. Может ли он это сделать в отношении коллегии защитников? Коллегия защитников говорит: «нет, не может». Мы отвечаем: поскольку мы их рассматриваем, как судебных работников, как одно из звеньев основной судебной системы, а не как независимую ни от кого корпорацию—может. Но мы предпочли бы, чтоб это делал не Губисполком, а Губсуд и утверждал НКЮ. Статья 41-я говорит об избрании президиума коллегии, который накладывает дисциплинарные взыскания по пункту «б» с правом обжалования заинтересованных лиц в соответствующий Губисполком. Эта статья, чрезвычайно важная, с нашей точки зрения—не правильна. Мы проводим ту точку зрения, что дисциплинарная коллегия Губсуда может притянуть защитников к ответу самостоятельно и независимо от их внутреннего дисциплинарного суда, но последней сессией ВЦИК'а это право отдано исключительно Губисполкому. По моему, это совершенно неправильная точка зрения. По моему, это право Прокуратуры обжаловать постановление дисциплинарной коллегии в Губсуд. Губсуд может это постановление отменить. Действующая статья—не последовательна, не ясна, отрыжка совершенно иных влияний, которые разбивают правильную судебную систему. С моей точки зрения ее надо изменить в том смысле, чтобы прокуратура могла обжаловать любое постановление коллегии в Губсуд, его пленум или в дисциплинарную коллегию Губсуда. Как на пример вредных тенденций, порожденных нынешним порядком, укажем один: в статье 42-й имеется пункт о назначении бесплатных защитников. Президиум Коллегии защитников делает вывод, что никто не может назначать бесплатных защитников, кроме коллегии. Был такой случай, что Губсуд назначил одного защитника, тот принял защиту, а коллегия постановила лишить этого защитника на год права практики за то, что он принял предложение Губсуда. Конечно, это постановление было обжаловано и Московский Совет постановил отменить это постановление и дело пересмотреть. На самом деле нужно было бы всю эту коллегию разогнать; раз суд назначает—вопрос кончен. Этим тенденциям должен быть положен конец.

Статья 43-я говорит об оплате труда защитников. Вы помните о всех попытках в прежних положениях создать «советскую защиту». Пробовали это делать, давая им советское жалованье, запрещали брать свыше определенной таксы. Сейчас закон отказывается от этих попыток и предоставляет взимание вознаграждения по собственному усмотрению коллегии защитников. Не стоит мараться.

Глава 7-я говорит о судебных исполнителях. Интересно, что здесь в статье 47-й имеется абзац: «не могут быть судебными исполнителями лица или не сдавшие соответствующего испытания (закон более строг, оказывается, к низшим органам суда, чем к высшим). Это тоже одна из нелогичностей нынешнего закона. Судебные исполнители целиком зависят от Губсуда, о чем в 51-й статье особо указано: «жалобы на медленность и незаконность действий подают-

ся в суд, а протесты прокуратуры посылаются председателю Губсуда». Должен указать, что в Петрограде между Губсудом и Губпрокуратурой было столкновение по вопросу о том, кто имеет право указывать судебным исполнителям на неправильность производства. Прокурор указал судебному исполнителю на неправильность действия, а Губсуд потребовал себе полномочий. Пришлось сделать указание, что вместо того, чтобы спорить о правах, лучше было бы не выносить решения, которое нужно исправлять.

Во всяком случае, эти шероховатости показывают, как много еще здесь неурегулированных отношений, как несовершенен этот закон и как много еще в нем нужно дополнять.

Последняя статья о государственном нотариате, где мы отметим только основной пункт о назначении нотариусов Губсудом по представлению местных исполнительных комитетов. Нотариусы избираются опять-таки исключительно выдержавшие испытание, нотариусы не могут быть участниками торгово-промышленных предприятий и должны удовлетворять требования 47 ст., т. е. отвечать определенным этическим требованиям. Вот требования от нотариусов. Рядом с судом мы, таким образом, имеем прокурора, защитника, судебного исполнителя, нотариуса. Таковы учреждения, работающие при суде. Все это здание возвенчивается Губернским Судом, который является высшим административным и руководящим центром губернии.

Губернский и Верховный Суд.

Лекция 15-я.

Сегодня мы должны подвергнуть рассмотрению организацию Губернского Суда. Я считаю этот раздел Положения о Судоустройстве (раздел II главы 9, 10 и 11) самой важной частью, ибо Губернский Суд, правильно организованный, правильно действующий, гарантирует нам по Положению правильное функционирование Народных Судов, другими словами, гарантирует нам правильную деятельность судебных учреждений, рассматривающих 99 проц. всех дел вообще, проходящих через судебные учреждения. Вот почему я говорю, что анализ этой части Положения о Судоустройстве представляется мне основным.

Позвольте, прежде всего, начать с указания на то, как при проведении закона о судоустройстве скрещивались копья сторонников двух систем и двух прежних ветвей нашей юстиции по вопросу о названии. Часть товарищей настаивала на том, чтобы сохранить название «губернский трибунал» и построить нашу судебную систему таким образом: народный суд, губернский трибунал, Верховный Суд. Аргументом было сохранение преемственности с трибунальной юстицией, с ее традициями трибунального суда. Противники указывали, разводя руками: как это? Как можно вдруг делать из трибунала губернский центр и в трибунале рассматривать гражданские дела? Но, конечно, ничего ужасного не было бы в том, что суд, называвшийся трибуналом, рассматривал бы гражданские дела и ничего ужасного не произошло от того, что мы, вообще, название «трибунала» упразднили. Поэтому, я во время этих споров смеялся и говорил, что мне вообще все равно, как этот суд назвать, а весь вопрос в том, как его построить так, чтобы в самой структуре его была гарантия того, что традиции трибунальной юстиции не умрут. В еще более комической форме этот спор выражался в борьбе двух формул: удастся ли «отрибуналить совнарсуд» или «осовнарсудить трибунал». Результатом был компромисс: было дано новое название «губернский суд», которое примирило сторонников двух систем. Первоначальное название было, все-таки, иное: проектировалось назвать «Губернский кассационный суд», чем подчеркивалось его существо, состоящее в том, что главная его работа—это работа по надзору, по кассационному производству, и с моей точки зрения это было бы самое

правильное название. Но потом остановились прямо на названии «губернского суда», хотя это название и напоминает немножко чичиковские времена.

Губернский Суд, согласно ст. 59-й, действует в качестве судебного центра губернии и органа непосредственного надзора над действием подведомственных ему Народных Судов. Этот п. «а» ст. 59-й чрезвычайно важен постольку, поскольку ставит на первое место то, что до сих пор ни в Положении о Народном Суде, ни в Положении о трибуналах, ни в Положении о губернских отделах юстиции на первый план не выдвигалось,—административно-судебную работу, роль губернского судебного центра по надзору за деятельностью судов первой инстанции,—и в этом, конечно, основное завоевание всей системы. Прошел теперь уже год со времени действия новой системы и невольно возникает вопрос: насколько она себя оправдала в этом отношении. Должен ответить: Губернские Суды встали на ноги,—это, безусловно, истина, но насколько они сумели взять в руки Народные Суды,—это еще большой вопрос. Это не их вина, а их беда. Мы знаем, что Народные Суды существуют на местные средства а не везде такое положение, как в Москве, когда народные судьи оплачиваются лучше, чем члены Губернского Суда. В большинстве случаев дело обстоит наоборот. Ну, а конечно, без денег, что же говорить о надзоре? Так что о правильном функцировании Народных Судов мы не можем говорить до тех пор, пока общее финансовое положение не улучшится, до тех пор, пока мы не сможем гарантировать Народным Судам мало-мальски сносного существования,—но это, конечно, не колеблет правильности идеи, заложенной в ст. 59-й.

На второе место закон ставит функцию Губернского Суда, как органа кассационного рассмотрения протестов и жалоб на решения подведомственных ему Народных Судов, и лишь на третье место, по п. «в», ставит его функцию, в качестве суда 1-й инстанции.

Позвольте одновременно, сразу же, подвергнуть анализу правильность такой постановки дела. С точки зрения системы это, конечно, правильно: первая функция—надзор, вторая—кассация и третья—суд 1-й инстанции. Но, если возьмем статьи Уголовно-Процессуального Кодекса о подсудности Губернским Судам, то мы увидим, что Губернским Судам подсудны дела о преступлениях государственных, о преступлениях против порядка управления,—преступления, предусмотренные рядом статей других разделов, всего 69 статей.

69 статей, для ровного счета 70, это, приблизительно, на 227 статей около 28 проц. с дробями всех дел. Это уже пропорция более чем крупная, ибо почти 30 проц. всех дел проходит по нашему кодексу через Губсуд. В замысле предполагался гораздо меньший процент, но об'ясняется это тем, что здесь пришлось отнести к Губсуду все преступления, которые рассматривались судом с 6 заседателями, все статьи от 142—145, кражи, грабеж и т. д.Эта пропорция немного не соответствует функции Губсуда, как органа, определенного в статье 59-й, где функции, как суда первой инстанции, поставлены на 3-е место. Но, с точки зрения идей, заложенных в организации

Губсуда, такая система и такое построение представляются правильными.

Следующие статьи являются уже чисто организационными и определяют собою структуру Губсуда. По ст. 60-й Губсуд состоит из председателя и двух его заместителей, один по гражданскому, другой по уголовному отделу Губсуда, 12 постоянных членов Губсуда, народных заседателей Губсуда и состоящих при Губсуде учреждений и должностных лиц, т. е. прокурорского надзора, адвокатуры, нотариата, судебных исполнителей и т. д.

Прежде всего обратимся к вопросу о цензе. Требование, которое систематически проводится в новом законе, начиная от нотариуса и судебного исполнителя и кончая членами Губсуда и, наконец, председателя Губсуда, это требование стажа, практического ценза, требование образовательного, вернее, не столько образовательного, можно и никакого образования не иметь, сколько ценза знаний, нужно было бы сказать—требование научного или практического опыта. Вот что требует закон. Затем далее говорится: «Председатель и заместитель сверх требования... должны иметь не менее 3 лет стажа практического, судебной работы в должности...» и «членами Губсуда могут быть только лица, проведшие не менее двух лет на такой же должности. Отступления допускаются только с разрешения НКЮ». Это введение практического стажа, напоминающее до известной степени служебный стаж прежнего времени, с той только разницей, что он не влечет за собой никаких повышений в чине, чрезвычайно характерно для нового положения и выдерживается полностью. Это как бы опять находится в противоречии с общими тенденциями нашей конституции, которая говорит о том, что нужно строить государственные учреждения так, чтобы всякая кухарка могла управлять государством и чтобы каждый член Исполкома обязательно перебывал бы на возможно большем количестве должностей. А здесь ставятся препоны: нет ты не можешь быть членом Губсуда, раньше, чем ты 3 года не протрубишь на судебной работе. Я не вижу тут принципиального нарушения в этом отношении нашей конституции, ибо думаю, что когда мы говорили о таком построении государства, при котором каждый мог бы занимать ту или другую должность, то мы имели в виду руководящие ответственные политические должности, хотя это должность тоже ответственная и тоже политическая, но мы не имели в виду этим разрушать всякую специализацию, а в судебной работе, мы знаем, по крайней мере, для председателя Губсуда, особенно в условиях нашего теперешнего оборота, когда наши своды законов делаются все толще и толще, *эта специализация необходима*. Вы помните, что первое издание нашего свода законов, уголовного кодекса, материального и процессуального заключалось в двух маленьких книжонках, а, если мы посмотрим второе издание, то мы увидим, что это уже весьма об'емистая вещь. Пока что написан «том первый», а сколько еще томов последует мы не знаем. В этом первом томе вы насчитываете 559 страниц и по оглавлению мы имеем тут: земельный кодекс, кодекс законов о труде, лесной кодекс, законодательство о трестах, кодекс об актах гражд. состояния и это еще

не все, потому что предстоит новый семейный кодекс и даже ветеринарный кодекс. Поэтому мы не можем пустить уже наши Губисполкомы без руля и без ветрил садить всякого, кому придет охота быть судьей. Поэтому требование стажа представляется вполне правильным. Вчера мне передали копию циркуляра одного из товарищей губернского прокурора,—я думал, что я знаю своих прокуроров, но когда прочел этот циркуляр, я решил, что я ничего не знаю, так как то, что было в этом циркуляре наворочено, показывает, что человек писать не умеет, а он прокурор. Так что вопрос о стаже является основным. Поэтому впредь мы будем проверять всякого судью.

Ст. 62-я определяет взаимоотношения отдельных ячеек Губсуда между собой: «Председатель, его заместители и члены Губсуда избираются Губисполкомом на один год и утверждаются НКЮ, который имеет право предлагать своих кандидатов на должность председателя, заместителя и членов Губсуда. Однако, отзыв, смещение председателя и членов Губсуда до срока односторонним постановлением Губисполкома без санкции НКЮ, кроме случаев отстранения по суду или дисциплинарным производством *совершенно не допускается*».

Сопоставьте этот исключительно категорический ясный пункт, хотя бы с декретом о суде № 1, или № 2, или с тем пунктом Конституции, где говорится, что любой чиновник может быть отозван в любое время органом, его избравшим,—и мы получим, опять-таки, совершенно иную струю по сравнению с предыдущими первыми веяниями, идеями и тенденциями нашей революции. Здесь прямо говорится: нельзя отзывать без санкции Наркомюста. То, что было проведено законом 1921 г. о Революционных Трибуналах по отношению к председателям трибуналов, здесь проведено по отношению к губернским судьям; они поставлены под исключительную охрану.

Статья 63-я определяет еще более полномочия НКЮ и говорит о том, что, в случае неутверждения НКЮ кандидата на должность председателя Губернского Суда и неимения других кандидатов, НКЮ может прямо назначить председателя Губсуда. Это, опять-таки, новшество, которое ребром вклинивается в прежнюю практику.

Вы видите, что в новом законе тенденция к укреплению Губернских Судов, к их концентрированному подчинению или надзору НКЮ, она выражена чрезвычайно ясно и чрезвычайно определенно. Вообще весь этот закон носит характер резко выраженной централизованной системы; так что, если мы возьмем то, о чем говорили при рассмотрении Положения о Народных Судах, где резко был выражен принцип децентрализации, распыления, совершенного распыления судебной системы,—то совершенно ясно, что борьба обоих тенденций, которая была между Народными Судами и Трибуналами, кончилась абсолютной победой трибуналов и вполне правильно, ибо дальше стоял бы такой вопрос: либо органы судебные явятся органами централизованной рабочей власти, либо они не явятся ничем.

Ст.ст. 64 и 65 говорят относительно народных заседателей. Здесь, при построении Губсуда, рассматривающего чрезвычайно серьезные преступления, уместно было бы поставить вопрос: а не ввести ли здесь во всех методах суд присяжных, как равным образом можно

было бы поставить вопрос: а не ввести ли в суды 1-й инстанции вместо народных судей с 2-мя заседателями—единоличных народных судей, т. е., иными словами, не вернуться ли к системе уставов 1864 г.? Мировой судья, а затем Окружный суд с присяжными заседателями? Наша судебная система не возвращается к этим принципам и *единство судебной организации сохраняет целиком*. Нет разницы в принципиальной структуре Народного Суда и Губернского Суда; и там постоянный народный судья с 2-мя заседателями, и здесь член Губернского Суда с двумя заседателями; и в Верховном Суде теперь тоже член Верховного Суда с двумя заседателями. Никакой принципиальной разницы мы здесь не проводим по существу дела и исключительно только проводим разницу *по подбору и квалификации состава*. В этом отношени наша судебная система является единой судебной системой и мы соблюдаем требования программы об упрощении системы суда, хотя и делаем его не единым судом. Народные заседатели у нас,—и мы говорили, почему это так,—не отделены от общей коллегии, которая решает вопросы: и вопросы права, и вопросы факта. Наши народные заседатели, однако, иначе избираются для Губернского Суда, чем для Народного Суда. Правда, и тут система та же: существует точно также разверсточная комиссия, но комиссия состоит уже из 7-ми человек, председательствует в комиссии специально выделенный член Губернского Исполкома, входят в состав 2 члена Губернского Суда, по назначению председателя, и 3 члена Губпрофсовета. Эти товарищи избирают список в 200 человек для участия в заседаниях отделений Губернского Суда. Дальше и Губсуд, как и Нарсуд, совершенно не знают разницы в своей структуре при рассмотрении гражданских и уголовных дел; и там, и тут участвуют народные заседатели. Мы принципиальной разницы между гражданским и уголовным процессом не видим. Мы смотрим на народных заседателей не так на «голос народа», а как на участие и вовлечение трудящихся масс в непосредственную работу суда. Поэтому мы не различаем гражданского и уголовного процесса и вводим народных заседателей и туда, и сюда, и лишь вводим сюда 25 народных судей затем, чтобы обеспечить деятельность лиц, которые были бы более знакомы с гражданским порядком, чем непосредственно народные заседатели, которые едва ли в состоянии знать все тонкости наших гражданских правоотношений. Таковы были мотивы их введения. Я лично смотрю на эту статью, как на самую неудачную, как на самую неправильную. По моему, это—не выдержанная статья; нет никакой необходимости включать в число заседателей для гражданских дел эти 25 проц. народных судей. Нужно сделать иначе: нужно только поставить вопрос так, чтобы в число этих народных заседателей, в число этих 200 человек, входили бы, скажем, на половину деятели наших хозяйственных организаций, работники-хозяйственники. Вот это важно постольку, поскольку тогда в решения гражданских дел будут непосредственно вовлечен ряд лиц, которые в своей повседневной практике сталкиваются с этими гражданскими делами,—тем более, что в отличие от народных заседателей Народного Суда здесь к народным заседателям пред'-

являются другие требования: там, мы знаем, списки народных заседателей об'являются фабрично-заводским комитетам, а здесь особые комиссии призывают граждан, имеющих не менее 2-х лет работы в общественных и профессиональных организациях. Здесь имеется определенный отбор, и рабочему классу, в лице его руководящих хозяйственных и иных работников, поручается борьба с наиболее опасными преступлениями и разрешение наиболее серьезных казусов нашей гражданской жизни.

Вот почему мне представляется, что нужно было бы выкинуть в статье 65-й слова: «из них не менее 25 проц. народных судей» и сказать прямо: «200 и из них не менее половины из лиц, имеющих непосредственное отношение к работе в руководящих хозяйственных учреждениях или промышленных государственных предприятиях данной губернии». Это было бы хорошо и вполне последовательно для охраны интересов государства. Это изменение мне представляется в высокой степени необходимым ввести и, по всей вероятности, оно не замедлит быть проведенным в жизнь. При таком построении нелепо было бы отделение их от председателей, не нужно устанавливать какую-то жеребьевку со всей этой декоративной мишурой. Закон молчит о том, как и в каком порядке вызываются народные заседатели в Губсуд и не говорит, что они вызываются в алфавитном порядке, как в Народный Суд. Отсюда вытекают два вывода: может быть, это случайность, и тогда общий порядок, установленный для Народных Судов, имеет место и для Губсудов, или это не случайность и тогда руки у Губсуда развязаны. Конечно, это не случайность, случайности в законе недопустимы. И так как в другом месте сказано, что народные заседатели вызываются распорядительным заседанием, то отсюда понятно, что закон суду сознательно предоставил больший простор для соответствующих вариаций в вызове народных заседателей в Губсуд.

Глава 9-я входит в рассмотрение структуры суда. Здесь прежде всего 68 ст. говорит о функциях и задачах, лежащих на председателе и его заместителях: «Председатель и его два заместителя несут всю ответственность за правильную и целесообразную постановку работы в Губсуде и неуклонное исполнение существующих законоположений». Председатель и его два заместителя. Что это такое? У нас есть определение для этого—президиум Губсуда. Закон не говорит слова «президиум». В первом проекте так и говорилось: председатель и его два заместителя составляют президиум Губсуда и несут всю ответственность...» Потом эти слова были выкинуты. Почему? Сейчас мы знаем, что тенденция к образованию президиума очень сильна и первоначально НКЮ постоянно приходилось раз'яснять, что никакого президиума нет. Я бы лично никогда это не раз'яснял. Конечно, такой президиум должен быть, потому что председатель и его два заместителя будут непременно советоваться по разным вопросам. Почему-то в комиссии преобладало мнение, что президиум не может нести ответственности, а ответственность может нести одно лицо и потому указано, что председатель и два заместителя несут ответственность. По моему, это одно и то же, что сказать—президиум несет ответственность. Конечно, председатель отвечает, если его за-

меститель сделает глупость. По моему все это излишний ригоризм и, в конце-концов, придется прямо поставить вопрос о президиуме.

Дальше говорится: «к ведению председателя относится назначение, распределение обязанностей между членами Губсуда по отделениям»; он является административным центром внутри суда. Ясно, что назначать и распределять обязанности он будет не один, а втроем. Затем дальше на его обязанности лежит: «представление на утверждение в Губисполком народных судей и следователей, составление и представление отчетности по Губсуду и Нарсуду в Губисполком...» Ясно, что один человек этого сделать не может. Конечно, это делает *президиум*, как административный орган Губсуда.

В ст. 69 пункт «б» гласит: «созыв пленарных заседаний Губсуда...» Ясно, что все это административная роль, распорядительная, хозяйственная, все это функции президиума и совершенно ясно одновременно и то, что в качестве руководящего органа все это делает верхушка из трех.

70-я статья говорит о другом учреждении, которое стоит параллельно с председателем или с президиумом. о *пленуме Губсуда*, который составляется из наличия всех членов Губсуда, не менее половины при обязательном участии губпрокурора или его помощника. Пленум Губсуда совершенно новое учреждение, которого не было до сих пор, кроме Верховного Трибунала, где был пленум. Пленум имеет функции троякого рода, во-первых: он имеет функции административные. определяя границы, число участков Народных Судов, помещение Народных Судов в пределах участка. распределение и определение границ следственных участков, рассмотрение отчетности...» Вот административная работа пленума в пределах губернии, заслушание докладов по ревизиям отдельных членов суда. Почему это из'ято из ведения председателя? Все это вопросы слишком важные, затрагивающие и интересующие всю губернию. Закон хочет по этим вопросам из членов Губсуда сделать активных работников—строителей судебного дела, а не послушных чиновников, которых на уголовном воровском языке зовут «молчунами», потому что они всегда молчат на судебных заседаниях. Так вот, для того, чтобы наши члены Губернского Суда не были «молчунами», Положение предусматривает их работу в области административной, в области строения судебного дела. Но не только в области административной: пункт «б» предусматривает работу в области вопросов. связанных с дисциплинарными взысканиями: «вынесение определений о временном отстранении от должности народных судей и народных следователей впредь до решения дела имеет место через пленум Губсуда». Президиум может только в определенных пределах накладывать взыскания. а выше этих пределов, когда идет вопрос об отстранении от должности, когда идет вопрос о серьезном взыскании.—мы говорим председателю: не забывай, ты имеешь дело с судебным работником, им так легко швыряться нельзя, а изволь обращаться в пленум и дисциплинарную коллегию.

Пункт «г»—самый важный: «для рассмотрения отдельных вносимых председателем суда или отдельным составом судебного засе-

дания Губернского Суда или губернским прокурором вопросов, связанных с неясностью или неполнотой действующих законов, но всякий раз в связи с конкретным делом, для представления своих соображений по этим вопросам в Верховный Суд». Итак, задача уяснения смысла действующего законодательства, связанного с отдельным делом—вот еще работа пленума. Я должен сказать, что практика, которая была до сих пор, практика ревизий Губернских Судов, показывает нам, что пленумы Губернских Судов далеко не усвоили себе всей важности своего существования и даже в Москве пленумы Губернского Суда носят иногда характер мертвых заседаний. «Молчуны», так сказать, остались «молчунами». Это большое и очень обидное разочарование; это очень печальное явление, ставящее на очередь вопрос об упразднении пленумов. Мне лично очень больно отказаться от этой идеи и я думаю, что рано от нее отказываться, что лишь только общие условия нашей жизни и гражданской войны, приучившие нас за последние 3 года к безусловной и точной исполнительности и к принципу, что рассуждать не полагается, недоразвили эту роль пленумов в Губернском Суде. В более мирной, спокойной обстановке, я полагаю, это качество должно исчезнуть и пленумы в Губернских Судах должны будут занять соответствующее место.

Правда, в отдельных судах мы имеем обратную тенденцию: пленумы очень часто ставят вопросы «вообще»; возникает какой-либо вопрос и они говорят: поговорим по этому поводу «вообще». Тут приходилось уже сказать: вам, други милые, «вообще» говорить не полагается, вам полагается говорить только в отношении какого-нибудь конкретного дела; это не дискуссионный клуб, а судебное место. Но совершенно нельзя равным образом действовать так, как недавно сделал Томский суд, который нашел циркуляр Верхсуда несогласованным с законом и опротестовал его. Тут пришлось товарищам сказать: «прежде всего извольте исполнить циркуляр, а потом обсуждайте». Но живое учреждение, думающее и интересующееся вопросами нашего права и заботящееся о точном отшлифовании нашего права,—эта идея, заложенная в идею пленума, она должна, мне кажется, получить развитие и оправдать себя. Некоторая сложность этой системы также отражается в пленуме, но как ни печален пока что указанный факт, надо переждать, тем более, что в ст. 1 еще раз резко выражена та же идея централизации нашей судебной политики, которая служит уздой для тенденций судов к законодательной отсебятине: «...в случаях согласия председательствующего с пленумом, решения пленарных заседаний проводятся немедленно; в случаях, если председательствующий не согласится, он может передать все материалы в Верховный Суд. В случаях, однако, толкования законов, решения во всяком случае передаются в Верхсуд для утверждения; протесты губернского прокурора не останавливают проведения решений пленарного суда в жизнь». Другими словами: *только инициатива постановки вопросов предоставлена Губернским Судам.*

Ст.ст. 72, 73, 74 определяют состав суда. Закон устанавливает такой состав: председатель, 2 заместителя, 12 постоянных членов, итого 15 человек. Нам говорят: чрезвычайно громоздко. Не думаю.

Может быть, в отдельных случаях громоздко, но мне кажется, судя по количеству дел, нельзя меньше, да и того мало, считая, что нам приходилось делать в трибуналах до 3-х отделений. Сейчас в Московском Губернском суде чуть не 30 человек; нормально в уголовном отделе 7 человек постоянных судей, в том числе заместитель председателя; этот уголовный отдел делится на уголовное отделение и кассационное отделение; кассационное заседание имеет место в составе 3-х, при чем мы тут никаких заседателей не вводим, так как тут приходится решать вопросы права и тут знание законов является самым главным, а не «совесть». Точно так же и по тем же основаниям и распорядительное заседание уголовного отделения, опять-таки, состоит из постоянных членов, без заседателей. Распоряжается этими 7-ю членами Губернского Суда соответствующий заместитель председателя. Причем сам председатель Губсуда может принять на себя постановление по любому делу». Так же построен и гражданский отдел. Опять-таки 7 человек. Делится на гражданское кассационное и гражданское судебное отделения. Принцип строения совершенно одинаковый: «вызов народных заседателей производится распорядительным заседанием, состоящим из постоянных членов». Когда Губсуд выезжает в выездную сессию, то народных заседателей он берет из ударного списка, составляющегося из общего списка народных заседателей уезда. Наконец, дисциплинарная коллегия строится по выборам пленарным заседанием из всех членов Губсуда. Это единственная допущенная форма автономии судебных работников.

Вот то, что нужно сказать о функциях Губсуда. Нам остается затронуть еще один институт, который окончательно оформлен только последней сессией ВЦИК,—это институт уездных уполномоченных Губсуда. Мы знаем, что вопрос об уездных органах НКЮ тоже имеет свою историю. Раньше был уездный комиссар юстиции, потом был уездный отдел юстиции, потом было уездное бюро юстици, но все они висели в воздухе, пока не было определено основной структурой в центре, кто же является хозяином-распорядителем в суде. Только действующая система, установив в качестве хозяина-распорядителя Губсуд, разрешила вопрос об уездной организации, именно путем предоставления одному из народных судей, как говорит статья 75: «в целях укрепления постоянной связи Губсуда с подчиненными ему органами на местах...» прав уполномоченного Губсуда. Один из народных судей избирается Губсудом уполномоченным на правах члена Губсуда. В старой системе был член Окружного суда, который жил в уезде. Каковы же функции этого уполномоченного? Функции его исключительно финансовые, наблюдение за деятельностью нотариата, сообщение циркуляров Губсуда, участие в комиссии при составлении списков народных заседателей. Итак административно-финансовые функции и больше ничего. Правильнее, кажется, было бы, чтобы это был член Губсуда. По соображениям, от нас не зависящим, пришлось сделать обратное, брать народного судью и давать ему права члена Губсуда. Но вся система носит характер централизованной системы. НКЮ в качестве управляющего всей системой, губернский центр, Губсуд, действующий в местном масштабе, уполномоченный

Губсуда для административных и финансовых функций в уезде и районе. В противоположность прежней системе Положения о Народном суде, мы имеем строго централизованную трехколенную систему. По сравнению с прежней системой Народного Суда эта система гораздо более сложна, но зато действительно дает возможность держать вожжи в руках и тем самым более отвечает задачам диктатуры пролетариата и интересам дня.

Следующий раздел говорит о прокуратуре. Мы уже развивали этот вопрос в одной лекции, никаких изменений здесь нет и потому мы можем пропустить весь этот раздел и только рассмотреть статью 89а, которая говорит о правах прокуратуры в гражданском процессе. Это новшество. Здесь говорится, что в области гражданского процесса на прокуратуру возлагается: «участие в судебных заседаниях, затребование производства по гражданским делам в порядке надзора, опротестование судебных решений...» В каком порядке, об этом говорит уже процессуальный кодекс. Позвольте теперь только обратить ваше внимание на то, что, благодаря прокурорскому надзору, в нашей общей системе выросла вторая нога. С одной стороны это система пирамидальная: Народный Суд, уполномоченные Губсуда, Губсуд, Верховный Суд, НКЮ и в области организационной исключительно НКЮ и, наконец, рядом с этим параллельно коллегия прокурорского надзора, которая в отличие от Губсуда построена еще трижды более централизовано и которая по общему духу имеет задания, превышающие задания Губсуда, так как сверх того прокуратуре предоставлено право опротестования решений пленума Губсуда, вплоть до пленума Верховного Суда, постольку основная прокурорская верхушка—Прокурор Республики и его помощники назначаются в исключение из всех других государственных должностей—президиумом ВЦИК'а. Прокурор связан с НКЮ только путем персональной унии, при чем эта персональная уния не означает никакого административного подчинения и, если мы поставим вопрос,—может или не может коллегия НКЮ постановить что-нибудь относительно прокурорского надзора, то я скажу, что из духа закона вытекает, что она не может ничего постановить и что эта система строится совершенно раздельно. Это вытекает из особой структуры такого рода учреждения, как прокурорский надзор.

Мы переходим к анализу верхушки нашей судебной системы, к Верховному Суду РСФСР. Верховный Суд РСФСР об'единил в себе Верховный Трибунал и Высший Судебный Контроль НКЮ. Здесь завершена система суда, так сказать, увенчано здание. Верховный Суд состоит из Президиума Верховного Суда, пленарного заседания Верховного Суда, Кассационных Коллегий по уголовным и гражданским делам, Судебных Коллегий по уголовным и гражданским делам, Дисциплинарной Коллегии Верховного Суда, Военной и Военно-Транспортной Коллегий Верховного Суда,—чрезвычайно большое и громоздкое учреждение на первый взгляд. Председатель и члены Верховного Суда утверждаются исключительно Президиумом ВЦИК'а; председатель и его заместитель Судебной Коллегии, Военной и Военно-Транспортной назначаются Президиумом ВЦИК'а, при

чем каждый член Верховного Суда—по представлению НКЮ, председатели же—непосредственно. На самом деле практика иначе разрешает этот вопрос, а именно: НКЮ представляет всех, в том числе и председателей коллегий, кроме председателя Верховного Суда. Председатель Верховного Суда и его заместитель по закону вполне правильно должны были назначаться ВЦИК'ом так же, как он назначает Народного Комиссара Юстиции; это слишком высокий орган, чтобы его ставить в зависимость от НКЮ. Остальное предоставляется НКЮ. Члены Военной Коллегии—по представлению Реввоенсовета. Отстранение председателей и членов Верховного Суда не может иметь места иначе, как по представлению ВЦИК'а. В автономных республиках (вопрос о федерализме — один из самых спорных вопросов) там, где открыто отделение Верховного Суда «председатель и заместитель обязательно утверждаются Президиумом ВЦИК'а...» По моему, это тоже слишком сложно; на самом деле, они могут утверждаться Пленумом Верховного Суда, здесь необходимо внести изменение. Такова структура.

Переходя к вопросу о пределах компетенции, мы видим вполне явственно 2 органа: Президиум и Пленум. Кто составляет Президиум Верховного Суда? Председатель, заместитель и председатели Коллегий. То, что раньше было в Верховном Трибунале Пленумом, то теперь называется Президиумом. Он ведает управлением Верховного Суда, личным и материальным, распределением членов Верховного Суда между его Коллегиями, просмотром и утверждением отчетности, т. е. всей административной, всей финансово-контрольной, всей надзорной работой; затем, назначением специальных ревизий Губернских Судов, в отличие от регулярных обследований НКЮ. Как орган управляющий, НКЮ назначает ревизии систематические; он, собственно, не ревизует, а инструктирует, об'езжает, осматривает; Верховный Суд ревизует; когда едет ревизия Верховного Суда, значит, здесь дело уже не в порядке; ревизии Верховного Суда—это есть его карательная функция; поэтому они назначаются только по постановлению Президиума Верховного Суда или по предложению Прокурора Республики.

Дальше: «возбуждение дисциплинарного производства против членов Верховного Суда и наложение дисциплинарных взысканий в пределах, установленных Президиумом ВЦИК'а; созыв пленарных заседаний и подготовка материалов к ним». Таковы функции Президиума. Совершенно иные функции Пленума. «Пленарное заседание, при обязательном присутствии Прокурора Республики или его старшего помощника, ведает правильным истолкованием законов по вопросам судебной практики, рассмотрение и утверждение постановлений Президиума Верховного Суда об отмене приговоров отдельных судов или приговоров и определений Коллегий самого Верховного Суда, опротестованных Прокурором Республики, председателем Коллегии или прокурором данной Коллегии». Это основная функция пленума Верховного Суда отменять постановления любого суда Республики и любой из своих Коллегий, по протестам ВЦИК'а, председателя Верховного Суда, Прокурора Республики, председателя Коллегии или

прокурора данной Коллегии,—чем раньше ведал Судебный Контроль. Толкование законов, утверждение циркуляров Президиума Верховного Суда—это вторая основная функция. На практике, однако, здесь приходится притти к заключению, что останавливаться далее на анализе работы кассационной судебной Коллегии нет необходимости. Эти статьи слишком ясны и просты, они говорят о том, как работают кассационные коллегии, как они строятся. Важно отметить только статью 105, где говорится: «...устанавливается единая следственная часть... под наблюдением прокуратуры...» Кто является господином в следственном производстве? Закон и тут оставил неразрешенным этот вопрос. Он разрешился только с следующим циркуляром НКЮ, по коему надзор над следствием перешел в исключительное ведение Прокуратуры.

Дисциплинарная Коллегия образуется так же, как Коллегия Губсуда с той разницей, что председательствующий должен быть обязательно членом президиума.

Последняя глава говорит о порядке дисциплинарной ответственности судебных работников. Это совершенное новшество, которое выделяет судебных работников из общей системы советских работников и дает им специальную юрисдикцию. Закон о дисциплинарном суде, который принят в последней сессии, не распространяется на судебных работников. Они имеют свою автономию, они подчинены своей дисциплинарной коллегии.

Теперь спросим, за что можно попасть под дисциплинарное производство? По 112 ст.: «за поведение или действия судебных работников, хотя бы и не наказуемые уголовным законом, но несовместимые с достоинством судебных работников». Дисциплинарное производство и отстранение от должности может иметь место даже тогда, когда формально никакого нарушения закона нет. Второй повод еще важнее—вынесение ряда решений, противоречащих духу Советского законодательства: за что же тут карать? Закон и не хочет карать. Он хочет лишь демонстрировать,—в этих случаях отстранить, отстранить, как явно негодный для суда элемент, вот смысл этой статьи. Это очень важный пункт в этой 112 статье. «...Наказанием является только замечание, перемещение, выговор...» Ареста, как мы видим, здесь нет, он не считается совместимым с достоинством судебного работника. Установлена давность для дисциплинарного производства в течение года, порядок предварительного разбора дел, порядок явки. В смысле производства дисциплинарная Коллегия не связана никакими формами, кроме предоставления последнего слова обвиняемому, если выслушивается прокурор.

Последняя глава говорит о специальных судебных учреждениях для рассмотрения дел особых категорий, а именно, о Военных и Военно-Транспортных Трибуналах, которые целиком по своей структуре сохраняются так, как они были до судебной реформы, т. е. с порядком сплошного назначения и полным подчинением Военной Коллегии Верховного Суда.

Статья 131 говорит об образовании трудовых сессий, о которых мы беседовали, когда рассматривали статью 2-ю; тут имеется в

отличие от народных заседателей два постоянные члена суда от местного Губпрофсовета и местного Губотдела Труда, при чем инспекторам труда предоставляется право поддерживать обвинение и опротестовать решение и приговор.

По 133 статье Наркомтруду «предоставляется право истребования наряду с прокурором любого дела из трудовых сессий в порядке надзора».

Вот и все, последние статьи мы уже рассматривали, это статьи об арбитражных комиссиях. Этим можно закончить постатейный анализ Положения о Судоустройстве и теперь остается только подвести итоги. Разрешите подвести их в следующей лекции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Лекция 16-я.

Сегодняшняя беседа является последней в нашем курсе по истории судоустройства. Нам поэтому желательно в ней подвести итоги и окончательные выводы, которые мы можем сделать как из обзора истории развития наших судебных учреждений, так и из анализа действующей системы. Эти выводы можно было бы, я полагаю, формулировать следующим образом: рабочий класс вступил в эпоху пролетарской революции, не имея никаких продуманных воззрений и взглядов на существо той работы, которую ему предстояло совершить в судебной области. Партийная программа, с которой ему пришлось вступить в эпоху пролетарской революции, была явно неудовлетворительной не только с точки зрения частного вопроса, каким представлялась судебная область, но и с точки зрения разрешения более кардинальных и основных вопросов политической жизни, которые в этот момент встали перед рабочим классом. Приноровленная к условиям буржуазной эпохи и общества, эта партийная, социалистическая программа ни в коей мере не могла быть удовлетворительной для разрешения практического вопроса, как строить пролетарский суд. С другой стороны, устремление всего внимания вождей революции и теоретиков рабочего движения на вопросы более общего характера, на вопросы государственного строительства в целом, равным образом сыграло свою роль в том отношении, что никаких продуманных теоретических воззрений в области судебной не было. В этой области, наоборот, господствовали еще в сознании даже наиболее передовых работников рабочего движения и социалистической партии спутанные представления, заимствованные из архива либерально-буржуазной науки. В суде, мол, должны были господствовать принципы общедемократического характера, свойственные либерально-буржуазной демократии. Все это непосредственно отразилось на первых шагах судебной работы, в частности так, как она вылилась в декрете о суде № 1, где, как мы помним, избрание рабочих судов советами, т. е. классовое избрание было признано временным «впредь до установления общедемократических выборов».

С таким идейным и научным багажем вступил рабочий класс в эпоху пролетарской революции. В области строения судов слу-

чайное обстоятельство, а именно, нахождение на посту комиссара юстиции представителя не пролетарского мышления, левого эс-ра Штейнберга, привело к тому, что этот основной первородный грех первых шагов пролетарской революции в судебной области получил свое сугубое развитие в виде в высокой степени неудачной, громоздкой, надуманной, не пролетарской системы строения судебных мест, как она вылилась в декрете о суде № 2.

Потребности революции, однако, не ждали и в результате такого неправильного уклона в области судебной работы и под влиянием насущной необходимости иметь оружие борьбы и орудие охраны мы получаем развитие внесудебных полномочий ЧК в первую пору их действия в 1918—1919 гг.

Этот первый период развития наших судебных учреждений заканчивается с момента вступления в Комиссариат Юстиции в качестве Комиссара Юстиции товарища Стучки, которому предстояло для начала разрушить то, что натворил Штейнберг. При Курском мы имеем к концу 1918 г. первый более или менее продуманный опыт построения судов в виде Положения об едином Народном Суде. Опыт удачный в целом ряде отношений и явно неудачный в целом ряде других своих сторон. Плюсы Положения об едином Народном Суде заключались в простоте этой судебной системы, в ее близости к трудящимся массам, в проведении принципа единства Народного Суда для всех категорий преступлений, в освобождении Народного Суда от предрассудков либеральной школы, освобождении его от обязанностей и связи со старым законодательством, в том числе с уставом 1864 г., в предоставлении широкого простора революционной судейской совести и судейскому усмотрению. Это были плюсы судебной системы 1918 г. в «Положении о Народном Суде». Ее минусы были, однако, таковы, что они в громадной степени перевешивали плюсы. Минусом этой судебной системы было то, что принципиально были отодвинуты на задний план основные функции судов пролетарской республики, заключающиеся в охране интересов данного нового социального порядка, в осуществлении репрессии, как таковой, и на первый план были выпячены второстепенные, с моей точки зрения, роль и функции суда в виде школы права, правообразующей силы, политической трибуны и политического орудия воспитания масс. Эта несколько либерально-гуманитарная точка зрения в отличие от точки зрения на суд, как на орудие классовой борьбы, в первую очередь и в первую голову повела к тому, что простая, несложная, красивая система положения о едином Народном Суде де факто, в реальной жизни повела к сплошному распылению системы судебной репрессии, к принципиальной децентрализации. Отсутствие всякой централизации в управлении судами привело к тому, что из рук государственной власти выпал руль по управлению судебной политикой.

Народные Суды и Советы Народных Судей, целиком зависимые от местных советов и совершенно не зависимые, не контролируемые, не регулируемые и не управляемые центральной властью,—вот отрицательные стороны «Положения о Народном Суде». Принципиаль-

ное содержание этой системы, выпячивание ею на первый план культурно-политических задач, а не задач охраны государства, нашло отражение в нашей партийной программе РКП, где, как вы помните, основными двумя целями РКП указаны: 1) «РКП и впредь должна стремиться к тому, чтобы заменить систему наказаний системой воспитательного воздействия на преступника с постепенным уменьшением применения лишения свободы и переходом к принудительным работам, без лишения свободы, к досрочному освобождению, к моральным способам воздействия на сознание преступных элементов» и 2) «РКП должна стремиться к тому, чтобы поголовно все трудящееся население привлекалось к исполнению судебных обязанностей, в качестве народных заседателей в наших судах». Эти 2 цели, нашедшие свое отражение в нашей партийной программе, где ни слова не говорится об основной цели и функции суда—охранять данный господствующий строй, интересы данного господствующего класса, интересы рабочих против эксплоататоров, в качестве орудия классовой борьбы,—являются наилучшим выражением того нового, неправильного на наш взгляд, уклона в этот 2-й период наших судебных учреждений, который пережила наша судебная система в эпоху 1918—1921 г.г. В результате такого уклона мы имеем параллельное развитие другой самостоятельной судебной системы, где, наоборот, на первый план выпячивается иная основная функция—быть орудием репрессии,—системы трибунальной юстиции, независимой и параллельной с общей судебной системой. Таким образом, второй период истории наших судебных учреждений знаменуется дуализмом судебных учреждений: с одной стороны, система общих судов, развивающая идеи, как я говорил, гуманитарно-педагогические, и, с другой стороны, система трибунальной юстиции, развивающая, главным образом, идеи карательно-репрессивные. В противовес децентрализации здесь развивается централизация; в противовес привлечению народных масс к участию в суде,—здесь совершенно изгоняются какие-либо заседатели; в противовес стремлению к воспитательным средствам воздействия, путем ограничения репрессии, в Народных Судах,—здесь, в области трибуналов, проповедуется полнейшая свобода репрессии, при чем расстрел является повседневным явлением трибунальной практики и ценность трибунала и его председателя определяется постольку, поскольку он может оправдать свое назначение орудия репрессий.

Этот второй период заканчивается и он получает приблизительно в начале 1922 г. определенный уклон в сторону сближения обоих систем. И третий период нашей судебной юстиции—это период, когда эти отдельные попытки, сначала робкие, потом более серьезные, вернуться к единству судебной системы находят свое выражение в декрете о Высшем Судебном Контроле 1921 г. Сюда же относятся: попытки усилить роль заведующих губернскими отделами юстиции, попытка придать некоторую независимость судебным решениям от местных властей, в виде известного постановления Президиума ВЦИК'а. Завершение эта тенденция находит в реформе 1922 г., в введении действующей судебной системы, которая уничто-

жает дуализм, сливает трибуналы с Совнарсудами, уничтожает Высший Судебный Контроль, строит Верховный Суд, как единую надзирающую инстанцию и проводит принцип единообразного построения суда, в виде постоянного народного судьи и 2-х народных заседателей, снизу и до верху. Народный Суд, Губернский Суд, Верховный Суд — одна и та же система: постоянный судья и 2 народных заседателя, система централизованная, при чем в этой системе, в противовес, опять-таки, системе Положения о Народном Суде, уже на первый план выпячивается заимствованная у трибуналов идея, что суд есть, прежде всего, орган охраны интересов данного господствующего класса и данного социального уклада, и интересы культурные, гуманитарные, воспитательные, отодвигаются на задний план. При чем в области привлечения трудящихся масс к участию в судебной работе здесь, в этой системе, в явную несогласованность с программой РКП, провозглашается обратный принцип: не только не привлечение поголовно всех трудящихся, а, наоборот, только избранные элементы трудящегося населения привлекаются к отправлению судебных обязанностей.

Вот как можно было бы в кратких чертах обрисовать перед вами в итоговом обзоре историю развития нашей судебной системы. Нам важно теперь дать оценку этой судебной системы и этому развитию.

Вы помните, как я однажды здесь цитировал вам статью Петра Ивановича Стучки, напечатанную в сборнике «5 лет Верховного Суда», вышедшем по поводу пятилетия Верховного Трибунала.

В своей статье Стучка пишет, что «процесс этот (процесс развития наших судебных учреждений) поражает своей стройностью и законченностью». Это доказывает нам, что в истории нашей юстиции, несмотря на ее зигзагообразный вид, есть глубокая внутренняя логика, которая в конце-концов привела к настоящей системе, которую мы имеем сейчас. Это позволяет сделать отсюда вывод на будущее время и сказать: подобно тому, как в эпоху 1917—18—19 гг. история благодаря революции выдвинула и тем самым оправдала существование ВЧК и ее органов, так и для данной нашей с вами сейчас эпохи *история выдвинула и, следовательно, целиком оправдала существование данной судебной системы*, которая существует сейчас для данной эпохи, *для данного времени рабочего государства, находящегося в состоянии капиталистического окружения* и в *эпохе нэпа.* Данная судебная система, действующая сейчас, есть наиболее правильная и отвечающая потребностям времени система, ибо она, во-первых, дает ряд правовых гарантий, необходимых для эпохи частно-правовых обращений, для эпохи нэпа, нуждающейся в точных правовых гарантиях и в органах, охраняющих индивидуальные и коллективные права, т. е. нуждающейся и в гражданском кодексе и в положении о трестах и в правильно построенных и единообразно действующих судах. С другой стороны, эта система, построенная так, как она есть, с явным выпячиванием, резким преобладанием классовых пролетарских элементов, основанная на принципе не поголовного привлечения трудящихся в том

числе и крестьян, и мещан-лавочников и т. д. в качестве присяжных, а на принципе привлечения пролетарских элементов, выбранных профессиональными союзами и другими политическими рабочими организациями, это есть система, которая обеспечивает нам в условиях капиталистического окружения, защиту всегда и при всех условиях интересов рабочего класса преимущественно перед всеми остальными классами населения. Это ее плюс, в этом ее связь с данной социальной эпохой. Вот почему для данной эпохи, для данного переживаемого момента эта система является наиболее отвечающей потребностям. *Но из этого отнюдь не вытекает, что она всегда будет отвечать этим потребностям, что она всегда будет вполне целесообразна и необходима. Здесь возникает следующий вопрос: а какая же еще судебная система может быть наименована целесообразной. Ответ: смотря по эпохе.* В эпоху борьбы не на жизнь, а на смерть, скажем в международной схватке за социальную революцию, может быть, мы изобретем еще какую-нибудь систему, может быть, мы снова вернемся к формам Ч. К., а может быть, не вернемся, может быть, мы похерим отрицательные качества нашей системы, наши довольно сложные инстанции, может быть, мы упростим систему строения наших губсудов, а может быть, и нет.

Но для заключения нашей беседы, нам нужно все-таки поставить основной вопрос: а как же вы, теоретики нового суда, теоретики новой школы, теоретики права и пролетарского судоустройства, как же вы представляете себе вашу судебную систему в идеальных условиях коммунистического общества? Вот основной вопрос, который вправе задать всякий. Вы говорите, что система «Положения о едином Народном Суде» не выдерживает критики, потому что не была приноровлена к своему времени, что ваша система обусловлена местом и временем, а что же вы предложите в условиях коммунистического строя. На это мы ответим: никакой системы суда мы не предложим уже потому, что суд есть орган охраны государственной власти, а государственная власть, как таковая, улетучивается в условиях развития коммунистического строя. И до этого, в процессе этого улетучивания, мы не отрицаем, и даже более того, мы уверены, что с течением времени опять выдвинутся на первый план, в первую голову, обще-гуманитарные принципы, которые отражены сейчас в программе РКП. В качестве воздействия на лиц, уклоняющихся от соблюдения данного социального порядка, мы вероятно будем применять, главным образом, моральные меры, в виде того же самого условного осуждения, общественного порицания, отлучения от общежития, из'ятия из общественно-политических организаций, лишения политических прав. По всей вероятности, в области репрессий мы получим такую линию развития, а в области судоустройства, по всей вероятности, опять найдут выражение принципы, которые нашли уже раз свое выражение в «Положении о Народном Суде». Мы уничтожим систему инстанций, уничтожим и раскалывание на различные типы судов, уничтожим и зависимость от центральной власти, поскольку на первый план выдвинутся вопросы оценки, вопросы этики и поскольку условия развития социалистического хозяйства

выработают и укрепят новые этические нормы гораздо сильнее, чем они укреплены сейчас, благодаря гражданской войне и классовой борьбе, которая пока еще существует. Тогда, вероятно, система, заложенная как принцип в «Положении о Народном Суде», с ее простотой, красотой, с ее близостью к населению, с ее непосредственностью, со всеми ее положительными качествами, выдвинется опять на первый план. Так мне представляется в перспективе дальнейшее развитие наших судов. Пока что мы, в условиях нашей эпохи, должны руководствоваться хорошей поговоркой, что не нам приходится питаться пищей, приноровленной к более гастрономическим вкусам, на нашу долю приходится черный хлеб. Этот черствый кусок мы сейчас потребляем, по мере возможности приспособляясь к условиям нашей жесткой эпохи, и в качестве орудия самоохраны берем нашу жесткую, суровую судебную систему—ту, которая действует сейчас.

... И принципом, который мы должны были бы написать на фронтонах наших судов, и который должен найти свое выражение в повседневной нашей работе, должен явиться старый римский принцип. Не «правда и милость да царствуют в судах», как было написано на царских судах,—ложь, глупость, обман, лицемерие, фарисейство,—не «свобода, равенство и братство», как пишут на стенах французских тюрем и французских судов,—тоже ложь, обман, лицемерие, фарисейство,—а на наших судах должны мы написать римскую поговорку: «dura lex, sed lex» или: «*жестокий закон, свирепый закон, быть может, кровавый закон, но закон*». Под этим лозунгом начала действовать наша судебная система и надо пожелать ей, чтобы она этот лозунг всемерно и последовательно проводила.

Вот те заключительные слова, которыми я хотел бы закончить наш курс по истории нашей судоустройственной системы.

Материалы по истории народных судов.

Декрет о суде № 1.

Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Упразднить доныне существующие общие судебные установления, как-то: окружные суды, судебные палаты и правительствующий сенат со всеми департаментами, военные и морские суды всех наименований, а также коммерческие суды, заменяя все эти установления судами, образуемыми на основании демократических выборов.

О порядке дальнейшего направления и движения неоконченных дел будет издан особый декрет.

Течение всех сроков приостанавливается, считая с 25 октября с. г. впредь до особого декрета.

2. Приостановить действие существующего доныне института мировых судей,—заменяя мировых судей, избираемых доныне непрямыми выборами, местными судами в лице постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спискам очередных судей. Местные судьи избираются впредь на основании прямых демократических выборов, а до назначения таковых выборов временно-районными и волостными, а где нет таковых, уездными, городскими и губернскими Советами Раб., Солд. и Кр. Депутатов

Этими же Советами составляются списки очередных заседателей и определяется очередь их явки на сессию.

Прежние мировые судьи не лишаются права, при из'явлении ими на то согласия, быть избранными в местные судьи как временно Советами, так и окончательно на демократических выборах.

Местные суды решают все гражданские дела ценою до 3.000 р. и уголовные дела, если обвиняемому угрожает наказание не свыше 2 лет лишения свободы, и если гражданский иск превышает 3.000 р. Приговоры и решения местных судов окончательны и обжалованию в апелляционном порядке не подлежат. По делам, по коим присуждено денежное взыскание свыше 100 р. или лишение свободы свыше 7 дней, допускается просьба о кассации. Кассационной инстанцией является уездный, а в столицах—столичный с'езд местных судей.

Для разрешения уголовных дел на фронтах местные суды тем же порядком избираются полковыми советами, а где их нет—полковыми комитетами.

О судопроизводстве по прочим судебным делам будет издан особый декрет.

3. Упразднить доныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры.

Впредь до преобразования всего порядка судопроизводства предварительное следствие по уголовным делам возлагается на местных судей единолично, при чем постановления их о личном задержании и о предании суду должны быть подтверждены постановлением всего местного суда.

В роли же обвинителей и защитников, допускаемых и в стадии предварительного следствия, а по гражданским делам—поверенными, допускаются все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами.

4. Для принятия и дальнейшего направления дел и производств как судебных установлений, так и чинов предварительного следствия и прокурорского надзора, а равно и советов присяжных поверенных, соответствующие местные Советы Р., С. и Кр. Депутатов избирают особых комиссаров, которые принимают в свое ведение архивы и имущества этих учреждений.

Всем низшим и канцелярским чинам упраздняемых учреждений предписывается оставаться на своих местах и под общим руководством комиссаров исполнять все необходимые работы по направлению неоконченных дел, а равно и давать, в назначенные дни, заинтересованным лицам справки о положении их дел.

5. Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию.

П р и м е ч а н и е. Отмененными признаются все законы, противоречащие декретам Ц. И. К. Советов Р., С. и Кр. Деп. и Рабоче-Крестьянского Правительства, а также программам-минимум Р. С.-Д. Р. Партии и Партии С.-Р.

6. По всем спорным гражданским, а также и частно-уголовным делам стороны могут обращаться к третейскому суду. Порядок третейского суда будет определен особым декретом.

7. Право помилования и восстановления в правах лиц, осужденных по уголовным делам, впредь принадлежит судебной власти.

8. Для борьбы против контр-революционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и проч. лиц, учреждаются рабочие и крестьянские Рево-

люционные Трибуналы, в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых Губернскими или Городскими Советами Р., С. и Кр. Депутатов.

Для производства же по этим делам предварительного следствия при тех же Советах образуются особые следственные комиссии.

Все следственные комиссии, доныне существовавшие, отменяются с передачей дел и производств во вновь организуемые при Советах следственные комиссии.

Председатель Совета Нар. Ком. *В. Ульянов (Ленин).*

Комиссары: *А. Шлихтер, Л. Троцкий, А. Шляпников, И. Джугашвили (Сталин), Н. Авилов (Н. Глебов) и П. Стучка.*

Распубликован в № 17-м «Газеты Временного Рабоче-Крестьянского Правительства» от 24 ноября 1917 года.

(«Собр. Узак.» 1917 г., № 4, ст. 50).

Приложение № 2-й.

Декрет о суде № 2.

В развитие и дополнение декрета о суде от 24 ноября 1917 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет С. Р., С., Кр. и Казачьих Депутатов постановляет:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Окружные народные суды.

Ст. 1. Для рассмотрения дел, превышающих подсудность местного народного суда, образуются окружные народные суды, члены которых избираются по округам местными Советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов. Округа соответствуют прежним округам, но от соглашения Советов зависит изменить территорию данного округа, увеличив или сократив таковую.

Ст. 2. Общее собрание членов окружного народного суда устанавливает количество гражданских и уголовных отделений в составе председательствующего и не менее двух постоянных членов в каждом. Число членов суда может быть увеличено или уменьшено местными Советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов по собственному почину или по представлению о том судебных мест.

Члены суда избирают из своей среды председателя суда и председателей отделений, отзывают их и избирают на их места других. Избранные же члены суда, не исключая председателей, отзываются избравшими их Советами.

Ст. 3. Все подготовительные к суду распоряжения принимаются коллегиально в составе не менее трех постоянных членов окружного народного суда. Решение дел по существу в гражданских отделениях происходит в составе трех постоянных членов окружного народного суда и 4-х народных заседателей. По уголовным же делам решение их по существу происходит в составе 12 очередных заседателей и двух запасных, под председательством одного из постоянных членов суда.

Общие списки народных заседателей составляются губернскими и городскими Советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов, на основании списков кандидатов, представляемых местными районными и волостными Советами.

Очередные списки каждой сессии составляются путем жеребьевки Исполнительными Комитетами Советов.

Примечание. Размер суточного вознаграждения заседателей определяется губернскими и городскими Советами с обязательностью постепенного перехода к бесплатному несению гражданами государственной повинности по отправлению правосудия.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Кассация решений.

Ст. 4. Обжалование в апелляционном порядке отменяется и допускается только кассация решений.

Для рассмотрения кассационных жалоб на решения окружных народных судов как по гражданским, так и уголовным делам, постоянные члены окружных народных судов на общем собрании данной области избирают из своей среды надлежащее количество членов областного народного суда, которые в свою очередь из своей среды выбирают председателя областного народного суда и председателей отделений.

Примечание. Члены областного суда могут быть отозваны как выбравшими их в члены суда советами, так и избравшим их в члены областного суда собранием.

Ст. 5. При обжаловании в кассационном порядке суд имеет право отменить решение не только по формальным нарушениям, признанным им существенными, но и в том случае, если признает, что обжалованное решение явно несправедливо.

После отмены решения дело передается на новое рассмотрение в новом составе присутствия. Кассационному суду также принадлежит право помилования и смягчения наказаний.

Примечание. Отзывы на заочное решение допускаются как со стороны истца или обвинителя, так и со стороны ответчика или обвиняемого, но в том лишь случае, если суд признает неявку стороны, подающей отзыв, извинительной.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Верховный судебный контроль.

Ст. 6. В целях достижения единообразия кассационной практики, учреждается в столице верховный судебный контроль. В состав его входят представители областных народных судов по избранию этих судов на срок не свыше 1 года с правом отзыва и переизбрания как со стороны окружных судов, так и Советов Раб., Солд., Кр. и Казачьих Депутатов.

Верховный судебный контроль, в случае отмеченных им противоречий в толковании законов различными кассационными инстанциями, выносит об'единяющие принципиальные решения, которые кассационными инстанциями принимаются впредь к руководству.

В случае же обнаружения неустранимого противоречия между действующим законом и народным правосознанием верховный судебный контроль делает законодательным органам представления о необходимости издания нового соответствующего закона.

Отменять решения верховного судебного контроля может только законодательный орган советской власти.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О судопроизводстве и подсудности.

Ст. 7. В судах всех инстанций допускается судоговорение на всех местных языках. Установление правил о том, на каком языке или языках происходит судоговорение и судопроизводство, предоставляется судам совместно с Советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов.

Ст. 8. Судопроизводство как по гражданским, так и по уголовным делам, происходит по правилам судебных уставов 1864 года постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов и Совета Народных Комиссаров и не противоречат правосознанию трудящихся классов. В этом последнем случае в решениях и приговорах должны быть указаны мотивы отмены судом устарелых или буржуазных законов.

Ст. 9. Все дела охранительного гражданского судопроизводства, как-то: утверждение в правах наследства, утверждение к исполнению духовных завещаний, усыновление и т. д., а равно дела брачные, о рождении и вообще дела, оценке не подлежащие, подсудны местному суду. Дела о конкурсе на сумму свыше 3.000 рублей передаются в ведение окружных народных судов.

Ст. 10. Вопросы о подсудности как по гражданским, так и по уголовным делам, решаются окончательно без права обжалования су-

дом, к которому поступило дело, при чем суд, признав дело себе неподсудным, немедленно препровождает дело со всем производством в подлежащий по его решению суд, который обязан решить дело.

Ст. 11. Надписи о понудительном исполнении по векселям, закладным и нотариальным заемным письмам, на основании правил о понудительном исполнении, делаются нотариусами, а в местностях, где таковых нет, лицами, их заменяющими, при чем эти лица, а равно нотариусы, взимают пошлину и прочие сборы в установленном размере.

Ст. 12. Все формальные отводы по гражданским делам о смешении и дроблении исков, а также все ограничения тяжущихся в отношении формальной стороны производства, как-то: изменение основания иска, встречных требований, расширение дела новыми требованиями, привлечение новых ответчиков (как со стороны истца, так и ответчика) и т. п. отменяются.

Ст. 13. При разрешении гражданских дел, требующих специальных познаний, судом, по собственному его усмотрению, могут быть приглашены сведущие лица в составе судебного присутствия с правом совещательного голоса. Сторонам предоставляется право по соглашению включать в состав присутствия сведущих лиц и со своей стороны, в равном с каждой стороны количестве. Если же только одна сторона укажет своего кандидата в эксперты, другая же сторона в назначенный ей срок кандидата не укажет, то от суда зависит или принять в состав суда указанного кандидата и назначить от себя 2-го эксперта, или же, отвергнув заявление стороны, назначить от себя обоих сведущих лиц.

Ст. 14. В отношении доказательств суд не стеснен никакими формальными соображениями и от него зависит, по обстоятельствам дела, допустить те или иные доказательства. Свидетели дают показания с предварением ответственности за ложное показание. Принесение присяги отменяется.

Тайна купеческих и прочих книг отменяется, и от суда зависит требовать пред'явления таковых книг по правилам, установленным для прочих письменных доказательств.

Ст. 15. Дела казенных и общественных учреждений разбираются на одинаковых с делами частных лиц началах. Судебные иски между разными казенными учреждениями не допускаются.

Ст. 16. Если в уголовном деле пред'явлен гражданский иск, то таковой немедленно, после решения вопроса о наказании, передается в подлежащий гражданский суд, где он во всех отношениях рассматривается по правилам гражданского судопроизводства. Но от уголовного суда зависит принятие неотлагательных мер обеспечения иска.

Ст. 17. Суды и тюремное заключение для несовершеннолетних обоего пола до 17 лет отменяются. Дела о несовершеннолетних, уличенных в деяниях общественно-опасных, рассматриваются в «комиссиях о несовершеннолетних» в составе представителей ведомства юстиции, народного просвещения и общественного призрения.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

О судебной пошлине и судебных издержках.

Ст. 18. По гражданским искам ценой свыше 100 рублей, в гражданских, уголовных, а равно третейских судах, взимается судебная пошлина, определяемая впредь до особого декрета, в размере 2 проц. по делам от 100 руб. до 3.000 руб., 3 проц. по делам от 3.000 р. до 100.000 руб. и в размере 4 проц. свыше 100.000 руб., при чем от суда зависит, признавая недостаточность у стороны средств к уплате пошлины, отсрочить взнос таковой, однако, не долее момента об'явления решения. От суда же зависит отсрочить таким же порядком взнос всех прочих судебных издержек.

Ст. 19. Присуждая гражданский иск, суд присуждает в пользу выигравшей дело стороны понесенные ею на ведение дела издержки, при чем вместо нынешнего вознаграждения за ведение дела с проигравшей дело стороны может быть присуждено не свыше 10 проц. присужденной или отвергнутой суммы иска, из каковой суммы суд по своему усмотрению присуждает часть в пользу выигравшей дело стороны, а остальную часть обращает в доход казны.

Ст. 20. Взимание кассационного залога отменяется, вместо такового взимается судебная пошлина, как за первую инстанцию, которая не подлежит возврату, при чем в отношении расчета кассационных издержек соблюдается действовавший до сих пор порядок.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

О предварительном следствии.

Ст. 21. Предварительное следствие по уголовным делам, превышающим подсудность местного народного суда, производится следственными комиссиями из трех лиц, избираемых впредь до назначения прямых выборов—Советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов. В целях расследования дела, следственная комиссия может обратиться за содействием как к красной гвардии или народной милиции, так и ко всем частным и должностным лицам, а равно и к государственным и общественным учреждениям.

Участие защиты в стадии предварительного следствия может быть ограничено по постановлению следственной комиссии, если того требуют интересы раскрытия истины, при чем решения по этим вопросам подлежат обжалованию в окружной народный суд.

На определения следственных комиссий приносится жалоба в окружной народный суд.

Ст. 22. По уголовным делам обвинительный акт заменяется постановлением следственной комиссии о предании суду.

Если же таковое окружным народным судом будет признано недостаточно обоснованным, то от него зависит возвратить дело в следственную комиссию для доследования или поручить таковое одному из членов суда.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

Об обвинении и защите.

Ст. 23. Судебное следствие происходит при участии обвинения и защиты.

Ст. 24. При Советах Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов создается коллегия лиц, посвящающих себя правозаступничеству, как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты.

Ст. 25. В эти коллегии вступают лица, избираемые и отзываемые Советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов. Только эти лица имеют право выступать в судах за плату.

Ст. 26. Из коллегии правозаступников суд может пригласить для каждого дела общественного обвинителя.

Ст. 27. Если обвиняемый почему-либо не воспользовался своим правом приглашения защитника, суд, по его просьбе, назначает ему защитника из коллегии правозаступников.

Ст. 28. Кроме указанных обвинителей и защитников, могут принимать участие в судебных прениях один обвинитель и один защитник из присутствующих на судебном заседании лиц.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

О народных заседателях и судебном следствии.

Ст. 29. Народные заседатели участвуют в судебном следствии и в праве отводить во все время процесса назначенного для данного заседания председателя. Народные заседатели решают вопрос не только о факте преступления, но и о мере наказания, при чем они имеют право уменьшить положенное в законе наказание по своему убеждению вплоть до условного или полного освобождения обвиняемого от всякого накания.

Ст. 30. Заключительное слово председательствующего отменяется. Он дает только заключение о мерах наказания, предусмотренных законом.

В совещании народных заседателей председатель участвует с правом совещательного голоса.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

О жалобах, помиловании и восстановлении прав.

Ст. 31. Жалобы не допускаются на оправдательные приговоры, на смягчение наказания и на полное освобождение обвиняемого от всякого наказания.

Ст. 32. Всем лицам, осужденным по приговорам народного суда, предоставляется право просить местный народный суд по месту жительства просителя об условном или досрочном освобождении, а также о помиловании или о восстановлении в правах. Если местный суд придет к заключению, что ходатайство это не лишено серьезных оснований, он передает дело на рассмотрение суда по первоначальной подсудности.

Ст. 33. По всем решениям и приговорам, вынесенным после 25-го октября 1917 года судами прежнего устройства, сторонам предоставляется право требовать пересмотра дела по первоначальной подсудности.

Ст. 34. Срок обжалования по всем делам в кассационном и в частном порядке устанавливается одинаковый—месячный. Подача жалоб останавливает исполнение лишь по постановлению о том первой или кассационной инстанции.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

Об исполнении решений и приговоров.

Ст. 35. Исполнение решений и приговоров, впредь до особого декрета о выборных органах исполнения, производится в действовавшем до сих пор порядке, с заменой членов милиции красной гвардией, где таковая существует.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

О действующих законах.

Ст. 36. По гражданским и уголовным делам суд руководствуется гражданскими и уголовными законами, действующими доныне, лишь постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров и не противоречат социалистическому правосознанию. Не ограничиваясь формальным законом, а всегда руководствуясь соображениями справедливости, гражданский суд может отвергнуть всякую ссылку на пропуск давностного или иного срока и, вопреки таким или иным возражениям формального характера, присудить явно справедливое требование.

Та же справедливость должна применяться в суде уголовном.

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ.

Общие замечания.

Ст. 37. Первоначальное определение границ областных народных судов, определение числа членов их, а также числа членов верховного судебного контроля и созыв первых сессий их принадлежит Народному Комиссариату Юстиции.

В дальнейшем порядок действия этих судов устанавливается ими самими.

Ст. 38. Решения и приговоры в судах выносятся от имени Российской Федеративной Советской Республики.

Ст. 39. Деятели упраздненных судов имеют право быть избранными в новые судебные и следственные установления Советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов.

Подписали: Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Р., С., Кр. и Казачьих Депутатов
Я. Свердлов.

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин).*

Управляющий Делами СНК *В. Бонч-Бруевич.*

(«Собр. Узак.» 1918 г. № 26, ст. 347).

Приложение № 3-й.

Декрет о суде № 3.

В развитие и дополнение декретов о суде № 1 (Собр. Узак. № 4, ст. 50), № 2 (Собр. Узак. № 26, ст. 420 (347) и декрета о Революционных Трибуналах (Собр. Узак. № 35, ст. 471),—Совет Народных Комиссаров постановляет:

Ст. 1. На местные Народные Суды возложить рассмотрение всех уголовных дел о преступлениях и проступках, за исключением дел о посягательстве на человеческую жизнь, изнасиловании, разбое и бандитизме, подделке денежных знаков, взяточничестве и спекуляции, рассмотрение которых отнести к ведению Окружных Народных Судов.

Ст. 2. Дела о взяточничестве и спекуляции из'ять из ведения Революционных Трибуналов и передать их в Окружные Народные Суды всюду, где таковые учреждены.

Ст. 3. Предоставить местным Народным Судам налагать наказание до 5 лет лишения свободы, руководствуясь декретами Рабоче-Крестьянского Правительства и социалистической совестью.

Ст. 4. На местные Народные Суды возложить рассмотрение всех гражданских дел, ценою до 10.000 рублей.

Ст. 5. По делам, по коим присуждено взыскание свыше 500 рублей или лишение свободы свыше 7 дней, допустить кассационные жалобы в Советы местных Народных Судей.

Ст. 6. По более сложным уголовным делам, подсудным местному Народному Суду, допустить предварительное следствие, производство которого возложить на Следственные Комиссии, учрежденные по декрету «о суде № 2». Предварительное следствие в этих случаях возбуждается, как по постановлению Местного Народного Суда, так и самой Следственной Комиссией, при чем вопрос о направлении дела решается окончательно Местным Народным Судом.

Ст. 7. Решение гражданских дел по существу в Окружных Народных Судах возложить на Судебную Коллегию, в составе председательствующего или члена гражданского отделения и 4-х очередных заседателей.

Ст. 8. Для рассмотрения кассационных жалоб на решения Окружных Народных Судов, как по гражданским, так и по уголовным делам и взамен Судебного Контроля временно учредить Кассационный Суд в г. Москве из двух Отделений—Гражданского и Уголовного в составе: председателя и его товарища, утверждаемых Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов по представлению Народного Комиссариата Юстиции, и 8-ми членов, избираемых Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов из кандидатов, представленных Окружными Народными Судами и Советами Местных Народных Судей к 1 августа 1918 г.

Примечание. Председатель, его товарищ и члены Кассационного Суда отзываются Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов.

Ст. 9. По всем делам, по коим течение всех сроков было приостановлено с 25 октября 1917 года, впредь до особого декрета течение всех сроков возобновить с 1 августа 1918 г.

Ст. 10. На приговоренных судами и революционными трибуналами к лишению свободы возлагать сверх судебных издержек также издержки по содержанию их под стражей.

Ст. 11. Лишение свободы на срок до 3-х месяцев всюду, где организованы принудительные общественные работы, применять в виде назначения на таковые без содержания под стражей.

Подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин).* Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров *В. Бонч-Бруевич.*

Распубликован в № 152 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 20 июля 1918 года.
(«Собр. Узак.» 1917—18 г.г. № 52 ст. 589).

Приложение № 4-й.

Об организации и действии местных народных судов (Инструкция).

А. Основные положения судоустройства.

Район действия.

Ст. 1. Число судебных участков Местного Народного Суда для каждого города или уезда устанавливается в соответствии с прежними участками Местных Мировых Судов и расписанием, опубликованным в Собрании Узаконений 1917 года, ст. 577, № 104.

Примечание. В случае явного несоответствия вышеуказанного числа участков местным условиям Губернские Комиссары Юстиции или органы, их заменяющие, входят в Народный Комиссариат Юстиции с докладом об увеличении или уменьшении числа участков, принимая во внимание экономические группировки населения, которые имеются на местах, например, заводские, фабричные и торговые пункты, а также общую населенность того или другого района, пути сообщения, размер территории и предполагаемое количество судебных дел.

Ст. 2. Распределение территории уезда или города на судебные участки, согласно ст. 1-ой, производится уездными Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов и утверждается губернскими Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов. В городе Москве и Петербурге распределение на судебные участки городской территории производится районными Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов и утверждается городскими Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Состав.

Ст. 3. Местный Народный Суд каждого отдельного судебного участка должен непременно состоять из:

1. одного постоянного местного судьи;
2. двух очередных судей-заседателей.

Ст. 4. Постоянные местные судьи должны удовлетворять следующим условиям:

1. иметь право избирать и быть избираемыми в Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов;
2. иметь политический опыт работы в пролетарских организациях, как-то: политических партиях, поддерживающих Советскую власть, профессиональных союзах, классовых рабочих кооперативах, фабрично-заводских комитетах или в Советских Организациях, как-то: Советских Комиссариатах, Исполнительных Комитетах и Отделах Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов;
3. иметь теоретическую или практическую подготовку для должности Советского судьи.

Постоянный местный судья должен безусловно удовлетворять первому условию и хотя бы одному из последних двух условий.

Ст. 5. Постоянные местные судьи избираются в следующем порядке:

1. в городах, имеющих районные Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов,—Общим Собранием этих Советов из числа кандидатов, предлагаемых Исполнительным Комитетом районного Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов после предварительной, тщательной проверки соответствия кандидатов своему назначению;
2. в городах, не имеющих районных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов,—тем же порядком Исполнительным Комитетом городского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, а где такового нет—уездного С'езда Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов;

3. в уездах—Исполнительными Комитетами уездных С'ездов Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, которые в списки кандидатов включают всех кандидатов сельских и волостных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, удовлетворяющих условиям ст. 4-ой.

Примечание. Постоянные судьи могут быть отозваны Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов, их избравшими, в любое время.

Ст. 6. Очередные судьи-заседатели должны удовлетворять первому из условий, обязательных для постоянного местного судьи, т. е. иметь право избирать и быть избираемыми в Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Ст. 7. Очередные судьи-заседатели предварительно вносятся в списки заседателей отдельного судебного участка следующим порядком:

1. в городах, имеющих районные Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов к составлению предварительных кандидатских списков заседателей привлекаются все организации, стоящие на платформе Советской власти, как-то: политические партии, профессиональные рабочие союзы, классовые рабочие кооперативы, фабрично-заводские комитеты и т. д., которые при составлении списков включают одного кандидата в заседатели на каждые 50 избирателей своей организации; собирание же всех отдельных списков и утверждение кандидатов возлагается на Исполнительные Комитеты районных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов;

2. в городах, не имеющих районных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, тем же порядком собирают отдельные предварительные списки и утверждают кандидатов Исполнительные Комитеты городских, а где их нет,—уездных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов без ограничения, указанного в пункте 1-м настоящей статьи;

3. в уездах предварительные списки составляются и утверждаются: для фабричных районов—Исполнительными Комитетами районных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, для земледельческих—Исполнительными Комитетами волостных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, при чем каждое сельское общество намечает одного кандидата на каждые 50 Советских избирателей, а где их меньше,—одного на каждое селение. Окончательные списки составляются Исполнительными Комитетами уездных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Ст. 8. Списки заседателей составляются на один год.

Ст. 9. Из утвержденных списков заседателей избираются по жребию по три заседателя (два очередных и один запасный) для каждой сессии участкового Местного Народного Суда следующим порядком:

1) в городах, имеющих районные Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов,—Президиумом районного Совета Рабочих и Крестьянских

янских Депутатов совместно с Коллегией постоянных судей данного Советского района;

2) в городах, не имеющих районных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, а также в уездах,—тем же порядком Президиумом Исполнительных Комитетов городских, а где их нет,—уездных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов совместно с представителями Местного Народного Суда или Совета Местных Народных Судей.

Примечание. В видах экономии времени, органы, намечающие по жребию заседателей, могут одновременно установить несколько очередей заседателей, имея в виду статью 10 Инструкции.

Ст. 10. Каждый заседатель участвует в заседаниях Местного Народного Суда в течение не более 6-ти заседаний, при чем за ним сохраняется его заработная плата. Если же дневной заработок заседателя не достигает 15 р. в губернских городах и 10 р. в уездных, то недостающая плата уплачивается из общегосударственных средств, ассигнованных на содержание Местного Народного Суда. При неимении заработка заседателем ему уплачиваются суточные в полном размере из общегосударственных средств. Никаких других путевых или суточных заседателям не полагается. Там, где представляется возможность, заседатели несут государственную повинность по отправлению правосудия бесплатно.

Ст. 11. Очередные судьи-заседатели извещаются о заседаниях постоянным судьей повестками по жительству судей-заседателей не позже, как за 7 дней, при чем одновременно оповещаются фабрично-заводские комитеты или те предприятия, в коих работают заседатели.

Ст. 12. Уклонение судей-заседателей от государственной повинности по отправлению правосудия не допускается. Не явившийся заседатель, своевременно не известивший о невозможности явиться и не представивший уважительных причин своей неявки, подвергается штрафу в размере до 100 рублей.

Примечание. Лица, воспрепятствовавшие явке заседателя, подвергаются штрафу в размере до 300 рублей. Штрафы вносятся в доходную смету Республики.

Подсудность.

Ст. 13. Местному Народному Суду впредь до введения единого Народного Суда подсудны:

1. все дела о преступлениях и проступках, за исключением дел:

а) о посягательстве на человеческую жизнь, изнасиловании, разбое и бандитизме, подделке денежных знаков, взяточничестве и спекуляции, суждение о которых отнесено к ведению Окружных Народных Судов;

б) по борьбе с контр-революцией, погромами, подлогами Советских документов и неправомерным пользованием этими документами, хулиганством и шпионажем, каковая борьба возложена на Революционные Трибуналы.

Местный Народный Суд должен при этом иметь в виду, что на Революционные Трибуналы возложена борьба с указанными деяниями, дезорганизующими Советский строй, но не безусловное рассмотрение всех этих, зачастую мелких по своему значению, дел. Поэтому рассмотрению Местного Народного Суда подлежат дела в этой последней категории, если они будут направлены в Местный Народный Суд Революционными Трибуналами.

2. Все исковые дела, в которых цена иска не определена, иски до 10.000 рублей, дела о расторжении браков, об обеспечении исков без ограничения цены и все дела в порядке бесспорного производства.

Примечание. Дела по подсудности направляются как судами, так и следственными комиссиями. Окончательное решение вопроса о подсудности принадлежит Местным Народным Судам.

Б. Основные положения судопроизводства.

Следствие.

Ст. 14. Следствие по уголовным делам, подсудным Местному Народному Суду, возлагается на постоянных местных народных судей единолично. По более сложным уголовным делам, подсудным Местному Народному Суду, допускается предварительное следствие, производство которого возлагается на следственные комиссии, учрежденные по декрету о Суде № 2 (Собр. Узак. и Расп. Раб. и Крест. Правит. 1918 г. № 26, ст. 420/347). Предварительное следствие в этих случаях возбуждается, как по постановлению Местного Народного Суда, так и самой следственной комиссией, при чем вопрос о направлении дела решается окончательно Местным Народным Судом (ст. 6 декрета о Суде № 3) (Собр. Узак. № 52, ст. 589).

О порядке начатия дел.

Ст. 15. Производство в Местном Народном Суде начинается по просьбе граждан, по предложению Советов и должностных лиц и по собственному усмотрению в тех случаях, когда Суду в лице, хотя бы одного из своих членов, пришлось наблюдать нарушение закона. Местный народный судья в случае необходимости может своим единоличным постановлением подвергать обвиняемого личному задержанию, при чем такое постановление должно быть подтверждено всем составом Суда не далее ближайшего заседания Суда.

Ст. 16. По поступлении в Местный Народный Суд протоколов дознания о совершении какого-либо преступления местный народный суд, основательно ознакомившись с протоколом, составляет формулировку обвинения, если находит достаточными данные дознания. Затем местный народный судья определяет меру пресечения способов уклониться от суда и, назначив день слушания дела, вносит

свое определение о мере пресечения на утверждение Коллегии Местного Народного Суда, т. е. постоянного судьи и двух очередных судей-заседателей.

Ст. 17. Если по предварительном рассмотрении дознания или по заслушании дела по существу Местный Народный Суд придет к заключению, что по тяжести предполагаемого наказания оно выходит за пределы его компетенции, он пересылает все производство по подсудности.

Примечание. Местным Народным Судам предоставляется налагать наказания до 5-ти лет лишения свободы, руководствуясь декретами Рабочего и Крестьянского Правительства и социалистической совестью (ст. 3 декрета о Суде № 3).

Ст. 18. Дела, по коим обвиняемый содержится под стражей, назначаются к слушанию в первую очередь.

Приготовительные к суду распоряжения.

Ст. 19. Заинтересованные лица своевременно вызываются к разбору дела повестками или извещаются словесно с отобранием подписки о явке в срок. Арестованные приводятся.

Повестки рассылаются: заказными пакетами с обратной распиской через судебных рассыльных, через милицию и т. п.

В вызывных повестках указывается, вызывается ли данное лицо в качестве свидетеля или обвиняемого, или потерпевшего, или эксперта с приведением названного деяния, в совершении коего обвиняется данное лицо, и день слушания дела. Указывается также последствия неявки.

Ст. 20. Местный Народный Суд каждого судебного участка состоит из местного постоянного народного судьи и двух очередных судей-заседателей, участвующих в рассмотрении дел. В случае выбытия заседателя по болезни или по другим уважительным причинам, его заменяет запасный судья-заседатель. Сторонами может быть заявлен отвод, как постоянного судьи, так и очередных судей-заседателей. Отводы рассматриваются Коллегией Суда, и по поводу их выносится постановление.

Действия, сопровождающие открытие судебного заседания.

Ст. 21. По открытии заседания суд выясняет, кто из сторон и свидетелей и участвующих в деле лиц прибыл в заседание, и, удостоверившись в личности участвующих в деле, разрешает вопрос о возможности слушания дела в настоящем его положении. Неявка сторон, обвиняемого или свидетелей без уважительных причин не останавливает разбора дела, если явка их в суд не будет признана судом обязательной. Копия приговора или решения при рассмотрении дела в отсутствии сторон сообщается обвиняемому или ответчику.

Ст. 22. В случае заявления сторонами ходатайства о вызове дополнительных свидетелей, Суд требует указания, какие обстоятельства должны быть установлены этими свидетелями.

Ст. 23. В качестве правозаступников по гражданским и уголовным делам допускаются лишь лица, состоящие в коллегии правозаступников, при чем по несложным гражданским и бракоразводным делам Местный Народный Суд может особым определением не допустить участия правозаступников в деле.

Примечание. Кроме правозаступников, допускаются к выступлению в процессе по особым доверенностям или уполномочиям только близкие родные тяжущихся, как-то: родители, дети, сестры и супруги, а также уполномоченные правительственных и общественных учреждений и национализированных предприятий, председатели и члены правлений частных предприятий, управляющие их делами.

Ст. 24. Кроме свидетелей, допрашиваются и эксперты, если они вызваны в заседание Суда. В случае необходимости производится осмотр вещественных доказательств, которые должны быть своевременно затребованы Судом до назначения дела к слушанию.

Ст. 25. Принесение присяги свидетелями, экспертами и сторонами отменяется. Взамен этого свидетели и эксперты предваряются об общей ответственности за ложные показания.

Ст. 26. Свидетели до их допроса не могут присутствовать в зале заседания при разборе дела.

Ст. 27. Все заседания суда открыты, но, если в том, по особым соображениям, встретится надобность, публика может быть на время удалена по постановлению суда.

Ст. 28. При рассмотрении дел в Местном Народном Суде должен соблюдаться внешний порядок, соответствующий достоинству народного суда.

Ст. 29. Слушание дела начинается с доклада постоянного судьи. После доклада дается слово истцу или обвинителю, если он участвует в деле, для краткого изложения фактов или освещения их. После этого Суд формулирует обвинение или сущность иска и спрашивает обвиняемого о его виновности (признаете вы себя виновным в том, что тогда-то, там-то, один или сообща с другими лицами, при таких-то обстоятельствах совершили то-то) или ответчика, признает ли он иск.

Засим выслушивается ответчик или обвиняемый. После этого Суд допрашивает свидетелей и проверяет доказательства, имеющиеся в деле.

Ст. 30. При полном и согласно с обстоятельствами дела сознании подсудимого Суд может не допрашивать свидетелей, или, допросив нужных, перейти к заключительным моментам судебного заседания.

Ст. 31. В случае отрицания виновности, выслушивается подсудимый, производится допрос свидетелей, которые вводятся в зал по одиночке, дают показания, записываемые вкратце в протокол, подписывают свои показания и остаются в зале заседания до освобо-

ждения их Судом. Если свидетель неграмотен, об этом отмечается в протоколе.

Ст. 32. По делам, могущим кончиться примирением, сторонам предлагается вопрос, не пожелают ли они примириться.

Ст. 33. Когда Суд находит, что дело судебным следствием достаточно выяснено, он предоставляет последнее слово сторонам с тем, чтобы последним говорил ответчик или обвиняемый (после защитника, если таковой участвует в деле) и удаляется в совещательтельную комнату для постановления решения или приговора.

Ст. 34. При рассмотрении, как уголовных, так и гражданских дел Местный Народный Суд не стеснен никакими формальными соображениями и от него зависит по обстоятельствам дела допустить те или иные доказательства и потребовать их от лиц, у которых они находятся. Точно также Местный Народный Суд может отвергнуть всякую ссылку на пропуск давностного или иного срока и, вопреки формальному возражению, присудить явное справедливое требование (ст. ст. 14 и 36 декрета о Суде № 2).

Ст. 35. По гражданским и уголовным делам Местный Народный Суд руководствуется гражданскими и уголовными законами свергнутых правительств, поскольку они не отменены декретами Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов и Совета Народных Комиссаров и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию (ст. 36 декрета о Суде № 2).

Ст. 36. Местный Народный Суд имеет право уменьшить положенное в законе наказание по своему убеждению вплоть до условного или полного освобождения обвиняемого от всякого наказания (ст. 29 декрета о Суде № 2), за исключением тех случаев, когда в декрете установлен минимум наказания.

Порядок постановления и вынесения приговоров и решений.

Ст. 37. Во время совещания Суда в совещательную комнату не допускаются никакие посторонние лица, не исключая и секретаря.

Ст. 38. Приговор или решение выносится по большинству голосов. Член Суда, несогласный с приговором, может представить свое особое мнение, которое должно быть приложено к протоколу.

Ст. 39. В приговоре должны быть указаны основания приговора и степень наказания.

Примерная форма приговора.

Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Местный Народный Суд такого-то участка в составе: Постоянного Судьи такого-то и очередных судей-заседателей таких-то, такого-то числа, месяца и года разобрал дело по обвинению такого-то, обвиняемого в том-то, и, приняв во внимание сознание обвиняемого (или показания свидетелей, или другие обстоя-

тельства дела), выслушав обвиняемого и его последнее слово, постановил: признать преступление доказанным (или недоказанным), такого-то виновным (или невиновным) в совершении такого-то деяния и приговорил такого-то подвергнуть такому-то наказанию (или: постановил признать обвиняемого такого-то по суду оправданным). С вещественными доказательствами следует поступить так-то.

Настоящий приговор окончательный и обжалованию не подлежит (или: настоящий приговор может быть обжалован в месячный срок).

Под приговором следуют подписи постоянного местного народного судьи и очередных судей-заседателей.

Ст. 40. На приговоренных Местным Народным Судом к лишению свободы возлагаются, сверх судебных издержек, также издержки содержания под стражей (ст. 10 декрета о Суде № 3).

Ст. 41. В особо сложных гражданских делах Суд может отложить провозглашение решения, но не более, чем на три дня.

Ст. 42. В приговорах по делам, по коим определены наказания не свыше семи дней лишения свободы или денежное взыскание не свыше 500 рублей, а также по гражданским делам, по коим присуждено не свыше 500 рублей, обязательно указывается, что такие приговоры и решения окончательные и обжалованию не подлежат. По прочим делам указывается, что срок обжалования—месячный.

Ст. 43. При об'явлении приговора сообщается также о способах и сроке обжалования.

Порядок обжалования приговоров и решений Местного Народного Суда.

Ст. 44. Приговоры и решения Местных Народных Судов окончательны и обжалованию в апелляционном порядке не подлежат. По делам, по коим присуждено взыскание свыше 500 рублей или лишение свободы свыше 7 дней, допускаются кассационные жалобы в Советы (С'езды) Местных Народных Судей. Срок обжалования, как по уголовным, так и гражданским делам—месячный.

Ст. 45. Жалобы подаются тому Суду, в коем состоялся приговор или решение. Местный Народный Суд по получении жалобы представляет ее вместе с делом в Совет Местных Народных Судей в течение трех дней. Дело должно быть приведено в порядок и пронумеровано, а также приложены вещественные доказательства в опечатанном виде и опись документов.

Ст. 46. Для содержащихся под стражей в течение срока обжалования начинается с момента вручения им копии приговора, если они о том своевременно просили.

Об исполнении приговора и решений.

Ст. 47. Местный Народный Суд приводит в исполнение приговоры, по коим определены наказания не свыше 7 дней лишения свободы или денежное взыскание не свыше 500 рублей, а также реше-

ния по гражданским делам, по коим присуждено не свыше 500 руб.,— немедленно. По всем же другим делам, в случае подачи жалобы, исполнение может быть приостановлено Местным Народным Судом с принятием мер пресечения уклониться осужденному от приведения над ним приговора в исполнение, если в этом встретится надобность, а равно мер обеспечения иска.

Ст. 48. Решения местного Народного Суда по гражданским делам, не обжалованные в срок, или оставленные в силе при кассационном рассмотрении, не могут быть отменены или заменены и являются обще-обязательными.

По уголовным делам жалобы не допускаются на оправдательные приговоры. На смягчение наказания и на полное освобождение обвиняемого от всякого наказания может быть принесена жалоба только Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов или их представителями, если приговором нарушен определенный декретом минимум наказания.

Ст. 49. Всем лицам, осужденным по приговорам Местного Народного Суда, предоставляется право просить Местный Народный Суд по месту жительства просителя об условном или досрочном освобождении, а также о помиловании или о восстановлении в правах. Если Местный Народный Суд придет к заключению, что ходатайство это не лишено серьезных оснований, он передает дело на рассмотрение суда по первоначальной инстанции (ст. 32 Декрета о Суде № 2). Если такой суд уже упразднен, то вопрос решает Местный Народный Суд по месту жительства просителя, при чем этот последний Суд требует присылки первоначального по делу производства.

Ст. 50. Суд, постановивший приговор, имеет право освободить осужденного досрочно:

1. По своей инициативе.

2. По ходатайству осужденного или близких ему лиц.

3. По предложению распределительной комиссии, установленной ст. 17 Временной Инструкции о лишении свободы, или, где таковые еще не учреждены, по отзыву администрации места заключения об осужденном.

Ст. 51. Лишение свободы на срок до трех месяцев всюду, где организованы принудительные общественные работы, применять в виде назначения на таковые без содержания под стражей (ст. 11 декрета о суде № 3).

В. Кассационное производство.

Ст. 52. Кассационной инстанцией по делам, решенным Местным Народным Судом, и ближайшим органом судебного контроля является Совет (С'езд) Местных Народных Судей, в который входят все постоянные местные народные судьи данного уезда или города, участвующие в заседаниях по очереди, в числе не менее трех.

Ст. 53. Ведение заседаний Совета Местных Народных Судей

возлагается или на председательствующего, каждый раз для того избираемого, или на Председателя Совета.

Ст. 54. Совет Местных Народных Судей, как кассационнная инстанция Местного Народного Суда, имеет право отменять решения Местного Народного Суда, по формальным нарушениям, признанным существенными. Ему же принадлежит право отмены приговоров и решений Местного Народного Суда и в тех случаях, когда он признает, что обжалуемые приговоры и решения Местного Народного Суда явно несправедливы. Совету Местных Народных Судей принадлежит право смягчения наказания, а, в исключительных случаях, и полного освобождения от наказания.

Ст. 55. К слушанию дела в Совете Местных Народных Судей вызываются: потерпевший, обвиняемый, стороны и лица, заявляющие права на вещественные доказательства, однако, неявка их не останавливает рассмотрения дела, за исключением тех случаев, когда Совет признает присутствие их необходимым.

Ст. 56. Участие правозаступников в кассационном производстве допускается на общих основаниях (ст. 23 настоящей Инструкции).

Ст. 57. По заслушании дела и рассмотрении его Суд выносит решение. В случае отмены или смягчения приговора должны быть указаны мотивы.

Решения Совета не могут быть обжалуемы.

Ст. 58. В случае отмены приговора или решения, дело в течение трех дней отсылается в тот Суд, коему поручено новое рассмотрение дела, копия же решения Совета Местных Народных Судей отсылается для руководства в Суд, постановивший отмененный приговор (решение), а в более важных случаях—и во все Местные Народные Суды, входящие в пределы ведения Совета.

Ст. 59. Решения Советов Местных Народных Судей, имеющие принципиальный характер, должны систематизироваться и представляться в Народный Комиссариат Юстиции.

Г. Канцелярия Местного Народного Суда и Совета Местных Народных Судей.

Ст. 60. При Местном Народном Суде и Совете Местных Народных Судей находятся канцелярии из лиц по вольному найму в числе, не превышающем показанного в штатах.

Ст. 61. Секретарь Местного Народного Суда и Совета Местных народных Судей несет полную ответственность за делопроизводство канцелярии.

Ст. 62. Канцелярии Местного Народного Суда и Совета Местных Народных Судей должны быть открыты в определенные часы ежедневно, кроме неприсутственных дней, для выдачи справок и приема бумаг—прошений, протоколов и др., а также словесных заявлений.

Ст. 63. Местный Народный Суд и Совет Местных Народных Судей имеет печати с надписями:

в средине: «Р. С. Ф. С. Р.» (Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика);

вокруг: «такой-то Местный Народный Суд», «такой-то Совет Местных Народных Судей».

Д. О судебной пошлине и судебных издержках.

Ст. 64. По гражданским искам, ценою свыше 100 руб., в гражданских, уголовных, а равно в третейских судах взимается судебная пошлина, определяемая впредь до особого декрета в размере: 2 проц. по делам от 100 руб. до 3.000 руб., 3 проц.—от 3.000 до 100.000 руб. и в размере 4 проц. свыше 100.000 руб., при чем от Суда зависит, признавая недостаточность у стороны средств к уплате пошлины, отсрочить взнос таковой. От Суда же зависит отсрочить таким же порядком взнос всех прочих судебных издержек.

Ст. 65. Присуждая гражданский иск, Суд присуждает в пользу выигравшей дело стороны за понесенные ею издержки, при чем вместо нынешнего вознаграждения за ведение дела с проигравшей дело стороны может быть присуждено не свыше 10 проц. присужденной или отвергнутой суммы иска, из каковой суммы Суд часть, по его усмотрению, присуждает в пользу выигравшей дело стороны, а остальную часть обращает в доход казны.

Ст. 66. Взимание кассационного залога отменяется. Вместо такового взимается судебная пошлина, как за первую инстанцию, которая не подлежит возврату.

Настоящая инструкция вступает в силу со дня ее подписания и публикуется в Собрании Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства и в журнале Народного Комиссариата Юстиции «Пролетарская Революция и Право».

Подписал Народный Комиссар Юстиции *П. Стучка.*

23 июля 1918 года.
(«Собр. Узак.» 1918 г. № 53, ст. 597).

Приложение № 5-й.

О народном суде Российской Социалистической Советской Республики (Положение).

Общие начала судоустройства.

Ст. 1. В пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики учреждается единый Народный Суд в составе:

1. одного постоянного Народного Судьи;

2. двух или шести очередных Судей Народных Заседателей.

Ст. 2. Народный Суд действует на территории Советского района, уездного или городского.

Ст. 3. Число Народных Судов в отдельном Советском районе определяется Уездными или Городскими Исполнительными Комитетами Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов и утверждается Губернским Исполнительным Комитетом Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов. В городах, в которых существуют районные Советы, число Народных Судов определяется районными Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов и утверждается городским Советом Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Ст. 4. Народному Суду в пределах района подсудны все уголовные дела о преступлениях и проступках, споры об имущественных и личных правах и интересах, а также все дела, отнесенные к ведению суда в порядке бесспорного производства, по которым требуется для какого-либо учреждения Республики установление факта или события.

Примечание. Дела о контр-революционных деяниях и выступлениях, саботаже, дискредитировании Советской власти и шпионаже рассматриваются Революционным Трибуналом, от которого зависит признать деяние неимеющим политического значения и передать дело в Народный Суд.

Ст. 5. Народный Суд действует в составе:

или 1. одного постоянного Народного Судьи,

или 2. постоянного Народного Судьи и двух очередных Народных Заседателей,

или 3. постоянного Народного Судьи и шести очередных народных заседателей.

Ст. 6. Постоянный Народный Судья единолично:

1. рассматривает дела о расторжении браков и дела в порядке бесспорного производства;

2. производит, если встретится надобность, предварительное следствие по уголовным делам, подлежащим рассмотрению Народного Суда с его участием в составе двух заседателей;

3. проверяет законность и правильность поводов содержания лиц под стражей в местах заключения района и в случае неправильности или незаконности такового освобождает из под стражи;

4. наблюдает за производством дознания органами советской милиции, давая руководящие указания, утверждает или усиливает меры пресечения уклонения от следствия, принятые этими органами, в случае необходимости смягчить меры пресечения немедленно вносит вопрос на разрешение Народного Суда.

Ст. 7. Народный Суд действует в составе постоянного Народного Судьи и шести очередных народных заседателей при рассмотрении уголовных дел: о посягательствах на человеческую жизнь, причинении тяжелых ран или увечья, изнасиловании, разбое, подделке денежных знаков и документов, взяточничестве и спекуляции монопольными и нормированными продуктами потребления.

Ст. 8. Народный Суд действует в составе постоянного Народного Судьи и двух очередных народных заседателей по всем остальным уголовным и по всем гражданским делам.

Примечание. Народный Судья по уголовным делам, указанным в настоящей статье, может признать необходимым рассмотрение их в составе шести заседателей.

Ст. 9. При рассмотрении уголовных и гражданских дел очередные народные заседатели во всех стадиях судебного разбирательства пользуются одинаковыми правами с постоянным Народным Судьей, решая совместно с ним вопросы о факте преступления, наказания, присуждения исковых требований или отказа в иске и все вопросы, возникающие при разборе дел.

Ст. 10. В судебном присутствии с участием шести очередных народных заседателей председательствует постоянный судья или один из заседателей по избрании наличным составом Суда, в судебном присутствии с участием двух очередных народных заседателей председательствует постоянный Народный Судья.

Ст. 11. При разрешении гражданских дел, требующих специальных познаний, Народный Суд может, по собственному усмотрению, пригласить на судебные заседания сведущих лиц.

Порядок избрания Народных Судей и заседателей.

Ст. 12. Постоянные Народные Судьи должны удовлетворять следующим условиям:

1. иметь право избирать и быть избираемыми в Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов;

2. иметь политический опыт работы в пролетарских организациях партии, профессиональных союзах, рабочих кооперативах, фабрично-заводских комитетах и Советских учреждениях;

3. иметь теоретическую и практическую подготовку для должности Советского судьи.

Постоянный Народный Судья должен безусловно удовлетворять первому условию и хотя бы одному из последних двух условий.

Ст. 13. Постоянные народные судьи избираются следующим порядком:

1. в городах, имеющих районные Советы Рабоче-Крестьянских Депутатов, общим собранием отдельных районных Советов из числа кандидатов, предлагаемых Исполнительным Комитетом районного Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, после предварительной тщательной проверки соответствия кандидата своему назначению, а в остальных городах тем же порядком—общим собранием городского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов;

2. в уездах, включая города, не имеющих городских Советов, Исполнительными Комитетами Уездных С'ездов Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, которые в списки кандидатов включают всех кандидатов сельских и волостных Исполнительных Комитетов

Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, удовлетворяющих условиям ст. 12.

Примечание. Постоянные народные судьи могут быть отозваны в любое время Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов или Исполнительными Комитетами С'ездов Советов, их избравшими.

Ст. 14. Очередными народными заседателями могут быть только лица, имеющие право избирать и быть избираемыми в Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Ст. 15. Списки очередных народных заседателей составляются рабочими организациями, волостными и сельскими Советами отдельного судебного района и вносятся на утверждение Исполнительных Комитетов Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, районных, городских или уездных.

Примечание. В уездах списки народных заседателей составляются по районам волостных Советов Депутатов.

Ст. 16. Списки народных заседателей составляются на 6 месяцев.

Ст. 17. Из утвержденных списков народных заседателей избираются по жребию по 8 заседателей (6 очередных и 2 запасных) на каждую сессию Народного Суда для рассмотрения дел, указанных в ст. 7, по 3 заседателя (2 очередных и 1 запасный) для рассмотрения дел, указанных в ст. 8 настоящего Положения, следующим порядком: в городах, имеющих районные Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов, Президиумом этих Советов совместно с коллегией постоянных судей данного Советского района, а в остальных городах и уездах Президиумом Исполнительных Комитетов городских или уездных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов совместно с представителями Народного Суда или Совета Народных Судей.

Примечание. В видах экономии времени, органы, намечающие по жребию заседателей, могут одновременно установить несколько очередей согласно расписания, представленного Народными Судьями.

Ст. 18. Каждый из заседателей участвует в заседаниях Народного Суда в течение не более шести заседаний, причем за ним сохраняется его заработная плата на месте его работы. Неимеющие заработка, а также лица, получающие средства существования от сельского хозяйства или ремесла, получают за дни заседания суточные в размере минимума заработной платы, установленного для данной местности, из общегосударственных средств.

Ст. 19. Очередные народные заседатели извещаются о начале сессии постоянным народным судьей повестками по месту жительства с таким расчетом, чтобы повестка была вручена заседателю не позже, как за 3 дня до начала сессии.

Ст. 20. Уклонение народных заседателей от государственной повинности по отправлению правосудия не допускается. Неявившийся заседатель, своевременно не известивший о невозможности явиться и не представивший доказательств уважительности причин своей

неявки, подвергается штрафу в размере до 100 руб. по постановлению того же Народного Суда в распорядительном заседании. Штрафы вносятся в доход Республики по смете Народного Комиссариата Юстиции.

Общие начала судопроизводства.

Ст. 21. В Российской Социалистической Федеративной Советской Республике допускается судоговорение на всех местных языках.

На каком языке или языках происходит судоговорение и судопроизводство в данном судебном районе, определяет городской Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов или Исполнительный Комитет уездных С'ездов Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов при участии представителей от Народного Суда.

Ст. 22. При рассмотрении всех дел Народный Суд применяет декреты Рабоче-Крестьянского Правительства, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового, руководствуется социалистическим правосознанием.

Примечание. Ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств воспрещаются.

Ст. 23. Народный Суд имеет право по своему убеждению определять меру наказания, а также постановить приговор об условном или полном освобождении обвиняемого от всякого наказания. В тех случаях, когда в декрете установлено наказание не ниже известной нормы, Народный Суд в праве уменьшить наказание или совсем освободить от него, только мотивировав основания смягчения приговора.

Ст. 24. Народный Суд не стеснен никакими формальными доказательствами и от него зависит по обстоятельствам дела допустить те или иные доказательства или потребовать их от третьих лиц, для коих такое требование обязательно. Присяга, как доказательство, не допускается.

Ст. 25. Формальные отводы по гражданским делам о смешении и дроблении исков не допускаются.

Ст. 26. Тяжущимся разрешается во время производства дел как изменять основания иска или встречных требований, так и расширять дела новыми требованиями и привлекать к делу на сторону истца или ответчика новых лиц.

Ст. 27. Свидетели дают показания без присяги с предупреждением об ответственности за ложное показание и отобранием соответствующей подписки.

Следствие.

Ст. 28. Производство предварительного следствия по уголовным делам, рассматриваемым Народным Судом с участием шести заседателей, возлагается на следственные комиссии, уездные и городские. По остальным уголовным делам от Народного Суда зависит ограничиться произведенным милицией дознанием или передать дело для производства предварительного следствия в Следственную

Комиссию, а в нетерпящих отлагательства случаях поручить производство предварительного следствия постоянному Народному Судье.

Ст. 29. Распределение территории уезда или города на следственные участки производится Уездным Исполнительным Комитетом Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов и утверждается Губернским Исполнительным Комитетом Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов. В городах, имеющих, кроме губернских, особые городские Советы, распределение городской территории на следственные участки производится городскими советами рабочих и крестьянских депутатов.

Ст. 30. Каждая участковая Следственная Комиссия состоит из председателя и двух членов, избираемых Городскими Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов или Уездными Исполнительными Комитетами Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов. Председатель и члены Следственной Комиссии могут быть отозваны во всякое время, как Советами, их избравшими, так и соответствующими высшими органами Советской власти (ст. 62 основного закона).

Ст. 31. Председатель и члены следственных комиссий должны удовлетворять следующим условиям:

1. иметь право избирать и быть избираемыми в Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов;

2. иметь теоретическую или практическую подготовку для должности советских следователей.

Ст. 32. Следственная Комиссия приступает к производству предварительного следствия: 1) по заявлениям граждан, 2) сообщению милиции, должностных лиц и учреждений, 3) по постановлению Народного Суда, 4) по усмотрению самой Комиссии.

Ст. 33. Следственная Комиссия может обратиться за содействием как к Советской милиции, так и ко всем частным и должностным лицам, а равно государственным и общественным учреждениям.

Ст. 34. В предварительном следствии допускается участие защитника, назначаемого Коллегией Защитников по просьбе привлекаемого к следствию, но участие защиты может быть ограниченным по постановлению Следственной Комиссии, если того требуют интересы раскрытия истины.

Ст. 35. Следственная Комиссия в полном составе:

1. возбуждает или прекращает следствие,

2. избирает меру пресечения и изменяет ее,

3. постановляет о заключении следствия или предании Суду.

Ст. 36. Постановление Следственной Комиссии о прекращении следствия или о предании Суду направляется в Народный Суд по месту совершения преступления вместе со всем делопроизводством. Окончательное решение вопроса о прекращении дела принадлежит Народному Суду.

Ст. 37. Следственная Комиссия может поручить отдельные следственные действия, как-то: допрос свидетелей, осмотр на месте, осмотр вещественных доказательств и т. д. отдельным ее членам или производит их в полном составе.

Ст. 38. Постановления Следственной Комиссии могут быть обжалованы в двухнедельный срок в Народный Суд по месту совершения преступления; постановления Народного Суда по возбужденным жалобой вопросам являются окончательными.

Ст. 39. Постановление Следственной Комиссии о предании Суду или прекращении следствия должно быть мотивировано. Если это постановление будет признано Народным Судом недостаточно обоснованным, Народный Суд направляет к доследованию в Следственную Комиссию.

Коллегия защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе.

Ст. 40. Для содействия Суду в деле наиболее полного освещения всех обстоятельств, касающихся обвиняемого или интересов сторон, участвующих в гражданском процессе, при Уездных Исполнительных Комитетах Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов (включая и уездный город) и при Губернских Исполнительных Комитетах Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов учреждаются коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе.

Ст. 41. Члены Коллегии избираются Исполнительными Комитетами Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов на общих со всеми должностными лицами Советской Республики основаниях из состава лиц, удовлетворяющих требованиям ст. 64 основного закона.

Ст. 42. Члены Коллегии, как должностные лица Советской Республики, получают содержание в размере оклада, устанавливаемого для Народных Судей, по смете Народного Комиссариата Юстиции.

Ст. 43. Привлечение к участию в процессе защитника по просьбе обвиняемого обязательно по уголовным делам, рассматриваемым с участием шести народных заседателей. В остальных уголовных делах вопрос о допущении защитника определяется Судом в распорядительном или судебном заседании.

Примечание. В тех случаях, когда признана необходимость участия в процессе обвинителя, обязательно и участие защитника.

Ст. 44. На время отдельной судебной сессии Коллегия защитников, обвинителей и представителей сторон командирует в Народный Суд для участия в уголовных процессах своих членов в числе, указанном Судом.

Ст. 45. Для участия в процессе защитники и обвинители персонально назначаются Судом из числа прикомандированных к Суду членов Коллегии.

Ст. 46. По гражданским делам стороны, желающие иметь на Суде представителей своих интересов, с просьбой о назначении последних обращаются непосредственно в Совет Коллегии. Совет Коллегии, ознакомившись с существом дела, может отказать в удовлетворении ходатайства о назначении представителя. Постановление

Совета об отказе о назначении представителя может быть обжаловано заинтересованной стороной в Суд, рассматривающий дело.

Ст. 47. В качестве представителей сторон и защитников, кроме членов Коллегии, допускаются: а) близкие родные тяжущихся, как-то: родители, дети, супруги, братья и сестры, б) юрисконсульты Советских учреждений, по уполномочию руководящих их органов.

Ст. 48. Плата за участие в процессах членов Коллегии определяется и взимается с обвиняемых и сторон Судом и зачисляется в доход Республики по смете Народного Комиссариата Юстиции.

Ст. 49. Выполнение предусмотренных статьями 45 и 46 обязанностей по прикомандированию к судебным учреждениям защитников и обвинителей и по назначению представителей сторон в гражданских процессах возлагается на Совет Коллегии, избираемый членами Коллегии сроком на один год.

Об отводах Народных Судей и Народных Заседателей.

Ст. 50. Обвиняемые и стороны в гражданском процессе имеют право заявлять об отводе как Народного Судьи, так и народных заседателей.

Ст. 51. Отвод с изложением оснований заявляется при открытии судебного заседания и разрешается составом Суда с участием запасного заседателя.

Ст. 52. Народный Судья и народные заседатели обязаны отвести себя в том случае, если прямо или косвенно заинтересованы в исходе дела или находятся в особых отношениях к сторонам.

О производстве дел.

Ст. 53. Производство в Народном Суде начинается по заявлению граждан, по предложению Исполнительных Комитетов Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, должностных лиц и по усмотрению Суда в тех случаях, когда Суд обнаружит нарушение декрета Рабоче-Крестьянского Правительства или учинение преступления.

Ст. 54. Народный Судья, в случае необходимости, может своим единоличным постановлением подвергать обвиняемого личному задержанию, при чем такое постановление должно быть подтверждено не далее ближайшего заседания Народным Судом.

Ст. 55. Дела, по коим обвиняемый содержится под стражей, назначаются к слушанию в первую очередь.

Ст. 56. Заинтересованные лица своевременно вызываются к разбору дела повестками или извещаются словесно с отобранием подписей о явке в срок.

В повестках указывается—вызывается ли данное лицо в качестве свидетеля, обвиняемого, потерпевшего, эксперта или стороны в процессе.

Примечание. Повестки посылаются заказными пакетами с обратной распиской, через рассыльных или через милицию.

Ст. 57. Взыскания за неявку, а также привод вызываемого в Суд определяется постановлением Народного Суда.

Ст. 58. По открытии заседания председательствующий раз'ясняет обвиняемому, а равно сторонам, их право заявить отвод как Народного Судьи, так и очередных Народных Заседателей.

Ст. 59. Суд выясняет, кто из сторон и свидетелей и участвующих в деле лиц прибыл в заседание и разрешает вопрос о возможности слушания дела в настоящем его положении; неявка сторон, обвиняемого или свидетелей без уважительных причин не останавливает разбора дела, если явка их в Суд не будет признана Судом обязательной. Копия приговора и решения по рассмотрении дела в отсутствии сторон сообщается обвиняемому или ответчику. Отзывы на заочные приговоры и решения не допускаются и заочные приговоры и решения могут быть обжалованы лишь в кассационном порядке на общем основании, при чем срок на принесение кассационной жалобы исчисляется с момента вручения копии приговора и решения или повестки об исполнении, смотря по тому, которая из них вручена раньше.

Ст. 60. В случае заявления сторонами ходатайства о допросе свидетелей Суд требует указания, какие обстоятельства должны быть установлены этими свидетелями, и разрешает вопрос о допущении или о недопущении свидетелей.

Ст. 61. Перед допросом свидетелей суд выясняет, какие отношения существуют между сторонами и свидетелями по делу, находящемуся на рассмотрении Суда.

Ст. 62. Кроме свидетелей допрашиваются и эксперты, если они вызваны в заседание Суда. В случае необходимости производится осмотр вещественных доказательств, которые должны быть своевременно затребованы Судом до назначения дела к слушанию.

Ст. 63. Свидетели до их допроса не могут присутствовать в зале заседания при разборе дела.

Ст. 64. Все заседания Суда открыты, но если по тем или другим соображениям встретится надобность, публика может быть удалена по постановлению Суда.

Ст. 65. Слушание дела, по которому произведено предварительное следствие, начинается докладом Народного Судьи и оглашением постановления Следственной Комиссии о предании Суду. После этого председательствующий опрашивает обвиняемого, признает ли он обвинение правильным.

Ст. 66. По прочим уголовным делам, а равно по гражданским делам, после доклада Народного Судьи дается слово обвинителю или истцу для изложения фактов и освещения их. Председательствующий формулирует обвинение или сущность иска и опрашивает обвиняемого, признает ли он обвинение, или ответчика—признает ли он иск.

Ст. 67. При полном и согласно с обстоятельствами дела сознании подсудимого Суд может не допрашивать свидетелей, или, допросив нужных, перейти к заключительным моментам судебного заседания.

Ст. 68. В случае отрицания виновности выслушивается подсудимый и производится допрос свидетелей, которые приглашаются в зал заседания по одиночке. Показания свидетелей записываются вкратце в протокол, который подписывается ими; свидетели остаются в зале заседания до освобождения их Судом. Если свидетель неграмотен, об этом отмечается в протоколе.

Ст. 69. По делам, могущим, по мнению Суда, кончиться примирением, сторонам предлагается вопрос, не пожелают ли они примириться.

Ст. 70. Когда Суд находит, что дело судебным следствием достаточно выяснено, он предоставляет последнее слово сторонам с тем, чтобы последним говорил ответчик или обвиняемый (после защитника), если таковой участвует в деле, и удаляется в совещательную комнату для постановления решения или приговора.

Ст. 71. Во время совещания Суда в совещательную комнату не допускаются никакие посторонние лица.

Ст. 72. Приговор или решение выносится по большинству голосов. Член Суда, несогласный с приговором, может представить свое особое мнение, которое должно быть приложено к протоколу.

Ст. 73. В приговоре и в решении должны быть указаны сущность приговора или решения и основание его.

Порядок обжалования приговоров и решений Народного Суда.

Ст. 74. Приговоры и решения Народного Суда являются окончательными и обжалованию в апелляционном порядке не подлежат.

Ст. 75. Приговоры по уголовным делам, а также решения по гражданским делам могут быть обжалованы в кассационном порядке в Совете Народных Судей.

П р и м е ч а н и е. Приговоры могут быть обжалованы, как обвиняемыми и лицами и учреждениями, возбудившими уголовное преследование, так и местными Исполнительными Комитетами Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Ст. 76. Кассационные жалобы подаются или через Народный Суд, который постановил приговор или решение, и представляются Народным Судьей вместе с делом не позднее трех дней в Совет Народных Судей, или подаются непосредственно в Совет Народных Судей.

Ст. 77. Срок на подачу кассационной жалобы устанавливается месячный со дня об'явления приговора.

Об исполнении приговоров и решений Народного Суда.

Ст. 78. Приговоры и решения Народного Суда приводятся в исполнение немедленно по истечении срока на обжалование. В случае отказа сторон от кассационной жалобы приговоры и решения приводятся в исполнение до истечения указанного срока. Подача кассационной жалобы в течение установленного срока приостанав-

ливает исполнение до рассмотрения жалобы Советом Народных Судей. Народный Суд обязан при вынесении приговора или решения постановить о принятии или изменении мер пресечения или обеспечения иска.

Ст. 79. Народному Суду предоставляется право досрочного освобождения, помилования и восстановления в правах осужденных как по их личному или их близких ходатайству, так и по представлению органов, применяющих наказание, в порядке, предусмотренном инструкцией о досрочном освобождении.

Ст. 80. Приговоры, присуждающие к принудительным работам или другому виду лишения свободы, приводятся в исполнение органами Советской милиции, а решения по гражданским делам и всякие денежные взыскания Судебными Исполнителями.

Советы Народных Судей.

Ст. 81. Все Народные Суды, входящие в состав губернии или соответствующей ей отдельной территориальной единицы Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, составляют судебный округ.

Примечание. Гор. Москва и Петроград выделяются в отдельные судебные округа.

Ст. 82. В каждом судебном округе для рассмотрения кассационных и частных жалоб на приговоры, решения и действия Народных Судов и ближайшего контроля над ними учреждается Совет Народных Судей.

Ст. 83. Совет Народных Судей состоит из:

1. Председателя Совета Народных Судей и его заместителя.

2. Постоянных членов Совета Народных Судей в числе от двух до пяти.

3. Народных Судей Округа, участвующих в заседании Совета по очереди.

Ст. 84. Председатель, заместитель председателя и постоянные члены Совета Народных Судей из числа народных судей избираются губернскими с'ездами Народных Судей Округа, а в Москве и Петрограде общими собраниями их, утверждаются соответствующими Исполнительными Комитетами губернских или городских Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов и образуют Президиум Совета Народных Судей. Члены Президиума Совета Народных Судей отзываются губернскими и городскими Исполнительными Комитетами как по их инициативе, так и по представлению с'ездов и собрания Народных Судей.

Ст. 85. Для рассмотрения поступающих дел Совет Народных Судей образует уголовные и гражданские отделения, которыми заведывают члены Президиума Совета Народных Судей.

Ст. 86. Заседания Совета Народных Судей для рассмотрения кассационных жалоб происходят в составе пяти человек: двух членов Президиума Совета Народных Судей и трех Народных Судей. За-

седания для рассмотрения частных жалоб и жалоб на отдельные действия Народных Судов происходят в составе не менее трех членов при непременном участии члена Президиума. Функции контроля принадлежат Президиуму Совета Народных Судей.

Ст. 87. Ведение заседаний Совета Народных Судей по каждому отделению возлагается на председательствующего, каждый раз для того избираемого данным составом из своей среды, или одного из членов Президиума Совета Народных Судей.

Ст. 88. К слушанию дела в Совете Народных Судей вызываются: потерпевшие, обвинители, стороны и лица, заявляющие права на вещественные доказательства, однако, неявка их не останавливает рассмотрения дела, за исключением тех случаев, когда Совет признает присутствие их необходимым.

Ст. 89. Совет Народных Судей имеет право отменить приговоры и решения в случае признаваемых им существенными нарушения или неправильного применения декретов, в частности нарушения форм судопроизводства, а также в случае неполноты следствия. Совету Народных Судей принадлежит также право отмены приговоров и решений Народного Суда в тех случаях, когда обжалованные приговоры и решения Народного Суда явно несправедливы.

Ст. 90. Совет Народных Судей при рассмотрении дела не связан пределами кассационной жалобы и поводами, в ней указанными.

Ст. 91. В случае отмены приговора или решения Совет Народных Судей указывает, в чем именно заключается неправильность применения закона, какие формы судопроизводства нарушены, или в чем выразилась неполнота следствия или явная несправедливость отменяемого приговора или решения.

Ст. 92. Отменяя приговор или решение, Совет Народных Судей передает дело для вторичного рассмотрения по существу в другой Народный Суд того же района. Указания, сделанные Советом Народных Судей в мотивах к отмене приговора или решения, обязательны для суда, пересматривающего дело.

Ст. 93. В случае отмены приговора или решения дело в течение трех дней отсылается в тот Народный Суд, коему поручено новое рассмотрение дела, копия же решения Совета Народных Судей отсылается для руководства в Народный Суд, постановивший отмененный приговор или решение.

О судебной пошлине и судебных издержках.

Ст. 94. По гражданским делам в Народном Суде взимаются: пошлина и листовой сбор. Пошлина взимается в размере 1 проц. по делам с ценою иска до 500 руб., 3 проц. по делам до 3.000 руб., 5 проц. по делам до 10.000 р. и 10 проц. свыше 10.000 р., и листовой сбор соответственно 1, 3, 5 и 10 р. По делам, оценке не подлежащим, а равно где цена иска ни при пред'явлении такового, ни при постановлении решения определена быть не может, пошлина взимается в размере 10 руб., а листовой сбор в размере 3 р. с листа. Листовой сбор взима-

ется с каждой получаемой и подаваемой бумаги по всем делам как гражданским, так и уголовным.

Примечание. По уголовным делам без взимания листового сбора выдаются обвиняемым лишь копии заключений следственных комиссий и копии приговоров.

Ст. 95. От суда зависит признать за стороной недостаточность средств к уплате пошлин и сбора и отсрочить или рассрочить взнос и даже совершенно освободить от уплаты таковых.

Ст. 96. Постановляя решение, Народный Суд присуждает в пользу истца или ответчиков, в зависимости от того, в чью пользу решено дело, полностью или частью издержки, понесенные на ведение дела (пошлина, сборы и оплата труда правозаступников). Вместе с тем Суд может присудить с неправой стороны понесенный другой стороной расход и убытки, связанные с ведением дела.

Ст. 97. По уголовным делам Народный Суд может присудить с виновной стороны издержки, расход и убытки, понесенные другой стороной на ведение дела.

Ст. 98. При подаче кассационных жалоб взимаются судебная пошлина и листовой сбор на общем основании с обжалуемой суммы иска; разрешая кассационную жалобу, Совет Народных Судей в отношении издержек руководствуется статьями 96 и 97.

Подписали: Председатель ВЦИК *Я. Свердлов.*

Народный Комиссар Юстиции *Д. Курский.*

Секретарь ВЦИК *В. Аванесов.*

30 ноября 1918 года.

Распубликован в №№ 269 и 270 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 8 и 10 декабря 1918 г.

(«Собр. Узак.», 1918 г., № 85, ст. 889).

Приложение № 6-й.

Об отделах Юстиции Губернских Исполнительных Комитетов (Положение).

1. Об'единение и руководство деятельностью местных учреждений по Комиссариату Юстиции возлагается в пределах каждой губернии на Губернский Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов в лице состоящего при нем Отдела Юстиции.

2. Во главе Отдела Юстиции стоит Заведующий, и при нем Коллегия, председателем которой он состоит.

3. Заведующий Отделом избирается Губернским Исполнительным Комитетом из состава последнего и утверждается Народным Комиссариатом Юстиции.

4. Члены Коллегии назначаются Губернским Исполнительным Комитетом.

5. Коллегия Отдела Юстиции разрешает все важнейшие и принципиальные дела, относящиеся к компетенции Отдела, в частности:

а) рассматривает отчеты и доклады о деятельности местных учреждений;

б) утверждает циркуляры и инструкции Отдела для местных учреждений;

в) принимает меры к скорейшему проведению в жизнь изданных высшими органами Советской власти декретов по ведомству Юстиции;

г) вырабатывает сводные по губерниям сметы, на содержание подведомственных местных учреждений;

д) принимает меры против незакономерных действий местных органов Советской власти.

6. Заведующий Отделом в праве единолично принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению Отдела, доводя о них до сведения Коллегии. В случае несогласия Коллегии с тем или иным решением Заведующего, Коллегия, не приостанавливая решения, может обжаловать его в Губернский Исполнительный Комитет.

7. Отдел Юстиции состоит из под'отделов (на правах отделов): а) общего, б) административно-хозяйственного, в) судебно-следственного и г) карательного.

Примечание. Губернским Исполнительным Комитетом, с согласия Народного Комиссариата Юстиции, могут быть образуемы в составе Юридического Отдела (Отдела Юстиции) и другие под'отделы.

8. Предметами ведения общего под'отдела являются:

а) разрешение юридических вопросов, возникающих в Президиуме и Отделах Губернского Исполнительного Комитета, в уездных Исполнительных Комитетах и волостных Советах.

б) Редактирование проектов издаваемых отделами и учреждениями Губернского Исполнительного Комитета инструкций и наказов.

в) Сообщение Коллегии Отдела о незакономерных действиях местных учреждений с соответствующим заключением о мерах к устранению незакономерности и привлечению виновных к ответственности.

г) Сообщение Губернскому Исполнительному Комитету и Народному Комиссариату Юстиции через Коллегию Отдела о случаях неисполнения или нарушения местными учреждениями декретов Центральной Советской власти, если соответствующие меры Отдела в направлении восстановления законности окажутся безрезультатными.

д) Руководство делом проведения в жизнь узаконений об отделении церкви от государства и школы от церкви и наблюдение за деятельностью местных учреждений по их выполнению.

е) Общий надзор за деятельностью местных учреждений, ведающих регистрацией актов гражданского состояния, регистрацией обществ, договоров и т. п.

9. На административно-хозяйственный под'отдел возлагается:

а) Заведывание бухгалтерией и общей канцелярией.

б) Заведывание хозяйственной частью Отдела.

в) Инструктирование подведомственных учреждений в целях правильной постановки счетоводства, отчетности и хозяйственной части.

г) Сводка и направление через Отдел в Народный Комиссариат Юстиции, а также в Финансовый Отдел Губернского Исполнительного Комитета с соответствующим заключением представляемых подведомственными Отделу Юстиции учреждениями сведений о доходных исчислениях, а также о сметных и сверхсметных расходах, относимых, как на общегосударственные, так и на местные средства.

д) Сводка отчетов по выполнению сметы Отделом Юстиции и подведомственными ему учреждениями.

10. В круг деятельности судебно-следственного под'отдела входит:

а) Организация народных судов, революционных трибуналов, следственных комиссий, коллегии обвинителей, защитников и представителей сторон в гражданском процессе и судебно-исполнительных органов. Наблюдение за их деятельностью.

б) Созывы периодических с'ездов народных судей в уездах.

в) Руководство составлением списков очередных заседателей в уездах и в губ. городах.

г) Представление кандидатов для занятия должностей членов следственных комиссий на утверждение соответствующих Советов Депутатов.

д) Общее наблюдение за производством дознания органами Советской милиции.

е) Организация правовой помощи населению (консультации, справочные бюро и пр.).

ж) Собирание статистических сведений о деятельности народных судов и уголовно-следственных комиссий и представление их в Народный Комиссариат Юстиции.

з) Составление списков о судимости и сообщение их в Народный Комиссариат Юстиции.

11. Предметами ведения Карательного Отдела являются:

а) Заведывание всеми местами лишения свободы.

б) Мероприятия по борьбе с преступностью, организация карательных учреждений нового типа, приспособление и реорганизация старых мест заключения, проведение в жизнь начал, положенных в основу карательной политики Народного Комиссариата Юстиции.

в) Организация распределительных Комиссий.

г) Организация принудительных общественных работ для лишенных свободы без заключения под стражу.

д) Наблюдение над правильным несением командами конвойной службы по губернии.

е) Распоряжение кредитами, отпускаемыми Центральным Карательным Отделом.

ж) Представление отчетов о своей деятельности в Центральный Карательный Отдел.

Примечание. В своей внутренней организации и деятельности Карательный Под'отдел руководствуется «Временной инструкцией о лишении свободы, как мере наказания, и порядке применения такового» (Собр. Узак. 1918 г., № 53, ст. 598) и циркулярами и распоряжениями Центрального Карательного Отдела, сносясь непосредственно с последним по вопросам специального характера и через Отдел Юстиции по вопросам, имеющим общее и принципиальное значение.

12. Контроль и инструктирование местных учреждений Отдел Юстиции осуществляет или непосредственно или через особых инструкторов.

13. Сотрудники под'отделов приглашаются заведующими под'отделами и утверждаются Коллегией Отдела.

14. Средства на содержание Отделов Юстиции отпускаются по сметам Народного Комиссариата Юстиции и Центрального Карательного Отдела, при чем штаты Отделов утверждаются Народным Комиссариатом Юстиции и Центральным Карательным Отделом по принадлежности.

15. В отношении применения настоящего Положения Москва и Петроград приравниваются к губерниям.

Подписал Народный Комиссар Юстиции *Курский.*

(«Собр. Узак.» 1919, № 2, ст. 29).

Приложение № 7-й.

Резолюции III-го с'езда деятелей Юстиции.

Об изменениях в «Положении о Народном Суде».

1. Существующий коллегиальный порядок рассмотрения уголовных и гражданских дел в Народных Судах (при участии 2 и 6 заседателей, в зависимости от сложности и особенной важности дела) целесообразно сохранить.

2. Постоянные Народные Судьи, избираемые уездными исполкомами (ст. 13), должны представляться на утверждение Губисполкомов через Губотюсты, с отзывом последних. В случае отсутствия кандидатов на местах, Губисполком вправе избирать по своему усмотрению как постоянных, так и добавочных Народных Судей.

3. Отзыв Народных Судей и др. ответственных работников Юстиции со стороны Уисполкома должен быть подробно мотивирован и подлежит утверждению Губисполкома по представлению Отдела Юстиции. Отзыв возможен лишь на основании данных, проверенных Губсовнарсудом или Отделом Юстиции. Временно, до утверждения отзыва Губисполкомом, Судьи могут быть отстраняемы от должности Губсовнарсудом.

4. В списки очередных Народных Заседателей (ст. 14) должны быть вносимы поголовно все трудящиеся, имеющие право избирать и быть избираемыми в Советы. Уисполкомам предоставляется вычеркивать из списков заседателей антисоветские элементы. Порядок составления списков устанавливается инструкцией НКЮ.

Заседатели, уклонившиеся от участия в заседании, подвергаются постановлением Народного Суда штрафу, соединенному с принудительными работами без содержания под стражей, или одним принудительным работам, для чего передаются в распоряжение местных Исполкомов.

5. Ст. 23 должна быть изменена в том смысле, что отступление от нормы наказания, установленной в декрете, как минимум, возможно лишь в исключительных случаях, с непременным условием точного обозначения мотивов смягчения.

6. Следственные Комиссии (ст. 28—39) заменяются единоличными Народными Следователями: а) районными, которые избираются Губисполкомами и состоят в ведении Губсовнарсудов, б) следователями по важнейшим делам при Отделах Юстиции, которые назначаются последними и утверждаются НКЮ, и в) следователями по важнейшим делам при НКЮ.

7. Коллегия защитников, обвинителей и представителей сторон в гр. процессе (ст. 40—49), как организация, упраздняется. Вместо нее создаются при Отделах Юстиции кадры обвинителей, при чем правом выступать в качестве обвинителей пользуются также возбудившие дело Советские учреждения и партийные организации, через своих представителей. В качестве защитников привлекаются судебными органами в порядке обязательной трудовой повинности граждане, способные исполнять эту обязанность, для чего соответственные Исполкомы составляют особые списки (подобно спискам народных заседателей). Помимо этого, народный суд может допустить к защите, командированного для этой цели, члена организации, в которой состоит обвиняемый (партии, Профсоюза, Завкома и т. п.), а также ближайших родственников обвиняемого.

8. Целесообразно учреждение в Губернских и уездных городах особых сессий и дежурных камер Народного Суда. Порядок их функционирования устанавливается инструкцией НКЮ.

9. Ст. 73 должна быть дополнена требованием указания в приговоре на возраст, профессию, судимость, место происхождения, последнее место жительства и службы осужденного.

10. Срок обжалования в кассационном порядке приговоров и решений Народного Суда (ст. 77) сокращается до 14 дней, со дня об'явления их или вручения копий их лицу, своевременно заявившему об этом. Предоставленное Народному Суду право помилования (ст. 79) отменить.

11. Главу о Совете Народных Судей (ст. 81—93) надлежит изменить указаниями: а) на право Губисполкомов не утверждать избранных общими собраниями Народных Судей кандидатов в члены Президиума Совнарсуда и впредь до нового с'езда назначить в Президиум лиц из состава судей по своему усмотрению, б) на необ-

ходимость ограничить участие в судебном заседании Совнарсуда одним членом Президиума и двумя судьями, привлекаемыми по очереди к работам из всего состава Народных Судей губернии, в) на организацию выездных сессий в уезды с одновременным обревизованием Убюстов и Нарсудов.

12. Судебные пошлины и листовой сбор (ст. 94) должны быть отменены, при чем Суду предоставляется возможность подвергать стороны штрафу в пользу государства за недобросовестный иск или за недобросовестный спор, а также присуждать в пользу правой стороны понесенные ею убытки.

Резолюция по докладу об уголовном кодексе.

С'езд признает необходимость классификации уголовных норм, приветствует работу в этом направлении НКЮ и принимает за основу предложенную схему классификации деяний по проекту нового уголовного кодекса, не предрешая вопроса об установлении кодексом карательной санкции. С'езд признает необходимым, чтобы проект кодекса по его выработке был разослан на заключение Губотделов Юстиции.

Резолюция по докладу о взаимоотношениях между отделами Юстиции, Революционными Трибуналами и Чрезвычайными Комиссиями.

С'езд постановляет:

1. Признать резолюцию С'езда представителей Ревтрибуналов 26—28 апреля 1920 г. по вопросу о взаимоотношениях Ревтрибуналов и Губотделов Юстиции противоречащей интересам дела отправления революционного правосудия на местах и входящей в коллизию с действующими постановлениями об Отделах Юстиции.

2. Признать, что исчерпывающими указаниями при разрешении вопроса о взаимоотношениях Губотделов Юстиции и Ревтрибуналов может служить лишь принятый текущим с'ездом проект Положения о местных органах Юстиции.

3. Признать, что взаимоотношения между Губ. Ч. К. и Губотделами Юстиции, призванными наблюдать за соблюдением всеми учреждениями и лицами законности, будут правильно урегулированы только в том случае, если НКЮ будет принимать непосредственное участие в составлении всех распоряжений и приказов ВЧК, касающихся общих правовых норм и законоположений, а также взаимоотношений между органами Советской власти на местах.

4. Признать необходимым, чтобы Наркомюст извещал Губотделы Юстиции о всех распоряжениях и приказах ВЧК, касающихся общих правовых норм и законоположений.

5. Признать необходимым введение представителя Отдела Юстиции в Коллегию Губ. Ч. К.

Резолюция по докладу «Положение о местных органах Юстиции».

В интересах укрепления авторитета и влияния органов Советской юстиции на местах и в целях точного определения их компетенции и взаимоотношений, С'езд признает необходимым скорейшее проведение в жизнь нижеследующего положения.

А. Губернские Отделы Юстиции (Губотюст).

Губернские Отделы Юстиции, являясь проводниками организационных и административных мероприятий Народного Комиссариата Юстиции в области Судоустройства и Карательного Дела и действуя в составе Общего, Судебно-Следственного, Административно-Хозяйственного и Карательного Отделов, призваны осуществлять также общее наблюдение за соблюдением всеми Советскими органами узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. В частности, в круг ведения Отделов Юстиции входит:

1. Производство расследования о незакономерных действиях местных органов Советской власти по поручению центральных учреждений РСФСР.

2.Возбуждение в порядке общественного обвинения расследования и судебного преследования как в случае обнаружения незакономерных действий органов Советской власти, так и в тех случаях, когда к раскрытию преступлений, совершенных должностными или частными лицами, подлежащие органы не приняли соответственных мер.

3. Наблюдение за общим направлением деятельности всех органов Юстиции губернии путем ознакомления с делами таковых и истребования от них периодических отчетов и статистическх сведений, а равно приведение в известность личного состава всех ответственных работников и сотрудников этих органов.

4. Право обжалования в соответствующую кассационную инстанцию оправдательных и неправильных приговоров Нарсудов и Трибуналов, с соблюдением установленного законом срока, а равно представление в Наркомюст в порядке надзора судебных приговоров и решений, хотя и вступивших в законную силу, но по серьезным основаниям требующих пересмотра.

5. Наблюдение за личным составом и деятельностью комиссий о несовершеннолетних (декрет Совнаркома от 4 марта 1920 г.).

6. Надзор за деятельностью распределительных комиссий по использованию труда заключенных, наблюдение за приведением в исполнение судебных приговоров вообще и определяющих на принудительные работы в особенности.

7. Об'единение всех местных органов губернии по борьбе с преступностью.

8. Обслуживание Губисполкома, его Отделов и других Советских органов губернии консультациями, раз'яснением и систематизацией декретов, постановлений и т. п,

9. Организация обвинения и защиты на суде, а также юридической помощи населению и общее руководство их деятельностью.

10. Руководство проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства.

11. Периодические доклады и отчеты Губисполкому о работах и нуждах судебных, следственных и исполнительных органов губернии.

12. Периодическое представление таких же отчетов, а также статистических сведений в НКЮ.

Примечание. а) Ревизии судебных, следственных и судебно-исполнительных органов производятся через посредство Президиума Совнарсуда, а в исключительных случаях лично членами Коллегии Отдела Юстиции. Ревизия Ревтрибов и Совнарсудов производится членами коллегии Губотюста по журнальному постановлению этой коллегии в целом.

б) Отдел Юстиции возбуждает вопрос об отзыве или отводе Председателя и членов Революционного Трибунала, Народных Судей и Народных Следователей перед соответствующими Исполкомами, в случае несоответствия их своему назначению, а в случае обнаружения явных злоупотреблений, временно отстраняет их и их сотрудников от должности с одновременным назначением следствия. Разногласия по вопросу об отзыве разрешаются Президиумом Губисполкома.

в) Председатель Совнарсуда входит в Коллегию Губотюста и заведует Судебно-Следственным Под'отделом.

г) Заведующий Отделом Юстиции несет ответственность перед Наркомюстом за действия Отдела Юстиции и подлежит отводу со стороны НКЮ в случае несоответствия своему назначению, в порядке 4 ст. Положения о Губисполкомах, принятого VII С'ездом Советов.

Б. Губернские Советы Народных Судей (Губсовнарсуд).

Губернские Советы Народных Судей, являясь кассационной инстанцией для рассмотрения жалоб на приговоры, решения и действия Народных Судов и органом ближайшего контроля над подведомственными им органами Юстиции, несут ответственность за правильное функционирование судебно-следственного и судебно-исполнительного аппарата в губернии и в частности:

1. Производят периодические ревизии всех судебных, следственных и судебно-исполнительных органов как непосредственно, так и через добавочных судей-инструкторов.

2. Временно отстраняют от должности Народных Судей и Следователей, замеченных в служебных злоупотреблениях.

3. Образуют при Совнарсуде и Убюсте особые сессии Народного Суда для слушания важнейших дел общей подсудности, а также более крупных дел, поступающих из Губернских Трибуналов и Чрезвычайных Комиссий, а равно дежурные камеры Нарсудов для непо-

средственного рассмотрения в самый день задержания преступников тех дел, которые не требуют особой подготовки.

4. Инструктируют Народные Суды, как в области правильного применения и толкования декретов Советской власти, так и в области процессуально-формального права путем рассылки соответствующих циркуляров, а также приговоров и решений, имеющих принципиальное значение.

5. Распределяют совместно с Губотюстом утвержденных Губисполкомом Народных Судей и Народных Следователей.

6. Командируют Народных Судей в Губернские Комиссии о несовершеннолетних.

7. Наблюдают за деятельностью судебных исполнителей.

8. Командируют Народных Судей в Губземотделы для участия в рассмотрении спорных дел, связанных с землепользованием.

9. Собирают и систематизируют приговоры и решения, имеющие принципиальный характер, для направления их в НКЮ.

10. Входят, с ведома Отдела Юстиции, с докладами и отчетами в Губисполком о работе Совнарсуда и подведомственных органов.

Примечание 1-е. Все административные функции Совнарсуда осуществляются Президиумом Совнарсуда.

2. Председатель Совнарсуда в экстренных случаях вправе единолично разрешать вопросы административного характера, входящие в круг ведения Совнарсуда, доводя затем об этом до сведения коллегии Президиума Совнарсуда.

3. Судебные заседания Совнарсуда могут быть назначаемы как в губернских городах, так и в выездных сессиях, которые должны сопровождаться обревизованием соответственных Убюстов и Нарсудов уезда.

В. Уездные Бюро Юстиции (Убюст).

Уездное Бюро Юстиции, являясь проводником организационных и административных мероприятий Губотюста и Губсовнарсуда, об'единяет и направляет работу всех органов Юстиции в уезде и избирается общим собранием Народных Судей и Народных Следователей уезда в числе не свыше трех членов, при чем председатель Бюро (обязательно из состава Народных Судей, хотя может быть освобожден от заведывания участком) подлежит утверждению в этой должности Уисполкомом и Губотюстом. Важнейшим предметом ведения Убюста является:

1. Производство расследования о незакономерных действиях местных представителей Советской власти.

2. Наблюдение за деятельностью органов юстиции уезда и периодическое сообщение отчетов о ней Губотюсту.

3. Непосредственное принятие мер пресечения в случае обнаружения злоупотреблений или преступных действий этих органов, с одновременным извещением об этом Губотюста и в соответствующих случаях направлением дела в судебно-следственные органы.

4. Право возбуждения общественного обвинения против нарушителей Советских законов и обжалования в установленный срок в Совнарсуд неправильных приговоров, выносимых Народными Судами уезда, с одновременным извещением о том Губотюста.

5. Предварительное распределение народных судей и народных следователей в пределах уезда, с указанием постоянного их местопребывания.

6. Организация, по поручению Совнарсуда, особой сессии Народного Суда в уездном городе для рассмотрения дел особой важности и серьезности, а также дежурных камер.

7. Дача заключений по юридическим вопросам, возникающим в работе уездного и волостного Совдепов и их отделов и организация обвинения и защиты на суде, а также юридической помощи населению и наблюдение за их деятельностью.

8. Финансово-хозяйственные функции, контроль и отчетность по ассигнованиям на все уездные органы юстиции.

9. Подготовительные работы по составлению списков кандидатов на должность народных судей, народных следователей и судебных исполнителей.

10. Наблюдение за списками народных заседателей и распределением их по Народным Судам.

11. Об'единение деятельности всех органов уезда по борьбе с преступностью.

12. Наблюдение за местами заключения и содействие организации принудительных работ в уезде для приговоренных к работам без содержания под стражей.

13. Командирование Народных Судей в заседания комиссии о несовершеннолетних, и наблюдение за работой таковых.

14. Командирование народных судей в Уземотделы для участия в рассмотрении спорных дел, связанных с землепользованием.

15. Периодические доклады Уисполкомам о деятельности и нуждах органов юстиции уезда вообще и карательной политике и практике Судов в частности.

16. Исполнение нотариальных функций по совершению более сложных сделок и договоров.

Примечание 1-е. Председатель уездного Бюро Юстиции отвечает за всю деятельность Бюро и пр. органов Юстиции уезда, как перед Уисполкомом, так и перед Губотюстом в порядке надзора.

2. Председатель Уездного Бюро Юстиции, если он не состоит членом Уисполкома и не кооптирован в Уисполком, пользуется в нем правом совещательного голоса по подведомственным органам юстиции вопросам.

Г. Народные Суды (Нарсуд).

Народные Суды, избираемые Уисполкомами и утверждаемые Губисполкомами, участвуя в судебных заседаниях Народного Суда и Совнарсуда и руководя работой канцелярии Суда, несут ответствен-

ность за общее направление работы Народного Суда и правильное его функционирование, и в частности:

1. Следят за своевременным заполнением и отправкой в Губюст требуемых статистических сведений.

2. Отсылают справки об осужденных и условно-осужденных за совершение более тяжких преступлений общего и должностного характера, а равно за все корыстные преступления, немедленно по вступлении приговора в законную силу,—в Центральное Статистическое Отделение Народного Комиссариата Юстиции и в Губернское Управление Уголовного Розыска.

3. Осведомляют Убюст, а в подлежащих случаях и Губсовнарсуд о подлежащих их рассмотрению делах исключительной важности.

4. Входят, в качестве членов Коллегии, в Волземотделы для рассмотрения дел о семейных разделах и прочих срочных дел, связанных с землепользованием.

5. Наблюдают за производством следствий и дознаний и контролируют работу народных следователей путем ревизии и постановления их о принятии меры пресечения и прекращении дела путем внесения этих вопросов в распорядительные или публичные заседания Суда.

6. Наблюдают за фактическим исполнением приговоров к принудительным работам без содержания под стражей путем установления взаимодействия с Волисполкомами и Комитетами по трудовой повинности.

7. Рассматривают вне очереди в срочном порядке дела, возбуждаемые Комитетами по трудовой повинности и продорганами, а равно дела о должностных преступлениях и вообще все дела, по которым обвиняемые содержатся под стражей.

8. Направляют несовершеннолетних и дела о них в уездные или губернские комиссии о несовершеннолетних, через Народного Судью, состоящего членом комиссии, принимая необходимые меры пресечения или обеспечения их явки в эти учреждения.

9. Присылают в Губсовнарсуд копии приговоров или решений, имеющих по местным условиям особое значение, или устанавливающих новые принципиальные взгляды на вопросы советского права.

10. Наблюдают за правильностью ведения актов гражданского состояния в волостных и сельских Советах.

11. Наблюдают за законностью и правильностью содержания под стражей заключенных и, в случае неправильности или незаконности такового, освобождают их из под стражи.

12. Исполняют менее сложные нотариальные функции.

13. Периодически делают информационные доклады Волисполкомам и на Волостных С'ездах Советов обслуживаемых ими волостей о своей работе вообще и карательной политике и практике в особенности.

П р и м е ч а н и е. Народный Судья не может об'яснять явно неправосудных или противоречащих декретам и распоряжениям Советской власти приговоров тем, что таковые вынесены большинством голосов Народных заседателей, если он

своевременно не изложил своего особого мнения в письменном виде и, в случаях особой важности, не перенес дела на рассмотрение Совнарсуда.

Д. Народные Следователи (Нарслед).

Районный Народный Следователь, избираемый Губисполкомом, являясь органом ближайшего содействия Народному Суду в расследовании преступлений и борьбе с преступностью:

1. Руководит действиями Советской милиции и уголовно-розыскных органов по раскрытию преступлений, при чем словесные и письменные предложения следователя для означенных органов обязательны.

2. Непосредственно производит необходимые следственные действия, а равно выносит постановления об аресте, обыске и выемке, при чем пред'являемые им в этом направлении требования обязательны, как для милиции, так и для Советских учреждений, должностных и частных лиц.

3. Вносит на утверждение Народного Суда свои заключения о предании Суду и о прекращении дела, а равно свои постановления о смягчении меры пресечения, принятой Советской милицией или предыдущим постановлением следователя.

4. Исполняет порученные ему руководящими органами Юстиции или Народным Судом следственные действия в определенный ими срок.

5. Участвует в общих собраниях и с'ездах судебных деятелей губернии и уезда.

6. Принимает участие в выборе членов Уездного Бюро Юстиции и пользуется на уездных с'ездах судей правом решающего голоса по всем вопросам, касающимся следственного дела.

Примечание 1-е. Для расследования наиболее сложных дел при Наркомюсте состоят судебные следователи по важнейшим делам, которые, обладая всеми правами и обязанностями Народных Следователей, приступают к производству следствия лишь по поручению ВЦИК, Совнаркома и Коллегии НКЮ.

2. Следователи по важнейшим делам учреждаются также при Губотюсте для производства дел исключительно по поручению Губисполкома, Губотюста и Совнарсуда, при чем они назначаются Губотюстами и утверждаются НКЮ.

3. Следователи должны в точности руководствоваться особой инструкцией НКЮ.

Е. Судебные Исполнители (Судисп).

Судебные исполнители, являясь исполнительными органами по исполнению решений и приговоров Народных Судов, а также по принятию мер обеспечения исков, охраны имущества подлежащего судебному спору, и по передаче присужденного имущества стороне, или

продаже описанного имущества—обязаны также исполнять поручения подлежащих Советов по взысканиям, производимым по постановлению других органов Советской власти, и в действиях своих отчитываются как перед органами; дающими им поручения, так и перед Губсовнарсудом.

Примечание. Действия судебных исполнителей подробно устанавливаются специальной инструкцией НКЮ.

29 июня 1920 г.

Приложение № 8-й.

Положение о народном суде Российской Социалистической Советской Республики.

Общие начала судоустройства.

Ст. 1. В пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики действует единый Народный Суд в составе постоянных Народных Судей и очередных Судей—Народных Заседателей.

Ст. 2. Народный Суд действует на территории района уездного или городского.

Ст. 3. Число народных судей в отдельном районе определяется Губернским Исполнительным Комитетом Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов и утверждается Народным Комиссариатом Юстиции.

Ст. 4. Народному Суду в пределах района подсудны все уголовные дела, споры об имущественных и личных правах и интересах, а также дела, в порядке бесспорного производства, по которым требуется для какого-либо учреждения Республики или лица установление факта или события.

Примечание. Дела, подсудные Революционным Трибуналам (Собр. Узак. 1920 г. № 21, ст. 112, № 22—23, ст. 115, № 54 ст. 236), рассматриваются Народными Судами в том случае, если передаются им Революционными Трибуналами.

Ст. 5. Народный Суд рассматривает дела в составе:

1) одного постоянного Народного Судьи,

2) постоянного Народного Судьи и двух очередных Народных Заседателей.

3) постоянного Народного Судьи и шести очередных Народных Заседателей,

Ст. 6. Постоянный Народный Судья единолично:

1) рассматривает дела в порядке бесспорного производства;

2) проверяет законность и правильность поводов содержания лиц под стражей в местах заключения района и, в случае неправильности или незаконности такового, освобождает из-под стражи;

3) наблюдает за производством дознания органами милиции, давая руководящие указания, утверждает или усиливает меры пре-

сечения уклонения от следствия и суда, принятые этими органами, а в случае необходимости смягчить меры пресечения, немедленно вносит вопрос на разрешение Народного Суда;

4) разрешает вопрос о прекращении дознаний или о предании суду по маловажным делам, поступающим от милиции и органов надзора.

Ст. 7. Народный Суд в составе постоянного Народного Судьи и шести очередных Народных Заседателей рассматривает дела: о посягательствах на человеческую жизнь, причинении тяжелых ран или увечья, изнасиловании, разбое, поджоге и подделке денежных знаков и документов.

Ст. 8. Народный Суд в составе постоянного Народного Судьи и очередных Народных Заседателей рассматривает все остальные уголовные и гражданские дела.

Ст. 9. От Народного Судьи зависит более сложные дела из числа указанных в ст. 8 передавать на рассмотрение Народного Суда в составе с шестью Заседателями.

Ст. 10. При рассмотрении гражданских и уголовных дел, Народные Заседатели во всех стадиях судебного разбирательства пользуются одинаковыми правами с Народным Судьей, решая совместно с ним все вопросы, возникающие при разборе дела.

Ст. 11. В судебном заседании Народного Суда председательствует Народный Судья.

Порядок избрания Народных Судей и заседателей.

Ст. 12. Постоянные Народные Судьи должны удовлетворять следующим условиям:

1) иметь право избирать и быть избираемыми в Советы Р., К. и К. Д.;

2) иметь политический опыт работы в пролетарских организациях партии, профессиональных союзах, кооперативах, фабрично-заводских комитетах и советских учреждениях;

3) иметь теоретическую или практическую подготовку для должности Народного Судьи.

Постоянный Народный Судья должен безусловно удовлетворять первому условию и хотя бы одному из последних двух.

Ст. 13. Народные Судьи избираются следующим порядком:

В городах, имеющих районные Советы Р., К. и К. Д., общими собраниями районных Советов из числа кандидатов, предлагаемых Исполнительным Комитетом районного Совета, а в остальных городах—общим собранием Городского Совета Р., К. и К.Д.; в уездах, включая города, не имеющих городских Советов, уездными Исполнительными Комитетами Советов преимущественно из числа кандидатов сельских и волостных Исполнительных Комитетов.

Ст. 14. Избранные означенным порядком Народные Судьи должны представляться на утверждение Губернских Исполнительных Комитетов Р., К. и К. Д. через Отделы Юстиции, которые дают о них свой отзыв. В случае отсутствия кандидатов на местах, Губернский

Исполнительный Комитет Совета Р., К. и К. Д. вправе избирать по своему усмотрению как постоянных, так и добавочных Народных Судей.

Ст. 15. Народные Судьи могут быть отозваны избравшими их Советами Р., К. и К. Д. или Уездными Исполнительными Комитетами, как по их инициативе, так и по представлению Советов Народных Судей, при чем такое отозвание должно быть подробно мотивировано и подлежит утверждению Губернского Исполнительного Комитета, по даче заключения Отделом Юстиции. Временно, до утверждения отозвания Губернским Исполнительным Комитетом, Судьи могут быть отстраняемы от должности Советом Народных Судей.

Ст. 16. В списки очередных Народных Заседателей вносятся все трудящиеся, имеющие право избирать и быть избранными в Советы Р., К. и К. Д.

Ст. 17. Списки Народных Заседателей составляются каждые 6 месяцев рабочими организациями, а также волостными и сельскими Советами отдельного Судебного района и вносятся на утверждение Исполнительного Комитета районного, городского или уездного.

Ст. 18. Из утвержденных списков Народных Заседателей избирается по 8 Заседателей (включая 2 запасных) для рассмотрения дел, указанных в ст. 7, и по 3 Заседателя (1 запасный) на каждую Сессию для рассмотрения дел, указанных в ст. 8 настоящего Положения.

Примечание. Порядок составления списков и распределения Заседателей по Народным Судам устанавливается инструкцией Народного Комиссариата Юстиции.

Ст. 19. Никто из вошедших в списки Народных Заседателей не может участвовать в заседании суда более шести дней в полугодие, при чем за Народными Заседателями сохраняется их заработная плата по месту работы. Лица, получающие средства существования от сельского или домашнего хозяйства и ремесла, получают за дни заседания суточные в размере минимума заработной платы, установленной для данной местности, из общегосударственных средств.

Ст. 20. Заседатель, не явившийся и не представивший доказательств уважительности причин своей неявки, подвергается постановлением Народного Суда штрафу, соединенному с принудительными работами без содержания под стражей или одним принудительным работам, для чего передается в распоряжение местного Исполнительного Комитета Совета Р., К. и К. Д.

Общие начала судопроизводства.

Ст. 21. В Российской Социалистической Федеративной Советской Республике допускается судоговорение на всех местных языках.

Губернские и уездные Советы Р., К. и К. Д. определяют, на каком языке или языках происходит судоговорение и судопроизводство в данном судебном районе.

Ст. 22. При решении дел Народный Суд применяет декреты Рабоче-Крестьянского Правительства, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового, руководствуется социалистическим правосознанием.

Примечание. Ссылка в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств воспрещается.

Ст. 23. Народный Суд имеет право по своему убеждению определять меру наказания, а также постановить приговор об условном освобождении обвиняемого от наказания. Когда в декрете установлено наказание не ниже известной нормы, Народный Суд вправе уменьшить наказание, но с непременным условием точного изложения мотивов смягчения.

Ст. 24. Народный Суд не ограничен никакими формальными доказательствами, и от него зависит по обстоятельствам дела допустить те или иные доказательства или потребовать их от третьих лиц, для коих такое требование обязательно. Присяга, как доказательство, не допускается.

Ст. 25. Формальные отводы по гражданским делам о смешении и дроблении исков не допускаются.

Ст. 26. Тяжущимся разрешается во все время производства дел как изменять основание иска (главного и встречного), так и расширять иски новыми требованиями и привлекать к делу на сторону истца или ответчика новых лиц.

Ст. 27. Свидетели дают показание без присяги, с предупреждением об ответственности за ложное показание и отобранием соответствующей подписки.

Следствие.

Ст. 28. Производство предварительного следствия по уголовным делам, рассматриваемым Народным Судом с участием шести заседателей возлагается на народных следователей. По остальным уголовным делам от Народного Суда зависит ограничиться произведенным милицией дознанием, или передать дело для производства предварительного следствия Народному Следователю, а в не терпящих отлагательства случаях, поручить производство предварительного следствия постоянному Народному Судье.

Ст. 29. Распределение территории уезда на следственные участки производится уездным Исполнительным Комитетом Совета Р., К. и К. Д. и утверждается Народным Комиссариатом Юстиции, по представлению Губернских Исполнительных Комитетов Советов Р., К. и К. Д., а распределение территории губернских городов производится непосредственно Губернскими Исполнительными Комитетами Советов Р., К. и К. Д. и также утверждается Народным Комиссариатом Юстиции.

Ст. 30. Народные Следователи избираются и отзываются Губернскими Исполнительными Комитетами Советов Р., К. и К. Д.; состоят в ведении Советов Народных Судей и действуют в пределах

своего участка. Кроме того, Отделы Юстиции назначают, с утверждения Народного Комиссариата Юстиции, особых следователей по важнейшим делам, состоящих при Отделах Юстиции. Следователи по важнейшим делам, состоящие при Народном Комиссариате Юстиции, назначаются этим последним.

Ст. 31. Народные Следователи и Следователи по важнейшим делам должны удовлетворять следующим условиям:

1) Иметь право избирать и быть избираемыми в Советы Р., К. и К. Д.

2) Иметь теоретическую или практическую подготовку для должности советских Следователей.

Ст. 32. Народные Следователи приступают к производству предварительного следствия: 1) по заявлениям граждан, 2) по сообщению милиции, должностных лиц и учреждений, 3) по постановлению Народного Суда, 4) по своему усмотрению.

Ст. 33. Следователи при производстве следствия, в целях раскрытия преступления, имеют право требовать содействия милиции, уголовного розыска и других учреждений и лиц.

Ст. 34. Следователи производят необходимые следственные действия, а равно выносят постановления об аресте, обыске и выемке, при чем пред'являемые ими требования обязательны как для милиции, так и для Советских учреждений, должностных и частных лиц.

Примечание. Всякий гражданин, подвергнутый задержанию по подозрению в совершении преступления, должен быть допрошен Народным Судьей или Следователем не позднее суток с момента задержания.

Ст. 35. Следователь:

1) возбуждает следствие;

2) избирает меру пресечения и представляет Народному Суду свое заключение о смягчении принятой в отношении обвиняемого меры пресечения;

3) постановляет о заключении следствия и о предании Суду или о прекращении дела.

Ст. 36. Постановление Следователя о предании Суду или прекращении дела должно быть мотивировано. Если это заключительное постановление будет признано Народным Судом недостаточно обоснованным, Народный Суд направляет дело к доследованию.

Ст. 37. Постановление Следователя о прекращении дела или о предании Суду направляется в Народный Суд по месту совершения преступления вместе со всем делопроизводством. Окончательное решение о прекращении дела или предании Суду принадлежит Народному Суду.

Ст. 38. Постановления Следователя могут быть обжалованы в двухнедельный срок в Народный Суд по месту совершения преступления; постановления Народного Суда по этим жалобам являются окончательными.

Организация обвинения и защиты.

Ст. 39. При Отделах Юстиции состоят обвинители в количестве, устанавливаемом означенными Отделами.

Ст. 40. Обвинители назначаются и отзываются Губернскими Исполнительными Комитетами Советов Р., К. и К. Д. по представлению Отделов Юстиции из лиц, удовлетворяющих требованиям ст. 12.

Ст. 41. Обвинители командируются Отделом Юстиции: 1) по требованию Народных Судей, 2) по заявлениям заинтересованных лиц и учреждений и 3) по усмотрению Отдела Юстиции.

Ст. 42. Право выступать в Народном Суде в качестве обвинителя принадлежит также возбудившим дело Советским учреждениям и профессиональным организациям, в лице особых представителей.

Ст. 43. В качестве защитников привлекаются судебными органами граждане, способные исполнять эту обязанность, для чего Исполнительные Комитеты районные, городские и уездные составляют особые списки порядком, устанавливаемым инструкцией Народного Комиссариата Юстиции.

> Примечание. Все учреждения, в которых состоят на службе привлекаемые к исполнению обязанностей защитника лица, обязаны освобождать последних от службы на требуемый Судом срок.

Ст. 44. При недостатке защитников из числа лиц, указанных в ст. 43, в качестве таковых привлекаются консультанты, состоящие при Отделах Юстиции.

Ст. 45. Назначение защитника происходит как по просьбе заинтересованного лица, так и по усмотрению Народного Суда.

Ст. 46. Помимо лиц, указанных в ст. 43 и 44, Народный Суд может допускать к защите командированных для этой цели членов организации, в которой состоит обвиняемый (профессионального союза, заводского комитета и т. п.), а также ближайших родственников обвиняемого.

Ст. 47. Вопрос о допущении защиты разрешается Народным Судом (в распорядительном или судебном заседании), в зависимости от характера дела и личности обвиняемого, и обжалованию отдельно от кассационной жалобы не подлежит.

> Примечание 1-е. При наличности обвинителя Народный Суд обязан допустить или назначить защитника.

> Примечание 2-е. Назначение или допущение защитника для Суда обязательно, если о том просит обвиняемый, содержащийся под стражей.

Ст. 48. Защитники, назначаемые Судебными органами из числа лиц, указанных в ст. 43, получают вознаграждение согласно ст. 19 сего Положения.

Ст. 49. В качестве представителей сторон в гражданском процессе допускаются: 1) ближайшие родственники тяжущихся: родители, дети, супруги, братья и сестры и 2) консультанты и представители Советских учреждений по уполномочию руководящих органов.

Об отводах Народных Судей и Народных Заседателей.

Ст. 50. Обвиняемые, обвинители и стороны в гражданском процессе имеют право заявлять об отводе как Народного Судьи, так и Народных Заседателей.

Ст. 51. Отвод с изложением оснований заявляется при открытии Судебного заседания и разрешается составом Суда с участием запасного Заседателя.

В решении вопроса об отводе отводимый Народный Судья или Заседатель не участвует.

Ст. 52. Народный Судья и Народные Заседатели обязаны отвести себя в том случае, если прямо или косвенно заинтересованы в исходе дела или находятся в родстве или особых отношениях к сторонам.

Примечание. Ст.ст. 50 и 52 распространяются и на следователей.

О производстве дел в Народном Суде.

Ст. 53. Производство дел в Народном Суде начинается по заявлению граждан, по предложению Исполнительных Комитетов Советов Р., К. и К. Д., должностных лиц и по усмотрению Суда.

Ст. 54. Народный Судья в исключительных случаях может своим постановлением подвергать обвиняемого личному задержанию, при чем такое постановление вносится им на усмотрение Народного Суда в ближайшее заседание.

Ст. 55. Дела, по коим обвиняемый содержится под стражей, назначаются к слушанию в первую очередь.

Ст. 56. Заинтересованные лица своевременно вызываются к разбору дела повестками или извещаются словесно с отобранием подписки о явке в срок.

В повестках указывается—вызывается ли данное лицо в качестве свидетеля, обвиняемого, потерпевшего, эксперта или стороны в процессе.

Примечание. Повестки посылаются заказными пакетами с обратной распиской через рассыльных или через милицию.

Ст. 57. Взыскания за неявку, а также привод вызываемого в Суд, определяются постановлением Народного Суда.

Ст. 58. По открытии заседания председательствующий раз'ясняет обвиняемому, а равно сторонам, их право заявить отвод как Народного Судьи, так и очередных Народных Заседателей.

Ст. 59. Суд выясняет, кто из сторон, свидетелей и участвующих в деле лиц прибыл в заседание, и разрешает вопрос о возможности слушания дела в настоящем его положении. Неявка сторон, обвиняемого или свидетелей без уважительных причин не останавливает разбора дела, если явка их в Суд не будет признана Судом обязательной.

Ст. 60. Копия заочного приговора и решения сообщается обвиняемому или ответчику.

Ст. 61. Заочные приговоры и решения могут быть обжалованы лишь в кассационном порядке на общем основании, при чем срок на принесение кассационной жалобы исчисляется с момента вручения копии приговора и решения или повестки об исполнении, смотря по тому, которая из них вручена раньше.

Ст. 62. В случае заявления сторонами ходатайства о допросе свидетелей Суд требует указания, какие имеющие для дела существенное значение обстоятельства должны быть установлены этими свидетелями, и разрешает вопрос о допущении или недопущении свидетелей.

Ст. 63. Перед допросом свидетелей Суд выясняет отношения между сторонами и свидетелями по делу в целях оценки степени беспристрастности их показаний.

Ст. 64. Кроме свидетелей допрашиваются и эксперты, если они вызваны в заседание Суда. В случае необходимости производится осмотр вещественных доказательств, которые должны быть своевременно затребованы Судом до назначения дела к слушанию.

Ст. 65. Свидетели до их допроса удаляются из зала заседания.

Ст. 66. Заседания Суда публичны, но если Суд найдет необходимым, публика может быть удалена по его постановлению.

Ст. 67. Слушание дела начинается докладом Народного Судьи.

Ст. 68. При участии в деле жалобщика или истца после доклада Народного Судьи дается слово жалобщику или истцу для изложения сущности обвинения или требования. После этого председательствующий формулирует обвинение и опрашивает обвиняемого, признает ли он обвинение, или ответчика, признает ли он иск.

Ст. 69. При полном и согласном с обстоятельствами дела сознании подсудимого или признании ответчиком иска Суд может, не допрашивая свидетелей и не обсуждая других доказательств, перейти к заключительным моментам процесса.

Ст. 70. В случае отрицания виновности или иска производится поверка доказательств. Свидетели приглашаются в зал заседания по одиночке. Показания их записываются вкратце в протокол, который подписывается ими. Если свидетель неграмотен, об этом отмечается в протоколе. Свидетели не могут покинуть зал заседания до освобождения их Судом.

Ст. 71. По делам, могущим по мнению Суда кончиться примирением, сторонам предлагается вопрос, не пожелают ли они примириться.

Ст. 72. Когда Суд находит дело достаточно выясненным, он предоставляет заключительное слово сторонам. Последнее слово дается во всяком случае обвиняемому.

Ст. 73. По выслушании последнего слова Суд удаляется в совещательную комнату для постановления приговора (по уголовному делу) или решения (по гражданскому делу).

Во время совещания Суда в совещательную комнату не допускается никто, кроме Судей и Заседателей, рассматривающих дело.

Ст. 74. Приговор или решение выносится по большинству голо-

сов. Народный Судья, не согласный с приговором, представляет свое особое мнение, которое должно быть приложено к протоколу.

Ст. 75. В приговоре и решении должны быть точно указаны: событие преступления, сущность приговора или решения и подробное основание его. Кроме того, приговор должен содержать справку о судимости и сведения о возрасте осужденного, его профессии, последнем месте жительства и службы и партийной принадлежности.

Порядок обжалования приговоров и решений Народного Суда.

Ст. 76. Приговоры и решения Народного Суда являются окончательными и могут быть обжалованы в кассационном порядке в Совет Народных Судей заинтересованными в деле лицами и учреждениями.

Ст. 77. Приговоры по уголовным делам могут быть обжалованы также местными Исполнительными Комитетами Советов.

Ст. 78. Кассационные жалобы подаются или через Народный Суд, который постановил приговоры или решения, и представляются Народным Судьей вместе с делом не позднее трех дней в Совет Народных Судей, или подаются непосредственно в Совет Народных Судей.

Ст. 79. Срок на подачу кассационной жалобы устанавливается двухнедельный со дня об'явления приговора или решения. Днем подачи жалобы считается день подачи ее непосредственно в подлежащее учреждение или день сдачи ее на почту.

Об исполнении приговоров и решений Народного Суда.

Ст. 80. Приговоры и решения Народного Суда приводятся в исполнение немедленно по истечении срока на обжалование. В случае отказа сторон от кассационной жалобы, приговоры и решения приводятся в исполнение до истечения указанного срока. Подача кассационной жалобы в течение установленного срока приостанавливает исполнение до рассмотрения жалобы Советом Народных Судей. Народный Суд обязан при вынесении приговора или решения постановить о принятии или изменении меры пресечения или обеспечения иска, а также о том, подлежит ли решение предварительному исполнению.

Ст. 81. Народному Суду, в порядке инструкции о досрочном освобождении, предоставляется право досрочного освобождения и восстановления в правах осужденных как по их личному или их близких ходатайству, так и по представлению органов, применяющих наказание.

Ст. 82. Приговоры приводятся в исполнение органами милиции, а решения и всякие денежные взыскания Судебными Исполнителями или органами милиции.

Советы Народных Судей.

Ст. 83. Все Народные Суды, входящие в состав губернии или соответствующей ей отдельной территориальной единицы Российской

Социалистической Федеративной Советской Республики, составляют судебный округ.

Ст. 84. В каждом судебном округе для рассмотрения кассационных и частных жалоб на приговоры, решения и действия Народных Судов и ближайшего контроля над ними действует Совет Народных Судей.

Примечание. Право высшего контроля над приговорами и решениями Народных Судов и Советов Народных Судей принадлежит Народному Комиссариату Юстиции и определяется особым положением.

Ст. 85. Совет Народных Судей состоит из:

1) Председателя Совета Народных Судей и его Заместителя.

2) Постоянных членов Совета Народных Судей в числе от двух до пяти.

3) Народных Судей округа, участвующих в заседании Совета по очереди.

Ст. 86. Председатель, заместитель Председателя и постоянные члены Совета Народных Судей из числа Народных Судей избираются губернскими С'ездами Народных Судей округа, утверждаются соответствующими Губернскими Исполнительными Комитетами Советов Р., К. и К. Д. и образуют Президиум Совета Народных Судей. Члены Президиума Совета Народных Судей отзываются Губернскими Исполнительными Комитетами как по их инициативе, так и по представлению С'ездов Народных Судей.

Примечание. В случае неутверждения Губернским Исполнительным Комитетом Советов Р., К. и К. Д. кандидатов в члены Президиума и впредь до нового С'езда Губернским Исполнительным Комитетом назначаются в Президиум Совета Народных Судей лица из состава Народных Судей по своему усмотрению.

Ст. 87. Для рассмотрения поступающих дел Совет Народных Судей образует уголовные и гражданские отделения, которыми заведуют члены Президиума Совета Народных Судей. Для рассмотрения дел в уездах Советы Народных Судей организуют выездные сессии.

Ст. 88. Заседания Совета Народных Судей для рассмотрения кассационных и частных жалоб происходят в составе трех членов: одного члена Президиума Совета Народных Судей и двух Народных Судей из числа всех Народных Судей губернии, вызываемых для участия в заседаниях Совета Народных Судей на срок до двух недель, в порядке, устанавливаемом губернским С'ездом Народных Судей. Рассмотрение жалоб на действия Народных Судей и функции контроля возлагаются на Президиум Совета Народных Судей, при чем функции контроля осуществляются им непосредственно или через уездное Бюро Юстиции.

Ст. 89. Ведение заседания Совета Народных Судей по каждому отделению возлагается на председательствующего из состава членов Президиума Совета Народных Судей.

Ст. 90. К слушанию дела в Совете Народных Судей вызываются: обвиняемые, потерпевшие, обвинители, стороны и лица, заявляющие права на вещественные доказательства; однако неявка вызываемых не останавливает рассмотрения дела, за исключением тех случаев, когда Совет признает присутствие их необходимым.

Ст. 91. Совет Народных Судей имеет право отменять приговоры и решения, в случае признаваемых им существенными нарушения или неправильного применения декретов, в частности нарушения форм судопроизводства, а также в случае неполноты следствия. Совету Народных Судей принадлежит право отмены приговоров и решений Народного Суда также в тех случаях, когда обжалованные приговоры и решения Народного Суда явно несправедливы.

Ст. 92. Совет Народных Судей при рассмотрении дела не связан пределами кассационной жалобы и поводами, в ней указанными.

Ст. 93. В случае отмены приговора или решения Совет Народных Судей указывает, в чем именно заключается неправильность применения закона, какие формы судопроизводства нарушены или в чем выразилась неполнота следствия или явная несправедливость отменяемого приговора или решения.

Ст. 94. Отменяя приговор или решение, Совет Народных Судей передает дело для вторичного рассмотрения по существу в другой Народный Суд. Указания, сделанные Советом Народных Судей в мотивах к отмене приговора или решения, обязательны для Суда, пересматривающего дела.

Ст. 95. В случае отмены приговора или решения дело в течение трех дней отсылается в тот Народный Суд, коему поручено новое рассмотрение дела; копия же решения Совета Народных Судей отсылается для руководства в Народный Суд, постановивший отмененный приговор или решение.

О судебных издержках.

Ст. 96. Народный Суд имеет право подвергать стороны за недобросовестный иск и спор штрафу в доход Республики, а также присуждать в пользу правой стороны расходы по делу.

Ст. 97. Обвиняемым копии заключительного постановления Следователя и приговора Народного Суда выдаются, по их заявлению, бесплатно. Выдача копий во всех других случаях как по уголовным, так и по гражданским делам, производится лишь по постановлению Народного Судьи или Члена Президиума Совета Народных Судей.

Сбор за копии взимается в этих случаях по фактической стоимости их изготовления, при чем Суду предоставляется право освобождать от сбора неимущих граждан.

Подписали:

Председатель Всероссийского Исполнительного Комитета

М. Калинин.

Секретарь ВЦИК *А. Енукидзе.*

21 октября 1920 г.
(«Собр. Узак.» 1920 г., № 831, ст. 407).

Приложение № 9.

Положение о местных органах юстиции.

А. Губернские Отделы Юстиции (Губотюст).

Губернские Отделы Юстиции, являясь проводниками организационных и административных мероприятий Народного Комиссариата Юстиции в области Судоустройства и Карательного дела и, действуя в составе Общего, Судебно-Следственного, Административно-Хозяйственного и Карательного Отделов, призваны осуществлять также общее наблюдение за соблюдением всеми Советскими органами узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. В частности, в круг ведения Отделов Юстиции входят:

1. Производство расследования о незакономерных действиях местных органов Советской власти по поручению Центральных учреждений РСФСР.

2. Возбуждение в порядке общественного обвинения расследования и судебного преследования, как в случае обнаружения незакономерных действий органов Советской власти, так и в тех случаях, когда к раскрытию преступлений, совершенных должностными или частными лицами, подлежащие органы не приняли соответственных мер.

3. Наблюдение за общим направлением деятельности всех органов Юстиции губернии путем ознакомления с делами таковых и истребования от них периодических отчетов и статистических сведений, а равно приведение в известность личного состава всех ответственных работников и сотрудников этих органов.

4. Право обжалования в соответствующую кассационную инстанцию оправдательных и неправильных приговоров Нарсудов и Трибуналов, с соблюдением установленного законом срока, а равно представление в Наркомюст в порядке надзора судебных приговоров и решений, хотя и вступивших в законную силу, но по серьезным основаниям требующих пересмотра.

5. Наблюдение за личным составом и деятельностью Комиссий о несовершеннолетних (декрет Совнаркома от 4 марта 1920 г.).

6. Надзор за деятельностью распределительных Комиссий по использованию труда заключенных, наблюдение за приведением в исполнение судебных приговоров вообще и определяющих на принудительные работы в особенности.

7. Об'единение всех местных органов губернии по борьбе с преступностью.

8. Обслуживание Губисполкомов, его Отделов и других Советских органов губернии консультациями, раз'яснением и систематизацией декретов, постановлений и т. п.

9. Организация обвинения и защиты на суде, а также юридической помощи населению и общее руководство их деятельностью.

10. Руководство проведением в жизнь декрета об отделении церкви от государства.

11. Периодические доклады и отчеты Губисполкому о работах и нуждах судебных, следственных и исполнительных органов губернии.

12. Периодическое представление таких же отчетов, а также статистических сведений в НКЮ.

Примечание. а) Ревизия судебных, следственных и судебно-исполнительных органов производится через посредство Президиума Совнарсуда, а в исключительных случаях лично членами Коллегий Отдела Юстиции. Ревизия Ревтрибов и Совнарсудов производится членами коллегий Губотюста по журнальному постановлению этой коллегии в целом.

б) Отдел Юстиции возбуждает вопрос об отзыве или отводе Председателя и членов Революционного Трибунала, Президиума Совнарсуда, Народных Судей и Народных Следователей перед соответствующими Исполкомами, в случае несоответствия их своему назначению, а, в случае обнаружения явных злоупотреблений, временно отстраняет их и их сотрудников от должности с одновременным назначением следствия. Разногласия по вопросу об отзыве разрешаются Президиумом Губисполкома.

в) Председатель Совнарсуда входит в Коллегию Губотюста и заведует Судебно-Следственным Под'отделом.

г) Заведующий Отделом Юстиции несет ответственность перед Наркомюстом за действия Отдела Юстиции и подлежит отводу со стороны НКЮ, в случае несоответствия своему назначению в порядке ст. 4 Положения о Губисполкомах, принятого VII С'ездом Советов.

Б. Губернские Советы Народных Судей (Губсовнарсуд).

Губернские Советы Народных Судей, являясь кассационной инстанцией для рассмотрения жалоб на приговоры, решения и действия Народных Судей и органом ближайшего контроля над подведомственными им органами Юстиции, несут ответственность за правильное функционирование судебно-следственного и судебно-исполнительного аппарата в губернии и в частности:

1. Производят периодические ревизии всех судебных, следственных и судебно-исполнительных органов, как непосредственно, так и через добавочных судей-инструкторов.

2. Временно отстраняют от должности Народных Судей и Следователей, замеченных в служебных злоупотреблениях.

3. Образуют при Совнарсуде и Убюсте особые сессии Народного Суда для слушания важнейших дел общей подсудности, а также более крупных дел, поступающих из Губернских Трибуналов и Чрезвычайных Комиссий, а равно дежурные камеры Нарсудов для непосредственного рассмотрения в самый день задержания преступников тех дел, которые не требуют особой подготовки.

4. Инструктируют Народные Суды, как в области правильного применения и толкования декретов Советской власти, так и в области процессуально-формального права путем соответствующих циркуляров, а также приговоров и решений, имеющих принципиальное значение.

5. Распределяют совместно с Губотюстом утвержденных Губисполкомом Народных Судей и Народных Следователей.

6. Командируют Народных Судей в Губернские Комиссии о несовершеннолетних.

7. Наблюдают за деятельностью Судебных Исполнителей.

8. Командируют Народных Судей в Губземотделы для участия в рассмотрении спорных дел, связанных с землепользованием.

9. Собирают и систематизируют приговоры и решения, имеющие принципиальный характер, для направления их в НКЮ.

10. Входят, с ведома Отдела Юстиции, с докладами и отчетами в Губисполком о работе Совнарсуда и подведомственных органов.

Примечание. 1) Все административные функции Совнарсуда осуществляются Президиумом Совнарсуда; 2) Председатель Совнарсуда в экстренных случаях вправе единолично разрешать вопросы административного характера, входящие в круг ведения Совнарсуда, доводя затем об этом до сведения Коллегии Президиума Совнарсуда; 3) судебные заседания Совнарсуда могут быть назначаемы как в губернских городах, так и в выездных сессиях, которые должны сопровождаться обревизованием соответственных Убюстов и Нарсудов уезда.

В. Уездные Бюро Юстиции (Убюст).

Уездное Бюро Юстиции, являясь проводником организационных и административных мероприятий Губюста и Губсовнарсуда, об'единяет и направляет работу всех органов Юстиции в уезде и избирается общим собранием Народных Судей и Народных Следователей уезда в числе не свыше трех членов, при чем председатель Бюро (обязательно из состава Народных Судей, хотя может быть освобожден от заведывания участком) подлежит утверждению в этой должности Уисполкомом. Важнейшими предметами ведения Убюста являются:

1. Производство расследований о незакономерных действиях местных представителей Советской власти.

2. Наблюдение за деятельностью органов юстиции уезда и периодическое сообщение отчетов о ней Губюсту.

3. Непосредственное принятие мер пресечения в случае обнаружения злоупотреблений или преступных действий этих органов, с одновременными извещениями об этом Губотюста и в соответствующих случаях направлением дела в судебно-следственные органы.

4. Право возбуждения общественного обвинения против нарушителей Советских законов, и обжалование в установленный срок в Совнарсуд неправильных приговоров, выносимых Народными Судами уезда, с одновременным извещением о том Губотюста.

5. Предварительное распределение Народных Судей и Народных Следователей в пределах уезда, с указанием постоянного их местопребывания.

6. Организация, по поручению Совнарсуда, особой сессии Народного Суда в уездном городе для рассмотрения дел особой важности и серьезности, а. также дежурных камер.

7. Дача заключений по юридическим вопросам, возникающим в работе уездного и волостного Совдепов и их Отделов, и организация обвинения и защиты на суде, а также юридической помощи населению и наблюдение за их деятельностью.

8. Финансово-хозяйственные функции, контроль и отчетность по ассигнованиям на все уездные органы Юстиции.

9. Подготовительные работы по составлению списков кандидатов на должность Народных Судей, Народных Следователей и Судебных Исполнителей.

10. Наблюдение за списками Народных Заседателей и распределением их по Народным Судам.

11. Об'единение деятельности всех органов уезда по борьбе с преступностью.

12. Наблюдение за местами заключения и содействие организации принудительных работ в уезде для приговоренных к работам без содержания под стражей.

13. Командирование Народных Судей в заседания Комиссии о несовершеннолетних и наблюдение за работой таковых.

14. Командирование Народных Судей в Уземотделы для участия в рассмотрении спорных дел, связанных с землепользованием.

15. Периодические доклады Уисполкомам о деятельности и нуждах органов Юстиции уезда вообще, карательной политике и практике судов в частности.

16. Исполнение нотариальных функций по совершению более сложных сделок и договоров.

Примечания: 1-е. Председатель Уездного Бюро Юстиции отвечает за всю деятельность Бюро и пр. органов Юстиции уезда, как перед Уисполкомом, так и перед Губотюстом в порядке надзора.

2-е. Председатель Уездного Бюро Юстиции, если он не состоит членом Уисполкома и не кооптирован в Уисполком, пользуется в нем правом совещательного голоса по подведомственным органам Юстици вопросам.

Г. Народные Суды (Нарсуд).

Народные Судьи, избираемые Уисполкомами и утверждаемые Губисполкомами, участвуя в судебных заседаниях Народного Суда и Совнарсуда и руководя работой канцелярии Суда, несут ответственность за общее направление работы Народного Суда и правильное его функционирование и в частности:

I. Следят за своевременным заполнением и отправкой в Губотюст требуемых статистических сведений.

2. Отсылают справки об осужденных и условно-осужденных за совершение более тяжких преступлений, немедленно по вступлении приговора в законную силу,—в Центральное Статистическое Отделение Народного Комиссариата Юстиции и в Губернское Управление Уголовного Розыска.

3. Осведомляют Убюст, а в подлежащих случаях и Губсовнарсуд, о подлежащих их рассмотрению делах исключительной важности.

4. Входят, в качестве членов Коллегии, в Волземотделы для рассмотрения дел о семейных разделах и прочих спорных дел, связанных с землепользованием.

5. Наблюдают за производством следствий и дознаний и контролируют работу Народных Следователей путем ревизии, а постановления их о принятии меры пресечения и прекращении дела путем внесения этих вопросов в распорядительные или публичные заседания Суда.

6. Наблюдают за фактическим исполнением приговоров к принудительным работам без содержания под стражей путем установления взаимодействия с Волисполкомами и Комитетами по трудовой повинности.

7. Рассматривают вне очереди в срочном порядке дела, возбуждаемые Комитетами по трудовой повинности и Продорганами, а равно дела о должностных преступлениях и вообще все дела, по которым обвиняемые содержатся под стражей.

8. Направляют несовершеннолетних и дела о них в Уездные или Губернские Комиссии о несовершеннолетних через Народного Судью, состоящего членом Комиссии, принимая необходимые меры пресечения, или обеспечения их явки в эти учреждения.

9. Принимают в Губсовнарсуд копии приговоров или решений, имеющих по местным условиям особое значение или устанавливающих новые принципиальные взгляды на вопросы советского права.

10. Наблюдают за правильностью ведения актов гражданского состояния в волостных и сельских Советах.

11. Наблюдают за законностью и правильностью содержания под стражей заключенных и, в случае неправильности или незаконности такового, освобождают из-под стражи.

12. Исполняют менее сложные нотариальные функции.

13. Периодически делают информационные доклады Волисполкомам и на Волостных С'ездах Советов обслуживаемых ими волостей о своей работе, вообще, и карательной политике и практике в особенности.

Примечание. Народный Судья не может об'яснить явно неправосудных или противоречащих декретам и распоряжениям Советской власти приговоров тем, что таковые вынесены большинством голосов народных заседателей, если он своевременно не изложил своего мнения в письменном виде и, в случаях особой важности, не перенес дела на распоряжение Совнарсуда.

Д. Народные Следователи (Нарслед).

Районный Народный Следователь, избираемый Губисполкомом, являясь органом ближайшего содействия Народному Суду в расследовании преступлений и борьбе с преступностью:

1. Руководит действиями Советской милиции и уголовно-розыскных органов по раскрытию преступлений, при чем словесные и письменные предложения следователя для означенных органов обязательны.

2. Непосредственно производит необходимые следственные действия, а равно выносит постановления об аресте, обыске и выемке, при чем пред'являемые им в этом направлении требования обязательны как для милиции, так и для Советских учреждений, должностных и частных лиц.

3. Выносит на утверждение Народного Суда свои заключения о предании Суду и о прекращении дела, а равно свои постановления о смягчении меры пресечения, принятой Советской милицией или предыдущим постановлением следователя.

4. Исполняет порученные ему руководящими органами Юстиции или Народным Судом следственные действия в определенный ими срок.

5. Участвует в общих собраниях и С'ездах Судебных деятелей губернии и уезда.

6. Принимает участие в выборе членов Уездного Бюро Юстиции и пользуется на уездных с'ездах судей правом решающего голоса по всем вопросам, касающимся следственного дела.

Примечание 1. Для расследования наиболее сложных дел при Наркомюсте состоят судебные следователи по важнейшим делам, которые, обладая всеми правами и обязанностями Народных Следователей, приступают к производству следствия лишь по поручению ВЦИК, Совнаркома и Коллегии НКЮ.

Примечание 2. Следователи по важнейшим делам учреждаются также при Губотюсте для производства дел исключительно по поручению Губисполкома, Губотюста и Совнарсуда, при чем они назначаются Губотюстами и утверждаются НКЮ.

Е. Судебные Исполнители (Судисп).

Судебные Исполнители, являясь исполнительными органами по исполнению решений и приговоров Народных Судов, а также по принятию мер обеспечения исков, охраны имущества, подлежащего судебному спору, и по передаче присужденного имущества стороне, или продаже описанного имущества—обязаны также исполнять поручения подлежащих Советов по взысканиям, производимым по постановлению других органов Советской власти, и в действиях своих

отчитываются как перед органами, дающими им поручения, так и пред Губсовнарсудом.

Примечание. Действия Судебных Исполнителей подробно устанавливаются специальной инструкцией НКЮ.

Народный Комиссар Юстиции *Курский.*

21 августа 1920 г.

Приложение № 10.

Постановление Народного Комиссариата Юстиции.

Об отделах Народного Комиссариата Юстиции.

(ПОЛОЖЕНИЕ).

В отмену ранее изданных постановлений об организации и плане работ Народного Комиссариата Юстиции (С. У. 1917 г. № 9, ст. 127 и № 12, ст. 171) об'является нижеследующее распределение работ между Отделами Народного Комиссариата Юстиции:

Отдел Судоустройства.

Организация Народных Судов, Революционных Трибуналов, органов следствия, обвинения и защиты, наблюдение за их деятельностью и руководящие указания.

Отдел Судебного Контроля.

Рассмотрение в порядке надзора отдельных приговоров и решений Народных Судов, возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам, направление жалоб и ходатайств отдельных граждан и учреждений, подаваемых в Народный Комиссариат Юстиции на незакономерные действия должностных и частных лиц.

Отдел Следственный.

Производство расследований должностных преступлений, согласно постановлений Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны, а также согласно предложений Народного Комиссариата Юстиции.

Отдел Обще-Консультационный.

Представление заключений по правовым вопросам, возникающим в практике центральных учреждений РСФСР и контроль над деятельностью Консультационных Под'отделов и юрисконсультов последних.

Отдел законодательных предположений и кодификации.

Редактирование проектов законодательных и важнейших правительственных актов центральных учреждений РСФСР, кодификация действующих декретов и постановлений.

Отдел карательный (центральный).

Организация мест лишения свободы и заведывание ими, осуществление карательных мероприятий (С. У. 1918 г. № 53, ст. 598).

Отдел опубликования законов.

Опубликование декретов и постановлений центральных учреждений РСФСР в официальных органах, в Собрании Узаконений и отдельных сборниках.

Отдел ликвидационный.

Руководящие указания и наблюдения за проведением в жизнь декрета об отделении церкви от государства.

Отдел Финансово-хозяйственный.

Разработка и проведение сметы Народного Комиссариата Юстиции и его местных органов, заведывание хозяйственным делом Народного Комиссариата Юстиции.

Отдел издательский.

Техническое выполнение изданий Народного Комиссариата Юстиции.

Управление делами Н. К. Ю.

Внутренние административные распоряжения по Народному Комиссариату Юстиции.

Подписал Народный Комиссар Юстиции *Курский.*

26 ноября 1920 г.

Опубликован в «Собр. Узак.» 1920 г., № 90, ст. 465.

Приложение № 11.

Циркуляр № 21.

Всем отделам Юстиции и Советам Народных Судей.

Народный Комиссариат Юстиции предлагает организовать особые сессии Народного Суда и дежурные камеры, учреждение коих признано необходимым III Всероссийским С'ездом деятелей Советской Юстиции.

I.

Особые сессии должны быть организованы на следующих основаниях:

1. Особые сессии учреждаются в губернских городах при Совнарсудах. в уездных городах при Убюстах.

2. Обязательному рассмотрению в Особой сессии подлежат дела, поступившие из Чрезвычайных Комиссий и из Революционных Трибуналов и не принятые ими к своему производству (Собр. Узак. 1920 г. № 22—23, ст. 115): о крупной спекуляции товарами и предметами, взятыми на учет, о наиболее важных должностных преступлениях и дела о нарушениях трудовой повинности, в случаях особой злостности и повторности таковых; а также дела, предусмотренные декретом о воспрещении изготовления и продажи спирта. (Собр. Узак. 1920 г. № 1—2, ст. 2) и дела об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям.

3. Помимо изложенного НКЮ, Отделы Юстиции, Совнарсуды и Убюсты притом, как по своей инициативе, так и по инициативе других органов, могут передавать для слушания в Особой Сессии любое дело, если признают, что оно имеет крупное общественное значение.

4. Председательствуют в Особой Сессии члены Президиума Совнарсуда или Убюста по назначению этих органов. Президиум Совнарсуда имеет право, если сочтет возможным, поручать председательствование в Особой Сессии другим Народным Судьям, не состоящим членами Президиума Совнарсуда.

5. В области судопроизводства Особая Сессия руководствуется постановлениями Положения о Народном Суде без каких бы то ни было из'ятий.

6. Особая Сессия имеет свою канцелярию и штат служащих наравне с другими Народными Судами.

II.

Дежурные камеры учреждаются в губернских и уездных городах для рассмотрения несложных дел в самый день задержания обвиняемого, на следующих основаниях:

1. Дежурные камеры учреждаются в губернских городах при Совнарсудах, и уездных—при Убюстах.

Примечание. В губернских городах, имеющих районные Советы Р., К. и К. Д., дежурные камеры учреждаются в каждом районе.

2. Очередь Народных Судов городских районов для рассмотрения дел по дежурной камере устанавливается Совнарсудом и Убюстом по принадлежности.

3. Если интересы дела того требуют, Совнарсуд и Убюст по принадлежности могут установить, чтобы все дела дежурных камер рассматривались в одной определенной камере Суда, с тем, чтобы дежурство по разбору дел несли все судьи данного городского района.

4. В дежурную камеру направляются все арестованные обвиняемые, дела о которых, по мнению органов их задержавших, могут слушаться немедленно и не требуют производства особого расследования; одновременно с обвиняемыми должны быть доставлены в дежурную камеру все производство по делу (протоколы, заявления, жалобы и т. д.) и вещественные доказательства.

5. Народный Суд, если найдет, что материал, собранный по делу, достаточен для его рассмотрения, то немедленно приступает вместе с очередными заседателями к слушанию дела. В противном случае делает постановление о направлении дела в подлежащий Народный Суд, указывая при этом особым постановлением, в чем именно он видит препятствие для слушания дела в дежурной камере.

6. Дежурный Народный суд, признав, что дело совершенно ясно и не требует дальнейшего расследования, и что имеющимся в его распоряжении материалом вполне устанавливается виновность или невиновность обвиняемого (сознание обвиняемого, показание потерпевших и свидетелей, вещественные доказательства и т. д.) постановляет приговор, подлежащий обжалованию в общем порядке. В противном случае делает постановление о передаче дела в подлежащий Народный Суд порядком, указанным в п. 5.

Подписал Народный Комиссар Юстиции *Курский.*

Москва, 16 сентября 1920 г.

Приложение № 12.

Инструкция об организации обвинения и защиты на суде.

1. Советскими обвинителями могут быть лица, способные к выступлению на публичных собраниях и удовлетворяющие требованиям ст. 12 Положения о Народном Суде, при чем, если они не состоят членами Российской Коммунистической Партии, то, во всяком случае, должны обладать всесторонним знакомством с советским аппаратом и с работой в профессиональных организациях.

2. Обвинители назначаются, главным образом, по делам, предусмотренным ст. 7 Положения о Народном Суде, когда важность и сложность дела, а равно спорность собранных в отношении обвиняемого улик требуют всестороннего освещения всех обстоятельств дела на началах состязательности.

3. В случае недостаточности советских обвинителей, а иногда и на ряду с ними, суд допускает в качестве обвинителей представителей возбудивших уголовное преследование советских учреждений и профессиональных организаций, каковые своевременно извещаются судом о дне слушания дела, с указанием, если встречается надобность, на необходимость присылки обвинителя.

4. Состоя при Отделах Юстиции, советские обвинители могут одновременно исполнять другую и, между прочим, и консультационную работу.

5. Защита по уголовным делам является общественной повинностью для всех тех граждан, которые по своей профессии, образовательному, партийному или служебному стажу подготовлены для исполнения обязанности защитников на суде.

6. Предварительные списки таких граждан составляются Народными Судьями, Советами Народных Судей, Революционными Трибуналами, профессиональными и партийными организациями, а также коллективами сотрудников советских учреждений, собираются Уездным Бюро (в уездах) и Отделами Юстиции (в губернских городах) и выносятся на утверждение соответственных уездных и губернских Исполнительных Комитетов дважды в течение года к 1 января и 1 июля.

7. Утвержденные списки граждан, способных быть защитниками, распределяются Губернскими Отделами Юстиции и Уездными Бюро Юстиции по судебным органам (Революционные Трибуналы, Особые Сессии, Народные Суды), при чем никто из внесенных в списки граждан не должен быть отвлечен от обычных своих служебных занятий более, чем на шесть дней в полугодие. Неявившийся без уважительных причин защитник, а равно руководитель учреждения, не отпустивший сотрудника, вызванного в суд для исполнения обязанностей защитника, подлежат ответственности согласно ст. 20 Положения о Народном Суде.

8. Обязательно для суда назначение защитника только в том случае, когда назначен или допущен обвинитель и когда о назначении или допущении защитника просит обвиняемый, содержащийся под стражей. В остальных случаях Народный Суд допускает защитника, главным образом, по делам, предусмотренным ст. 7 Положения о Народном Суде и по другим более сложным и спорным делам, особенно, если обвиняемый по своему умственному развитию или незнакомству с местными условиями (иностранец) действительно нуждается в защите.

9. При недостаточном количестве граждан, внесенных в списки защитников, в качестве таковых привлекаются состоящие при Отделах Юстиции консультанты, при чем последние могут быть вне-

сены в общие списки, но без соблюдения ограничительного шестидневного срока их использования. Возможно также допущение к защите лиц, означенных в ст. 46 Положения о Народном Суде.

Подписал Народный Комиссар Юстиции *Курский.*

23 ноября 1920 г.

Приложение № 13.

Инструкция о порядке составления списков народных заседателей.

Без массового приобщения трудящихся к участию в рассмотрении дел, обычно возникающих среди тех же трудящихся, невозможно углубление среди политически отсталых слоев населения пролетарского правосознания и ознакомления их с новым советским правом, декретированным Рабоче-Крестьянским Правительством. Но, вместе с тем, как в целях поднятия авторитета суда, так и в целях политического воспитания масс через суд, который своими приговорами в духе пролетарского правосознания должен являться одним из средств агитации и просвещения, необходимо приобщение широких масс к участию в суде проводить постепенно и планомерно, выделяя более подготовленные и политически сознательные группы народных заседателей (ударные группы) и расширяя все более и более списки их.

Исходя из этого и имея в виду неудовлетворительное состояние комплектования народных заседателей на местах и распределения их по Народным Судам, Народный Комиссариат Юстиции в раз'яснение 16—20 ст. ст. нового Положения о Народном Суде, предлагает принять к сведению и руководству нижеследующее:

1. Собирание составляемых рабочими организациями списков народных заседателей, а также составление их в тех предприятиях, откуда таких списков получить невозможно, возлагается на Уездные Бюро Юстиции, которые должны прежде всего воспользоваться теми сведениями о функционирующих в пределах уезда фабрично-заводских предприятиях, а также местах скопления рабочих, занятых ремесленным, кустарным и сельско-хозяйственным трудом, какие имеются в уездных Бюро Профессиональных Союзов.

2. От каждого Заводского Комитета и Профессионального Союза, об'единяющего рабочих мелких предприятий и одиночек, работающих сдельно на дому, надлежит дважды в году, не позднее 1 декабря и 1 июня каждого года, требовать представления в Уездные Бюро Юстиции полного списка тех рабочих и работниц, в том числе и служащих, данного предприятия, фактически находящихся налицо, коим исполнилось 18 лет и которые по Конституции РСФСР имеют право избирать и быть избираемыми в Советы (ст.ст. 64 и 65) и не опорочены по суду или в глазах местного Заводского Комитета, при чем особо должны быть отмечены члены Российской Коммуни-

стической Партии. Уездные Бюро Юстиции обязаны своевременно разослать означенным организациям соответственные бланки и инструкции.

3. К тому же сроку (1 декабря и 1 июня) от каждого волостного Совета надлежит требовать представления в Уездное Бюро Юстиции списков намеченных в народные заседатели отдельными селениями данной волости граждан, включая в эти списки рабочих и работниц Советского Хозяйства, безземельных крестьян и крестьян середняков, как мужчин, так и женщин, с указанием, кто из внесенных в списки состоял депутатом в волостном с'езде, кто состоит членом сельского Исполнительного Комитета и членом Российской Коммунистической Партии; при чем в виду того, что фактически к участию в Народном Суде может быть привлечено от 40 до 50 заседателей в течение полугода на каждый участок Народного Суда и в виду необходимости привлечения в первую очередь наиболее передовых элементов деревни, надлежит в списки народных заседателей от волости включать не всех граждан, имеющих избирательное право, а в пропорции 1 на 100 жителей каждого селения, т. е. применительно к пропорции, принятой VII С'ездом Советов для определения числа депутатов от селений в волостных с'ездах. Для успешного исполнения Волостным Исполнительным Комитетом этой задачи, Губернские Отделы Юстиции сносятся с Уездными Исполнительными Комитетами и рассылают при их содействии соответственные инструкционные указания и образец бланка, по каковому Волостные Исполнительные Комитеты должны представлять требуемые списки в Уездное Бюро Юстиции.

4. На основании полученных к 1-му декабя и 1-му июня от Заводских Комитетов, Профессиональных Союзов и Волостных Исполнительных Комитетов списков, Уездные Бюро Юстиции составляют общий список для уезда и выделяют для дел, рассматриваемых в особой сессии, специальный список из наиболее сознательных и политически подготовленных лиц, пользуясь при этом в соответственных случаях указаниями уездного Комитета Российской Коммунистической Партии, после чего, не позднее 15 декабря, представляют их на утверждение Уездного Исполнительного Комитета, которому принадлежит право вычеркивать из списка граждан, по мнению Исполнительного Комитета, опороченных контр-революционной деятельностью.

5. Как в период первоначального составления списков Заводскими Комитетами и Волостными Исполнительными Комитетами, так в особенности после 1-го декабря и после 1-го июня, когда обнаружится, что списков от многих мест не представлено, а представленные списки страдают неполнотой, Уездное Бюро, как непосредственно, так и через Народных Судей, следователей и их сотрудников, должно принять участие в пополнении списков теми предприятиями, волостями и селениями, которые своевременно в списки не вошли. Эта работа должна быть исполнена в течение месяца, после чего Уездное Бюро Юстиции вносит дополнительные списки на утверждение Уездного Исполнительного Комитета.

6. Утвержденные Уездным Исполнительным Комитетом списки (не позднее 20 декабря и 20 июня) поступают в Уездное Бюро Юстиции, которое, согласно п. 10 Положения о местных органах юстиции, распределяет их по Народным Судам таким образом, чтобы отдельный Народный Суд был обеспечен заседателями тех селений и волостей, которые входят в обслуживаемый ими судебный участок уезда.

7. Имея точные указания, на какие числа каждого месяца назначены сессии каждого из Народных Судов уезда в течение ближайших трех месяцев Уездное Бюро Юстиции, в порядке жеребьевки, производимой при участии не менее двух членов Бюро, или в порядке строго установленной очереди, намечает требуемое число заседателей на каждую сессию Народного Суда (как в месте нахождения камеры, так и в выездных сессиях).

8. Народный заседатель, принявший участие в рассмотрении дел в одной сессии, хотя бы и продолжавшейся менее шести дней, не может быть назначен в другую сессию в том же полугодии.

9. Для дел особой важности и сложности, а равно для дел, рассматриваемых в особых сессиях, очередные народные заседатели должны комплектоваться исключительно из ударного списка, составленного согласно п. 4 настоящей инструкции.

10. Народные заседатели составляют органически необходимый элемент Народного Суда, без которого не может происходить судебное разбирательство. В целях обеспечения правильного функционирования Народного Суда и укрепления среди трудящихся, привлекаемых к участию в судебных заседаниях, серьезного отношения к своим обязанностям, уклонение их от означенной государственной повинности по отправлению правосудия, влечет за собой определение уклоняющихся на принудительные работы по указанию местного Исполнительного Комитета (Волостного Исполнительного Комитета или Районного Исполнительного Комитета). Участие народного заседателя в судебных заседаниях не ограничивается присутственными днями или часами, если того требует ход судебного разбирательства.

Подписал Народный Комиссар Юстиции *Курский.*

6 ноября 1920 г.

Приложение № 14.

Декрет Всероссийского Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров.

Положение о Высшем Судебном Контроле.

1. Во исполнение декрета Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 12 октября 1920 г. (Собр. Узак. № 83, ст. 407 п. 84) на Народный Комиссариат Юстиции, в целях установления правильного и единообразного применения всеми судебными органами законов РСФСР и соответствия их деятельности с общим на-

правлением политики Рабоче-Крестьянского Правительства, возлагается: а) общий надзор за деятельностью означенных органов и преподание им руководящих раз'яснений и указаний по действующему советскому праву; б) признание неимеющими законной силы приговоров или решений судебных органов РСФСР, хотя и вступивших в законную силу, но по изложенным в ст. 2-й сего Положения основаниям требующих пересмотра; в) разрешение вопроса о возобновлении судебных дел в виду вновь открывшихся обстоятельств, независимо от того, каким органом Республики эти дела были рассмотрены.

Примечание. В отношении признания не имеющими законной силы приговоров Революционных Трибуналов, Народный Комиссариат Юстиции предварительно запрашивает заключения Кассационного Трибунала Республики.

2. Основанием для признания приговоров или решений судебных органов не имеющими законной силы, могут служить лишь следующие обстоятельства: а) явное нарушение или неприменение узаконений Советской власти; б) принятие судебными органами к своему производству дел, не подлежащих судебному разбирательству (земельные споры, вопросы общих мероприятий Советской власти и т. п.); в) явное противоречие приговора или решения руководящим началам советского законодательства и общей политике Рабоче-Крестьянского Правительства.

3. Вопросы о признании приговоров или решений судебных органов не имеющими законной силы рассматриваются Народным Комиссариатом Юстиции: а) по заявлению центральных и областных органов Советской власти или губернских Исполнительных Комитетов Советов Р. К. и К. Д.; б) по инициативе Народного Комиссариата Юстиции.

Примечание. Ходатайство об отмене вступивших в законную силу приговоров или решений, исходящих от других Местных учреждений, организаций, должностных и частных лиц, подаются в Губернский Отдел Юстиции или непосредственно в Народный Комиссариат Юстиции. Последний рассматривает такие ходатайства лишь по получении заключения Коллегии соответствующего Губернского Отдела Юстиции.

4. Возобновление дел в виду вновь открывшихся обстоятельств допускается в следующих случаях: а) открытие новых, не имевших в виду суда доказательств невиновности осужденного; б) установление по суду ложности свидетельских показаний или подлога документов, на которых основаны приговор или решение; в) установление по суду корыстных или недобросовестных действий, допущенных кем-либо из состава суда при рассмотрении данного дела.

5. Заявления о возобновлении дела подаются заинтересованными лицами и учреждениями или в судебный орган, рассматривавший дело по существу, или непосредственно в Народный Комиссариат Юстиции.

6. Судебный орган в двухнедельный срок со дня получения им заявления о возобновлении дела или требования Народного Комисса

риата Юстиции о высылке дела представляет в Народный Комиссариат Юстиции все производство по делу со своим заключением по вопросу о возобновлении дела. До получения постановления Народного Комиссариата Юстиции, судебный орган не вправе пересматривать дела.

7. В случае признания приговора или решения не имеющим законной силы или признания дела подлежащим возобновлению. Народный Комиссариат Юстиции передает дело в надлежащий орган на новое рассмотрение.

Подписали: Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *М. Калинин.*

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин).*

Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *П. Залуцкий.*

10 марта 1921 г.

Распубликован в № 55 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 12 марта 1921 г. и в «Собр. Узак.» 1921 г., № 15, ст. 97.

Приложение № 15.

Циркуляр № 47.

Всем отделам Юстиции.

Инструкция о порядке направления и рассмотрения дел по декрету о Высшем Судебном Контроле.

1. Жалобы местных учреждений, должностных и частных лиц на вошедшие в законную силу приговоры и решения судебных мест, направляемые в Отдел Юстиции, подлежат предварительному рассмотрению Коллегии Отдела Юстиции для установления наличности в жалобе поводов к направлению дела в порядке статьи 2 Положения о Высш. Суд. Контроле.

Примечание а. Жалобы на приговоры и решения, не вступившие в законную силу, направляются в соответствующую кассационную инстанцию для рассмотрения в кассационном порядке.

Примечание б. Жалобы на приговоры и решения, вступившие в законную силу и необжалованные кассационным порядком оставляются без рассмотрения. От Отдела Юстиции или Наркомюста зависит возбудить по такому делу производство по Положению о Высш. Судебн. Контроле в порядке надзора.

2. При отсутствии в жалобе указаний, означенных в предшествующей статье, Коллегия Губюста оставляет жалобу без последствий и копию своего постановления вместе с жалобой препровождает в Отдел Судебного Контроля НКЮ.

3. Если Коллегия Губотюста нашла наличность в жалобе определенных указаний на обстоятельства, требующие признания приговора или решения не имеющими законной силы, то требует подлинное производство из подлежащего судебного учреждения.

4. По получении из судебного места производства Коллегия Губотюста выносит постановление или о признании жалобы не заслуживающей уважения или о необходимости признания приговора или решения не имеющими законной силы и в обоих случаях препровождает свое постановление и производство по делу в трехдневный срок в Отдел Судебного Контроля.

5. Постановление Коллегии Губотюста, предусмотренное ст.ст. 2 и 3 должно состояться в течение недельного срока со дня поступления жалобы в Отдел Юстиции, а постановления, предусмотренные ст. 4, в течение двухнедельного срока со дня получения производства по делу.

6. Рассмотрение дел производится без вызова жалобщиков, сторон, свидетелей и т. п., а также судей, участвовавших в разборе дела.

7. Исполнение приговора или решения, по коим состоялось постановление Коллегии Губотюста о направлении дела в порядке Высшего Судебного Контроля (ст.ст. 3 и 4 Инструкции) может быть приостановлено Коллегией Губотюста в самых исключительных случаях, когда Коллегия признает, что исполнение приговора или решения, явно незакономерных, может нанести непоправимый личный или имущественный ущерб.

8. Заключение Губотюста об оставлении поступивших к нему непосредственно жалоб без последствий, считаются утвержденными, если в течение месячного срока со дня поступления их в НКЮ Отдел Судебного Контроля не признает необходимым затребовать подлинное производство по делу и на основании его рассмотреть постановление Губотюста.

9. Рассмотрение дел в порядке ВСК производится в заседаниях Коллегии Отдела Судебного Контроля в составе председателя, заведывающего Отделом или его заместителя и двух членов, назначаемых Коллегией Наркомюста. Постановления о признании приговоров и решений не имеющими законной силы утверждаются Наркомом или его заместителем.

10. Жалобы, поступающие непосредственно в НКЮ, рассматриваются в Отделе Судебного Контроля порядком, указанным ст. 1 Инструкции, при чем при отсутствии в жалобе определенных указаний на обстоятельства, требующие признания приговора или решения не имеющими законной силы, таковая оставляется без последствий, в противном же случае жалоба пересылается на заключение Коллегии Губотюста, которая действует согласно ст. 4—6 Инструкции.

Примечание. НКЮ может истребовать заключение Коллегии Губюста и без поступления в НКЮ жалобы, на основании каких-либо данных для направления дела в порядке

Высш. Судебн. Контроля (справка о судимости, отчеты органов Юстиции, сообщение в печати и т. п.).

11. Копия постановлений Губотюста или Отдела Судебного Контроля об отклонении жалоб, а также постановлений НКЮ о признании приговоров или решений не имеющими законной силы сообщаются жалобщику.

12. Вторичная подача жалоб по делу, разрешенному в порядке ВСК, не допускается.

13. Ходатайства о возобновлении дел по вновь открывшимся обстоятельствам рассматриваются порядком, установленным в декрете о Высш. Суд. Контр., при чем, в случае упразднения того Судебного Органа, который первоначально рассматривал дело, заключение дается тем судебным органом, к которому перешло рассмотрение дел, ранее подсудных упраздненному.

14. Принесение жалоб в порядке ВСК не ограничивается сроком.

Народный Комиссар Юстиции *Курский.*

15 сентября 1921 г.

Приложение № 16.

Постановление Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Об усилении деятельности местных органов юстиции.

Твердое установление Советского строя на всем пространстве РСФСР и переход к мирному строительству настойчиво требуют, чтобы деятельность всех органов Советской власти и должностных лиц была строго согласована с действующими законоположениями, чтобы Советскими органами и всем населением было ясно усвоено, что проведение в жизнь начал революционной законности является одной из самых насущных потребностей Советской Республики.

Возбуждать и направлять надлежащим образом дела по борьбе с преступлениями и незакономерными действиями призваны местные органы юстиции, а потому на деятельность органов юстиции должно быть обращено особое внимание. Их авторитет должен быть укреплен и поднят на соответствующую высоту.

В этих целях необходимо:

1. Обеспечить Отделы Юстиции и другие местные органы юстиции (Ревтрибуналы, Совнарсуды, Уездные Бюро Юстиции и Народные Суды) лучшими силами, направляя в эти органы наиболее опытных и надежных работников.

2. Стремиться всеми доступными губисполкомам средствами, чтобы деятельность отделов юстиции и подведомственных им органов, направленная к укреплению рабоче-крестьянского строя и советской законности встречала полную поддержку со стороны всех ор-

ганов Советской власти, чтобы судебным и следственным органам РСФСР была обеспечена полная возможность осуществления возложенных на них задач.

3. Без исключительных поводов не производить смены заведующих отделами юстиции и о всякой предполагаемой замене заведующего отделом юстиции извещать предварительно Народный Комиссариат Юстиции, сообщая ему все соображения в пользу необходимости отзыва заведующего и избрания на эту должность нового кандидата, о котором надлежит дать подробные сведения. Заявления Народного Комиссариата Юстиции о несоответствии своему назначению ранее утвержденного заведующего отделом, а равно отводы Народного Комиссариата Юстиции против нового кандидата должны быть приняты во внимание губисполкомом, а при несогласии последнего с заключением Народного Комиссариата Юстиции вопрос переносится на окончательное разрешение Президиума ВЦИК (Собр. Узакон. 1919 г. № 64, ст. 578, разр. V, п. 5).

4. В целях правильного функционирования Отделов Юстиции, немедленно организовать при заведующих Отделами Юстиции коллегии в тех губерниях, где они в настоящее время почему-либо не существуют. Коллегии Отделов Юстиции, согласно вновь утвержденного ВЦИК Положения о Народном Комиссариате Юстиции, должны состоять из заведующего Отделом Юстиции, председателя Ревтрибунала, председателя Совнарсуда и заведующего исправительно-трудовым (бывш. карательным) под'отделом, при чем совмещение должности заведующего Отделом Юстиции с должностью председателя Ревтрибунала или Председателя Совнарсуда не должно впредь допускаться.

5. Снабдить всех Народных Судей специальными удостоверениями, в каковых удостоверениях указать на принадлежащие им права по возбуждению судебных преследований, по проверке законности и правильности поводов содержания под стражей и наблюдению за производством дознаний органами Советской милиции (Собр. Узакон. 1920 г. № 83, ст. 407), а также на то, что никакие аресты Народных Судей и Следователей не могут производиться без одновременного уведомления об этом Президиума местного Совета непосредственно, или через Губернский Отдел Юстиции или уездное Бюро Юстиции.

Подписали: Председатель ВЦИК *М. Калинин.*

Секретарь ВЦИК *А. Енукидзе.*

25 августа 1921 года.

Распубликовано в № 199 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 8 сентября 1921 года и в «Собр. Узак.». 1921 г., № 63, ст. 456.

Приложение № 17.
(в жизнь не вошло).

Положение о Народном Комиссариате Юстиции.

Народный Комиссариат Юстиции имеет следующие задачи:

Ст. 1. а) Организацию и инструктирование органов Суда, следствия, защиты и обвинения, наблюдение за деятельностью Комиссий по делам о несовершеннолетних;

б) рассмотрение в порядке Положения о высшем судебном контроле судебных решений и приговоров, вступивших в силу, преподание судебным органам руководящих раз'яснений и указаний, наблюдение за законностью;

в) предварительное рассмотрение законопроектов, опубликование и толкование законов;

г) разработку общих мер наказания, организацию исправительно-трудового режима лиц, лишенных свободы как приговорами судов, так и в порядке предварительного следствия, заведывание местами лишения свободы;

д) руководство и наблюдение за проведением в жизнь отделения церкви от государства и об'единение мероприятий всех ведомств, направленных к идейной или организационной борьбе с религиозными предрассудками трудящихся.

Ст. 2. Для осуществления указанных заданий Наркомюст разделяется на соответствующие этим заданиям Отделы:

I. Организационно-Инструкторский.
II. Отдел Судебного Контроля.
III. Отдел Законодательных Предположений и Кодификации.
IV. Отдел Исправительно-Трудовой.
V. Отдел отделения церкви от государства.
VI. Управление делами, при нем финансовый под'отдел.

Сверх того, для выполнения поручений ВЦИК и СТО, образуется при Наркоме Юстиции следственная часть по производству срочных расследований.

I. Отдел Организационно-Инструкторский.

На отдел Организационно-Инструкторский возлагается:

а) Организация всех местных судебных и следственных органов НКЮ, а также обвинения, защиты и участия в отправлении правосудия Народных Заседателей;

б) выработка инструкций и циркуляров в развитие и раз'яснение узаконений, регулирующих функционирование этих органов;

в) наблюдение за личным составом местных органов Юстиции, а также за правильностью и закономерностью деятельности работ-

ников Юстиции, с истребованием от них в необходимых случаях представления в НКЮ соответствующих сведений и об'яснений;

г) наблюдение за правильной постановкой дела и надлежащим функционированием Комиссий о несовершеннолетних;

д) надзор за деятельностью органов Юстиции путем выездов на места ответственных работников и инструкторов НКЮ и рассмотрения поступающих с мест отчетов и статистических сведений о деятельности всех административно-судебных и следственных органов РСФСР.

II. Отдел Судебного Контроля.

1. На Отдел Судебного Контроля возлагается:

а) Рассмотрение в порядке Высшего Судебного Контроля, судебных дел, по которым приговоры или решения вступили в законную силу, и разрешение вопросов о возобновлении дел по вновь открывшимся обстоятельствам согласно Положения о Высшем Судебном Контроле («Собр. Узак.» 1921 г., № 15, ст. 97);

б) преподание руководящих раз'яснений всем судебным органам по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении судебных дел на местах;

в) производство на местах ревизий судебной и следственной деятельности всех судебных и следственных органов РСФСР, причем ревизия Ревтрибуналов производится при участии представителя Верховного Трибунала;

г) систематизация имеющих принципиальное значение приговоров и решений Народных Судов, Совнарсудов и Революционных Трибуналов, а также раз'яснений и постановлений НКЮ по вопросу судебной и следственной практики;

д) рассмотрение жалоб и заявлений как частных и должностных лиц, как и учреждений РСФСР о незакономерных действиях должностных лиц других ведомств и направление этих жалоб в подлежащие органы.

2. Для разработки вопросов, предусмотренных п.п. «а» и «б» ст. 1 раздела II настоящего Положения, образуется Коллегия в составе члена Коллегии НКЮ в качестве председателя и заведующих отделениями Отдела Судебного Контроля и консультантов-докладчиков в качестве членов.

Примечание. Заседания Коллегии происходят в составе не менее трех лиц.

3. Заключения Отдела Судебного Контроля о признании не имеющими законной силы вступивших в законную силу приговоров и решений, а равно о признании дела, подлежащим возобновлению по вновь открывшимся обстоятельствам, представляются на утверждение Коллегии НКЮ.

III. Отдел Законодательных Предположений и кодификации.

На Отдел Законодательных Предположений и Кодификации возлагается:

1. Рассмотрение и переработка законопроектов, поступающих от ВЦИК, СНК, СТО и Наркоматов;

2. Опубликование принятых ВЦИК, СНК и СТО законов и ведомственных постановлений отдельных Наркоматов;

3. Толкование действующего законодательства, а также об'единение и направление работы юрисконсультских под'отделов всех Наркоматов;

Для выполнения этих трех основных заданий Отдел распадается на три Под'отдела.

1. Под'отдел предварительного рассмотрения законопроектов;

2. Под'отдел опубликования законов;

3. Под'отдел толкования законов (Общеконсультационный).

Во главе Отдела и в качестве его заведывающего стоит член Коллегии Наркомюста; во главе каждого Под'отдела стоит помощник заведывающего, ответственный перед заведующим Отделом за ход работы в своем Под'отделе.

Собирание и разработка статистических материалов.

Круг деятельности под'отделов.

В круг ведения Под'отдела предварительного рассмотрения законопроектов входит рассмотрение законодательных и важнейших правительственных предположений отдельных ведомств, направление соответствующему ведомству своих заключений по законопроектам или перередактированных проектов с одновременным представлением копий в Президиум ВЦИК, или СНК, или СТО.

В круг ведения Под'отдела Опубликования Законов входит:

а) Опубликование декретов и постановлений ВЦИК, СНК, СТО в «Собрании Узаконений» и «Известиях ВЦИК»; б) отметка о печатании постановлений отдельных Наркоматов, согласно декрета от 20-го декабря 1920 г. («Собр. Уз.» 1920 г. № 99, ст. 533); в) составление и редактирование Сборников декретов, алфавитных и иных указателей и всякого рода справочников по Советскому законодательству; г) организация всего технически-издательского дела Наркомюста. Для этой цели при Под'отделе состоит особая Техническая Часть.

Под'отдел толкования законов (Общеконсультационный) разрабатывает ответы на запросы Президума ВЦИК, СНК и СТО, Наркоматов и прочих центральных учреждений, Исполкомов и их отделов, об'единяет и направляет работу юрисконсультских под'отделов Наркоматов и всех центральных учреждений, устанавливает единообразие в юрисконсультской деятельности всех местных органов Наркомюста, разрабатывает вопросы толкования общего смысла декретов, постановлений С'езда Советов, ВЦИК, СНК и СТО, а также дает за-

ключения о законности постановлений Наркоматов, Междуведомственных Комиссий, Исполкомов и их Отделов.

IV. Исправительно-Трудовой Отдел.

На исправительно-Трудовой Отдел возлагается:

а) Разработка общих вопросов о наказании и исправлении; организация мест лишения свободы, в коих содержатся лица, отбывающие наказание по приговорам судебных учреждений и подследственные, числящиеся за судебными и следственными органами и управление этими местами, составление уставов, положений и инструкций для них; инструктирование местных органов и наблюдение за выполнением существующих положений и уставов;

б) территориальное распределение мест лишения свободы и общее распределение заключенных по таковым;

в) руководство деятельностью Распределительных Комиссий; организация помощи освобожденным из мест заключения;

г) руководство наиболее целесообразным использованием труда лишенных свободы в целях приспособления их к новому строю общественной жизни; организация сельско-хозяйственных работ в местах лишения свободы; общее руководство строительным делом в местах лишения свободы;

д) дело снабжения мест лишения свободы довольствием, всякого рода оборудованием и материалами; вопросы отопления, освещения и санитарного благоустройства;

е) постановка дела конвоирования, окарауливания и пересылки лишенных свободы и управление конвойной стражей;

ж) надзор и контроль над деятельностью местных органов и учреждений и ревизия их;

з) обработка и сводка статистических материалов по всем отраслям жизни мест заключения;

Свои задачи ИТО осуществляет через под'отделы: общая канцелярия, организационно-административный под'отдел, под'отдел работ, под'отдел снабжения и управление конвойной стражей.

Круг деятельности под'отделов.

1. Общая канцелярия.

Разработка штатов местных Исправительно-Трудовых Отделов. Ведение списков личного состава ИТО и местных Под'отделов, сношение с разными учреждениями по вопросам, не относящимся к функциям других под'отделов ИТО. Общая регистратура; архив; выдача справок. Обслуживание хозяйственных нужд ИТО.

2. Организационно-Административный Под'отдел.

Составление и переработка уставов, положений и инструкций для различных типов мест лишения свободы. Инструктирование

местных органов по всем вопросам исправительно-трудового воздействия на трудовой элемент. Инспектирование местных органов и учреждений. Информирование Под'отделов ИТО и местных органов о всех декретах и распоряжениях центральной власти, касающихся деятельности Исправительно-Трудовых учреждений; дача заключений по вопросам, возникающим из деятельности центрального и местных исправительно-трудовых отделов. Подготовка к печати материалов ИТО.

Организация распределения осужденных по категориям, сообразно с родом и размером наказания, характером совершенного преступления и определение, в какие места лишения свободы должны направляться отдельные категории. Наблюдение за выполнением положения и уставов для мест лишения свободы в отношении порядка содержания и режима заключенных, просветительных мер и постановки культурно-просветительной работы в контакте с органами Наркопроса, организация Распределительных Комиссий и наблюдение за их деятельностью; инструктирование по вопросам о порядке представления к досрочному освобождению. Организация наблюдения за освобождаемыми из мест заключения и установления контакта с органами помощи освобождаемым заключенным. Общее распределение заключенных по различных местам лишения свободы. Рассмотрение поступающих жалоб и заявлений заключенных. Разработка штатов мест лишения свободы; содействие местным органам в привлечении административного и воспитательного персонала.

Собирание и разработка статистических материалов.

3. Под'отдел работ.

Организация сети мастерских в местах лишения свободы; содействие организации новых производств и снабжения мастерских предметами оборудования; меры к планомерному получению мастерскими заказов хозяйственных органов; учет работы в местах лишения свободы и рабочей силы заключенных по профессиям и передвижение ее на территории Республики.

Организация сельско-хозяйственной деятельности мест лишения свободы; содействие по соглашению с Наркомземом устройству колоний и их снабжение инвентарем, семенами и рабочей силой заключенных; наблюдение за соответствием сельско-хозяйственных колоний и ферм их задачам; сельско-хозяйственный учет колоний, ферм и огородов. Общее руководство строительной деятельностью; консультация по вопросам сооружения и ремонта зданий и их оборудование; инструктирование местных учреждений.

4. Под'отдел снабжения.

Вопросы продовольствия лишенных свободы и служащих мест лишения свободы. Снабжение вещевым довольствием лишенных свободы, вооружение и снабжение постовой одеждой стражи мест за-

ключения; снабжение мест лишения свободы предметами хозяйственного оборудования; инструментами и материалами для мастерских; снабжение всех учреждений НКЮ канцелярскими и хозяйственными принадлежностями.

Организация хозяйственных обозов в местах лишения свободы. Организация снабжения топливом; вопросы освещения и санитарного благоустройства и оборудования противопожарными средствами мест лишения свободы. Учет материалов; снабжения всякого рода.

5. Под'отдел Управления Конвойной Стражей.

Общая постановка конвойного дела; руководство всеми конвойными командами на территории РСФСР и других входящих в федерацию Советских Республик и автономных областей. Установление штатов, формирование и комплектование конвойных команд; назначение, перемещение и увольнение личного состава конвойных команд. Организация автомобильного и гужевого транспорта, пересылка заключенных; выработка сводок, планов и маршрутов этапного движения по всем видам путей сообщения. Распределение укрепленных вагонов по конвойным командам и железнодорожным станциям. Устройство инструкторских курсов.

V. Отдел отделения церкви от государства.

1. а) Разработка проектов, издание инструкций и циркуляров в области Советской политики по отношению к церковным и культовым об'единениям;

б) общее наблюдение за правильным применением декрета об отделении церкви от государства, § 13 и 65 Конституции, а также закона от 21 декабря 1920 г. о воинской повинности (С. У. 1920 г. № 99, ст. 527);

в) обзор, сводка и разработка материалов и данных всех комиссариатов и ведомств, соприкасающихся в той или иной степени с областью культовой жизни в стране;

г) наблюдение за судебной и административной репрессией в области борьбы с контр-революционными элементами, выступающими под религиозным флагом.

VI. Отдел управления делами.

Управление делами ведает внутренними административными распоряжениями по НКЮ.

При управлении делами состоит финансовый под'отдел.

На финансовый под'отдел возлагается: руководство деятельностью органов юстиции в финансовой области, составление смет по всему ведомству юстиции, проведение и исполнение их, составление отчета по исполнению смет, составление правил, инструкции по счетоводству в местных органах юстиции, учет денежных операций.

Для выполнения перечисленных обязанностей Финансовый Под'отдел делится на два Отделения: а) Сметное и б) Счетное.

На обязанности Сметного Отделения лежит: составление смет доходов и расходов по всему ведомству юстиции, проведение их по соответствующим инстанциям, испрошение дополнительных и сверхсметных кредитов, составление правил по исчислению сметных предположений местных органов юстиции.

На обязанности Счетного Отделения лежит: составление кассовых расходных расписаний, составление переводных требований, расчетов, платежных документов, составление сведений о потребности денежных знаков, учет денежных операций, составление отчета по исполнению смет и разработка правил о порядке расходования и учета кредита в местных органах Юстиции.

Положение об отделах юстиции губисполкомов.

1. Об'единение и руководство деятельностью местных органов юстиции в пределах губернии или области возлагается на отделы юстиции губернских или областных Исполкомов.

2. Отдел юстиции состоит из заведующего, его заместителя и членов коллегии, в состав которой должен входить: председатель Ревтрибунала, председатель Совнарсуда и заведующий исправительно-трудовым под'отделом.

3. Заведующий отделом и члены коллегии избираются Губисполкомом.

4. Коллегия отдела юстиции разрешает все важнейшие и принципиальные вопросы, относящиеся к компетенции отдела, и в частности:

а) принимает срочные меры к информированию и инструктированию всех подведомственных органов юстиции о всех новейших декретах и постановлениях центральных органов РСФСР и, в частности, циркулярах и инструкциях НКЮ и порядке проведения в жизнь этих законоположений и распоряжений;

б) руководит общим направлением деятельности и исправительно-трудовой политики Народного Суда, Ревтрибунала, Комиссии о несовершеннолетних и распределительной комиссии;

в) выносит постановления о производстве ревизий Совнарсуда, Ревтрибуналов и других органов юстиции губернии, при чем постановления о производстве ревизий Совнарсуда и Ревтрибунала подлежат утверждению Президиума Губисполкома;

г) вносит в Губисполком представления как по вопросу об утверждении Президиума Совета Народных Судей и следователей, так и по вопросу об отзыве этих лиц и членов президиума Ревтриба, а также о временном отстранении их от должности с одновременным назначением следствия;

д) принимает меры к об'единению деятельности всех местных органов губернии по борьбе с преступностью;

е) рассматривает и представляет в НКЮ заключения общего под'отдела по вопросу о признании не имеющими законной силы судебных приговоров или решений в порядке, предусмотренном положением о высшем судебном контроле;

ж) принимает меры против незакономерных действий местных органов Советской власти;

з) представляет периодические доклады и отчеты Губисполкому и Наркомюсту о работе судебных, следственных и судебно-исполнительных органов губернии;

и) утверждает сводные по отделу и всем подведомственным органам юстиции штаты и сметы для внесения их в НКЮ.

5. Отдел Юстиции состоит из под'отделов: а) общего, б) судебно-следственного, в) исправительно-трудового, г) административно-хозяйственного.

6. Предметами ведения общего под'отдела являются: а) разрешение юридических вопросов, возникающих в президиуме и отделах Губисполкомов, Уисполкомов и Волиспокомов; б) редактирование проектов, издаваемых отделами Губисполкомов инструкций и наказов; в) организация с'ездов деятелей юстиции губернии; г) рассмотрение отчетов и докладов всех подведомственных органов отдела юстиции; д) разрешение вопроса о направлении жалоб на незакономерные действия местных учреждений; е) производство расследований о действиях местных органов Советской власти как по поручению центральных учреждений РСФСР, так и по инициативе Губисполкома или коллегии отдела юстиции; ж) обжалование в кассационном порядке неправильных приговоров и решений судебных органов губернии в установленные сроки; з) предварительное рассмотрение жалоб на судебные приговоры и решения, вошедшие в законную силу и внесение таковых со своим заключением на разрешение коллегии отдела; и) наблюдение за выполнением Совнарсудом возложенных на него обязанностей по командированию народных судей в Губернские Комиссии по делам о несовершеннолетних и по командированию представителей Совнарсуда на заседания Губернских дисциплинарных товарищеских судов и на заседания Губземотделов для рассмотрения дел, связанных с землепользованием; к) руководство проведением в жизнь узаконений об отделении церкви от государства и наблюдение за деятельностью местных учреждений по их выполнению; л) устройство нотариальных столов для засвидетельствования сделок и договоров.

П р и м е ч а н и е. Заведывание общим под'отделом возлагается на заведующего отделом или его заместителя.

7. На судебно-следственный под'отдел возлагается: а) организация народных судов, следственных и судебно-исполнительных органов и надзора за их деятельностью; б) руководство составлением списков народных заседателей в городах и уездах; в) организация обвинения и защиты, а также юридической помощи населению (консультации, справочные бюро и т. п.); г) учет всех работников орга-

нов юстиции и комиссий о несовершеннолетних в губернии и общий надзор за их деятельностью, а равно за деятельностью юридических консультантов местных советских учреждений; д) общее наблюдение за производством дознаний органами советской милиции; е) собирание статистических сведений о деятельности Нарсудов, нарследователей и судебных исполнителей и представление их в НКЮ; ж) составление справок о судимости и сообщение их в НКЮ и Губрозыск.

Примечание. Судебно-следственным под'отделом заведует председатель Губсовнарсуда.

8. На исправительно-трудовой под'отдел возлагается: а) заведывание всеми местами лишения свободы в губернии, подведомственными НКЮ; б) организация исправительно-трудовых учреждений новых типов, приспособление общих мест заключения к целям и задачам карательной политики; в) руководство деятельностью распределительной комиссии и общий надзор за функционированием бюро принудительных работ; г) общее наблюдение за правильным выполнением конвойными командами их обязанностей; д) распоряжение кредитами, отпускаемыми для мест лишения свободы; е) назначение, перемещение и увольнение административного персонала в местах лишения свободы; ж) представление в ИТО общих отчетов о своей деятельности и установленных ИТО периодических сведений по отдельным отраслям.

Примечание. В своей внутренней организации и деятельности исправительно-трудовой под'отдел руководствуется циркулярами и распоряжениями ИТО, сносясь непосредственно с последним по вопросам технического характера и через отделы юстиции по вопросам, имеющим общее и принципиальное значение.

9. На административно-хозяйственный под'отдел возлагается: а) заведывание бухгалтерией и общей канцелярией; б) заведывание хозяйственной частью отдела; в) инструктирование подведомственных учреждений в целях правильной постановки счетоводства, отчетности и хозяйственной части; г) сводка и направление через отделы юстиции и Наркомюст с соответствующим заключением представляемых подведомственными отделу юстиции учреждениями сведений о доходных исчислениях, а также о сметных и сверхсметных расходах; д) сводка отчетов по выполнению сметы отделом юстиции и подведомственными ему учреждениями.

Положение об уездных бюро юстиции.

1. Об'единение и направление работы всех органов юстиции в уезде возлагается на уездное бюро юстиции, являющееся проводником организационных и административных мероприятий Губюста и Губсовнарсуда.

2. Уездное бюро юстиции избирается общим собранием народных судей и народных следователей уезда в числе трех членов. Председатель Бюро должен быть избран непременно из числа народных судей и подлежит утверждению в этой должности Уисполкомом.

3. Важнейшими предметами ведения уездного бюро юстиции являются: а) наблюдение за деятельностью органов юстиции уезда и периодическое сообщение отчетов об этой деятельности губернскому отделу юстиции и Уисполкому; б) об'единение деятельности всех органов уезда по борьбе с преступностью; в) производство расследований о незакономерных действиях местных должностных лиц и возбуждение против них дела в порядке общественного обвинения, а также обжалование в Губсовнарсуд неправильных приговоров народных судов в течение установленного кассационного срока; г) составление списков народных заседателей для внесения на утверждение Уисполкома и распределение заседателей по народным судам; д) установление тесной связи с Уездным Бюро профессиональных союзов в целях регулярного наблюдения за правильным разграничением компетенции между Дисциплинарными Товарищескими Судами и народными судами, а также за срочностью рассмотрения народными судами дел, передаваемых им из Упрофбюро и ДТ Судов; е) командирование народных судей в заседания комиссии о несовершеннолетних и наблюдение за работой таковых; ж) командирование народных судей в Уземотделы для участия в рассмотрении спорных дел, связанных с землепользованием; з) исполнение нотариальных функций по засвидетельствованию сложных сделок и договоров; и) наблюдение за местами заключения и содействие организации принудительных работ в уезде для приговоренных к работам без содержания под стражей; к) финансово-хозяйственные функции, контроль и отчетность по ассигнованиям на все уездные органы юстиции.

Председатель ВЦИК *М. Калинин.*

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин).*

Секретарь ВЦИК *А. Енукидзе.*

Материалы по истории Революционных Трибуналов.

Приложение № 18.

Инструкция Революционному Трибуналу.

О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний.

Революционный Трибунал руководствуется следующей инструкцией:

1. Революционному Трибуналу подлежат дела о лицах: а) которые организуют восстание против власти Рабоче-Крестьянского

Правительства, активно противодействуют последнему или не подчиняются ему, или призывают других лиц к противодействию или неподчинению ему; б) которые пользуются своим положением по государственной или общественной службе, чтобы нарушить или затруднить правильный ход работ в учреждении или предприятии, в котором они состоят, или состояли на службе (саботаж, сокрытие или уничтожение документов или имущества и т. п.); в) которые прекращают или сокращают производство предметов массового потребления без действительной к тому необходимости; г) которые путем скупки, сокрытия, порчи, уничтожения предметов массового потребления или иными способами стремятся вызвать их недостаток на рынке или повышение цен на них; д) которые нарушают декреты, приказы, обязательные постановления и другие опубликованные распоряжения органов Рабоче-Крестьянского Правительства, если в них предусмотрено предание за нарушение их суду Революционного Трибунала; е) которые, пользуясь своим общественным или административным положением, злоупотребляют властью, предоставленной им революционным народом; ж) преступления против народа, совершаемые путем использования печати, подлежат ведению особо учреждаемого Революционного Трибунала Печати.

2. Революционный Трибунал за указанные в I отделе деяния определяет виновным следующие наказания: 1) денежный штраф, 2) лишение свободы, 3) удаление из столиц, отдельных местностей или пределов Российской Республики, 4) об'явление общественного порицания, 5) об'явление виновного врагом народа, 6) лишение виновного всех или некоторых политических прав, 7) секвестр или конфискация (частичная или общая) имущества виновного, 8) присуждение к обязательным общественным работам.

Меру наказания Революционный Трибунал устанавливает, руководствуясь обстоятельствами дела и велениями революционной совести.

3. а) Революционный Трибунал избирается Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, в составе одного постоянного председателя, двух постоянных заместителей, одного постоянного секретаря, двух его заместителей и сорока заседателей. Все лица, кроме заседателей, избираются на три месяца и могут быть отозваны Советами и до истечения срока.

б) Заседатели избираются на один месяц из общего списка заседателей Исполнительными Комитетами Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов путем жеребьевки, при чем составляется очередной список заседателей, в количестве шести очередных и одного—двух запасных заседателей на каждую сессию.

в) Сессия очередного состава Революционного Трибунала продолжается не более одной недели.

г) В Революционном Трибунале ведется стенографический протокол всего заседания.

д) Поводами к возбуждению дел служат сообщения судебных и административных мест и должностных лиц, общественных, профессиональных, партийных организаций и частных лиц.

е) Для производства предварительного расследования по этим делам при Революционном Трибунале учреждается следственная комиссия в составе шести лиц, избираемых Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

ж) По поступлении сообщения или жалобы, следственная комиссия в течение 48 часов рассматривает их и постановляет о прекращении дела, если не найдет состава преступления, или направляет дело по подсудности, или назначает к слушанию в заседании Революционного Трибунала.

з) Постановление следственной комиссии об арестах, обысках, выемках и освобождении арестованных действительны, если они приняты в состав коллегии из трех лиц. В случаях, не терпящих отлагательства, меры пресечения могут быть приняты самостоятельно каждым членом следственной комиссии с тем, чтобы в течение 12 часов эта мера была утверждена следственной комиссией.

и) Распоряжение следственной комиссии приводится в исполнение красной гвардией, милицией, войсками и исполнительными органами Республики.

к) Жалобы на постановления следственной комиссии подаются Революционному Трибуналу через его председателя и рассматриваются в распорядительном заседании Революционного Трибунала.

л) Следственная комиссия имеет право: а) требовать от всех ведомств и должностных лиц, а также от всех местных самоуправлений, судебных установлений и властей, нотариальных учреждений, общественных и профессиональных организаций, торгово-промышленных предприятий, правительственных, общественных и частных кредитных установлений доставления необходимых сведений и документов, а также дел, не оконченных производством; б) обозревать через своих членов и особо уполномоченных лиц дела всех упомянутых в предыдущем пункте установлений и властей для извлечения необходимых сведений.

4. Заседания Революционного Трибунала публичны.

5. Приговоры Революционного Трибунала постановляются по большинству голосов членов коллегии.

6. Судебное следствие происходит при участии обвинения и защиты.

7. а) В качестве обвинителей и защитников, имеющих право участия в деле, допускаются по выбору сторон все пользующиеся политическими правами граждане обоего пола.

б) При Революционном Трибунале учреждается коллегия лиц, посвящающих себя правозаступничеству, как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты.

в) Названная коллегия образуется путем свободной записи всех лиц, желающих оказать помощь революционному правосудию и представивших рекомендации Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

8. Из состава названной коллегии правозаступников Революционный Трибунал может пригласить для каждого дела общественного обвинителя.

9. Если обвиняемый почему-либо не воспользовался своим правом приглашения защитников, Революционный Трибунал, по его просьбе, предоставляет ему помощь лишь из названной коллегии правозаступников.

10. Кроме указанных обвинителей и защитников, могут принять участие в судебных прениях один обвинитель и один защитник из числа присутствующих на заседании.

11. Решение Революционного Трибунала считается окончательным. В случае нарушения установленных настоящей инструкцией форм судопроизводства, а также обнаружения признаков явной несправедливости приговора, Народный Комиссариат Юстиции имеет право обратиться к Центральному Исполнительному Комитету Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов с предложением назначить вторичное и последнее рассмотрение дела.

12. Содержание Революционного Трибунала относится на счет государства. Размер вознаграждения и суточных определяется Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Заседатели получают разницу между суточными и их дневным заработком, если последний ниже суточных; вместе с тем заседатели не могут быть лишены во время сессии занимаемой ими службы.

Народный Комиссар Юстиции *И. З. Штейнберг.*

19 декабря 1917 г.

Распубликована в № 38-м Газеты Временного Рабочего Крестьянского Правительства от 21 декабря 1917 года.

Приложение № 19.

Декрет Совета Народных Комиссаров.

О Революционном Трибунале Печати.

1. При Революционном Трибунале учреждается Революционный Трибунал Печати. Ведению Революционного Трибунала Печати подлежат преступления и проступки против народа, совершаемые путем использования печати.

2. К преступлениям и проступкам путем использования печати относятся всякие сообщения ложных или извращенных сведений о явлениях общественной жизни, поскольку они являются посягательством на права и интересы революционного народа, а также нарушения узаконений о печати, изданных Советской властью.

3. Революционный Трибунал Печати состоит из 3 лиц, избираемых на срок не более 3-х месяцев Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

4. а) Для производства предварительного расследования при Революционном Трибунале Печати учреждается Следственная Комиссия в составе трех лиц, избираемых Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

б) По поступлении сообщения или жалобы Следственная Комиссия в течение 48 часов рассматривает их и направляет дело по подсудности или назначает к слушанию в заседании Революционного Трибунала.

в) Постановления Следственной Комиссии об арестах, обысках, выемках и освобождении арестованных действительны, если они приняты в составе коллегии из трех лиц. В случаях, не терпящих отлагательств, меры пресечения могут быть приняты единолично каждым членом Следственной Комиссии с тем, чтобы эта мера пресечения в течение 12 часов была утверждена Следственной Комиссией.

г) Распоряжение Следственной Комиссии приводится в исполнение красной гвардией, милицией, войсками и исполнительными органами Республики.

д) Жалобы на постановления Следственной Комиссии подаются Революционному Трибуналу и рассматриваются в распорядительном заседании Революционного Трибунала Печати.

е) Следственная Комиссия имеет право: а) требовать от всех ведомств и должностных лиц, а также от всех местных самоуправлений, судебных установлений и властей, нотариальных учреждений, общественных и профессиональных организаций, торгово-промышленных предприятий, правительственных, общественных и частных кредитных установлений доставления необходимых сведений и документов, а также дел, не оконченных производством, б) обозревать через своих членов и особо уполномоченных лиц дела всех упомянутых в предыдущем пункте установлений и властей для извлечения необходимых сведений.

5. Судебное следствие происходит при участии обвинения и защиты.

6. В качестве обвинителей и защитников, имеющих право участия в деле, допускаются по выбору сторон все пользующиеся политическими правами граждане обоего пола.

7. Заседание Революционного Трибунала Печати публично. В Революционном Трибунале Печати ведется полный отчет всего заседания.

8. Решения Революционного Трибунала Печати окончательны и обжалованию не подлежат. Комиссариат по делам Печати при Совете Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов приводит в исполнение постановления и приговоры Революционного Трибунала Печати.

9. Революционный Трибунал Печати определяет следующие наказания: 1) денежный штраф; 2) выражение общественного порицания, о котором привлеченное произведение печати доводит до всеобщего сведения способами, указываемыми Трибуналом; 3) помещение на видном месте приговора или же специальное опровержение ложных сведений; 4) приостановка изд. временная или навсегда, или из'ятие его из обращения; 5) конфискация в общенародную собственность типографии или имущества издания печати, если они

принадлежат привлеченным к суду; 6) лишение свободы; 7) удаление из столицы, отдельных местностей или пределов Российской Республики; 8) лишение виновного всех или некоторых политических прав.

10. Содержание Революционного Трибунала Печати относится на счет государства.

Подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров
Вл. Бонч-Бруевич.

28 января 1918 г.

Распубликован в № 30 газеты Рабочего и Крестьянского Правительства от 22 (9) февраля 1918 года, и в «Собр. Узак.» 1918 г., № 28, ст. 362.

Приложение № 20.

Постановление Народного Комиссариата Юстиции.

О Кассационном Отделении Народного Комиссариата Юстиции.

Народный Комиссариат Юстиции, согласно статьи 11 Инструкции Революционного Трибунала, постановляет:

Организовать при Отделе Первом Народного Комиссариата Юстиции (личного состава и судопроизводства) Кассационное Отделение.

Жалобы на решения Революционных Трибуналов должны рассматриваться в этом Отделении, которое передает их для внесения во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Раб., Солд. и Кр. Депутатов через Народный Комиссариат Юстиции, или отвергает.

Подписал: Народный Комиссар Юстиции *И. З. Штейнберг.*

25 января 1918 года.

Распубликовано в № 21-м Газеты Рабочего и Крестьянского Правительства от 30 января 1918 года и в «Собр. Узак.» 1918 г., № 21, ст. 314.

Приложение № 21.

Декрет Совета Народных Комиссаров.

О Революционных Трибуналах.

1. Во изменение и дополнение действующих правил о Революционных Трибуналах, учрежденных по декрету о суде от 24 ноября

1917 года для борьбы с контр-революционным саботажем и спекуляцией (Собр. Узак. и Расп. Раб. и Крест. Правит. № 4, ст. 50), Революционные Трибуналы сохранить лишь в крупных центрах (в столицах, губернских городах, крупных узловых станциях и промышленных центрах). Упразднить все иные местные и армейские Революционные Трибуналы с передачей их дел в ближайшие Революционные Трибуналы.

2. Возложить на Революционные Трибуналы также дела по борьбе с погромами, взяточничеством, подлогами, неправомерными использованиями советских документов, хулиганством и шпионажем.

3. Из'ять из ведения Революционного Трибунала все дела общеуголовного характера и передать таковые в судебные учреждения.

4. Отменить деление Революционных Трибуналов на Трибуналы по борьбе с контр-революцией, по борьбе со спекуляцией и по делам печати.

5. При каждом Революционном Трибунале учредить наряду с следственной Комиссией коллегию обвинителей в составе не менее трех лиц, избираемых местными Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов непосредственно или по представлению Революционного Трибунала или Народного Комиссариата Юстиции.

6. На обязанность коллегии обвинителей возлагается:

а) Участие через одного из членов коллегии в заседаниях следственной комиссии Революционного Трибунала при рассмотрении вопроса о предании Революционному Трибуналу всех лиц, относительно которых возбуждено обвинение в Революционном Трибунале;

б) Дача заключений следственной комиссии по вопросу о подсудности дел и полноте произведенного следствия;

в) Предложение следственных комиссий возбудить обвинение против того или другого лица или группы лиц в преступлениях, предусмотренных положением о Революционном Трибунале, или заключающем в себе признаки контр-революционного деяния;

г) Формулировка обвинительных тезисов по каждому делу в следственной комиссии при назначении дела к слушанию в Революционном Трибунале;

д) Публичное обвинение по всем делам в судебных заседаниях Революционного Трибунала.

7. Следственная Комиссия Революционного Трибунала разрешает все вопросы следствия в закрытых заседаниях.

8. Следственная комиссия Революционного Трибунала по каждому делу сообщает свое заключение о предании Революционному Трибуналу или о прекращении дела коллегии обвинителей. При отсутствии протеста со стороны обвинителей в течение 3-х дней дело получает дальнейшее направление.

9. Оконченное следственное производство по каждому делу пред'является обвиняемому или его защитнику, коим предоставляет-

ся право делать свои замечания по поводу произведенного следствия. Вопрос о дальнейшем направлении дела разрешается следственной комиссией.

Подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Народный Комиссар Юстиции *П. Стучка.*

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров
Влад. Бонч-Бруевич.

4 мая 1918 года.

Распубликован в № 97 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 17 (4) мая 1918 года и в «Собр. Узак.» 1918 г., № 35, ст. 471.

Приложение № 22.

О Революционном Трибунале при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов.

1. Для суждения по важнейшим делам, которые будут из'яты из подсудности местных революционных трибуналов постановлениями Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов, Совета Народных Комиссаров или Народного Комиссариата Юстиции, учреждается Революционный Трибунал при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов.

2. Революционный Трибунал при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов избирается Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов в составе одного председателя и шести членов сроком на три месяца. Председатель и члены Революционного Трибунала могут быть отозваны и ранее этого срока.

Примечание. На случай отсутствия председателя или членов Революционного Трибунала избираются на тот же срок три кандидата.

3. Сессии Революционного Трибунала созываются Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов по собственному почину, или по предложению Совета Народных Комиссаров, или Народного Комиссариата Юстиции.

4. Для производства расследования по делам, передаваемым на рассмотрение Революционному Трибуналу при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов, учреждается Следственная Комиссия при нем в составе 3-х лиц, избираемых Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов.

5. При Революционном Трибунале при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов учреждается Централь-

ная Коллегия Обвинителей в составе трех лиц, избираемых Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов, на которую возлагается, кроме выполнения обязанностей, предусмотренных декретом о Революционных Трибуналах (С. У. и Расп. Раб. и Кр. Прав., № 35, ст. 471), также об'единение и руководство деятельностью коллегий обвинителей местных революционных трибуналов.

6. В своей деятельности Революционный Трибунал при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов и состоявшие при нем учреждения руководствуются действующими декретами и общими инструкциями революционным трибуналам, издаваемыми Народным Комиссариатом Юстиции.

7. Расходы по содержанию Революционного Трибунала при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов отнести в счет сметы Народного Комиссариата Юстиции.

Подписали: Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов *Я. Свердлов.* Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин).* Секретарь *В. Аванесов.*

29 (16 мая) 1918 г.

Распубликован в № 117 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 9 июня (27 мая) 1918 года.

Приложение № 23.

Постановление Народного Комиссариата Юстиции.

Об отмене всех доныне изданных циркуляров о Революционных Трибуналах.

1. С изданием декретов о Революционных Трибуналах—Совета Народных Комиссаров от 4 мая 1918 года (Собр. Узак. и Расп. Рабочего и Крестьянского Правительства № 35, ст. 471) и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 29 мая 1918 г. (Собр. Узак. и Расп. Раб.-Крестьян. Правительства № 41, ст. 520)—все доныне изданные циркуляры о Революционных Трибуналах отменяются.

2. Революционные Трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и проч., *не связаны никакими* ограничениями, за исключением тех случаев, когда в законе определена мера в выражениях: «не ниже» такого-то наказания.

Подписали: Народный Комиссар Юстиции *П. Стучка.*

Распубликовано в № 122 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 16 (3) июня 1918 года и в «Собр. Узак.» 1918 г., № 44, ст. 533.

Приложение № 24.

Об учреждении кассационного отдела при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов и порядке кассации приговоров Революционных Трибуналов.

1. Для рассмотрения кассационных жалоб и протестов на приговоры Революционных Трибуналов учреждается особый Кассационный Отдел при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов.

Примечание. Приговоры Революционного Трибунала при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов ведению Кассационного Отдела не подлежат.

2. Кассационный Отдел учреждается в составе: председателя Кассационного Отдела, назначаемого Советом Народных Комиссаров и утверждаемого Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов, и двух постоянных членов—одного делегируемого для этой цели члена Коллегии Народного Комиссариата Юстиции или лица, ею уполномоченного, и одного представителя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. Для дачи заключений по жалобам и протестам в качестве докладчика на заседаниях присутствует представитель Обвинительной Коллегии Революционного Трибунала при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов.

3. Стороны имеют право присутствовать при рассмотрении кассационных жалоб лично или через своих представителей.

4. Кассационные жалобы и протесты приносятся в Кассационный Отдел через те Революционные Трибуналы, которыми постановлен приговор, в случае нарушения Революционными Трибуналами при рассмотрении дела правил о подсудности и установленных форм судопроизводства или вынесения явно несправедливого приговора. Для принесения жалоб и протестов устанавливается двухнедельный срок.

5. Революционный Трибунал в трехдневный срок со дня поступления жалобы или протеста обязан направить жалобу со всем делом в Кассационный Отдел, причем может приостановить исполнение приговора до разрешения дела в кассационной инстанции с принятием мер пресечения.

6. Поступившие в Кассационный Отдел жалобы и протесты должны быть рассмотрены им в двухнедельный срок после поступления жалобы.

7. Дела, приговоры по которым кассируются, передаются для нового разбирательства в тот же Революционный Трибунал, откуда поступило дело, с иным составом заседателей и председательствующего, либо передаются в иной Революционный Трибунал, или направляются по подсудности.

8. В случае, если приговор кассируется в виду явного несоответствия наказания с деянием осужденного, или осуждения явно невиновного, Кассационный Отдел входит с представлением в Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов, от которого зависит соответственно изменить наказание, или прекратить дело без направления его для вторичного рассмотрения.

Подписали:

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов *Я. Свердлов.*

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин).*

Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов *А. Аванесов.*

11 июня (29 мая) 1918 года.

Распубликован в № 127 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 22 (9) июня 1918 г. и в «Собр. Узак.» 1918 г. № 45.

Приложение № 25.

От Кассационного отдела Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов.

Циркулярно.

По соглашению с Народным Комиссариатом Юстиции, Кассационный Отдел при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов настоящим предлагает Президиумам Революционных Трибуналов, Следственным и Обвинительным Коллегиям при них и Губернским Комиссарам Юстиции, принять первым для неуклонного исполнения и последним для общего руководства и наблюдения нижеследующие руководящие начала, принятые Кассационным Отделом в его практике и одобренные в Общем Собрании Отдела, после рассмотрения более трехсот кассационных жалоб и протестов на приговоры Трибуналов Советской республики из всех областей и местностей республики.

Во исполнение пункта 8 декрета № 1 о Суде, которым учреждены Трибуналы, декрета о Суде № 2, поскольку таковым определялась подсудность и правила судопроизводства общих судов и тем самым давались общие начала для деятельности Трибуналов, буде противное не было специально оговорено в декретах о Трибуналах, декрета о Революционных Трибуналах от 4 мая, декрета об учреждении Революционного Трибунала при Ц. И. К. и Кассационного Отдела при нем же от 11 июня, декрета о взяточничестве от 12 мая, постановления Народного Комиссариата Юстиции от 15 июня, декрета о Суде № 3 от 20 июля и декрета о спекуляции от 26 июля, декрета о набатном звоне от 2 августа и приказа Народного Комиссариата по Военным Делам от 21 июля с. г., впредь для определения подсудности по роду дел следует руководствоваться следующими положениями.

Революционному Трибуналу предаются:

1. По делам по обвинению в контр-революционной деятельности.

Кто организует контр-революционные выступления против Рабоче-Крестьянского Правительства, участвуя в них непосредственно или в подготовительной к ним стадии; или участвует во всевозможных контр-революционных заговорах и организациях, ставящих своей целью свержение Советского Правительства, хотя бы в результате его деятельности и не было контр-революционного выступления; участвует непосредственно в выступлениях, хотя бы сам специально не был предуведомлен о таковых заранее и не состоял предварительно членом каких-либо организаций, подготовляющих таковые; Кассационный Отдел предуведомляет при этом, что признает контр-революционными всякие выступления, независимо от повода, по которым возникли против Советов или их Исполнительных Комитетов или отдельных советских учреждений, как-то: продовольственных, административных и иных, если они сопровождались разгромами или иными насильственными действиями или хотя бы угрозами таковых по отношению к деятельности или деятелям этих органов. Если же они сопровождались набатным звоном, то виновные в производстве такового наказываются, как прямые участники, при чем покушение рассматривается как оконченное преступление (Декрет № 1 о Суде, ст. 8, декрет от 4 мая и декрет о набатном звоне).

2. По обвинению в саботаже.

1) Кто активно противодействует Рабоче-Крестьянскому Правительству или призывает других противодействовать ему путем неисполнения декретов и иных постановлений Советской власти, местной или центральной; явно игнорирует такие постановления и своими действиями затрудняет правильный ход работ в правительственных или общественных учреждениях или призывает к саботажу или организует таковой. В случае же, однако, когда имеет место простое неисполнение или неподчинение постановлениям местных властей—Исполнительных Комитетов, Советов или его Отделов, Местных Комиссариатов Труда, Военного, Податного, Здравоохранения или продовольственных и иных, а равным образом постановлений профессиональных союзов или фабрично-заводских комитетов или подобных им рабочих организаций, за каковые нарушения в качестве меры взыскания указан штраф, налагаемый в административном порядке или для разрешения споров, по поводу каковых учреждены примирительные камеры или Жилищные Комиссии и иные учреждения, Трибуналы не могут принимать к своему рассмотрению дела о подобных нарушениях, направляя их в таких случаях в местные Народные Суды или примирительные камеры или непосредственно для взыскания штрафа по принадлежности. То же самое относится ко всем делам о невзносе контрибуций, буде таковые наложены Советами в определенном для этого порядке.

3. По дискредитированию власти.

с) Кто сообщением, распространением или разглашением явно ложных или непроверенных слухов путем печати или в публичных собраниях или в публичном месте, могущих вызвать общественную панику или посеять недовольство или недоверие к Советской власти или отдельным ее представителям по неосторожности или с умыслом дискредитирует Советскую власть в глазах населения. Всякие, однако, нарекания, клеветнические и иные измышления и оскорбления словом, путем печати или действием отдельных членов и представителей местных или центральных властей или отдельных ее представителей в том или ином из советских учреждений, если таковые оскорбления или измышления направлены персонально против тех или других лиц, но не против учреждений в целом или работающих там работников, без указания конкретных лиц,—из'емлются из ведения трибуналов и подлежат рассмотрению в местных судах в порядке возбуждения частной жалобы потерпевшего, если только не будет доказан специально хулиганский характер действий обвиняемого и злостная цель оскорбления в лице того или другого представителя всего строя Советской республики в целом (Декрет № 1, ст. 8, декрет о Трибуналах печати, декрет от 4 мая).

4. По обвинению в подлоге.

г) Кто учинит подлог советских документов (ордеров, мандатов, удостоверений, разрешений и иных документов) или воспользуется такими подложными документ., а также кто, имея на то право, воспользуется подлинными документами для своих личных или корыстных целей или использует таковые документы, не имея права на них. Подлог продовольственных документов и документов на право хранения оружия всегда подсудны Революционным Трибуналам, при чем практика Кассационного Отдела установила в этом отношении, как общее правило, увеличение наказания в случае недостаточно сурового вменения со стороны местного Трибунала. Однако, хранение оружия без соответствующего документа или с просроченным, хотя бы и подлинным документом, подлежит суду Революционного Трибунала только в случае, если после об'явления соответствующих властей при об'явлении местности на военном положении, оружие не было сдано в установленный срок или не было получено соответствующее разрешение от подлежащих властей. В противном случае дела о хранении оружия без разрешения, или с несоответствующим разрешением подлежат ведению местного суда, если не находят разрешения в административном порядке. Согласно точному смыслу декрета о спекуляции, подлог и неправомерное использование документов на провоз грузов для спекулятивных целей и продовольственных карточек подсудно местному и Окружному Суду. Однако, все остальные неправомерные деяния с иного рода продовольственными документами остаются в ведении Трибуналов.

5. По преступлениям по должности.

1) Кто, пользуясь своим общественным или административным положением, злоупотребит властью, предоставленной ему революционным народом. Подлежат суду Трибунала в этих случаях не только лица, совершающие преступные деяния в момент исполнения ими своих служебных обязанностей, но и вообще совершающие какие-либо преступные деяния—с использованием в каком-либо отношении своего положения на советской службе, при чем вместе с ним подлежат суду Трибунала все лица, входившие с ним при совершении преступного деяния в сношения, или участвовавшие в нем. Из сего исключается, согласно декрету о Суде № 3, дела о взяточничестве и вышеупомянутые в № 4 дела о спекуляции документами на прод. грузы и карточки в местностях, где учреждены уже Окружные Суды.

2) Преступления, совершаемые красноармейцами, поскольку они выходят за компетенцию ротных товарищеских судов и фронтовых или полковых судов, приравниваемых к местным Народным Судам, подлежат безусловному ведению Трибунала. Преступления милиционеров, караулов, либо лиц, коим специально поручено было охранение имущества, порядка или безопасности за преступления, совершенные ими при исполнении указанных, возложенных на них обязанностей, подлежат безусловному ведению Трибуналов. Хищения железнодорожных грузов, совершаемые при участии железнодорожной администрации—равным образом подлежат ведению Трибуналов (ст. 8 декрета № 1).

6. По обвинению в шпионаже.

Кто в той или иной форме изобличается в оглашении, передаче военных тайн, стратегических планов, сведений о военных силах или вооружении представителям иностранных держав или контр-революционным организациям, или вообще войдут с таковыми в сношения с целью вызвать иностранное, враждебное интересам Советской Республики, вмешательство (Декрет от 4 мая).

7. По обвинению в хулиганстве.

Кто исключительно с целью внести дезорганизацию в распоряжения Советской власти или оскорбит нравственное чувство или политические убеждения окружающих, учинит бесчинство (декрет от 4 мая (хулиганство).

Примечание. Лица, прошлая деятельность которых, хотя бы и до утверждения власти Советов, признается специально вредной для революции, или была прямо против нее направлена, как-то: провокаторы, охранники, их осведомители, царские сановники и иные деятели старого режима—могут быть также предаваемы за таковую деятельность суду трибу-

нала, однако, всякий раз специальными постановлениями Исполкомов, местных Советов или особо на то ими уполномоченных органов.

8. По обвинению в спекуляции.

В точном соответствии с декретом о Суде № 3 и декретом о спекуляции, остаются в ведении Трибуналов все дела о спекуляции, возникшие до издания декрета о спекуляции, т. е. до 25 июля с. г., все остальные из'емляются и передаются в ведение окружных и местных судов по принадлежности.

Все остальные дела обще-уголовного характера, все дела о гражданских спорах безусловно неподсудны Трибуналам и принятие к рассмотрению подобных дел, независимо от того, когда они были разрешены и приняты, всегда влечет за собой отмену приговора Кассационным Отделом, и все вынесенные ими приговоры признаются не имеющими силы судебного решения.

Подсудность местная.

На основании точного смысла декрета от 4 мая 1918 года, распубликованного 17 мая в «Известиях», все уездные Трибуналы подлежат упразднению.

Для провинциальным уездных Трибуналов крайним сроком законности постановленных ими приговоров признается срок 24 мая текущего года, или десять дней спустя опубликования декрета в «Известиях», принимая во внимание транспортную разруху и медленность в доставлении «Известий» на местах. Уездные Трибуналы, кои по мнению Губернских Комиссаров Юстиции и Губисполкомов, должны быть сохранены или вновь учреждены в крупных промышленных центрах или на узловых железнодорожных пунктах, должны в течение 10 дней после издания сей инструкции возбудить соответствующее представление перед Кассационным Отделом для разрешения указанного вопроса в центре, по соглашению с Народным Комиссариатом Юстиции. Из уже признанных, как законно существующих, Уездных Трибуналов, являются следующие Трибуналы: Ямбургский, Великолуцкий, Оршанский, Невельский, Брянский, Ржевский, Елецкий, Великоустюжский, Череповецкий, Иваново-Вознесенский, Кинешемский, Котельнический, Камышловский и Гороблагодатский.

Всякие Военно-Революционные Суды, кроме установленных в прифронтовой полосе, на основании декрета упраздняются и приговоры их подлежат отмене, как вынесенные незаконно существующими судебными установлениями.

О составе Трибуналов.

Безусловным кассационным поводом признается нарушение точного смысла п. 8 декрета № 1 о Суде, о составе Трибунала из

одного председателя и шести очередных заседателей. Названный состав должен обязательно указываться в заголовке приговора, и который независимо от сего должен подписываться всем составом суда. Участие в постановке приговора различных товарищей председателя или его заместителей признается безусловно недопустимым.

Коллегия, постановляющая приговор, состоит из семи лиц, не более и не менее. Председатель обязательно участвует в совещании заседателей. Но участие кого бы то ни было сверх того влечет безусловную отмену приговора, равным образом, как и отсутствие кого-либо из данной коллегии из семи.

Состав заседателей определяется местным Губернским Исполкомом в принятом по его усмотрению порядке из числа лиц, назначаемых Советом или Советами или даже непосредственно Исполкомом из испытанных революционеров и преданных Советской власти лиц. Распорядительные заседания Трибунала имеют место в составе председателя или его заместителя и не менее двух лиц из очередного перед сессией состава заседателей.

О Следственной Комиссии.

Пред'явление Следственной Комиссией следственного материала обвиняемым обязательно, но несоблюдение ею указанного требования декрета от 4 мая является кассационным поводом только при условии последующего обжалования названного нарушения обвиняемым, либо в распорядительное заседание, либо непосредственно в самом судебном заседании перед его открытием и в случае запротоколированного отказа со стороны председателя в удовлетворении требования подсудимого, в противном случае названное нарушение не может быть признано кассационным поводом. Постановление о предании суду обязательно сообщается обвиняемому. Участие одних и тех же лиц в составе суда и Следственной Комиссии недопустимо, за исключением случая, если председатель Трибунала принимал участие в камере предания суду, но, однако, отнюдь не в производстве следствия. Ни один из допрошенных свидетелей в стадии судебного следствия не может быть предан суду в качестве обвиняемого без особого о нем производства следствия, со всеми представленными ему законом гарантиями.

Об обвинительных Коллегиях.

Отсутствие обвинителя на суде не является кассационным поводом, равным образом, как и неврученние обвинительного акта, заменяемого постановлением Следственной Комиссии, если таковое было заблаговременно вручено обвиняемому или ему об'явлено. В последнем случае оно обязательно должно заключать в себе краткое изложение дела. Расхождение судебного приговора с заключением Следственной Комиссии или обвинительными тезисами не является кассационным поводом, поскольку составляет результат свободного

решения судейской совести на основании судебного следствия и прения сторон.

Отсутствие обвиняемого или одного из обвиняемых не может служить препятствием к слушанию дела, раз присутствует его защита или, если доказано злостное уклонение обвиняемого от суда. Суд вправе постановить, как о выделении дела, в случае отсутствия одного из обвиняемых, так и о заочном рассмотрении, по своему усмотрению. Последнее может иметь место, хотя бы был привлечен только один уклонившийся от явки в суд обвиняемый.

Как защитники, так и обвинители из публики могут быть допущены к участию в деле только в стадии судебных прений, но до последнего слова обвиняемого, при чем отказ суда в допущении должен быть мотивирован. Неявка свидетелей или отказ по этому случаю в отложении дела, равно, как отказ в допросе или передопросе явившихся свидетелей составляет право Трибунала, не подлежащее проверке в кассационном порядке и посему указания на таковые отказы не являются кассационным поводом.

Судебные прения открываются обязательно речью обвинителя. Реплики сторон допускаются в том же порядке. На обязанности председателя не лежит произнесение какого-либо напутственного слова для заседателей. Постановка вопросов о виновности не обязательна. Право председателя лишать стороны слова в случае уклонения их от существа дела не подлежит проверке в кассационном порядке.

О приговорах и протоколах судебных заседаний.

Приговоры выносятся мотивированными и за подписями всех членов Судебной Коллегии. Трибуналы не ограничены ничем при определении меры наказания, за исключением случаев, в коих декретами определена мера наказания словами: «не ниже»... и т. п. Но и в этих случаях одновременно с постановлением меры суд может смягчить меру наказания, приводя мотивировку этого смягчения. Стенограмма не является обязательной, но должна быть заменена обязательным протоколом по опубликованной форме. Отсутствие протокола является существенным нарушением. Незапротоколированные нарушения правил судопроизводства не являются кассационными поводами, равно как и необжалованные постановления и действия судебных и следственных властей. Огласив приговор, председатель об'ясняет сторонам порядок обжалования.

О кассации приговора.

Пропуск кассационного срока влечет за собой оставление жалобы без последствий. Кассационный Отдел рассматривает жалобы в плоскости указанных в жалобах кассационных поводов, но оставляет за собою право обзора всего производства в ревизионном порядке. На оправдательные приговоры, либо на приговоры, обжалуемые по

мягкости их, допускаются кассационные протесты всех неопороченных граждан, а не только участвующих в деле, поскольку все граждане заинтересованы в охранении завоеваний Революции. Одновременно, Кассационный Отдел просит незамедлительно сообщить ему фамилии товарищей, занимающих ответственные посты в Трибуналах: председателей Следственных Комиссий и Обвинительных Коллегий.

Подписали: Председатель Кассационного Отдела *О. Я. Карклин.*

Председатель Центральной Обвинительной Коллегии *Н. Крыленко.*

Представитель от Народного Комиссариата Юстиции при Кассационном Отделе *П. Красиков.*

Член Кассационного Отдела *Е. Пашуканис.*

Опубликовано в «Известиях ЦИК Советов» от 6 октября 1918 г., № 217.

Приложение № 26.

Резолюции I С'езда Трибуналистов.

Проект инструкции

Революционным Трибуналам Советской Федеративной Республики, принятый на I-м Всероссийском С'езде представителей Руководящих Коллегий Революционных Трибуналов, происходившем в Москве от 29 октября по 3 ноября 1918 г.

В развитие постановления НКЮ от 16 июня, коим отменена инструкция Революционным Трибуналам Народного Комиссара *Штейнберга* от 19 декабря 1917 года ,впредь до издания единого декрета о Революционных Трибуналах Советской Республики, во исполнение пункта 8-го декрета № 1-й о Суде от 24 ноября 1917 года Революционные Трибуналы Советской Республики имеют впредь руководствоваться нижеследующей инструкцией:

А. Задачи Трибуналов, как особых исключительных Судов.

В изъятие из системы общих судебных установлений Советской Республики Революционные Трибуналы учреждены с специальной целью для борьбы против контр-революционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно и для решения иных дел, указанных в соответствующих декретах. (Декрет о суде № 1, декрет от 4 мая, декрет от 29 мая, декрет о суде № 3, декрет о спекуляции ст. 13, декрет от 2 августа о набатном звоне). Для усиления революционной репрессии против лиц, изобличенных в указанных деяниях при сохранении, однако, основных правовых га-

рантий, для обвиняемых Трибуналом предоставлено неограниченное ничем право в определении меры наказания. В соответствии с этим, при рассмотрении дел в Революционных Трибуналах, в качестве основного признака при определении Революционным Трибуналом для руководства Следственным Комиссиям впредь устанавливается наличность опасного для революции характера вменяемого деяния. Отнюдь не всякое поэтому из преступлений, подсудных Трибуналам по формальным признакам, должно быть оставляемо в ведении Трибуналов. Следственным Комиссиям Трибуналов предоставляется в этом отношении достаточно широкий простор путем использования предоставленной им ст. 13 пунктом «б» Инструкции местным судьям права разгружать Трибуналы от массы мелких дел, попадающих на их рассмотрение (опубликовано в № 53 С. У. и Расп. Р. К. Правительства). Соответствующий контроль над их решениями устанавливается путем введения в качестве особых органов в Трибуналах обвинительных Коллегий с правом опротестования постановлений Следственных Комиссий в Президиумы Трибуналов. Важность функций, возложенных на Трибуналы, требует особого внимания от соответствующих органов при определении состава судебной Коллегии Трибунала, настоятельная же необходимость в осуществлении скорой и беспощадной репрессии против врагов революции выдвигает на первый план требование возможно большего упрощения в Трибуналах процессуальной стороны судебного разбирательства.

В отличие от общей инструкции судебным местам в настоящей инструкции посему прежде всего оговаривается не то, чем вообще должны руководствоваться Трибуналы при решении дел, а то, чем разнится рассмотрение дел в Трибуналах от рассмотрения уголовных дел в общих судах.

На основании всего вышеизложенного настоящим для Революционных Трибуналов устанавливается нижеследующее.

Б. Подсудность.

I. Ведению Революционных Трибуналов подлежат дела о лицах:

а) которые организуют, участвуют или призывают других к контр-революционным выступлениям против Рабоче-Крестьянского Правительства, восстание, погромы, массовые беспорядки, уличные бесчинства и пр.

б) Которые активно противодействуют Рабоче-Крестьянскому Правительству или призывают других противодействовать ему или, пользуясь своим положением на государственной и общественной службе, затрудняют правильный ход работ в учреждениях или предприятиях; в которых состояли или состоят на службе (саботаж, сокрытие и уничтожение документов и т. д.).

в) Которые сообщением заведомо ложных и непроверенных сведений в печати или публичных собраниях стремятся вызвать недоверие или возбудить недовольство к Рабоче-Крестьянскому Прави-

тельству или отдельным его представителям или вызвать панику в населении.

г) Которые учинят подлог советских документов (ордеров, мандатов, удостоверений, разрешений и иных документов) или воспользуются такими подложными документами, а также те, которые воспользуются подлинными документами неправомерно и для своих личных целей.

д) Которые, пользуясь своим общественным или административным положением, злоупотребят властью, предоставленной им революционным народом или учинят при исполнении ими своих обязанностей деяния или бездействие, в результате которых имел место или мог иметь место ущерб интересам Советской Республики.

е) Которые в той или иной форме изобличаются в оглашении или передаче военных тайн, стратегических планов, сведений о военных силах или вооружении представителям иностранных держав или контр-революционных организаций.

ж) Которые исключительно с целью внести дезорганизацию в распоряжения Советской власти или деятельность ее учреждений учинят бесчинство.

2. Лица, прошлая деятельность которых может быть признана особо вредной для революции, хотя бы таковая имела место до октябрьской революции и установления власти Советов, равным образом, могут быть предаваемы суду Революционных Трибуналов, как враги революции.

3. Все остальные дела общеуголовного характера, а также все гражданские дела, находящиеся в производстве Трибуналов немедленно передаются ими в местный и окружной народные суды по подсудности.

II. Подсудность местная.

1. Революционные Трибуналы сохраняются лишь в Москве и Петрограде и губернских городах Республики, а также в крупных узловых станциях жел. дорог и в крупных промышленных центрах; в последних двух случаях по сношении местных Советов, учредивших Трибуналы, с Народным Комиссариатом Юстиции.

2. Революционные Трибуналы простирают свою деятельность на территорию того Совета, при коем они образованы.

3. Подсудность Верховного Революционного Трибунала при ЦИК определяется особо, порядком, указанным в декрете об учреждении таковото Трибунала. То же относится и к Трибуналам, учреждаемым в прифронтовой полосе.

В. О составе Революционных Трибуналов и образуемых при них коллегиях.

I. Организация Трибуналов.

1. Революционные Трибуналы избираются Советами Р. К. С. и К. Депутатов или их Исполнительными Комитетами в составе одного

председателя, двух (одного, в зависимости от местных условий) его заместителей и шести заседателей при двух запасных. Все лица могут быть отозваны в любой момент постановлениями тех же Советов или их Исполнительных Комитетов.

2. Заседатели намечаются Губисполкомами и Исполкомами и утверждаются Советами на срок не более месяца.

Примечание. Заседатели могут быть избираемы только из испытанных революционных работников.

3. Распорядительные заседания Трибуналов имеют место в составе Коллегии из трех лиц—Председательствующего в Трибунале и двух его заместителей при секретаре. Отсутствующие члены коллегии замещаются очередными по списку лицами из состава заседателей.

I'. Следственная Комиссия при Трибунале.

1. Для производства предварительного следствия по делам, передаваемым на рассмотрение Трибуналов, учреждаются Следственные Комиссии в составе не менее трех лиц, избираемых Советами Р. К. и К. Депутатов.

2. Поводами к возбуждению дел служат сообщения советских и общественных учреждений и жалобы отдельных граждан или заявления об имевших месте преступлениях.

3. Постановления Следственной Комиссии об арестах, обысках, выемках, освобождении арестованных, равно как постановления о прекращения дела, привлечении новых обвиняемых действительны, если они приняты в составе коллегии из трех лиц. В случаях, не терпящих отлагательства, меры пресечения могут быть приняты единолично каждым членом комиссии с тем, чтобы в течение 24 часов эта мера была утверждена Следственной Комиссией.

4. Распоряжения Следственной Комиссии приводятся в исполнение красной армией и милицией и исполнительными органами Республики или особым караулом, находящимся в распоряжении Комиссии.

5. Следственная Комиссия имеет право: а) требовать от всех без исключения Советских, общественных учреждений и частных обществ, равно как и отдельных граждан, доставления необходимых сведений и документов, а также дел, не оконченных производством, б) обозревать через своих членов и особо уполномоченных лиц дела всех упомянутых в предыдущем пункте установлений и властей для извлечения всех необходимых сведений.

III. Обвинительная Коллегия при Трибунале.

1. При каждом Трибунале утверждается наряду со Следственной Комиссией особая Коллегия обвинителей, в составе не менее трех лиц, избираемая и утверждаемая в том же порядке, что и Следственная Комиссия. Центральная Обвинительная Коллегия Верховного Трибунала при Ц. И. К. может делать свои представления в местный

Совет как о назначении, так и об отстранении членов местных обвинительных Коллегий при Трибуналах.

3. Местная Обвинительная Коллегия обязана еженедельной отчетностью перед Центральной Коллегией о количестве заслушанных дел с приложением копий приговоров по всем делам, заслушанным в Трибунале как оправдательных, так и обвинительных, указанием фамилий обвинителей, равно как и сообщать свои замечания по поводу постановки обвинения в местном Трибунале и замеченных дефектах в нем.

4. Предложения Центральной Обвинительной Коллегии о подаче по тому или иному делу кассационного протеста или возбуждения дела обязательны для местной коллегии обвинителей.

5. Коллегия обвинителей имеет право возбуждать ходатайство перед Центральной Коллегией о признании какого-либо дела особо важным и из'ятии его из подсудности местного Трибунала для передачи его в Верховный Трибунал. В таком случае, уваженное Центральной Обв. Коллегией ходатайство передается ею на усмотрение Президиума Центрального Исполнительного Комитета или НКЮ со своим заключением.

6. На обязанности обвинительной Коллегии возлагается:

а) участие через одного из членов Коллегии в заседаниях следственной Комиссии Революционного Трибунала при рассмотрении вопроса о предании суду всех лиц, относительно которых возбуждено обвинение в Рев. Трибунале;

б) дача заключений в заседаниях Сл. Комиссии по вопросу о подсудности дела и полноте произведенного следствия, либо прекращения дела за отсутствием улик состава преступления или по недостаточности улик;

с) предложение Сл. Комиссии возбудить обвинение против того или другого лица или группы лиц в преступлениях, предусмотренных положением о Трибунале или заключающем в себе признаки опасного для революции деянии;

д) публичное обвинение по всем делам в судебных заседаниях Трибунала.

Г. О предварительном следствии.

1. По поступлении сообщения о возбуждении дела или жалобы Сл. Комиссия рассматривает сообщение или жалобу в очередном заседании и постановляет о прекращении дела, если не найдет состава преступления или направляет дело по подсудности или принимает таковое к производству, поручая таковое одному из своих членов или под его ближайшим наблюдением. О таковом постановлении немедленно сообщается обвиняемому с зачислением его за Комиссией.

2. Сл. Комиссия имеет право по делам, хотя и подсудным ей по формальным признакам, постановлять согласно и применительно к ст. 13, пункту «б» Инструкции Местным Народным Судьям о направлении дела в Местный Народный Суд, если признает таковое по своему существу маловажным, при чем Местный Суд, согласно по-

рядку о разрешении пререканий о подсудности, установленному декретом о суде № 2, обязан без дальнейших возражений принять таковое дело к своему рассмотрению.

3. В случае, если в процессе предварительного следствия следователь Сл. Комиссии найдет необходимым прекращение дела по недоказанности или недостаточности улик, либо отсутствии состава преступления, либо сочтет необходимым привлечение к тому же делу новых лиц в качестве обвиняемых, либо изменение меры пресечения, он входит с соответствующим ходатайством в Сл. Комиссию, которая и выносит соответствующее постановление.

4. Обвинительная Коллегия участвует в указанных заседаниях Сл. Комиссии через одного из своих членов для дачи заключений по вопросам подсудности, направлении дела к прекращению. при чем в случае отсутствия представителя Обв. Коллегии Сл. Комиссия сообщает о состоявшемся постановлении и, в случае непоступления протеста со стороны Обв. Коллегии, в течение трех дней дело получает дальнейшее направление, согласно принятому решению. В случае протеста и повторного внесения Сл. Комиссией того же определения спор обоих Коллегий разрешается Президиумом Суда.

5. Обв. Коллегия имеет право делегировать одного из своих членов в любой момент производства предварительного следствия по любому делу в качестве стороны с правом делать замечания по поводу порядка производимого следствия, присутствовать при допросе свидетелей, требовать передопроса их, приобщения к делу новых документов и т. д. наравне с защитой. Такое делегирование является правом Обв. Коллегии, но отнюдь не обязанностью.

6. Защита допускается и в стадии предварительного следствия. Однако, Сл. Комиссия имеет право ограничить таковое допущение, если того требуют интересы раскрытия истины, при чем такое постановление может быть обжаловано в общем порядке обжалования постановлений Сл. Комиссии.

7. Признанное по докладу следователя в Сл. Комиссии законченным следственное производство по каждому делу пред'является производившим следствие обвиняемому и его защитнику, коим предоставляется право делать свои замечания по поводу произведенного следствия и возбуждать соответствующие ходатайства в течение не более, однако, чем пятидневного срока со дня пред'явления следствия. В течение того же срока Обвинительная Коллегия окончательно формулирует обвинительные тезисы и назначает обвинителя, коему и поручается публичное обвинение на суде.

8. В качестве момента, заключающего следствие, устанавливается доклад производившего следствие в Сл. Комиссии в присутствии представителя Обв. Коллегии, дающего свои заключения по поводу возбужденных защитою ходатайств, после чего Сл. Комиссия выносит свое определение о предании суду. Обвинительные тезисы сообщаются при этом обвиняемому.

9. Следственная Комиссия разрешает все вопросы следствия в закрытых заседаниях. Все протесты и жалобы на постановления След. Комиссии приносятся и разрешаются Президиумом Трибунала.

Д. О выездных сессиях.

1. Выездные сессии Трибуналов организуются по мере накопления дел в каждом из районов местной подсудности Трибунала в составе Председательствующего в Трибунале, представителя Обв. Коллегии и секретаря. Заседатели выездных сессий избираются каждый раз местными Советами в порядке, определенном выше.

2. Для производства предварительного следствия на местах при уездных Исполкомах организуются на общих основаниях уездные Следственные Комиссии, при чем они могут быть совмещены с существующими уездными Чрезвычайными Комиссиями.

Е. О руководящей Коллегии Трибунала.

1. Для разрешения вопроса административно-хозяйственного управления Трибуналом и иных вопросов внутренней жизни Трибунала, равным образом и возникающих вопросов принципиального характера, касающихся форм судопроизводства либо толкования декретов, созывается расширенное собрание так называемой *Руководящей Коллегии* Трибунала в составе Председателя Трибунала, Председателя Сл. Комиссии и Председателя Обвинительной Коллегии, могущее, в свою очередь, быть разрешенным до *пленума* всех трех коллегий. Решения Руководящей Коллегии являются обязательными по всем вопросам первой категории и являются консультацией сведущих лиц по вопросам этой категории. Местный Комиссар Юстиции может быть также приглашаем на последнего рода заседания. Руководящим Коллегиям принадлежит право делать представления по вызывающим сомнения вопросам в Кассационный Отдел.

Ж. Судопроизводство в Трибуналах.

I. Распорядительное заседание.

1. После передачи дела в суд Трибунал в распорядительном заседании назначает дела к слушанию, рассматривает поступившие протесты и ходатайства и жалобы и делает все распоряжения по вызову свидетелей обвиняемых их защитников, экспертов и т. д.

II. Открытие заседания и Судебное следствие.

1. Открывая заседание, Председатель об'являет о деле, назначенном к слушанию, в присутствии обвиняемого и его защиты и обвинителей и распоряжается оглашением заключения по делу и обвинительных тезисов.

2. Отсутствие обвиняемого или одного из обвиняемых не может служить препятствием к слушанию дела, раз присутствует его защита, или если доказан злостный характер уклонения обвиняемого от суда. Суд вправе постановить как о выделении дела, так и о заоч-

нем его слушании по своему усмотрению. Последнее может иметь место даже тогда, когда уклонился от суда только один и бывший привлеченным по делу обвиняемый.

3. Судебное следствие происходит при участии защиты и обвинения.

Примечание 1. В качестве обвинителей и защитников без вознаграждения могут быть допущены все пользующиеся политическими правами и неопороченные по суду граждане обоего пола.

Примечание 2. Для постоянного участия в Трибуналах в качестве защитников со стороны желающих должно иметь место предварительное получение разрешения на такое выступление от Президиума Трибунала, при чем выбирающий разрешение обязывается подпиской о невзимании гонорара за защиту, иным порядком, кроме определенного Трибуналом, и не выше определенного. В случае же доказанности взимания в повышенном размере, помимо лишения права на выступление в Трибуналах, привлекается к суду Трибунала, как за взяточничество.

4. При поверке явившихся свидетелей по делу Председатель выслушивает заключение сторон по поводу неявившихся свидетелей, равно как и ходатайства о допросе дополнительных свидетелей. Неявка свидетелей лишь в крайнем случае может служить препятствием для слушания дела, заменяясь оглашением показаний, данных на предварительном следствии, либо разрешением Председателя сторонам ссылаться на них. В случае неявки по неуважительной причине, по определению суда назначается пеня в размере крупного денежного штрафа не ниже 200 р. Допрос свидетелей, не допрошенных на предварительном следствии, и о которых сторонами не было заявлено во время, может иметь только в силу особого мотивированного постановления суда с указанием причин, по коим уважено такое ходатайство стороны, не заявившей своего ходатайства во время, в момент предварительного следствия или после пред'явления следственного материала и заключения следователя.

5. Оглашение показаний свидетелей, данных на предварительном следствии, может иметь место как по ходатайству сторон, так и по усмотрению суда. Суд имеет право прекратить допрос свидетелей по уже достаточно для суда выяснившимся обстоятельствам дела. Такое постановление Суда может подлежать, однако, всегда поверке в кассационном порядке.

6. Все возникающие на судебном следствии вопросы, равно как возбуждаемые сторонами ходатайства, разрешаются судом по выслушании заключения противной стороны.

7. Показания подсудимого, данные им на предварительном следствии, могут быть оглашаемы только в случае его на то согласия. Подсудимый имеет право не отвечать на задаваемые ему вопросы.

8. По отношению к ходатайствам сторон о приобщении к делу документов, не приобщенных ранее к делу, имеет место такой же порядок, как и по отношению к допросу свидетелей, не допрошенных

на предварительном следствии. Оглашение приобщенных к делу документов может быть заменено разрешением сторонам ссылаться на них.

9. Обращение дела к доследованию может иметь место только по особому мотивированному постановлению суда в случае открытия новых обстоятельств, не раскрытых на предварительном следствии.

10. После допроса свидетелей, оглашения документов и осмотра вещественных доказательств председатель об'являет об окончании судебного следствия, предварительно запросив стороны, чем они желают дополнить следствие.

11. Стенограмма не является обязательной, она заменяется протоколом, ведущимся секретарем суда.

III. Судебные прения.

1. Судебные прения открываются речью обвинителя, после которого слово предоставляется защитнику. Подсудимому предоставляется последнее слово.

2. Перед открытием судебных прений Председатель может допустить к защите и обвинению еще одного защитника и одного обвинителя из числа присутствующих на заседании из публики.

3. После реплики обвинителя и ответной речи защитника, никаких более речей не допускается и слово предоставляется подсудимому.

4. Стороны не могут быть ограничиваемы в своих речах обязательством касаться только обстоятельств, которые были выяснены на судебном следствии, но председатель располагает безапелляционным правом останавливать стороны и в случае пререканий может лишить слова стороны и подсудимого, при чем таковые его решения никакой поверке не подлежат.

IV. Постановление приговора.

1. После последнего слова подсудимого Трибунал удаляется для постановления приговора. Председателю не предоставлено право произнесения каких бы то ни было напутственных слов или резюме.

2. Приговоры постановляются по большинству голосов судебной коллегии.

3. Приговоры об'являются именем Р. С. Ф. С. Республики.

4. Приговоры постановляются в письменном виде за подписями всех членов судебной коллегии с мотивированным изложением признанных доказанными преступных деяний подсудимого и определенной меры наказания.

5. Трибунал выносит приговоры, руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и велениями революционной совести.

6. Трибунал не ограничен ничем в определении меры наказания за исключением случаев, когда в декретах указано для данной категории преступлений наказание не ниже определенного.

7. Запасные заседатели и секретарь не участвуют при постановке приговора в совещательной комнате ни с решающим, ни с совещательным голосом.

V. О кассации приговоров.

1. Порядок кассирования приговоров всякий раз раз'ясняется сторонам председателем согласно требований декрета.

2. Ходатайство о продлении или восстановлении срока подается тоже в Трибунал, которым был вынесен обжалуемый приговор.

Дополнительная резолюция, принятая на I-м Всероссийском с'езде ответственных работников Революционных Трибуналов по 1-му и 2-му пункту порядка дня в заседании 30 октября 1918 г.

Исходя из понимания задач Революционных Трибуналов, как органов суровой и беспощадной расправы, чинимой рабочим классом и крестьянской беднотой над бесчисленными окружающими их врагами революции, С'езд ответственных работников не может не признать, что Трибуналы далеко не стояли в этом отношении на той высоте, какая требовалась от них тяжелыми условиями переживаемого момента, так и сущность возложенных на них по мысли законодателя задач.

Необычайная пестрота в организации Трибуналов, абсолютный недостаток на местах соответствующих работников и часто случайный поэтому характер состава не только товарищей, которым приходилось судить в Трибуналах в качестве заседателей, но и которым в первую голову приходилось руководить заседаниями, отсутствие общих судебных установлений, что имело непосредственным своим результатом в целом ряде мест перегруженность Трибунала делами, совершенно к их ведению не относящимися, неопытность и неумелость работников следственных комиссий, в результате чего следствие иной раз затягивалось на сроки 6, 7 и даже 8 месяцев—все это имело своим результатом то, что в первую пору своего существования Революционные Трибуналы не только не осуществляли своей задачи—нанесения быстрых и суровых ударов врагам революции , но шли позади по медленности своего производства и слабости репрессий, даже общих судов.

С'езд не может не указать, что в подобном положении в значительной доле приходится признать повинной и центральную власть. С'езд не может усмотреть до сих пор единой линии поведения в законодательной деятельности НКЮ в отношении Революционных Трибуналов. Признавая министерство Штейнберга повинным в чрезмерном увлечении декоративной стороной процесса, что выразилось в создании громоздкого аппарата 40 заседателей, с обязательной жеребьевкой, стенограммой и т. д. и допущением в корне противоречащего задачам Трибунала ограничения их прав при определении меры наказания, как оно имело свое место в инструкции от 19 дека-

бря, с'езд констатирует с другой стороны совершенно необ'яснимое, по мнению с'езда, ни из условий переживаемого момента, ни из фактических условий и данных о деятельности общих судебных установлений на местах, в особенности поскольку это касается окружных судов, ни, наконец, из содержания основной мысли ст. 8 декрета о суде № 1, то сокращение подсудности Трибуналам, какое принес с собою декрет о суде № 3, С'езд констатирует в этом отношении его прямое противоречие с духом статьи 8 декрета № 1 о суде. Вторым дефектом существующего законодательства о Трибуналах является созданная тем же декретом о суде № 8 и совершенно связавшая Трибуналы попытка дать в декрете *кодекс кар* за спекулятивные преступления в чрезвычайно, как уже показал опыт, неясной и запутанной редакции. Наконец, неразработанность до сих пор процессуальной стороны Трибуналов, как особых исключительных судов, точно также вредно сказывается на деятельности Трибуналов.

На основании вышеизложенного С'езд полагает крайне необходимым в видах достижения быстроты и скорости осуществления Революционными Трибуналами задач по борьбе с врагами революции, в видах усиления революционной репрессии по отношению к ним, а следовательно и соответствующего под'ема мощи и силы революции, оберегая при этом, однако, те гарантии, какие дает обвиняемым и самой революции гласность процесса от возможных судебных ошибок:

1) В самом спешном порядке разработать *единый* декрет о Трибуналах, как органов борьбы с контр-революцией, для чего должно быть сведено и систематизировано существующее законодательство о Трибуналах, с точным определением особенностей, отличающих Трибуналы от общих судов, как в области процессуальной, так и в области нотариального права и подсудности, обеспечивавших бы Трибуналам и строгость репрессии и быстроту судопроизводства.

В частности С'езд указывает на следующие уже назревшие потребности и реформы в существующих узаконениях:

С'езд полагает, что состав Трибуналов, как он указан в декрете № 1 о суде представляется слишком громоздким и С'езд находит, что сокращение судебной коллегии с 7 до 5 представляется вполне возможным и даже необходимым, поскольку он благотворно отразится на подборе судебной коллегии, более соответственной задачам, возложенным на Трибунал, как орган борьбы.

2) С'езд полагает, что на состав и деятельность следственных комиссий Трибуналов, обвинительных коллегий и иных органов Трибунала должно быть обращено наибольшее внимание в целях достижения наибольшей скорости в производстве предварительного следствия. Последнее должно быть достигнуто усилением численного состава комиссий и особой подготовкой его работников. С'езд находит, что НКЮ обязан взять на себя в этом отношении инициативу по организации особых курсов следователей, для которых провинциальные Советы дадут соответствующие кадры курсантов.

3) Процессуальная сторона в Трибуналах должна быть до чрезвычайности упрощена. С'езд полагает, что в этом отношении НКЮ должен озаботиться изданием исчерпывающей инструкции.

4) Наконец, должна быть совершенно изменена та инструкция подсудности Трибуналам, какая намечается сейчас в силу существующих законоположений. Декрет о спекуляции и декрет о суде № 3 в части, касающейся Трибуналов, должны быть соответственно переработаны, если не целиком отменены. Полагая, что борьба со спекуляцией и взяточничеством не только далеко еще не может быть признана вошедшей в ту стадию, когда она может быть без опасения передана в общие суды, но, наоборот, более чем когда-либо нуждается в беспощадной репрессии, что сам факт издания декрета о спекуляции в июле месяце, т. е. в момент наибольшего разгара продовольственного кризиса, показывает, насколько далеко от реальной действителности стояли в тот момент авторы декрета; считая далее, что ст. 13 того же декрета, коей НКЮ и Президиуму ЦИК предоставляется право сохранять в ведении Трибуналов некоторые дела по обвинению в спекуляции, признаваемые особо важными, далеко не достигает цели и на практике осуждена остаться мертвой буквой, в силу физической невозможности для провинциальных Трибуналов применять ее, не говоря уже о той бесконечной проволочке и задержке в осуществлении революционного правосудия, которую она создает для Трибунала, буде он бы захотел ею воспользоваться, С'езд категорически высказывается за полную отмену установленного декретом от 24-го июля из'ятия из ведения Трибуналов дел о спекуляции и о взяточничестве и за возвращение их в ведение Трибуналов.

По меньшей мере С'езд настоятельно указывает на необходимость расширения прав Трибуналов в смысле распространения на Трибуналы права обращать к своей подсудности дела о спекуляции и взяточничестве, возбуждая соответствующие представления в местный Губисполком без доведения о сем до сведения центральных учреждений.

И обратно. Следственным Комиссиям должно быть декретом предоставлено право безапелляционно решать о направлении дел, признаваемых ими маловажными в местный народный или окружный суд, при чем такое дело не может быть возвращено назад никаким судом, кроме разве Кассац. Отд. и Кассационного Суда, или по делу откроются новые обстоятельства, каковые в таком случае специально должны быть оговорены особым мотивированным постановлением суда.

Наконец, совершенно из'яты должны быть из подсудности Трибуналов дела о хулиганстве, маловажные преступления по должности, нарушения службы караула и т. д.

С'езд категорически указывает, наконец, на необходимость точного определения декретом структуры и подсудности Трибуналов в прифронтовой полосе, и с своей стороны высказывается за сохранение и в условиях военного времени принципа однородности в строении Трибуналов с существующими в тылу, полагая, что заседатели могут быть делегированы на фронт, как ближайшим Губисполкомом, так и из состава местных коммунистических ячеек на фронте в войсковых частях.

С'езд полагает, что для выработки декрета должна быть образована особая комиссия.

Резолюция Всероссийского С'езда ответственных работников Революционных Трибуналов Советской Республики по 3-му п. порядка дня о взаимоотношениях Революционных Трибуналов и Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контр-революцией.

До невероятности тяжкие условия, в которые с самого начала была поставлена вспыхнувшая в обстановке мировой войны Российская Революция, ожесточенная ненависть, какою оказался окружен пролетариат за его революционную деятельность по осуществлению впервые в мире опыта социалистического переустройства общества, со стороны не только Российской, но и мировой империалистической буржуазии, изоляция российской революции и революцонного пролетариата, которые его подвергли представители тех же буржуазных классов всего мира, в особенности в период, когда мировой пролетариат не проявил еще в достаточной, ощутительной для буржуазии, мере, своих революционных и освободительных стремлений, постоянные явные и тайные попытки к насильственному отнятию у пролетариата завоеванной им власти, предпринимавшиеся врагами русской революции, привели рабоче-крестьянскую власть к необходимости поставить на очередь дня со стороны пролетариата организацию массового террора против буржуазии и ее приспешников.

Эту ожесточенную борьбу за удержание революционной власти с имущими слоями, которую придется повести, предвидел рабочий класс, а потому создал немедленно после октябрьской революции в качестве орудия этой борьбы, как орган своей классовой расправы с врагами революции, Революционный Трибунал декретом о суде № 1, от 24 ноября. В качестве гарантии, которую декрет выдвигал против возможных судебных ошибок, Рабоче-Крестьянская Советская власть установила гласность процесса и выборность состава Трибунала из среды рабочих и крестьян.

Недостаток опытных и привычных работников, в особенности по следственной части в связи с общей разрухой, неизбежной в момент коренного переустройства всякого общества и во всякой революции, а в частности отсутствие правильно поставленного розыска, привело в свое время к созданию параллельно с Трибуналами особых Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контр-революцией, осуществляющих эти функции розыска. Все более и более обострявшаяся, однако, и достигшая в июле и августе текущего года наибольшего напряжения сложность политического и международного положения, в связи с усилившейся контр-революционной агитацией на почве продовольственного кризиса, создала для Советской власти крайне трудное, почти критическое положение, когда потребность в Революционной репрессии стала настолько ощутительна, что ее недостаточность через Революционные Трибуналы стала очевидной. В этот момент на первое место выдвинулась деятельность Чрезвычайных Комиссий, установивших де факто порядок внесудебной ликвидации дел, подсудных Трибуналам. Розыскной по существу орган превратился силою вещей не только в орган следственный, но и в орган суда.

Не отрицая крупных заслуг Чрезвычайных Комиссий, уже оказанных ими пролетарской революции, не отрицая возможности в наступлении вновь такого момента в развитии революции, когда потребность в немедленной и беспощадной репрессии отодвинет опять на второй план обычные формы борьбы с контр-революцией путем судебного процесса, Всероссийский С'езд ответственных работников Революционного Трибунала, тем не менее. считает своим долгом открыто указать на те теневые стороны, какие выпукло проявились в деятельности Ч. К. благодаря отказу, правда, вынужденному, от основного требования судебного процесса—гласности, равно как от отсутствия законодательного определения прав и полномочий Ч. К. по осуществлению ими возложенных на них задач.

С'езд указывает прежде всего на чрезвычайную и недопустимую в силу важности и ответственности возложенных на Ч. К. функций. спутанность, господствующую среди деятелей Ч. К., о границах их полномочий. В ряде мест Ч. К. присвоили себе не только право окончательного и безапелляционного решения всех дел, подсудных Трибуналам, но и право контроля со стороны Ч. К. над деятельностью судебных мест в виде требования на свое рассмотрение дел, уже находящихся в производстве Трибуналов. пересмотра уже состоявшихся приговоров или, наоборот, внесудебной ликвидации дел, по которым судебное или следственное производство Трибунала еще не закончено. Трибуналы не знают, где находятся и какая судьба постигает не только тех лиц, дела о коих находятся в производстве Трибуналов, но какова будет вообще судьба и ценность постановленного Трибуналом приговора.

В частности присвоенное себе Ч. К. бесконтрольное право распоряжения местами заключения и полная несогласованность работы обоих органов, привели к тому, что сплошь и рядом имеет место одновременное зачисление арестованных за обоими учреждениями, самостоятельное со стороны Ч. К. освобождение или, наоборот, заключение под стражу лиц, освобожденных или арестованных трибуналами, перевод их без ведома Трибуналов из одного места заключения в другое, а не раз и прямой отказ. если не молчаливое игнорирование со стороны Ч. К. предложений Трибунала исправить свою ошибку, когда Трибуналы указывали Ч. К. на нежелательность и недопустимость подобного положения вещей, как на третий крупный дефект, тормозящий деятельность трибуналов со стороны Ч. К., С'езд указывает на присвоение себе Ч. К. право налагать в виде наказания лишения свободы на срок, право исключительно принадлежащее судам, при чем в ряде случаев эти наказания налагаются Ч. К. с прямым нарушением существующих декретов о взяточничестве и спекуляции, по которым закон требует наказания не ниже пяти лет. в то время, как Ч. К. накладывают наказания продолжительностью в несколько месяцев.

С'езд обращает наконец внимание на чрезвычайную небрежность в ведении дел, имеющую место сплошь и рядом в производстве Ч. К., благодаря чему дела, передаваемые в Трибуналы, приходят туда

не подшитыми, без описи документов, с утерянными документами, с документами, пересылаемыми по частям, на крайнюю неумелость и небрежность в ведении допросов, без соблюдения подписи протоколов допрашиваемыми и производящими допрос и т. д.

В виду всего вышеизложенного С'езд находит крайне необходимым: 1) *немедленное же, в законодательном порядке, проведение точного положения о правах и полномочиях Ч. К.*, 2) *точное разграничение условий, в которых не только допустим, но и по условиям места должен быть признан обязательным порядок внесудебной ликвидации,* 3) проведение сначала до конца во всех органах Ч. К. самостоятельного контроля и подотчетности, в особенности в розыскной и следственной части их деятельности распространение в той же мере, что и на остальные правительственные учреждения, права судебного контроля, предоставленного Трибуналом, и права следственной комиссии Трибуналов возбуждать уголовное преследование по поводу деятельности и иных преступлений сотрудников Ч. К., и что никакими привилегиями и гарантиями судебного иммунитета Ч. К. в этом отношении не пользуется.

С'езд не может, однако, не указать, что нормальным порядком для направления дел, находящихся в производстве Ч. К., должен быть признан порядок направления дел после производства предварительного дознания или следствия в Трибуналы и иные общие судебные места, что по мере того, как Революционный Трибунал будет обращаться в гибкий аппарат быстро и решительно действующих репрессий, необходимо сокращать, а затем и прекратить внесудебную ликвидацию дел при помощи Ч. К.

По делам, находящимся в производстве учреждений Ч. К., действия Ч. К., по мнению С'езда, могут быть приравнены к действиям нормальных следственных властей.

В качестве безотлагательных необходимых указаний, которые должны быть немедленно же преподаны в Ч. К., С'езд указывает нижеследующие положения: 1) воспрещается всем Ч. К. ведение в какой бы то ни было стадии и в каком бы то ни было порядке параллельного производства по делам, уже переданным Ч. К. или возникшим независимо от них и находящихся в производстве Трибуналов или иных судебных мест, 2) воспрещается всем Ч. К. какое бы то ни было, без ведома соответствующего судебного места и его на то согласия, зачисления содержащихся под стражей и числящихся за Трибуналом и иными судебными местами заключенных, если, конечно, в производстве Ч. К. нет за ними иного дела, отличного от того, по которому ведется производство судебными учреждениями.

3) Воспрещается самовольный, без ведома Трибуналов и иных судов, перевод заключенных, числящихся за судебными местами из одного места заключения в другое, их освобождение под залог или на каких-либо иных условиях, вторичное задержание освобожденных постановлениями следственных или судебных властей, если в производстве комиссий не имеется иного отличного от того дела, по которому ведется судебным местом производство по обвинению дан-

ного лица или группы лиц. Но и в этом последнем случае перевод, освобождение или арест может иметь место только в случае, если со стороны судебного места не встречается никаких возражений или протестов.

4) Воспрещается Ч. К. наложение единовременно административных взысканий по делам, передаваемым ими для судебного разбирательства или находящимся в производстве судебных мест.

5) Воспрещается Ч. К. заключение в тюрьму на срок кого бы то ни было по делам, находящимся в производстве Комиссий, если только таковое заключение не было предусмотрено в обязательном постановлении Ч. К. или соответственных властей и если лицо привлечено именно за нарушение указанного постановлеия.

6) Все Ч. К. предваряются сверх того, что Следственной Комиссии Трибуналов принадлежит право привлекать к судебной ответственности агентов Ч. К. за преступления по должности в той же мере, что и агентов других правительственных учреждений, и что никакими привилегиями Ч. К. в этом отношении не пользуется.

Приложение № 27.

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов.

О Всероссийской и местных чрезвычайных Комиссиях по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлениями по должности. (Положение).

1. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности является центральным органом, об'единяющим деятельность местных Чрезвычайных Комиссий и планомерно проводящим в жизнь непосредственную борьбу с контр-революцией, спекуляцией и преступлениями по должности по всей территории Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

2. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия является органом Совета Народных Комиссаров и работает в тесном контакте с Народным Комиссариатом по Внутренним Делам и Юстиции.

3. Члены Всероссийской Чрезвычайной Комиссии назначаются Советом Народных Комиссаров.

4. Председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии входит в Коллегию Народного Комиссариата по Внутренним Делам.

5. Народные Комиссариаты по Внутренним Делам и Юстиции делегируют своих представителей во Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию.

6. Смета Всероссийской Чрезвычайной Комиссии утверждается Советом Народных Комиссаров.

7. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия и все местные Чрезвычайные Комиссии имеют право на организацию при себе особых вооруженных отрядов. Величина отрядов на местах устанавливается местными Исполнительными Комитетами Советов Депутатов по соглашению с Всероссийской Чрезвычайной Комиссией. Кредиты на отряды при местных Чрезвычайных Комиссиях отпускаются в общем порядке через местные Исполнительные Комитеты.

Все отряды Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и местных Чрезвычайных Комиссий находятся под контролем и на учете Революционного Военного Совета Республики.

8. Всеми делами по непосредственной борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлениями по должности ведают на местах организованные местными Советами Депутатов и Исполнительными Комитетами на одинаковых правах с остальными своими Отделами местные Чрезвычайные Комиссии.

9. Члены местных Чрезвычайных Комиссий назначаются и отзываются местными Исполнительными Комитетами.

10. Председатели местных Чрезвычайных Комиссий избираются местными Исполнительными Комитетами и утверждаются Всероссийской Чрезвычайной Комиссией.

11. Высшие органы Чрезвычайных Комиссий имеют право посылать в низшие органы своих представителей с правом решающего голоса.

12. Постановления местных Чрезвычайных Комиссий могут быть приостановлены и отменены Чрезвычайной Комиссией высшей инстанции.

13. Все сметы местных Чрезвычайных Комиссий предварительно утверждаются местными Исполнительными Комитетами и проходят в общем порядке по смете Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Все ассигнования на местные Чрезвычайные Комиссии переводятся Чрезвычайной Комиссией через местные Исполнительные Комитеты.

14. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия вырабатывает инструкции для местных Чрезвычайных Комиссий.

Подписали: Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов *Я. Свердлов*. Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов *А. Енукидзе*.

Распубликован в № 240 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 2 ноября 1918 года и в «Собр. Узак.» 1918 г. № 80, ст. 842.

Приложение № 28.

Постановление Центрального Исполнительного Комитета.

О Всероссийской Чрезвычайной Комиссии.

В дополнение и развитие положения о Всероссийской Чрезвычайной Комиссии от 28-го октября 1918 г. (С. У. 1918 г. № 80, ст. 842), Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1. Право вынесения приговоров по всем делам, возникающим в Чрезвычайных Комиссиях, передается реорганизованным Трибуналам, при чем следствия по всем делам должны быть заканчиваемы не позднее одного месяца.

Примечание. В случае необходимости продолжить срок следствия, Чрезвычайной Комиссии предоставляется право возбуждать особые ходатайства перед местными советами, а Всероссийской Чрезвычайной Комиссии перед Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.

2. При наличии вооруженного выступления (контр-революционных, бандитских и т. п.) за Чрезвычайной Комиссией сохраняется право непосредственной расправы для пресечения преступлений.

3. Такое право непосредственной расправы сохраняется за Чрезвычайными Комиссиями в местностях, об'явленных на военном положении, за преступления, указанные в самом постановлении о введении военного положения.

4. Для решительного пресечения преступления и быстроты разбора дел Революционные Трибуналы реорганизуются на следующих началах:

а) Революционный Трибунал состоит из 3 членов. Судьи избираются на месячный срок Губернскими Исполнительными Комитетами. В городах, насчитывающих более 200.000 жителей, могут быть учреждаемы Городские Трибуналы, члены которых избираются Городскими Советами Депутатов;

б) суд должен назначаться не позже, чем через 48 часов после окончания следствия;

в) заседания Трибунала публичны и имеют место в присутствии обвиняемых. Вызов или невызов свидетелей, равно как допущение или недопущение защиты и обвинения при рассмотрении дела, зависит от Трибунала. Трибуналы ничем не связаны в определении меры наказания. Приговоры не подлежат обжалованию в апелляционном порядке.

5. Революционному Трибуналу предоставляется право проверки следственных действий Чрезвычайных Комиссий.

6. Члены Трибунала имеют право посещения мест заключения и проверки закономерности содержания арестованных.

7. Настоящее положение входит в силу по создании реорганизованных Революционных Трибуналов. Губернским Исполнительным Комитетам и Городским Советам Депутатов (согласно § 4а настоящего постановления) приступить к организации новых Трибуналов.

8. Всероссийской Чрезвычайной Комиссии предоставляется право заключения в концентрационный лагерь.

Подписали: Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *Я. Свердлов.* Секретарь *А. Енукидзе.*

17 февраля 1919 г.

Распубликован в № 40 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 21 февраля 1919 г. и в «Собр. Узак.» 1919 г., № 12, ст. 130.

Приложение № 29.

О Революционных Военных Трибуналах (Положение).

I. Положение о революционном военном трибунале Революционного Военного Совета Республики.

1. Революционный Военный Трибунал состоит из председателя и двух членов по назначению Революционного Военного Совета Республики.

2. В своих решениях и приговорах Революционный Военный Трибунал Республики руководствуется интересами Социалистической Республики, обороны ее от врагов Социалистической Революции и интересами классовой войны за торжество пролетариата, как это подсказывается ему революционным коммунистическим правосознанием и революционной совестью.

3. Решения и приговоры Революционного Военного Трибунала выносятся именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

4. Революционному Военному Трибуналу подсудны все политические дела и военного характера преступления, совершенные командующими отдельными фронтами и армиями, их заместителями, начальниками их штабов и заместителями, комиссарами при них, членами Революционных Военных Советов фронтов и армий, начальниками, служащими и комиссарами Штаба Революционного Военного Совета Республики, и все те дела, которые в каждом данном случае изымаются из ведения Революционных Военных Трибуналов фронтов и армий и передаются на рассмотрение Революционного Военного Трибунала Республики решением Революционного Военного Совета Республики.

5. Следствие ведут военные следователи Революционного Военного Трибунала Республики и на отдельных фронтах и в армиях военные следователи Трибуналов фронтов и армий или же Чрезвычайные Комиссии по борьбе с контр-революцией или Военный Контроль.

6. По окончании следствия весь следственный материал передается председателю Трибунала, который, по ознакомлении с делом (лично или через одного из членов Трибунала) назначает дело к слушанию, при чем докладчиком по делу в Трибунале является либо председатель, либо тот член Трибунала, которому председателем поручено было ознакомление с делом; в исключительных случаях докладчиком может быть назначено особое лицо.

7. Решения Революционного Военного Трибунала не подлежат обжалованию или кассации и приводятся в исполнение в 24 часа.

8. О решениях Революционного Военного Трибунала и о проведении их в исполнение публикуется в «Известиях Революционного Военного Совета Республики» и в официальных органах соответственных фронтов.

II. Положение о Революционных Военных Трибуналах фронтов.

1. Революционный Военный Трибунал состоит из председателя и двух членов по назначению Революционного Военного Совета фронта.

2. В своих решениях и приговорах Революционный Военный Трибунал фронта руководствуется интересами Социалистической Республики, обороны ее от врагов Социалистической Революции и интересами классовой войны за торжество пролетариата, как это подсказывается ему революционным коммунистическим правосознанием и революционной совестью.

3. Решения и приговоры Революционного Военного Трибунала выносятся именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

4. Революционному Военному Трибуналу фронта подсудны все политические дела и военного характера преступления, совершенные: командирами дивизий, батальонов и полков или отрядов и их заместителями, начальниками их штабов и заместителями, комиссарами при них, членами полковых судов, служащими и комиссарами штаба фронта, за исключением лиц, указанных в части I-й п. 4 и, наконец, все те дела, которые в каждом данном случае изымаются из ведения Революционных Военных Трибуналов армии и передаются на рассмотрение Революционного Военного Трибунала фронта.

5. Следствие ведут военные следователи Революционного Военного Трибунала фронта или другие соответствующие следственные учреждения.

6. По окончании следствия весь следственный материал передается председателю Трибунала, который по ознакомлении с делом (лично или через одного из членов Трибунала) назначает дело к

слушанию, при чем докладчиком по делу в Трибунале является либо председатель, либо тот член Трибунала, которому председателем поручено было ознакомление с делом; в исключительных случаях докладчиком может быть назначено особое лицо.

7. Решения Революционного Военного Трибунала не подлежат обжалованию или кассации и приводятся в исполнение в 24 часа.

8. О решениях Революционного Военного Трибунала и о приведении их в исполнение публикуется в «Известиях Революционного Военного Совета Республики» и в официальных органах соответственных фронтов.

III. Положение о Революционных Военных Трибуналах Армии.

1. Революционный Военный Трибунал армии состоит из председателя и двух членов по назначению Революционного Военного Совета армии.

2. В своих решениях и приговорах Революционный Военный Трибунал армии руководствуется интересами Социалистической Республики, обороны ее от врагов Социалистической Революции, интересами классовой войны за торжество пролетариата, как это подсказывается ему революционным коммунистическим правосознанием и революционной совестью.

3. Решения и приговоры Революционного Военного Трибунала выносятся именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

4. Революционному Военному Трибуналу армии подсудны все политические дела и военного характера преступления, совершенные: командующим, за исключением тех, которые упомянуты в 1-й и во 2-й частях, п. п. 4, солдатами и военнослужащими армии и комиссарами отдельных частей и учреждений, не упомянутых в 1-й и во 2-й частях п. п. 4.

5. Следствие ведут военные следователи Революционного Военного Трибунала армии или другие соответствующие следственные учреждения.

6. По окончании следствия весь следственный материал передается председателю Трибунала, который по ознакомлении с делом (лично или через одного из членов Трибунала) назначает дело к слушанию, при чем докладчиком по делу в Трибунале является либо председатель, либо тот член Трибунала, которому председателем поручено было ознакомление с делом; в исключительных случаях докладчиком может быть назначено особое лицо.

7. Решения Революционного Военного Трибунала не подлежат обжалованию или кассации и приводятся в исполнение в 24 часа.

8. О решениях Революционного Военного Трибунала и о приведении их в исполнение публикуется в «Известиях Революционного Военного Совета Республики» и в официальных органах соответственных фронтов.

IV. Положение об отделах Революционных Военных Трибуналов Армии.

1. Отдел Революционного Военного Трибунала состоит из председателя и двух членов.

2. В своих решениях и приговорах Отдел Революционного Военного Трибунала армии руководствуется интересами Социалистической Республики, обороны ее от врагов Социалистической Революции и интересами классовой войны за торжество пролетариата, как подсказывается ему это революционным коммунистическим правосознанием и революционной совестью.

3. Решения и приговоры Отдела Революционного Военного Трибунала армии выносятся именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

4. Отделу Революционного Военного Трибунала армии подсудны все политические дела и военного характера преступления, совершенные: всеми военнослужащими отрядовых красноармейцев до помощников командиров рот включительно, за исключением тех дел, которые в каждом данном случае изымаются из ведения Отдела Трибунала армии постановлением Революционного Военного Совета по степеням выше стоящим.

5. Следствие ведут военные следователи Революционного Военного Трибунала армий и Отделов Армейских Трибуналов или другие соответствующие учреждения.

6. По окончании следствия весь следственный материал передается председателю Трибунала, который по ознакомлении с делом (лично или через одного из членов Трибунала) назначает дело к слушанию, при чем докладчиком по делу в Трибунале является либо председатель, либо тот член Трибунала, которому председателем поручено было ознакомление с делом, в исключительных случаях докладчиком может быть назначено особое лицо.

7. Решения Отдела Революционного Военного Трибунала армии не подлежат обжалованию или кассации и приводятся в исполнение в 24 часа.

8. О решениях Отдела Революционного Военного Трибунала армии и о приведении их в исполнение публикуется в «Известиях Революционного Военного Совета Рспублики» и в официальных органах соответственных фронтов.

Подписали: Председатель Революционного Военного Совета Республики *Троцкий*. Члены Революционного Военного Совета Республики: *Аралов, Данишевский.*

4 февраля 1919 г.

Распубликован в № 32 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 12 февраля 1919 г. и в «Собр. Узак.» 1919 г., № 13, ст. 131.

Приложение № 30.
(Проэкт НКЮ *).

Положение о Революционных Трибуналах РСФС Республики.

(Дополнительно к Положению о Едином Народном Суде).

На основании постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 17 февраля 1919 года, в изъятие из общей системы судебных установлений Республики (примечание к ст. 4 Положения о Народном Суде), в отмену всех изданных до сего времени декретов о Трибуналах, Инструкций и Положений о них, устанавливается впредь для руководства и неуклонного исполнения всем Революционным Трибуналам Республики следующее о них Положение. В отношении Военно-Революционных Трибуналов, действующих в районе прифронтовой полосы действует особое о них Положение, опубликованное в «Известиях ЦИК» от 15 февраля. Все Революционные Трибуналы, Военно-Полевые Суды, Железнодорожные Трибуналы и иные чрезвычайные учреждения судебного характера, учрежденные в ином порядке или действующие с нарушением правил, изложенных в настоящем Положении, с опубликованием настоящего Положения—упраздняются.

I. Основные положения.

1. Революционные Трибуналы учреждаются со специальной целью рассмотрения дел о контр-революционных деяниях и иных, признаки которых указаны ниже. В соответствии с этим Трибуналам предоставляется неограниченное ничем право в определении меры репрессии.

2. Революционные Трибуналы учреждаются во всех губернских городах Республики по одному на губернию. В Москве и Петрограде учреждаются, кроме того, особые городские Трибуналы. Такие же Трибуналы могут быть учреждаемы в городах, насчитывающих свыше 200.000 населения, по сношению местных Советов с Народным Комиссариатом Юстиции.

II. Компетенция Трибуналов по роду дел.

3. Ведению Революционных Трибуналов подлежат дела о лицах:

а) кои организуют, участвуют или призывают других к контр-

---

*) Настоящий проэкт, как не вошедший в силу, нигде не опубликован. В экземпляре, взятом из личного архива Н. В. Крыленко, не достает одной страницы.

революционным выступлениям против Рабоче-Крестьянского Правительства (восстания, погромы, массовые беспорядки и т. д.);

б) которые сообщением ложных сведений в печати или на публичных собраниях стремятся вызвать недоверие к Рабоче-Крестьянскому Правительству, недовольство им или панику в населении (к.-рев. агитация);

в) которые, пользуясь своим служебным положением, злоупотребят предоставленной им властью или допустят при исполнении ими своих обязанностей действия или упущения, представляющиеся по своим результатам опасными для Советской Республики или дискредитирующие ее власть (преступления по должности);

г) которые огласят или выдадут военные тайны, стратегические планы, сведения о военных силах или вооружении представителям иностранных держав или контр-революционных организаций, или будут способствовать собиранию каких-либо иных сведений с целью передачи их иностранным державам или контр-революционным организациям во вред Советской Республике (военный и политический шпионаж);

д) лица, кои по своей прошлой деятельности могут быть признаны особо вредными для революции, хотя бы эта деятельность имела место до установления власти Советов.

6. Все остальные дела общеуголовного характера, а также все дела гражданские, находящиеся в производстве Трибуналов, или вновь поступающие к ним, немедленно передаются ими в Народные Суды.

Примечание. Трибуналы вправе передать в Народные Суды дела о деяниях, соответствующих по формальным признакам перечисленным в пункте 5, но признаваемых Трибуналами маловажными. Народные Суды обязаны принимать в таком случае последние к своему производству.

В. Организация Трибуналов.

7. Революционные Трибуналы избираются местными Советами или их Исполнительными Комитетами в составе одного Председательствующего и двух членов Трибунала. При Губернских Трибуналах, где имеются выездные сессии Трибуналов, в зависимости от местных условий, для таких сессий может быть делегируем второй и третий состав Трибуналов из трех членов. Все члены Трибуналов могут быть отозваны в любой момент постановлениям тех же Советов.

14. *) Следственные Комиссии имеют право:

а) требовать от всех без исключения Советских и общественных учреждений, частных обществ и отдельных граждан доставления необходимых сведений, документов, а также дел, не оконченных производством;

б) обозревать через своих членов или особо уполномоченных

лиц дела всех упомянутых в предыдущем пункте установлений и властей для извлечения необходимых сведений.

Д. О порядке производства предварительного следствия.

15. По поступлении сообщения о возбуждении дела или жалобы Следственная Комиссия рассматривает сообщение или жалобу в очередном заседании и постановляет о прекращении дела, если не найдет состава преступления или о возбуждении дела. В случае, если Следственная Комиссия найдет данные розыска или дознания настолько полными, что производство какого-либо особого предварительного следствия признается ею излишним, Следственная Комиссия особым постановлением направляет дело непосредственно в Трибунал. В случае, если производство особых следственных действий признается необходимым, производство предварительного следствия поручается одному из членов комиссии. Одновременно о начатии следствия и существе обвинения уведомляется подследственный.

Примечание. Дела, поступающие из Чрезвычайных Комиссий, направляются последними непосредственно в Трибунал в распорядительное заседание для назначения дела к слушанию.

16. Производство предварительного следствия по делам не может, как общее правило, продолжаться долее месяца. О продлении указанного срока Следственные Комиссии ходатайствуют каждый раз перед Трибуналами, а Чрезвычайная Комиссия перед местными Советами.

17. Признанное по докладу следователя Следственной Комиссией законченным следственное производство по каждому делу вместе с копией заключения следователя пред'является производившим следствие обвиняемому, коему предоставляется право делать свои замечания по поводу произведенного следствия и возбуждать соответствующие ходатайства в течение, однако, не более 24 часов с момента пред'явления следствия, по истечении каковых все производство вместе с ходатайствами обвиняемого должно быть в течение срока, не превышающего вторых 24 часов, доставлено в Трибунал и назначено последним к слушанию.

18. Все протесты и жалобы на постановления Следственных Комиссий равным образом, как и все ходатайства обвиняемых о вызове свидетелей и иные, возбуждаемые последними с момента пред'явления следственного материала, разрешаются Трибуналами в распорядительном заседании при назначении дела к слушанию.

Е. Обвинение и защита в Трибуналах.

19. Допущение к участию в деле обвинителей и защитников всецело зависит от Трибунала и разрешается в распорядительном заседании. Защитники допускаются только из коллегии обвинителей

и защитников при Советах, образуемой порядком, указанным в Положении о Едином Народном Суде.

20. В случае допущения Трибуналом по какому-либо делу обвинителя, Трибунал обязан допустить или назначить защитника по делу.

Ж. О порядке рассмотрения дел в Трибуналах.

21. Заседания Трибунала публичны и имеют место в присутствии обвиняемых. Отсутствие обвиняемого не может служить препятствием к слушанию дела, если доказано уклонение обвиняемого от суда. Трибунал вправе постановить как о выделении дела, так и о заочном его слушании по своему усмотрению.

22. Допущение дополнительных свидетелей, не вызванных на рассмотрение дела, разрешается Трибуналом. В случае неявки вызванных свидетелей от Трибунала зависит признать или не признать неявку достаточным поводом к отложению дела, либо заменить их допрос оглашением показаний, данных на предварительном следствии. Разрешение вопроса о приобщении к делу новых документов, либо оглашение уже приобщенных также зависит от Трибунала.

23. Подсудимый пользуется при рассмотрении дела всеми правами стороны. Подсудимый вправе не отвечать на задаваемые ему вопросы. Подсудимому принадлежит последнее слово.

24. Обращение дела к доследованию может иметь место только в случае признания Трибуналом такой неполноты следствия, которая не может быть восполнена на заседании Трибунала.

З. Постановление приговора.

25. Приговоры постановляются по большинству голосов судебной коллегии и об'являются именем РСФС Республики. Особые мнения членов Трибунала прилагаются к приговору, но не оглашаются. Однако, высшая мера наказания может быть определена только по единогласному решению судебной коллегии.

26. Приговоры постановляются в письменном виде за подписями всех членов судебной коллегии с кратким изложением оснований приговора.

27. Трибуналы выносят приговоры, руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и велениями революционной совести. В случаях, когда в декрете указано для данной категории преступлений наказание не ниже определенного, Трибуналы могут отступить от этой нормы с мотивированным изложением обстоятельств, смягчающих вину осужденного.

28. Секретарь Трибунала ведет протокол публичного заседания.

29. Никто не может присутствовать в совещательной комнате сверх трех членов Трибунала, участвующих в заседании.

30. При об'явлении приговора Председательствующий раз'ясняет порядок обжалования приговора, копии которого вручаются осужденным не позднее 24 часов после вынесения приговора. Обжалование приговоров в апелляционном порядке не допускается.

И. О Кассационном Трибунале.

31. Для рассмотрения кассационных жалоб и протестов по делам, разбираемым в Трибуналах, учреждается Кассационный Трибунал при ВЦИК, в составе Председателя Кассационного Трибунала, назначаемого Советом Народных Комиссаров и утверждаемого ЦИК, двух членов Кассационного Трибунала и члена-докладчика Кассационного Трибунала, всех трех делегируемых ЦИК.

Примечание. Один из членов Кассационного Трибунала назначается из состава членов Коллегии Народного Комиссариата Юстиции.

32. На подачу кассационных жалоб и протестов на приговоры Революционных Трибуналов предоставляется 48-часовой срок с момента вручения копий приговора осужденному. Право вынесения кассационных протестов на оправдательные приговоры Трибуналов принадлежит всякому гражданину Республики.

33. Кассационные жалобы и протесты приносятся в Кассационный Трибунал через те Трибуналы, которыми был постановлен обжалуемый приговор. Революционный Трибунал в трехдневный срок со дня поступления кассационной жалобы или протеста обязан направить жалобу со всем делом в Кассационный Трибунал, при чем приостанавливает исполнение приговора до разрешении дела в Кассационной инстанции с принятием мер пресечения.

34. Член-докладчик Кассационного Трибунала дает заключения по жалобам и протестам и не присутствует в совещательной комнате.

35. Стороны могут присутствовать при рассмотрении кассационных жалоб лично или через своих представителей.

36. Поступившие в Кассационный Трибунал жалобы и протесты должны быть рассмотрены в недельный срок со дня поступления жалобы.

37. Дела, приговоры по которым кассируются по формальным основаниям, передаются Кассационным Трибуналом для нового разбирательства в другой Трибунал или направляются по подсудности.

38. Поводом для кассации является нарушение Революционным Трибуналом при рассмотрении дела правил о подсудности дела Трибуналу, существенное нарушение формы и порядка рассмотрения дел и вынесение приговора, явно несоответствующего деянию осужденного.

39. В случае явного несоответствия меры репрессии с деянием осужденного от Кассационного Трибунала зависит соответственно изменить меру репрессии или прекратить дело без направления его на вторичное рассмотрение, о чем Кассационный Трибунал каждый раз входит с представлением в Президиум ЦИК.

К. О Верховном Революционном Трибунале при В. Ц. И. К.

40. Верховный Революционный Трибунал принимает к своему производству дела, из'ятые из компетенции местных Трибуналов

постановлениями Президиума ЦИК непосредственно по его почину или по представлению в Президиум Советом Народных Комиссаров, Народным Комиссариатом Юстиции или Кассационным Трибуналом при ЦИК.

41. Для производства предварительного следствия по делам, передаваемым на рассмотрение Революционного Трибунала при ЦИК, учреждается Следственная Комиссия в составе из трех лиц, избираемых ВЦИК.

42. Сессии Верховного Революционного Трибунала созываются Президиумом ЦИК.

43. Настоящее Положение о Революционных Трибуналах и Следственных Комиссиях распространяется в равной мере и на Верховный Трибунал с тем, однако, ограничением, что приговоры Верховного Трибунала кассационному обжалованию не подлежат, а состав Верховного Трибунала избирается ВЦИК из состава членов ЦИК.

44. Настоящее Положение входит в силу с 1-го марта 1919 г. Последним сроком для введения его в действие на местах назначается 15 марта 1919 г.

Приложение № 31.

О Революционных Трибуналах (Положение).

В отмену всех изданных до сего времени декретов о Трибуналах, Инструкций и Положений о них—устанавливается впредь для руководства и неуклонного исполнения всем Революционным Трибуналам Республики следующее Положение о Революционных Трибуналах.

I. Основное положение.

1. Революционные Трибуналы учреждаются со специальной целью рассмотрения дел о контр-революционных и всяких других деяниях, идущих против всех завоеваний октябрьской революции и направленных к ослаблению силы и авторитета Советской власти. В соответствии с этим Трибуналам предоставляется ничем неограниченное право в определении меры репрессии. Оспаривание подсудности по делам, принятым в Революционном Трибунале, не допускается.

2. Революционные Трибуналы учреждаются во всех губернских городах Республики, по одному на губернию. Такие же Трибуналы могут быть учреждены в городах, насчитывающих свыше 200.000 населения.

3. В отношении Военно-Революционных Трибуналов действует особое положение (Собр. Уз. 1919 г. № 13, ст. 131).

4. Все Революционные Трибуналы, Военно-Полевые Суды, Железнодорожные Трибуналы и иные чрезвычайные учреждения судеб-

ного характера, учрежденные в ином порядке, или действующие с нарушением правил, изложенных в настоящем Положении, с опубликованием настоящего Положения—упраздняются.

II. Организация Трибуналов.

5. Революционные Трибуналы избираются местными Советами или их Исполнительными Комитетами, в составе председателя и 2-х членов Трибунала. В тех случаях, когда необходимо существование параллельных Отделений Трибуналов или выездных сессий Трибуналов избираются до 15 кандидатов, в зависимости от местных условий, в члены Трибунала, которые работают, согласно настоящего положения, по указанию и назначению Трибунала.

6. В Трибуналы избираются исключительно ответственные политические работники, сроком на один месяц. Каждый член Трибунала может быть отозван и до срока постановлением тех же Советов или их Исполнительных Комитетов.

III. О предварительном Следствии по делам, передаваемым на рассмотрение Трибуналов.

7. Производство предварительного следствия по делам, подведомственным Трибуналам, возлагается на Следственные Комиссии при Трибуналах, в составе не более 5-ти лиц, назначаемых Революционным Трибуналом.

8. По делам, передаваемым в Трибуналы Чрезвычайными Комиссиями, согласно существующему о них положению, Трибуналам принадлежит право проверки отдельных следственных действий Чрезвычайных Комиссий.

9. Постановления Следственных Комиссий об арестах, выемках, обысках, освобождении арестованных, равно как постановления о прекращении дел и привлечении новых лиц, в качестве обвиняемых проводятся в порядке существующих постановлений чрез соответствующие органы. Вопрос о прекращении дела или изменении меры пресечения решается только самим Трибуналом.

10. Для производства следственных действий в уездах Революционные Трибуналы могут делегировать членов Следственной Комиссии, которые осуществляют свою деятельность при посредстве технического аппарата соответствующих следственных органов.

11. Члены Трибунала имеют право посещения мест заключения и проверки закономерности содержания всех арестованных под стражей, постановляя через распорядительное заседание Трибунала об освобождении или изменении меры пресечения по делам, ему подсудным.

12. Следственная Комиссия имеет право по делам, возбуждаемым и разбираемым в Революционных Трибуналах, требовать от всех без исключения советских и общественных учреждений, част-

ных обществ и отдельных граждан доставления необходимых сведений, документов, а также для обозрения и снятия копий дел, не оконченных производством.

IV. О порядке производства предварительного следствия.

13. Все сообщения, поступающие в Следственную Комиссию, немедленно направляются в соответствующие органы, ведущие розыск по борьбе со всякими преступлениями. Если дела поступают в Следственную Комиссию в незаконченном виде и дознание неполное, Следственная Комиссия дальнейшее следствие поручает одному из членов Комиссии.

Примечание. Дела, поступающие из Чрезвычайных Комиссий, направляются последними непосредственно в Трибунал.

14. Производство предварительного следствия по делам должно быть закончено в течение одного месяца. О продлении указанного срока Следственная Комиссия каждый раз ходатайствует перед Трибуналом.

15. Законченное следственное производство по каждому делу вместе с копией заключения представляется обвиняемому, коему предоставляется 24 часа для возбуждения своих ходатайств и жалоб по поводу произведенного следствия, после чего все дело вместе с ходатайствами обвиняемого в течение 24 часов доставляется в Трибунал и назначается последним к слушанию.

16. Все протесты, жалобы и ходатайства обвиняемых (о вызове свидетелей, о допущении защиты и иные) разрешаются Трибуналом в распорядительном заседании.

V. Обвинение и защита в Трибуналах.

17. Допущение к участию в деле обвинителей и защитников всецело зависит от Трибунала и разрешается в распорядительном заседании. Защитники допускаются только из Коллегии обвинителей и защитников при Советах, образуемой порядком, указанным в Положении о едином Народном Суде (С. У. 1918 г., № 85, ст. 889). В случае допущения защиты и обвинения им должен быть предоставлен особо срок для ознакомления с делом.

18. В случае допущения Трибуналом по какому-либо делу обвинителя, Трибунал обязан допускать или назначать защитника.

VI. О порядке рассмотрения дел в Трибуналах.

19. Заседания Трибунала публичны и имеют место в присутствии обвиняемого. Отсутствие обвиняемого не может служить препятствием к слушанию дела, если доказано уклонение обвиняемого от суда или если обвиняемый находится вне пределов РСФСР. Три-

бунал вправе постановить как о выделении дела, так и о заочном слушании его по своему усмотрению.

20. Допущение дополнительных свидетелей, не вызванных на рассмотрение дела, разрешается Трибуналом. В случае неявки вызванных свидетелей от Трибунала зависит признать или не признать неявку достаточным поводом для отложения дела, либо заменить их допрос оглашением данных ими показаний. Разрешение вопроса о приобщении к нему новых документов, либо оглашение уже приобщенных, также зависит от Трибунала.

21. Подсудимый пользуется при рассмотрении дела всеми правами стороны. Подсудимому принадлежит последнее слово.

22. Обращение дела к доследованию может иметь место только в случае признания Трибуналом такой неполноты следствия, которая не может быть восполнена на заседании Трибунала.

VII. Постановление приговора.

23. Приговоры постановляются большинством голосов Трибунала и об'являются именем РСФСР.

24. Приговоры постановляются в письменном виде за подписями всех членов Трибунала, с кратким изложением оснований приговора. О ходе заседания ведется протокол.

25. Трибуналы выносят приговоры, руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и велениями революционной совести.

26. Никто не может присутствовать в совещательной комнате, кроме членов Трибунала, участвующих в заседании.

27. При об'явлении приговора Председатель раз'ясняет порядок кассационного обжалования приговора, копии которого вручаются осужденным не позднее 24 часов после вынесения приговора. Обжалование приговора в апелляционном порядке не допускается.

28. На подачу кассационных жалоб и протестов на приговоры Трибуналов предоставляется 48 часов срока с момента вручения копии приговора осужденному. Право принесения кассационных протестов на приговоры Трибуналов принадлежит всякому гражданину Республики.

VIII. О Кассационном Трибунале.

29. Для рассмотрения кассационных жалоб и протестов по делам, разбираемых в Трибуналах, учреждается Кассационный Трибунал при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов, в составе Председателя, 2-х членов и члена-докладчика Кассационного Трибунала, назначаемых Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.

Примечание. Один из членов Кассационного Трибунала избирается из состава членов Коллегии Народного Комиссариата Юстиции и утверждается Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов.

30. Кассационные жалобы и протесты на обжалуемый приговор Революционный Трибунал в 24 часа с момента поступления кассационной жалобы или протеста обязан направить со всем делом в Кассационый Трибунал, при чем приостанавливается исполнение приговора до разрешения дела кассационной инстанцией, с принятием мер пресечения.

31. Член-докладчик Кассационного Трибунала дает заключение по жалобам и протестам и не присутствует в совещательной комнате.

32. Поступившие в Кассационный Трибунал жалобы и протесты должны быть рассмотрены не позднее недельного срока со дня поступления жалобы.

33. Лица, подавшие кассационную жалобу или протест и явившиеся в заседание, допускаются к поддержанию своих жалоб.

34. Дела, приговоры по которым кассируются по формальным основаниям, передаются Кассационным Трибуналом для нового разбирательства в другом или том же Трибунале, но в ином составе.

35. Поводом для кассации является нарушение Революционным Трибуналом форм и порядка рассмотрения дел и вынесение приговора, явно несоответствующего деянию осужденного.

36. В случае необходимости изменить приговор, вследствие несоответствия меры репрессии с деянием осужденного, Кассационный Трибунал входит об этом с соответствующим представлением в Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов.

IX. О Верховном Революционном Трибунале при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов.

37. Верховный Революционный Трибунал принимает к своему производству дела, передаваемые постановлением Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов.

38. Для производства предварительного расследования по делам, передаваемым на рассмотрение Верховного Трибунала, учреждается Следственная Комиссия, в составе 3-х лиц, избираемых Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов.

39. Сессия Верховного Революционного Трибунала созывается Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. Приговоры Верховного Революционного Трибунала кассационному обжалованию не подлежат.

40. Настоящее Положение входит в силу со дня опубликования этого Положения и не позднее, чем через 14 дней по опубликовании.

Подписали: Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов *М. Калинин.*
Народный Комиссар Юстиции *Д. Курский.*
Секретарь *Л. Серебряков.*

Распубликовано в № 79 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 12 апреля 1919 г. и в «Собр. Узак.» 1919 г., № 13, ст. 132.

Приложение № 32.

Положение о Революционных Военных Трибуналах.

Основные начала.

1. Революционные Военные Трибуналы учреждаются для рассмотрения дел о таких, совершенных в районе военных действий военнослужащими Красной Армии и военнопленными, преступных деяниях, каковые по своему характеру или положению лиц, их совершивших, создают опасность для Советского социалистического строя Республики, укрепления в ней завоеваний Революции и для ее обороны, а также и о тех деяниях, развитие коих в районе военных действий влечет за собою дезорганизацию и понижение боеспособности Красной армии.

2. Революционные Военные Трибуналы состоят: а) при Революционном Военном Совете Армии—Революционный Военный Трибунал армии, б) при Революционном Военном Совете фронта—Революционный Военный Трибунал фронта и в) при Революционном Военном Совете Республики — Революционный Военный Трибунал Республики.

Примечание 1. Революционным Военным Трибуналам предоставляется право рассмотрения дел в выездных сессиях.

Примечание 2. В укрепленных районах могут быть образованы особые Революционные Военные Трибуналы на правах армейских.

3. Революционным Военным Трибуналам предоставляется ничем неограниченное право в определении меры репрессии.

Подсудность.

Ведомству Революционного Военного Трибунала армии подлежат дела:

А. О совершенных военнослужащими, за исключением лиц, указанных в ст.ст. 5 и 6-й сего Положения, и военнопленными в районе, подчиненном Революционному Военному Совету данной армии, преступных деяниях контр-революционного характера, как-то: а) заговорах и восстаниях с целью ниспровержения Советского Социалистического строя, б) измене Советской Республике, в) шпионстве, г) восстаниях против органов Рабоче-Крестьянского Правительства и поставленных им властей, д) сопротивлении проведению в жизнь требований законов Республики или постановлениям и распоряжениям Советских властей, е) агитации и провокации, имеющих целью вызвать совершение массами или частями войск указанных выше преступных деяний, ж) разглашении секретных сведений и докумен-

тов, з) распространении ложных сведений и слухов о Советской власти, войсках Красной армии и о неприятеле, и) похищении или уничтожении секретных планов и других секретных документов, к) умышленном уничтожении или повреждении железнодорожных линий, мостов и прочих сооружений, а равно и телеграфных и телефонных линий и складов казенного имущества.

Б. О совершенных теми же лицами и в том же районе преступных деяниях обще-уголовного характера, как-то: а) мародерстве, б) посягательстве на человеческую жизнь, изнасиловании, разбое, грабеже, поджоге, подделке денежных знаков и документов, при условии совершения этих преступлений составившейся для того шайкой, в) присвоении непринадлежащих званий и должности и ношении неприсвоенной формы одежды, г) злостной спекуляции необходимыми в данной местности предметами массового употребления, д) нарушении правил железнодорожного транспорта, дезорганизующем железнодорожное движение.

В. О совершенных теми же лицами и в том же районе преступных деяниях общедолжностного характера, как-то: а) саботаже б) превышении и бездействии власти при условии, если означенные деяния сопровождались существенным вредом для Республики или для дела революции, или же значительными убытками казны, или если могли сопровождаться указанными последствиями, не наступившими лишь случайно или в виду принятых во-время другими лицами предупредительных мер, в) присвоении, растрате или истреблении вверенного по службе имущества, г) служебном подлоге, д) вымогательстве.

Г. О совершенных теми же лицами и в том же районе преступных деяниях специального военного характера, как-то: а) неисполнение боевых приказов и противодействие исполнению таковых другими лицами, частями и отрядами, б) переходе на сторону неприятеля и добровольной сдаче в плен, в) самовольном оставлении поля сражения, г) нарушении правил караульной службы в районе боевых действий армии, д) злостном дезертирстве из частей, штабов, управлений и учреждений, расположенных в районе данной армии. е) умышленном уничтожении или повреждении специально военных сооружений, ж) похищении, умышленном повреждении и уничтожении предметов вооружения, обмундирования, снаряжения всех прочих видов военного имущества, а равно промотании тех же предметов. з) явно небрежном хранении в складах тех же предметов, и) буйствах и всякого рода азартных играх в районе боевых действий армии.

Д. О всех вообще, кроме перечисленных уже в пунктах А, Б, В, Г сей ст., преступных деяниях, в случае совершения их в районе, подчиненном Революционному Военному Совету данной армии, начальниками отдельных частей, пользующимися правами командира полка, комиссарами тех же частей, равными сим начальникам по положению лицами командного состава и всеми высшими в порядке подчиненности военными начальниками и военными комиссарами, за исключением лиц, указанных в ст. 5 и 6 сего Положения.

5. Ведомству Революционного Военного Трибунала фронта подлежат дела о преступных деяниях, перечисленных в ст. 4-й сего Положения, совершенных в районах, подчиненных Революционному Военному Совету данного фрота и входящих в его состав армий, командирами и комиссарами отдельных бригад, начальниками и комиссарами дивизий, начальниками и комиссарами их штабов, заместителями при них, начальниками и комиссарами управлений, непосредственно подчиненных Революционным Военным Советам армий, входящих в сотав фронта, а также служащими и сотрудиками штаба фронта, частей и учреждений, непосредственно подчиненных Революционному Военному Совету фронта.

6.Ведомству Революционного Военного Трибунала Республики подлежат дела о преступных деяниях, перечисленных в ст. 4-й сего Положения, совершенных в районах, подчиненных Революционным Военным Советам фронтов и армий, командующими фронтами и армиями, их заместителями, начальниками штабов фронтов и армий, их заместителями, комиссарами означенных штабов, членами Революционных Военных Советов фронтов и армий, председателями и членами Революционных Военных Трибуналов армий и фронтов и их заместителями, начальником и комиссаром полевого штаба Революционного Военного Совета Республики, а равно помощником начальника и заместителем комиссара сего штаба, начальниками и комиссарами управлений, непосредственно подчиненных Революционному Военному Совету Республики и Революционным Военным Советам фронтов.

Примечание. Подсудность дел о тех же преступных деяниях председателя и членов Революционного Военного Совета Республики, а также председателя и членов Революционного Трибунала Республики, в каждом отдельном случае, определяется соответствующими постановлениями Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

7. Вне района военных действий Красной армии дела о всех военнослужащих, указанных в ст.ст. 4 и 5 сего Положения, по преступлениям, из'ятым согласно опубликованному в Собрании Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства 1919 г. № 13, ст. 132 «Положению о Революционных Трибуналах», в ведение сих Трибуналов, направляются последние, а дела о лицах, указанных в ст. 6 сего Положения, направляются в Революционный Военный Трибунал Республики, за исключением случаев, когда Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом указывается иная подсудность какого-либо из этих дел.

8. Дела о преступных деяниях лиц, принадлежащих к составу Красной армии при отсутствии в районе военных действий общих Революционных Трибуналов и Народных Судов, направляются, в зависимости от рода дел, или в Революционные Военные Трибуналы, или в дивизионные (в случае их учреждения), или же в полковые суды.

9. В случае, если при рассмотрении какого-либо дела в порядке

статьи 18-й сего Положения, Революционный Военный Трибунал признает это дело не имеющим значения, указанного в ст. 1-й сего Положения, то, составив о том соответствующее постановление, передает означенное дело на рассмотрение по существу в то или иное судебное место, судя по роду деяния и месту совершения преступления.

10. Все соучастники преступного деяния, подсудного на основании правил сего Положения Революционному Военному Трибуналу в отношении хотя бы одного из участников, судятся в соответствующем Революционном Военном Трибунале.

Организация.

11. Революционный Военный Трибунал армии состоит из председателя, его заместителя и двух постоянных членов и их заместителей, назначаемых по представлениям Революционного Военного Совета армии Революционным Военным Советом фронта; Революционный Военный Трибунал фронта состоит из председателя, его заместителя и двух постоянных членов и их заместителей, назначаемых по представлении Революционного Военного Совета фронта Революционным Военным Советом Республики; Революционный Военный Трибунал Республики — из председателя, его заместителя и двух постоянных членов и их заместителей, по назначению Революционного Военного Совета Республики. В состав Революционных Военных Трибуналов назначаются исключительно ответственные политические работники. Каждый член Революционного Военного Трибунала может быть в любой момент устранен от должности распоряжением назначившего его Революционного Военного Совета, при чем обязательно подлежит устранению в случае привлечения в качестве обвиняемого в каком-либо преступном деянии, как общего, так и должностного характера.

Примечание. Председатель и члены Революционных Военных Трибуналов армии и фронтов могут быть устранены от должности также и распоряжением Революционного Военного Трибунала Республики с последующим утверждением этого Революционным Военным Советом Республики.

12. Штаты канцелярий Революционных Военных Трибуналов определяются в мере надобности самими Революционными Военными Трибуналами и утверждаются Революционным Военным Советом Республики, по представлении Революционного Военного Трибунала Республики.

13. Для производства предварительных следствий, при Революционных Военных Трибуналах состоят следователи, назначаемые в необходимом количестве в пределах штата, утвержденного Революционным Военным Советом Республики, а равно и увольняемые сими Трибуналами.

14. Распорядительные и судебные заседания Революционных Военных Трибуналов происходят в составе трех лиц—председателя или его заместителя и двух членов или их заместителей.

Председатель или член Трибунала, являющиеся родственниками обвиняемого или состоящие с ним в каких-либо особых отношениях, могущих препятствовать беспристрастному отношению к делу, обязаны устранить себя от участия в рассмотрении дела.

Обвинение и защита.

15. Допущение к участию в деле обвинителя и защитника зависит всецело от усмотрения Революционного Военного Трибунала, который обсуждает этот вопрос с точки зрения: а) необходимости участия этих лиц для выяснения обстоятельств дела и б) фактической к тому возможности, однако, в случае допущения обвинения, Революционный Военный Трибунал обязан допустить к участию в деле, или назначить, также и защитника. При допущении обвинителя и защитника им должен быть предоставлен срок, необходимый для ознакомления с делом.

16. Для исполнения обязанностей обвинителя Революционный Военный Трибунал или назначает одного из состоящих при нем следователей, или кого-либо из заслуживающих его доверия военнослужащих, за исключением прямых начальников и подчиненных обвиняемого, или же сносится о назначении соответствующего лица с коллегией обвинителей и защитников, образованной в порядке, указанном в декрете о Едином Народном Суде (Собр. Узак. 1919 г. № 85, ст. 889).

17. В качестве защитника могут быть допускаемы родственники и близкие обвиняемого, все вообще военнослужащие, а также лица из указанной в предыдущей статье Коллегии обвинителей и защитников.

Начатие дел.

18. Поводами к начатию дел в Революционных Военных Трибуналах служат: а) заявления граждан, а также сообщения военных и гражданских судебных и административных мест и должностных лиц, б) непосредственное усмотрение Революционного Военного Трибунала, в) явка с повинной.

19. Немедленно по возникновении или поступлении дела Революционный Военный Трибунал в распорядительном заседании определяет: а) или о назначении дела к рассмотрению по существу, при чем в этом случае в том же заседании и в том же определении формулирует состав пред'являемого по делу обвинения и указывает мотивы принятия этого дела к своему рассмотрению, а равно разрешает вопросы о допущении к участию в деле обвинителя и защиты, о лицах, подлежащих вызову к рассмотрению дела, и о дне рассмотрения последнего; б) или о передаче дела для рассмотрения в какое-либо иное судебное место, при чем в сем случае излагает в определении мотивы передачи; в) или о производстве по делу дознания или предварительного следствия или о дополнении таковых; г) или о прекращении дела за смертью обвиняемого, по применению актов об

амнистии, а также в случаях, когда не усмотрит в деле признаков преступного деяния, или когда признает собранные по делу доказательства совершенно недостаточными для пред'явления по делу обвинения, или за необнаружением виновных; д) или, наконец, о передаче дела для разрешения в дисциплинарном порядке, если дело по существу своему подлежит разрешению в этом именно порядке.

20. В том же распорядительном заседании Революционный Военный Трибунал обсуждает вопрос о мере пресечения обвиняемому способов уклониться от следствия и суда и назначает или изменяет ту или иную меру, или же вовсе отменяет таковую, руководствуясь при этом соображениями целесообразности в соответствии со своими определениями о направлении дела.

21. При разрешении вопроса о вызове к рассмотрению дела свидетелей или сведущих лиц Революционный Военный Трибунал сообразуется исключительно со степенью необходимости личного показания тех или иных лиц для поверки, устранения противоречий или пополнения данных предварительного по делу производства (сообщения, дознания, следствия). При признании Трибуналом категоричности, достоверности, полноты и совершенной ясности показаний тех же лиц, данных ими на дознании или следствии, Революционный Военный Трибунал вправе не вызывать этих лиц к рассмотрению дела, независимо от существенности их показаний.

22. В случае принятия дела к рассмотрению Революционный Военный Трибунал немедленно, по выполнении указанного в пункте «а». ст. 18-й сего Положения, предоставляет обвиняемому двадцатичетырехчасовой срок на предмет ознакомления с перд'явленным по делу обвинением и возбуждения ходатайств о вызове свидетелей, допущении защиты и др.

Рассмотрение дел.

23. Судебные заседания Революционных Военных Трибуналов происходят публично и в присутствии обвиняемого. При нарушении присутствующими в заседании лицами должного порядка председатель вправе удалить виновных в том лиц, а при невозможности выяснения таковых, и всех присутствующих из залы заседания, с немедленным наложением на них, при надобности, взыскания в виде штрафа до трехсот рублей или ареста до трех суток. Усматривая возможность тех или иных вредных последствий публичного рассмотрения данного дела, Революционный Военный Трибунал может мотивированно постановить о слушании сего дела при закрытых дверях. В случае доказанного уклонения обвиняемого от суда, или если обвиняемый находится вне пределов РСФСР, Революционный Военный Трибунал вправе, по своему усмотрению, постановить или о выделении, или о заочном слушании дела в отношении отсутствующего обвиняемого.

24. Основными моментами судебного рассмотрения дела в Революционных Военных Трибуналах, по открытии заседания, являются: а) установление путем опроса председателем личности обвиняемо-

то, поверка предоставления ему указанного в ст. 21-й срока для ознакомления с пред'являемым ему обвинением и разрешение вопроса о возможности слушания дела, в случае отсутствия обвиняемого; б) пред'явление председателем обвиняемому обвинения по делу и выслушивание его об'яснений; в) выяснение вопроса, кто из вызывавшихся свидетелей и сведущих лиц явился по вызову и разрешение вопроса о возможности продолжать слушание дела, в случае неявки кого-либо из вызывавшихся; г) допрос свидетелей, оглашение письменных материалов, экспертиза и прочие действия, которые Революционный Военный Трибунал признает необходимыми для выяснения обстоятельств дела, по непосредственному своему усмотрению, или по ходатайству о том сторон; д) прения сторон, если Революционным Военным Трибуналом были допущены обвинитель и защитник, или только последний; е) заключительное об'яснение обвиняемого (последнее слово); ж) постановление приговора, и з) об'явление его.

25. При обсуждении вопроса о неявке вызванных свидетелей и сведущих лиц Революционный Военный Трибунал постановляет об отложении слушания дела лишь в том случае, если в связи с этой неявкой признает такую неполноту имеющихся по делу данных, которая не может быть возмещена никакими иными материалами и тем создает неустранимое препятствие к необходимому выяснению дела.

26. Неявившихся без уважительных причин свидетелей и сведущих лиц Революционный Военный Трибунал вправе подвергнуть за неявку штрафу в размере до 300 руб.; при отложении же по сей причине слушания дела могут сделать распоряжение о приводе их к следующему заседанию.

27. Явившиеся свидетели и сведущие лица допрашиваются Революционным Военным Трибуналом каждый отдельно. До допроса свидетели находятся вне зала заседаний и приглашаются в нее к допросу по одному. Сведущие лица находятся в зале заседаний с момента открытия заседания по делу, если Революционный Военный Трибунал не находит оснований к временному удалению их из заседания.

28. Оглашение всякого рода письменных материалов и документов, допущение дополнительных свидетелей и удовлетворение иных ходатайств предоставляется всецело усмотрению Революционных Военных Трибуналов, в соответствии с задачей необходимого выяснения обстоятельств дела.

29. Присутствующему в заседании обвиняемому предоставляется право давать об'яснения по каждому следственному действию и по каждому заявлению противной стороны, а равно и задавать соответствующие вопросы каждому из свидетелей или сведущих лиц. Сам же обвиняемый имеет право не отвечать на задаваемые ему вопросы.

30. Приостановление слушания дела с обращением его к доследованию допускается только в случае признания Революционным Военным Трибуналом такой неполноты в установлен-

ных при рассмотрении дела данных, которая совершенно исключает возможность вывести определенное заключение по делу.

31. Для постановления приговора Революционный Военный Трибунал или сам удаляется в особую комнату, в которую никто кроме председателя и членов Трибунала, входящих в состав присутствия по данному делу, не допускается, или же удаляет из залы заседания всех без исключения лиц, не принадлежащих к составу присутствия, в том числе обвиняемого, стороны и секретаря.

32. Приговор постановляется большинством голосов. Член Трибунала, оставшийся при особом мнении, излагает свое мнение в письменном виде на отдельном листе; мнение это прилагается к приговору, но оглашению не подлежит.

33. При постановлении приговора Революционные Военные Трибуналы руководствуются исключительно выяснившимися при рассмотрении дела обстоятельствами такового и своей революционной совестью.

П р и м е ч а н и е 1-е. В числе наказаний, налагаемых по приговорам Революционных Военных Трибуналов, могут быть: а) выговор, б) штраф, в) конфискация части или всего имущества, г) лишение всех или только некоторых политических прав без срока или же на определенный срок, д) лишение свободы, е) сдача в штрафные части (для красноармейцев), ж) расстрел.

П р и м е ч а н и е 2-е. В случае присуждения к лишению свободы Революционный Военный Трибунал вправе постановить приговор об условном осуждении, а равно по особому постановлению освободить до срока от наказания.

34. Приговор излагается председателем в письменном виде, на особом листе и подписывается всем составом присутствия по данному делу. В приговоре должны быть указаны: Революционный Военный Трибунал, которым выносится приговор; время слушания дела; время, место совершения и существо преступного деяния; должность, имя, отчество и фамилия обвиняемого; соображения Трибунала о вине или невиновности его; мотивы, по которым Трибунал признал данное дело соответствующим ст. 1-й настоящего Положения и назначаемое Трибуналом наказание или постановление об оправдании.

П р и м е ч а н и е. При мотивировке приговора Революционные Военные Трибуналы руководствуются интересами Социалистической Республики, классовой войны за торжество пролетариата и обороны Республики от врагов Социалистической Революции, как это подсказывается их революционным правосознанием и совестью.

35. Постановленные Революционными Военными Трибуналами приговоры об'являются именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, являются окончательными и обжалованию не подлежат.

36. О всех приговорах, которыми обвиняемые присуждаются к расстрелу, Революционные Военные Трибуналы немедленно доводят

до сведения Революционного Военного Совета, при котором состоит данный Революционный Военный Трибунал, и Революционного Военного Трибунала Республики. По прошествии 48 часов со времени извещения Революционного Военного Совета приговор вступает в законную силу и немедленно приводится в исполнение. Все прочие приговоры Революционных Военных Трибуналов входят в законную силу и обращаются к исполнению немедленно по их постановлении и об'явлении в судебном заседании.

37. Революционные Военные Советы имеют право приостановления приговора, постановленного состоящими при них Революционными Военными Трибуналами. Такое же право принадлежит Революционному Военному Трибуналу Республики по отношению к приговорам всех Революционных Военных Трибуналов, действующих в Красной армии. В случае приостановления приговора Революционного Военного Трибунала армии, дело передается в Революционный Военный Трибунал фронта, который, усмотрев неправильность принятия Революционным Военным Трибуналом дела к своему рассмотрению или явное несоответствие меры репрессии с деянием, в коем осужденный признан виновным, или же такие нарушения порядка рассмотрения дела, кои не могли не отразиться на существе приговора, отменяет приговор и рассматривает дело вновь. При необнаружении указанных выше оснований к отмене приговора, Революционный Вонный Трибунал фронта оставляет приговор в силе и делает распоряжение о приведении его в исполнение, о чем извещает Революционный Военный Трибунал, постановивший приговор, и Революционный Военный Совет, распоряжением которого приговор был приостановлен. В случае приостановления приговора Революционного Военного Трибунала фронта — дело поступает в Революционный Военный Трибунал Республики, который рассматривает его в таком же порядке. Приостановленные распоряжением Революционного Военного Трибунала Республики приговоры - Трибуналов армий поступают для пересмотра в Революционный Военный Трибунал Республики, если последним одновременно с приостановлением приговора не сделано распоряжения о передаче дела на рассмотрение Революционного Военного Трибунала фронта. Приостановленные исполнением приговоры Революционного Военного Трибунала Республики предоставляется Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету Советов, от которого зависит полное помилование осужденных, или замена определенного Трибуналом Республики наказания—другой мерой репрессии.

38. В случае открытия новых обстоятельств, обнаруживающих полную невиновность осужденного, или подложность доказательств, на которых основан вошедший в законную силу приговор Революционного Военного Трибунала, дело может быть возобновлено, но не иначе, как с разрешения Революционного Военного Совета, при котором состоит Революционный Военный Трибунал, постановивший приговор.

39. Председатель и члены Трибунала в районах, подчиненных соответствующим Революционным Военным Советам, имеют право

посещения мест заключения и проверки закономерности содержания арестованных под стражей, постановляя через распорядительное заседание Трибунала об освобождении незакономерно задержанных и тех из содержащихся под стражей, которым в течение более чем двух недель со дня задержания не пред'явлено обвинения.

Исполнение приговоров.

40. При вынесении оправдательного приговора обвиняемый немедленно отпускается на свободу.

41. Исполнение обвинительного приговора возлагается на местные административные, военные и судебно-исполнительные органы или на особые отряды и органы.

О протоколах заседания.

42. О ходе судебного рассмотрения дела секретарем ведется особый протокол, в который в последовательном порядке вкратце заносятся все отдельные моменты рассмотрения дела, существо показаний свидетелей, заключение экспертов, даваемые сторонами об'яснения и делаемые ими заявления, постановляемые Революционным Военным Трибуналом определения и все то, о занесении чего ходатайствуют стороны или постановляет сам Трибунал.

Отчетность.

43. Копии всех приговоров Революционные Военные Трибуналы сообщают Революционным Военным Советам, при коих состоят.

Революционные Военные Трибуналы армий, фронтов сообщают копии своих приговоров Революционному Военному Трибуналу Республики, которому, кроме того, представляют периодические отчеты о своей деятельности.

Революционный Военный Трибунал Республики представляет периодические отчеты о деятельности Революционному Военному Совету Республики.

Взаимоотношения с прочими учреждениями.

44. Все без исключения организации, учреждения и воинские части по личному, письменному, телеграфному или телефонному требованию обязаны без промедления оказывать содействие Революционным Военным Трибуналам и предоставить в их распоряжение необходимую вооруженную силу.

45. Революционные Военные Трибуналы сносятся непосредственно со всеми правительственными учреждениями и должностны-

ми лицами военного и гражданского ведомства, при чем запросы и требования их исполняются сими учреждениями и лицами в первую очередь.

Подписали: Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *М. Калинин.*

Секретарь *А. Енукидзе.*

20 ноября 1919 года.

Распубликован в № 266 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 27 ноября 1919 г. и в «Собр. Узак.» 1919 г., № 58, ст. 549.

Приложение № 33.

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Об из'ятиях из общей подсудности в местностях, об'явленных на военном положении.

На основании п. 3 Постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов, Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (Собр. Узак. 1919 г. № 12, ст. 130) «право непосредственной расправы сохраняется за Чрезвычайной Комиссией в местностях, об'явленных на военном положении, за преступления, указанные в самом постановлении о введении военного положения».

В раз'яснение этого постановления Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов постановляет:

1. В местностях, об'явленных на военном положении, до издания настоящего Положения Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и Губернским Чрезвычайным Комиссиям принадлежит право непопосредственной расправы (вплоть до расстрела) за нижепоследующие доказанные преступные деяния:

1. Принадлежность к контр-революционной организации и участие в заговоре против Советской власти.

Примечание. По этому § Губернские Чрезвычайные Комиссии должны руководствоваться точными инструкциями, вырабатываемыми Всероссийской Чрезвычайной Комиссией.

2. Государственную измену, шпионаж, укрывательство изменников, шпионов.

3. Сокрытие в контр-революционных целях боевого оружия.

4. Подделка денежных знаков, подлог в контр-революционных целях документов.

5. Участие в контр-революционных целях в поджогах и взрывах.

6. Умышленное истребление или повреждение железнодорожных путей, мостов и других сооружений, телеграфного и телефонного сообщения, складов воинского вооружения, снаряжения, продовольственных и фуражных запасов.

7. Бандитизм (участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, пособничество в укрывательстве такой шайки).

8. Разбой и вооруженный грабеж.

9. Взлом Советских и общественных складов и магазинов с целью незаконного хищения.

10. Незаконную торговлю кокаином.

11. При об'явлении впредь местности на военном положении Губернский Исполнительный Комитет публикует во всеобщее сведение вышеуказанный перечень деяний.

III. Народный Коммиссариат Внутренних Дел опубликовывает список всех местностей, об'явленных и об'являемых на военном положении.

Подписали: За Председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов *Л. Серебряков.*

Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов *В. Аванесов.*

20 июня 1919 г.

Распубликован в № 134 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 22 июня 1919 г. и в ‹Собр. Узак› 1919 г., № 27, ст. 301.

Приложение № 34.

Декрет Совета Народных Комиссаров.

О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах.

I.

1. Все дела по крупной спекуляции товарами и продуктами, взятыми на учет, а также все дела о должностных преступлениях лиц, уличенных в хищениях, подлогах, неправильной выдаче нарядов, в участии в спекуляции в той или иной форме и во взятках, из'емлются из общей подсудности по постановлению Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, Народных Судов и упомянутой ниже междуведомственной Комиссии.

2. Для беспощадной борьбы с указанными в пункте 1 преступлениями учреждается при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии особый Революционный Трибунал по делам о спекуляции в составе одного председателя и двух членов, назначаемых Коллегией Всероссийской Чрезвычайной Комиссии; один из этих членов назначается по соглашению с Всероссийским Советом Профессиональных Союзов.

3. Особый Революционный Трибунал в своих суждениях руководствуется исключительно интересами революции и не связан ка-

кими-либо формами судопроизводства. Заседания Особого Революционного Трибунала гласны. Приговоры Особого Революционного Трибунала окончательны и обжалованию в кассационном порядке не подлежат.

4. Предварительное следствие и розыск по указанным в п. 1 делам сосредоточиваются в розыскных и следственных органах Всероссийской Чрезвычайной Комиссии с привлечением к ним представителей организаций профессиональных союзов, местных Советов и местных органов юстиции.

II.

Для изучения всех источников спекуляции и связанных с ними должностных преступлений, для постоянного наблюдения за систематической борьбой с ней, для об'единения всех мер по борьбе с ней и для проведения их в жизнь, образовать особую междуведомственную комиссию из представителей Народного Комиссариата Продовольствия, Высшего Совета Народного Хозяйства, Народного Комиссариата Юстиции, Народного Комиссариата Государственного Контроля, Московского Совета, Чрезвычайного Уполномоченного Совета Рабоче-Крестьянской Обороны по снабжению Красной Армии, Всероссийского Совета Профессиональных Союзов и Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Члены этой Комиссии и ее председатель утверждаются Советом Народных Комиссаров. Комиссия состоит при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии.

Подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

21 октября 1919 г.

Распубликован в № 237 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 23 октября 1919 г. и в «Собр Узак» 1919 г., № 53 ст. 504.

Приложение № 35.

Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров.

Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела).

Разгром Юденича, Колчака и Деникина, занятие Ростова, Новочеркасска, Красноярска, взятие в плен верховного правителя создают новые условия борьбы с контр-революцией. Разгром организованной армии контр-революции подрывает в корне расчеты отдельных групп контр-революционеров внутри Советской России свергнуть власть рабочих и крестьян путем заговора, мятежей и террористической деятельности.

В условиях самообороны Советской Республики против двинутых на нее Антантой контр-революционных сил, Рабоче-Крестьянское Правительство вынуждено было прибегнуть к самым решительным мерам подавления шпионской, дезорганизаторской и мятежнической деятельности агентов Антанты и служащих ей царских генералов в тылу Красной армии.

Разгром контр-революции во вне и внутри, уничтожение крупнейших тайных организаций контр-революционеров и бандитов и достигнутое этим укрепление Советской власти дают ныне возможность рабоче-крестьянскому правительству отказаться от применения высшей меры наказания, т. е. расстрелов, по отношению к врагам Советской власти.

Революционный пролетариат и революционное правительство Советской России с удовлетворением констатирует, что разгром вооруженных сил контр-революции дает им возможность отложить в сторону оружие террора. Только возобновление Антантой попыток, путем вооруженного вмешательства или материальной поддержкой мятежных царских генералов вновь нарушить устойчивое положение Советской власти и мирный труд рабочих и крестьян по устроению социалистического хозяйства может вынудить возвращение к методам террора, и, таким образом, отныне ответственность за возможное в будущем возвращение Советской власти к жестокому методу красного террора ложиться целиком и исключительно на правительства и правительствующие классы стран Антанты и дружественных ей русских помещиков и капиталистов.

Исходя из вышеизложенного, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров постановляют: «отменить применение высшей меры наказания (расстрел), как по приговорам Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и ее местных органов, так и по приговорам городских, губернских, а также и верховного при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете трибуналов».

Означенное постановление ввести в действие по телеграфу.

Подписали: За Председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *Л. Каменев.* Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин).* Председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии *Ф. Дзержинский.* Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *А. Енукидзе.*

17 января 1920 года.

Распубликован в № 14 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 22 января 1920 года и в «Собр. Узак.» 1920 г., № 4/5, ст. 22.

Приложение № 36.

Выписка из протокола № 5 заседания Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Сов. Раб. Крест., Каз. и Красноармейских Депутатов от 28 января 1920 года.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
§ 9. Вопрос о предоставлении Губревтрибуналам и Губчека, действующим в районе фронта, прав Реввоентрибуналов.	В районах, на которых распространяется власть Реввоенсоветов фронта, Губернским Чрезвычайным Комиссиям и Губернским Революционным Трибуналам присваиваются права Реввоентрибуналов. Комиссару Юстиции поручается осведомить об этом постановлении местные власти.

Опубликованию не подлежит.

Выписка верна: Секретарь ВЦИК *А. Енукидзе.*

Печать.

Приложение № 37.

Резолюция о Революционных Трибуналах.

В целях установления единообразной практики Революционных Трибуналов и предоставления подсудимым возможных и необходимых гарантий Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет выработать и опубликовать новое положение о Революционных Трибуналах.

Принята I-й сессией ВЦИК (7-го созыва) (2—7 февраля 1920 г.)

Приложение № 38.

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов.

О Революционных Трибуналах. (Положение).

Вводная статья.

Во исполнение поручения февральской сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 7 Созыва, Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановил:

1. В целях об'единения деятельности органов по борьбе с преступными деяниями, направленными против Рабоче-Крестьянской власти, и устанавливаемого революцией порядка, в видах достижения единства в применении мер чрезвычайной репрессии по делам о таковых деяниях и во изменение декрета о революционных трибуналах от 12 апреля 1919 года (Собр. Узак. 1919 г. № 13, ст. 132) и декрета о революционных военных Трибуналах от 20 ноября 1919 г. (Собр. Узак. 1919 г. № 58, ст. 549) устанавливается впредь, в качестве основного закона о Революционных Трибуналах Республики, следующее о них Положение.

2. Согласование действующих Положений о Трибуналах Военных, Военно-Железнодорожных, о Трибуналах Штаба Войск Внутренней Охраны и иных Трибуналах, кои могут быть впредь организованы, поскольку в законе о них будет оговорено противное с публикуемым Положением, поручается соответствующим ведомствам.

Положение о Революционных Трибуналах.

Ст. 1-я.

Революционные Трибуналы Республики учреждаются со специальной целью рассмотрения дел, направляемых к ним Чрезвычайными Комиссиями, Особыми Отделами и Комиссиями по борьбе с дезертирством, по делам о дезертирах и принятых Трибуналами к своему рассмотрению. В соответствии с этим, Трибуналам предоставляется, в пределах действующих декретов, неограниченное ничем право в определении мер репрессии. Кроме Чрезвычайных Комиссий и Особых Отделов, право направления непосредственно дел в Трибуналы принадлежит в отдельных случаях Народному Комиссару Юстиции, Народному Комиссару Внутренних Дел, Народному Комиссару Рабоче-Крестьянской Инспекции, местным губернским Исполнительным Комитетам и Президиумам местных Советов Народных Судей по представлении Народных Судей.

Поводом к начатию дел в Трибуналах может быть, сверх того, всякое заявление граждан или сообщения должностных лиц, административных мест, военных и гражданских судебных властей, явка

с повинной, равно, как и постановление самого Трибунала, вынесенное им в судебном заседании при рассмотрении иного дела. Трибуналы направляют в этих случаях все поступившие к ним заявления в Чрезвычайные Комисси для расследования.

Примечание. В из'ятие из ст. 1, в целях борьбы с нарушителями трудовой дисциплины, охранения революционного порядка и борьбы с паразитическими элементами населения, в случае, если дознанием не установлено достаточных данных для направления дел о них в порядке уголовного преследования, за Всероссийской Чрезвычайной Комиссией и Губернскими Чрезвычайными Комиссиями с утверждения Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, сохраняется право заключения таких лиц в лагерь принудительных работ на срок не свыше 5 лет.

Ст. 2-я.

Ведению Революционных Трибуналов подлежат дела:

1. О контр-революционных деяниях.

2. Дела о крупной спекуляции товарами и предметами, взятыми на учет.

3. Дела по крупным должностным преступлениям лиц, обвиняемых в хищениях, подлогах, неправильной выдаче нарядов и участии в спекуляции в той или иной форме, равно, как и об иных, более выдающихся должностных преступлениях, в том числе и взяточничестве.

4. Дело о явном дискредитировании власти Советскими работниками.

5. Дела о дезертирах, признанных злостными, и укрывателях дезертиров, поскольку таковые дела Комиссиями по борьбе с дезертирами будут признаны превышающими их компетенцию, а также о пособниках и подстрекателях к дезертирству.

Определения Трибунала о принятии или непринятии к своему производству, направляемых по указанным выше признакам к ним, дел окончательны и ни в каком порядке обжалованию не подлежат. Трибуналы вправе принять к своему производству из направляемых к ним дел, сверх указанных категорий, и дела о всяких иных деяниях, если усмотрят в них признаки опасности для РСФСР, или порядков, в нем установленных.

Ст. 3-я.

Революционные Трибуналы учреждаются во всех губернских городах Республики по одному на губернию. Такие же Трибуналы могут быть учреждены местными Советами по соглашению с Народным Комиссариатом Юстиции в городах, насчитывающих не менее 200.000 населения.

Ст. 4-я.

В отношении Военно-Революционных Трибуналов на фронтах и Трибуналов, учрежденных в тылу, но подчиненных Революционному

Военному Трибуналу Республики, как равно и Военно-Железнодорожных Трибуналов, учреждаемых в порядке охраны железных дорог, по случаю введения на них военного положения, действуют особые о таковых Трибуналах Положения, с изменениями, кои непосредственно оговорены в настоящем Положении.

Ст. 5-я.

С опубликованием настоящего Положения, постановление Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о внесудебных полномочиях Чрезвычайной Комиссии от 20-го июня 1919 года (Собр. Узак. 1919 г. № 27, ст. 301), декрет об Особом Трибунале при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, от 21 октября 1919 года (Собр. Узак. 1919 г. № 53, ст. 504), отменяются. Все существующие Чрезвычайные Военные Суды и иные учреждения чрезвычайного характера с судебными функциями, равно, как и Революционные Трибуналы, учрежденные в ином порядке, или действующие не на основании правил, изложенных в настоящем Положении, упраздняются.

Организация Трибунала.

Ст. 6-я.

Революционные Трибуналы избираются местными Советами и Губернскими Исполнительными Комитетами в составе одного Председателя Трибунала и двух членов Трибунала, в том числе один из состава местной Коллегии Губернской Чрезвычайной Комиссии. Об избрании или изменении состава Трибунала местный Совет сообщает в Кассационный Трибунал, которому принадлежит право мотивированного отвода Председателя Трибунала. Губернские Исполнительные Комитеты могут, в пределах штатов Трибуналов и в зависимости от местных потребностей, как равно для выездных сессий Трибунала, образовывать тем же порядком второй и третий составы Трибуналов из 3-х членов, которые работают, согласно настоящего Положения, по указанию Председателя Трибунала, который назначает и председательствующего для этих составов.

Примечание. Входящий в состав Трибуналов член местной Коллегии Губернской Чрезвычайной Комиссии для военных и военно-железнодорожных трибуналов, соответственно правилам и порядкам, изложенным в Положении о таковых Трибуналах, заменяется в Военных Трибуналах членом, назначаемым по представлении начальника Особого Отдела, а для железнодорожных Трибуналов — членом по представлению местной Районной Транспортной Чрезвычайной Комиссии.

Ст. 7-я.

Члены Трибунала избираются сроком на 3 месяца. Каждый член Трибунала может быть как переизбран, так и отозван до срока постановлением тех же Советов и Губернских Исполнительных Комитетов.

О предварительном следствии по делам, поступающим в Трибуналы и о следователях докладчиках при Трибуналах.

Ст. 8-я

Предварительное расследование по делам, долженствующим, согласно ст. 2 настоящего Положения, поступать на рассмотрение Трибунала, производится Чрезвычайными Комиссиями, Особыми Отделами и иными органами, коими принадлежит право направления дел в Трибуналы. В случае, если дела, поступившие в Трибуналы, требуют дополнительного следствия, они передаются Трибуналом для доследования, равным образом, в Чрезвычайные Комиссии, Особые Отделы, Транспортные Чрезвычайные Комиссии, Комиссии по борьбе с дезертирством, или те органы, от коих данное дело поступило. В случае, если дело направляется в Трибунал, в силу ст. 1-й настоящего Положения не из Чрезвычайных Комиссий, от Трибунала зависит признать произведенное расследование достаточно полным с немедленным назначением его к слушанию.

Примечание. В отношении Военных Трибуналов и Военно-Железнодорожных Трибуналов впредь до полного слияния существующих при них самостоятельных следственных органов с соответствующими аппаратами Особых Отделов и Транспортной Чрезвычайной Комиссии, следственные аппараты означенных Трибуналов временно сохраняются.

Ст. 9-я.

Для подготовки докладов по поступающим делам и составления заключения по ним, при Трибуналах состоят особые следователи-докладчики, при чем Председатель Трибунала назначает одного из членов Трибунала наблюдающим за их действиями. В исключительных случаях Трибуналы могут возлагать на этих следователей производство дополнительных следственных действий по принятым к своему производству делам, без особого направления таких дел в Чрезвычайную Комиссию или Особые Отделы для доследования. Докладчиками по делам в распорядительных заседаниях Трибунала могут быть, как члены самого Трибунала по назначению Председателя, так и следователи-докладчики за ответственностью, однако, члена Трибунала, наблюдающего за их действиями. Трибуналам принадлежит право проверки следственных действий по всем, уже поступившим к ним, как равно находящимся еще в производстве Чрезвычайных Комиссий и Особых Отделов, делам, розыскные действия по которым уже закончены.

Ст. 10-я.

Постановления следователей Трибуналов об арестах, выемках, обысках, освобождении арестованных и изменении меры пресечения, равно, как и о привлечении новых лиц в качестве обвиняемых, имеют силу только за подписью Председателя Трибунала, по докладу того

члена Трибунала, коему поручено наблюдение за производством дополнительных следствий по данному делу. Вопрос о прекращении дела до судебного разбирательства разрешается пленумом Трибунала в распорядительном заседании.

Ст. 11-я.

Производство следственных действий в уездах возлагается на Губернскую Чрезвычайную Комиссию.

При назначении дополнительных следственных действий, Трибуналы могут использовать, сверх того, все имеющиеся на местах следственные и розыскные органы.

Ст. 12-я.

Члены Трибунала, по поручению Трибунала, имеют право посещения мест заключения и проверки закономерности содержания арестованных, сообщая через распорядительное заседание Трибунала о замеченных нарушениях с предложением изменения меры пресечения тому учреждению, за коим числится арестованный. Последнее обязано в семидневный срок либо освободить заключенного, либо представить исчерпывающее об'яснение по возбужденному Трибуналом поводу.

О подготовительных к суду действиях Трибуналов.

Ст. 13-я.

Все поступающие дела не позднее 7-ми дней, с момента поступления, докладываются соответствующим членом Трибунала в распорядительном заседании Трибунала, от коего зависит постановить либо о немедленном назначении дел к слушанию, при чем в этом случае Трибунал в том же заседании утверждает следователя и разрешает вопросы о вызове или невызове на заседание допрошенных на предварительном следствии свидетелей и экспертов, допущении защиты и обвинения и иные возникающие по делу вопросы и заявленные ходатайства, либо постановляет о доследовании, или производстве отдельных дополнительных следственных действий, либо о прекращении дела, если не усмотрит во вменяемом деянии признаков, указанных в ст. 2 настоящего Положения, с направлением, в таком случае, дела в соответствующее судебное место, составляя о сем особое постановление. В случае принятия дела Трибуналом и утверждения заключения следователя, фактическое слушание дела должно иметь место не позднее одной недели с момента рассмотрения его в распорядительном заседании.

Примечание. В случае скопления большого количества дел, в особенности дезертирских, и невозможности рассмотрения их с точным соблюдением сроков, указанных в настоящей статье, обязательно образуется параллельный состав

Трибунала, коему поручается специальное рассмотрение дел упомянутой категории.

Ст. 14-я.

При разрешении вопроса о вызове к рассмотрению дела допрошенных ранее свидетелей и экспертов и допущении обвинителя и защиты, Революционный Трибунал сообразуется исключительно со степенью ясности дел, доказанности преступления и необходимости личного опроса свидетелей, для проверки данных ими на предварительном следствии показаний и устранения имеющейся в них неполноты, либо противоречивости. При признании Трибуналом полноты, категоричности, достоверности и совершенной ясности показаний этих лиц, Трибунал вправе не вызывать их на судебное рассмотрение дела, независимо от существенности их показаний по делу.

Ст. 15-я.

В случае обращения дела к доследованию, либо назначения отдельных дополнительных действий, производство таковых и заключение следствия должно последовать в течение одного месяца. Для продления срока обязательно постановление Трибунала.

Ст. 16-я.

В Трибуналах всех категорий, в том числе Военных и Военно-Железнодорожных, утвержденное Трибуналом заключение следователя и определение Трибунала о вызове свидетелей, экспертов и допущении обвинителя и защиты, сообщаются обвиняемому. При чем, в случае его просьбы о том, обвиняемому должна быть предоставлена возможность ознакомления со всем производством по делу. Рассмотрение дела не может иметь место ранее, чем через 24 часа с момента вручения копии заключения. Обвиняемый имеет право возбуждать ходатайства и жалобы по поводу произведенного следствия. Все эти ходатайства приобщаются к делу и разрешаются непосредственно в судебном заседании, если по существу этих ходатайств (допущение защиты и иные) уже не состоялось определения Трибунала при назначении дела к слушанию или в особом распорядительном заседании.

Обвинение и защита в Трибуналах.

Ст. 17-я.

Допущение к участию в деле обвинения и защиты всецело зависит от Трибунала и разрешается в распорядительном заседании. Защитниками, кроме членов Коллегии Защитников и Обвинителей при Советах, образуемой порядком, указанным в Положении о Народном Суде (Собр. Узак. 1918 г. № 85, ст. 889) могут быть только близкие родственники подсудимых или лица, пользующиеся полным дове-

рием Трибунала. В случае допущения Трибуналом по какому-либо делу обвинителя, Трибунал обязан допустить или назначить защитника.

О порядке рассмотрения дел в Трибуналах.

Ст. 18-я.

Заседания Трибунала публичны и имеют место в присутствии обвиняемого. Отсутствие обвиняемого не может служить препятствием к слушанию дела, в случае согласия на то обвиняемого, или если доказано уклонение обвиняемого от суда, или, если обвиняемый находится вне пределов РСФСР. Трибунал вправе постановить в этих случаях, как о выделении дела, так и о его заочном слушании по своему усмотрению.

Ст. 19-я.

Во всех Трибуналах, в том числе и Военных и Военно-Железнодорожных, порядок допроса вызванных на заседание свидетелей и экспертов зависит от Трибунала. Трибунал вправе прекратить допрос и не допрашивать остальных свидетелей, если признает дело и обстоятельства, для проверки которых свидетели вызывались, достаточно выясненными. Допущение новых свидетелей, не допрошенных ранее на предварительном следствии и приведенных в заседание средствами сторон, также зависит от Трибунала. Оглашение показаний свидетелей, не вызванных на заседание в порядке ст. 14-й настоящего Положения, либо вызванных, но не явившихся, оглашение и пред'явление имеющихся по делу документов, приобщение новых документов также зависит от Трибунала и разрешается им, как по собственной инициативе, так и по ходатайству обвинителя и защиты по своему усмотрению. Показания подсудимого, данные им на предварительном следствии, равным образом, могут быть оглашены.

Ст. 20-я.

В Трибуналах всех категорий обвинение и защита, если они допущены, имеют право ссылаться на все без исключения документы и показания, приобщенные к делу, независимо от их оглашения или неоглашения в судебном заседании. Трибунал вправе постановить о недопущении прений сторон после заключения судебного следствия, если признает дело в достаточной степени судебным следствием выясненным.

Ст. 21-я.

В Трибуналах всех категорий подсудимый имеет право задавать вопросы свидетелям и давать об'яснения, как по существу всего дела, так и по поводу каждого документа или показания в любой момент судебного следствия. Трибунал может, однако, устранить вопрос, если признает его не относящимся к делу. Подсудимому всегда принадлежит последнее слово.

Ст. 22 - я.

Обращение дела к доследованию может иметь место только в случае признания Трибуналом такой неполноты следствия, которая не может быть восполнена на заседании Трибунала. Трибунал составляет о сем особое мотивированное постановление.

Постановление приговора.

Ст. 23 - я.

Приговоры постановляются большинством голосов. Приговоры постановляются в письменном виде за подписью всех членов Трибунала, участвовавших в заседании. В приговоре должен быть указан состав суда, время слушания дела, имя, отчество, фамилия, лета, классовая принадлежность обвиняемого, место, время и существо преступного деяния, определение меры репрессии или постановление об оправдании. О ходе заседания ведется протокол, где отмечаются главные моменты рассмотрения дела, порядок допроса и существо показаний свидетелей и подсудимых, оглашение или пред'явление документов, все частные постановления Трибунала, вынесенные им по тому или иному поводу при рассмотрении дела, и все заявления сторон по специальному их о том ходатайству. Содержание прений сторон в протокол не заносится.

Ст. 24-я.

Трибунал выносит приговоры, руководствуясь исключительно оценкой обстоятельств дела и интересами пролетарской революции.

Ст. 25 - я.

Никто не может присутствовать в совещательной комнате, кроме членов Трибунала, участвующих в заседании.

Ст. 26 - я.

Приговоры Революционных Трибуналов являются окончательными и обжалованию в апелляционном порядке не подлежат. Копия приговора вручается осужденным не позднее 24-х часов после вынесения приговора. В кассационном порядке приговоры могут быть обжалованы, кроме приговоров Верховного Трибунала при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете и приговоров Военных Трибуналов и Трибуналов, приравненных к ним в том числе Военно-Железнодорожных.

Ст. 27 - я.

На подачу кассационных жалоб и протестов на приговоры Трибуналов предоставляется 48 часов с момента вручения приговора осужденным. Право принесения в тот же срок кассационных протестов на мягкость приговора или оправдательный приговор принадлежит всякому гражданину Республики.

О Кассационном Трибунале.

Ст. 28-я.

Для установления единообразия в деятельности всех Революционных Трибуналов, надзора за таковой деятельностью, разрешения процессуальных и иных вопросов, как равно рассмотрения кассационных жалоб и протестов по делам, разбираемым в Трибуналах, учреждается Кассационный Трибунал при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете в составе Председателя Кассационного Трибунала, избираемого Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом из состава Коллегии Народного Комиссариата Юстиции, двух членов его—Председателя Верховного Трибунала и Председателя Революционного Военного Трибунала Республики входящих в состав Кассационного Трибунала по должности, и члена докладчика Кассационного Трибунала, назначаемого Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.

Ст. 29-я.

Кассационные жалобы и протесты на обжалованные приговоры Революционный Трибунал в 24 часа, с момента получения жалобы обязан направить вместе со всем делом в Кассационный Трибунал, при чем приостанавливает исполнение приговора до разрешения дела в кассационной инстанции с принятием мер пресечения.

Ст. 30-я.

Член-докладчик Кассационного Трибунала дает заключение по жалобам и протестам и не присутствует в совещательной комнате.

Ст. 31-я.

Поступившие в Кассационный Трибунал жалобы и протесты должны быть рассмотрены не позднее недельного срока со дня поступления жалобы.

Ст. 32-я.

Допущение жалобщиков и их представителей к поддержанию жалобы в заседании Кассационного Трибунала разрешается Трибуналом по своему усмотрению и об'является им при опубликовании списка дел, назначенных к слушанию.

Ст. 33-я.

Поводом для кассации является: 1) признание Кассационным Трибуналом существенным нарушением Трибуналом, вынесшим приговор, форм и порядка рассмотрения дел, установленных настоящим Положением, и 2) определение меры репрессии, явно не соответствующей деянию осужденного.

Ст. 34-я.

Дела, приговоры по которым кассируются за силою п. 1 ст. 33-й, передаются Кассационным Трибуналом для нового рассмотрения в другой или тот же Трибунал, но в ином составе.

Ст. 35-я.

В случае признания меры репрессии, явно не соответствующей деянию осужденного, от Кассационного Трибунала зависит изменить меру репрессии без вторичного направления дела к слушанию, направляя свои определения об изменении меры репрессии в Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета для утверждения.

Об отчетности Трибуналов и правах Кассационного Трибунала по надзору.

Ст. 36-я.

Все Революционные Трибуналы, в том числе военные и военно-железнодорожные, обязаны представлять отчетность и копии своих приговоров в Кассационный Трибунал периодически и в сроки, указанные Кассационным Трибуналом, при чем Военные Трибуналы и Трибуналы, подчиненные Трибуналу Республики, представляют копии своих приговоров и отчетности предварительно в Революционный Трибунал Республики, а железнодорожные—в Главный Военный Железнодорожный Трибунал и через них порядком, определенным ниже, в Кассационный Трибунал.

Ст. 37-я.

Член-докладчик Кассационного Трибунала представляет в Кассационный Трибунал сводки о деятельности всех Трибуналов, как равно докладывает ему о всех замеченных им нарушениях, предлагая применение тех или иных дисциплинарных мер по отношению к председательствующему в заседании до отстранения от должности и предания суду включительно, при чем независимо от наличия или отсутствия кассационной жалобы, если найдет нужным, истребует от Трибунала все дело для осмотра его в ревизионном порядке. От Кассационного Трибунала будет в данном случае зависеть, признав допущенные нарушения существенными, отменить приговор и передать его на новое рассмотрение в Трибунал в ином составе, либо изменит меру репрессии в порядке ст. 35-й настоящего Положения. О своей собственной деятельности Кассационный Трибунал представляет отчетность в Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Народному Комиссару Юстиции.

Примечание. В отношении военных трибуналов и трибуналов, подчиненных им в том числе и военно-железнодо-

рожных трибуналов, обязанности члена-докладчика по представлению отчетности в Кассационный Трибунал исполняет Председатель Революционного Военного Совета Республики, при чем член-докладчик Кассационного Трибунала дает свое заключение по его докладам, указанные в ст. 37-й права Кассационного Трибунала по надзору, целиком распространяются на все военные и военно-железнодорожные трибуналы.

Ст. 38-я.

Разрешение возникающих в порядке Трибунального производства вопросов процессуального характера, как по кассационным жалобам, так и в результате ревизионной деятельности Кассационного Трибунала, если разрешение их требует принципиального истолкования статей закона и преподания определенных указаний всем Трибуналам для исполнения, осуществляется Кассационным Трибуналом путем инструкций, циркуляров и раз'яснений по предварительному докладу члена-докладчика и после утверждения таковых Народным Комиссариатом Юстиции. Тот же порядок относится и к циркулярам, рассылаемым Революционным Трибуналом Республики, Военным Трибуналом, Трибуналом, подчиненным ему, и Военно-Железнодорожным Трибуналом.

О Верховном Революционном Трибунале.

Ст. 39-я.

Верховный Революционный Трибунал избирается Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в составе двух членов и принимает к своему производству дела, по определению Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Народного Комиссариата Юстиции и Председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Порядок рассмотрения дел, установленный в настоящем Положении, распространяется на Верховный Трибунал. Функции Особого Трибунала при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии полностью переходят к Верховному Трибуналу Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Ст. 40-я.

Для производства предварительного следствия по делам, передаваемым на рассмотрение Верховного Трибунала, учреждается Следственная Комиссия, председательствующий коей назначается Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета с возложением на него обязанностей члена-докладчика в распорядительном заседании Трибунала и иных, определенных настоящим Положением.

Особое постановление

Настоящее Положение входит в силу через 14 дней, после его опубликования. Ведомства: Военное, Железнодорожное, Внутренних дел и Центральная Комиссия по борьбе с дезертирством обязываются в 14-дневный срок со дня опубликования настоящего Положения согласовать с ним действующие Положения о Трибуналах, подчиненных вышепереименованным Ведомствам.

Подписали: За Председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *Лутовинов.*

Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *Енукидзе.*

18 марта 1920 г.

Распубликован в № 67 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 27 марта 1920 года и в «Собр. Узак.» 1920 г., № 22—23, ст. 115.

Приложение № 39.

Циркулярно.

Приказ Президиума В. Ч. К.

№ 48.

Москва, 17-го апреля 1920 года.

Всем Губчека.

Копия всем Губревтрибуналам.

В связи с опубликованием Основного Положения о Трибуналах («Известия ВЦИК» от 27 марта 1920 года) предлагается всем Губчека принять к неуклонному исполнению нижеследующее:

1. Выделить из состава местной Коллегии Губчека и представить на утверждение местного губисполкома одного товарища для постоянной работы в составе местного Губревтрибунала. Выделяемый товарищ должен быть в курсе всех проходящий через Коллегию законченных следствием дел, в виду чего желательна его тесная связь с секретно-оперативной частью. При невозможности установления его персональной связи с этим отделом устанавливается его обязательное присутствие при всех заседаниях Коллегии, где решается вопрос о дальнейшем направлении дела.

2. При рассмотрении всякого заключенного следствием дела в Коллегии Губчека, последняя может давать ему в дальнейшем одно из следующих 3-х направлений:

а) как общее правило—в Народный Суд;

б) в Трибунал в порядке подсудности, согласно признакам, указанным в ст. 2-й Основного Положения;

в) в порядке административного разрешения и заключения виновных в лагерь принудительных работ в порядке примечания к ст. 1-й Основного Положения.

При решении вопроса о направлении дела в Трибунал или в Народный Суд местные работники Ч. К. должны иметь в виду, что Основным Положением для громадного количества проходящих через Ч. К. дел установлен *один* признак, именно, насколько *крупной* представляется данной коллегии то или иное спекулятивное деяние или то или иное должностное преступление, так как дела контрреволюционные, или поступки должностных лиц, дискредитирующие власть, безусловно отнесены к ведению Трибуналов, а не Народных Судов. Закон не ставит затем никаких иных признаков при определении того, что, именно, является «крупной», и что «некрупной» спекуляцией или должностным преступлением. Коллегии Ч. К. в этом случае закон предоставляет, таким образом, полную свободу. Принимая, однако, во внимание, что по духу того же закона коренным отличием Трибунального Суда от Суда Общего должна быть (к этому новый закон дает Трибуналам полную возможность), необычайная быстрота, во-первых, и необычайная суровость, во-вторых, где и подсудимый имеет минимум прав, и где его интересы сознательно приносятся законом в жертву интересам целого, местные товарищи должны руководствоваться при определении того, какое дело заслуживает рассмотрения в Трибунале и какое в Народном Суде, исключительно признаками: а) важности дела, б) размера сделки, в) на какие, именно, товары по степени их необходимости для Советской Республики заключена сделка, и г) как была совершена сделка, т. е. имели ли место одновременно с ней отягчающие обстоятельства—подкуп, подлог, многократность аналогичных предыдущих сделок, совершенных тем же лицом, происходили ли товары из советских складов, и, наконец, наличность ряда местных условий, вызывающих в данной местности особо суровую репрессию по отношению, именно, к этого рода сделок. Все то, что по мнению товарищей должно заслуживать сугубой репрессии должно направляться ими в Трибунал. Одновременно, однако, товарищи должны иметь в виду следующее обстоятельство. Закон предоставляет Трибуналу право проверять данное постановление коллегии Ч. К. путем рассмотрения в распорядительном заседании при докладе вопроса, принять или не принять его к своему производству или направить его в Нарсуд, при чем в этом последнем случае закон требует от Трибунала мотивированного постановления. Закон одновременно запрещает кому бы то ни было жаловаться на это постановление. Таким образом, решение Трибунала является окончательным. Установление этой второй инстанции является вполне целесообразным для того, чтобы не засорять Трибунал мелкими делами и в то же время дать ему возможность подняться на должную высоту суровой и непреклонной репрессии. Член Коллегии Губчека, входящий одновременно в состав Трибунала, должен в этом случае явиться той живой связью обоих коллегий, которая поможет установить между обоими учреждениями теснейший контакт и тем изжить, наконец, до конца тот антагонизм и

ведомственные трения, которые до сих пор наблюдались между обоими учреждениями. Трибуналы и Ч. К. должны представлять собой единый орган борьбы в идеале, поэтому мыслится в конце-концов такой момент, когда первая инстанция разрешения вопроса о направлении дел в конце-концов сведется к минимуму и этот вопрос, как вопрос исключительно судебный—ибо подсудность Трибуналу есть уже ограничение в правах и почти всегда предполагает наказание—полностью будет передан только Трибуналу. Но пока этого нет, товарищи члены Коллегии Ч. К. и Трибунала должны заботиться: во 1) о том, чтобы всегда полностью изложить в Трибунале мотивы, по которым Ч. К. стоит за направление дела в Трибунальном порядке, и 2) проводить ту же линию неуклонной репрессии в самом Трибунале, подымая этим его на должную высоту; товарищи эти, однако, равным образом должны знать, что последнее может полностью удасться только тогда, когда они, правильно поняв задачи Трибунала, как исключительного и сурового суда, будут всегда знать докладываемое дело и этим помогут как судьям Трибунала, так и остальным работникам Ч. К. применять суровую репрессию там, где вина полностью доказана, и где суровость приговора, не вызывая протеста в присутствующей при рассмотрении дела аудитории, принесет то, что должна принести, т. е. изоляцию действительно вредных элементов и устрашение остальных. Суровая репрессия, постоянно повторяемая, всегда теряет свою остроту, а при наших частых амнистиях делается, сверх того, смешной. Ставя все это на вид товарищам, Президиум ВЧК полагает, что товарищ, призванный из среды коллегии в состав Трибунала, оправдает оказываемое доверие и действительно положит много труда на то, чтобы оба органа оказались на высоте. Строгое соблюдение требований закона и серьезное деловое отношение к делам должно в этом случае быть для него руководящим мотивом.

В порядке административного разрешения опубликованный закон дает возможность направлять, как то или иное дело целиком, так и часть его в отношении отдельных обвиняемых. Закон устанавливает в этом отношении два признака: во 1) категорию дела, именно, дела по обвинению тех или иных лиц в нарушении трудовой дисциплины, дела по обвинению их в нарушении революционного порядка или угрозе этому порядку и дела по обвинению в паразитическом и, следовательно, нетерпимом в Республике трудящихся существовании, и во 2) только те дела указанной категории или дела в отношении только тех лиц, в отношении которых данные произведенного расследования не обнаружили достаточных улик для направления дел о них в порядке уголовного преследования (судебного). Ни в коем случае товарищи не должны так понимать предоставленное им право, что они могут по своему усмотрению направлять любое дело или в судебном, или в административном порядке, ограничивая в таком случае только меру репрессии заключением в лагерь на срок не выше пяти лет. Такое толкование прямо исключается точным смыслом закона. Оно сделало бы ненужным самый новый закон, ибо фактически свело бы все к прежнему положению, когда

не было никакой разницы между судебными приговорами и административным заключением, когда, с одной стороны Губревтрибуналы были лишены права расстрела, а с другой, об'ективно безразлично, заключен тот или иной преступник на 5 лет или на 20 лет. Закон хочет наоборот, не слить, а резко разделить обе формы взыскания—судебную и административную. Первую он ставит, как нормально налагаемую, и как исключение—репрессию административную и исходит тут как из принципиальных оснований, так и из соображений практического характера. Мы живем в эпоху, когда классовая борьба буржуазии и преступного мира против нас не приняла еще таких форм, когда всякое преступление мы можем карать только путем судебного воздействия, или когда всякое преступление настолько дает возможность точно себя определить, что мы безбоязненно можем отдать его на гласное рассмотрение с уверенностью, что преступник будет наказан. С другой стороны мы вышли, однако, уже из того периода первоначального строительства и ожесточеннейшей борьбы не на жизнь, а на смерть, когда потребность в самообороне была так велика, что мы сознательно могли закрывать глаза на ряд своих ошибок и сознательно допускать возможность таких ошибок, лишь бы сохранить Республику, как это было в эпоху красного террора. Вот почему закон дает Ч. К. возможность административным порядком изолировать тех нарушителей трудового порядка, паразитов и лиц подозрительных по контр-революции, в отношении коих данных для судебного наказания недостаточно, и где всякий суд, даже самый суровый, их всегда или в большей части оправдывает. Сюда относятся, например, лица, которые подвергаются заключению, как бывшие помещики, капиталисты, князья, царские чиновники—явные члены враждебной Советской власти партии, лица, подозреваемые в соучастии той или другой раскрытой спекулятивной сделке, но в отношении которых сумма собранных против них улик ограничивается только знакомством с уличенными лицами или арестом у них на квартирах или хранением их документов или ценностей, поскольку сам по себе факт хранения их еще не есть преступление, караемое законом; лица—уличенные в связи с явными доказанными контр-революционерами, хранившие их переписку или деньги, при чем не может быть доказано, что им было известно содержание этой переписки, лица, нарушающие трудовую дисциплину или саботирующие хозяйственную жизнь Республики в формах, которые не могут быть подведены под явное и наказуемое злостное саботирование. Наконец, лица, в отношении коих имеются только данные розыска, данные бесспорные, но в то же время не позволяющие из соображения того же розыска быть приводимыми в качестве судебного доказательства. Местным Коллегиям Губчека рекомендуется в этих случаях не спешить с назначением длительных сроков заключения в пять или три года с последующим затем таким же скорым освобождением. Лучше выдержать таких лиц полгода, но выдержать действительно и в то же время предоставить Трибуналу покарать на пять лет и действительно выдерживать на работах «в поте лица» лиц, действительно уличенных. ВЧК доводит одновременно до сведения

товарищей, что для Трибуналов вырабатывается особая инструкция, о так называемом, упрощенном порядке рассмотрения дел, которая будучи строго построена на основании статей опубликованного закона, но когда все судопроизводство будет сведено к прочтению обвинительного заключения, допросу обвиняемого и вынесению приговора. При направлении дела в Трибунал Коллегия Губчека должна поэтому принять за правило исключать из дела лиц, в отношении которых она не полагает дело достаточно доказанным, и сообщать об этом, в виде выписки из протокола заседания, при направлении дела в Трибунал. Опыт Особого Трибунала при ВЧК показал, что в суде, хотя бы и в самом суровом, часто случается, что самые казалось уличенные лица выходили из суда оправданными. В этих случаях было бы, конечно, сплошной несправедливостью продолжать держать в заключении лиц, дело о которых не дошло до суда за недостаточностью улик, в то время, как казалось уличенные целиком оправданы. Коллегия Губчека должна в этих случаях безусловно немедленно представлять через члена Трибунала на пересмотр Трибунала эти свои постановления. Товарищи и тут должны твердо помнить основную цель, которую преследует новый закон—создать тесный контакт, органическое единство и совместный труд обоих учреждений, взаимно дополняющих себя, а отнюдь не соперничающих.

3. В отношении мелких нарушений не трибунального характера, подсудных Народному Суду, где нарушения все же налицо и данные для судебного рассмотрения достаточны, но которых нецелесобразно все же направлять в суд, чтобы не засорять его. Коллегия ВЧК предлагает руководиться особыми и специально разрабатываемыми правилами о наказаниях, налагаемых по определению особых органов, подчиненных Главкомтруду или передаваемых таковыми на рассмотрение Ч. К.

4. Новый закон вводит, наконец, еще одну крупную реформу в отношении следственного производства. Он уничтожает самостоятельные следственные комиссии при Трибуналах. Отныне предварительное расследование дел должно вестись исключительно Ч. К. и сюда же должны передаваться для доследования дела, по которым Трибуналом будет признано произведенное расследование недостаточным. При Трибуналах сохраняются следователи только в качестве докладчиков по делам и для составления заключения по ним. Идеалом и тут должно было бы быть такое положение, когда дело выходило бы из Ч. К. совершенно законченным. Практика показала, однако, что это далеко не так, и Следственная Часть, вообще, хромает. Тем более это будет иметь место сейчас в нынешних Ч. К., когда следствие в Ч. К. слито с розыском. В Особой Инструкции для Трибуналов будут даны в этом отношении исчерпывающие указания следователям, которые будут равно полезны и для следователей Ч. К. ВЧК предупреждает, что считали бы крайне нежелательным и тут какие-либо трения и недовольства со стороны работников Ч. К. на частое возвращение дел, что, конечно, будет иметь место первое время. ВЧК надеется, однако, что это будет только в первое время. Чтобы, как

можно скорее изжить это, ВЧК предлагает товарищам неуклонно наблюдать, во-первых, за тем, чтобы при представлении дела сообщались долностью: а) список вещественных доказательств, б) список обвиняемых с указанием, кто из них под стражей, в) точное указание виновности каждого с указанием фактов, доказанных в отношении данного лица и обязательным выделением в особую группу лиц, по отношении к которым имеются только данные розыска, не подтвержденные сверх того ничем. Должно, однако, и тут иметь в виду, что поскольку новый закон предоставляет Трибуналам право проверки всех следственных действий Ч. К. по делам, в отношении которых розыскные действия закончены, Ч. К. должна следить, чтобы данные в отношении этих лиц были безусловно основательны и исходили из источника, вполне заслуживающего доверия. Член Коллегии Ч. К., входящий в состав Трибунала, и тут может и обязан сыграть большую роль в деле создания тесного контакта и взаимодействия обоих органов.

5. В случае, если, однако, на местах возникнут все же трения, которые не представится возможным изжить на месте через обращение в Губисполком, назначающий и Коллегию Ч. К. и Коллегию Трибунала, ВЧК указывает, что второй инстанцией, в особенности, если дело будет касаться понимания пределов власти и толкования закона, всегда придет на помощь товарищам Кассационный Трибунал, куда можно всегда обжаловать в порядке надзора всякие процессуальные и иные действия Трибунала. Копию жалоб следует направлять ВЧК.

С товарищеским приветом Председатель ВЧК

Ф. Дзержинский.

Член-докладчик Кассационного Трибунала *Н. Крыленко.*

Секретарь *Н. Мещеряков.*

Приложение № 40.

Резолюции II Всероссийского С'езда Председателей Ревтрибуналов 26—28 апреля 1920 г. в Москве.

I.

Резолюции по организационному вопросу.

Заслушав доклад т. *Крыленко* и содоклад т. *Черлюнчакевича* по организационному вопросу о строении Рев. Трибуналов и их взаимоотношениях с другими учреждениями, преследующими задачи борьбы с преступностью, в частности с Ч. К. и Совнарсудом, II Всероссийский С'езд Председателей Ревтрибуналов полагает необходимым дополнить опубликованное в «Известиях ВЦИК» от

27-го марта с. г. Основное Положение о Рев. Трибуналах следующими положениями:

1) В отношении состава Ревтрибуналов и формировании судебной Коллегии.

Всецело поддерживая мысль о необходимости закрепить в качестве трибунальных работников постоянный кадр таковых, дабы обеспечить этим, как непрерывность накопляемого судебного опыта и дело учета судебных работников, так и возможность со стороны центральных учреждений урегулировать деятельность местных работников в деле осуществления ими мер чрезвычайной репрессии, С'езд считает нужным дополнить ст. 6 и 7 основного положения последовательным проведением в жизнь принципа утверждения Председателя Трибунала Кассационным центром и запрещение Губисполкома произвольно менять состав Трибунала и в особенности отзывать председателя без мотивированного представления о том в Кассационный Трибунал, за которым должно быть сохранено право не соглашаться с таким отводом. Предложение Кассац. Трибунала об отозвании Председателя Трибунала или того или иного из членов судебной Коллегии по мотивам его несоответствия судебной деятельности должны безотлагательно исполняться Губисполкомами. Кассационному Трибуналу не может быть предоставлено только право непосредственного назначения председателей Трибуналов. Перемещение Председателей Трибуналов из одного Трибунала в другой может быть допущено только с соответственным согласием как самого перемещаемого, так и обоих Губисполкомов, откуда и куда соответственно перемещается Председатель Трибунала. Наконец, в тех же целях сохранения накопленного опыта С'езд полагает необходимым сохранить оговоренное в основном положении в ст. 7 право Губисполкомов обновлять состав Трибунала путем переизбрания его членов каждые три месяца, переизбрание Председателя Трибунала производить один раз в 6 месяцев, совместно с производимым в тот же срок полным обновлением всего состава самого Губисполкома согласно Конституции РСФСР.

2) В области отношений Революционных Трибуналов к Губернским Отделам Юстиции.

II Всероссийский С'езд Председателей Трибуналов полагает совершенно достаточным наличность Кассационного Центра для надзора за деятельностью Трибуналов в рамках, предоставленных основным положением Кассац. Трибуналу прав и полномочий, а потому всякий иной надзор со стороны местных Отделов Юстиции считает излишним. Местный Зав. Губ. Отделом Юстиции не может, по мнению С'езда, ни вмешиваться в дело распределения функций и разделения труда внутри судебной коллегии между отдельными членами Трибунала, ни требовать от Председателя Трибунала предста-

вления себе каких бы то ни было отчетов в устной или письменной форме о деятельности Трибунала, ни присваивать себе каких-либо прав ревизионного характера или надзора за деятельностью Трибунала. Если зав. Отд. Юстиции будет усматривать какое-либо правонарушение со стороны Трибунала, при чем это правонарушение будет непосредственно относиться к отправлению Трибуналом, как таковым, порученного ему дела революционного правосудия, в какой бы стадии этого отправления правонарушения ни были допущены; в стадии ли следственного производства, подготовительных к суду действий, или во время самого судебного разбирательства, или при постановлении приговора, зав. Отд. Юстиции может и должен обжаловать таковые действия в Кассационный Трибунал, как на основании предоставленных каждому гражданину Республики прав обжалования с соблюдением установленных сроков, либо вне зависимости от таковых в порядке сообщения Кассац. Трибуналу для принятия последним соответствующих мер в порядке надзора. В непосредственном ведении Завед. Отдел. Юстиции в отношении к Губревтрибуналу находится лишь: а) ведение списка личного состава всех работников Губревтрибунала для сообщения в соответствующий отдел Народного Комиссариата Юстиции, б) ведение уголовной статистики в отношении лиц, осужденных Трибуналом, и согласование своей деятельности, как Заведующего местным Карательным Отделом и местами заключения, с соответствующей областью деятельности Трибунала, в) наблюдение за правильным и своевременным ассигнованием Трибуналу необходимых сумм по соответствующим сметным предположениям и за соответственным расходованием Трибунала этих сумм и г) согласование такой же своей деятельности с деятельностью Трибунала в случаях, когда в законе прямо предписано такое участие, как, например, в деле по применению амнистии и наблюдении за таковым применением в деле разгрузки тюрем по поручению Губисполкомов путем переводов или перемещения заключенных и т. д., как в самый Трибунал, или Губисполком, так и непосредственно в Кассац. Трибунал, однако, какие бы то ни было меры в отношении Трибунала в результате сообщений зав. Отд. Юстиции могут быть принимаемы только самим Губисполкомом в целом и то за исключением случаев, в отношении коих требуется на основании вышеизложенного санкция Касс. Трибунала, либо кои вообще могут быть приняты только Касс. Трибуналом, как судебной инстанцией, располагающей правами надзора.

3) В отношении форм и порядка осуществления Ревтрибуналами прав судебного контроля над деятельностью Ч. К. и иных административных мест, ведающих борьбу с преступностью.

Рассматривая включение в состав Ревтрибунала одного из членов коллегии местной Ч. К., как поворотный момент к слиянию обоих органов в единый орган и средство установления теснейшего контакта между обоими учреждениями, II Всероссийский С'езд по-

лагает необходимым широко использовать эту живую организационную связь для осуществления действительного фактического надзора Трибунала над деятельностью Ч. К. в целях устранения тех недочетов в работе Ч. К., которые с достаточной резкостью уже обнаружились в практике последних и в основном сводились: 1) к часто имевшему место слишком поспешному и неоправдываемому необходимостью лишению свободы привлеченных по делу в качестве обвиняемых, 2) к продолжительному содержанию этих лиц под стражей, без необходимого дальнейшего движения дела о них, 3) к ряду неправомерных действий отдельных следователей и работников Ч. К. при допросах, арестах и обысках и в особенности при широком применении Ч. К. в видах раскрытия преступления метода провокации, 4) во вменении в вину привлекаемым по делу не подлежащих вменению и не караемых законом действий, 5) в несовершенстве технического аппарата Ч. К. при проведении следствия, благодаря чему следствие не проводилось с достаточной полнотой и не давало тех результатов, какие должно было дать.

Главным и основным средством для устранения этих недочетов и орудием действительного контроля С'езд считает предоставленное Трибуналам ст.ст. 8, 9 и 12 Основного Положения право поверки в распорядительном заседании Трибунала правильности направления дел в Трибунал по докладу следователя-докладчика при Трибунале. Безапелляционный характер, который закон придает решению Трибунала по этому вопросу, и широкие права его принять или не принять к своему производству дела, а равно признать или не признать произведенное расследование достаточно полным или вернуть дело обратно для доследования, или же, наконец, дополнить следствие отдельными следственными действиями, через следователя-докладчика,—все вместе дает Трибуналу возможность, а в известных случаях и вменяет ему в обязанность, проверить все следствие целиком и все выводы обвинительного заключения по делу полностью. Этот предварительный контроль распорядительного заседания помимо последующего затем контроля заседания судебного при подлежащем использовании должен являться основной формой контроля судебной инстанции над, быть может, слишком поспешными заключениями коллегии Ч. К. Действительность этого контроля всецело будет зависеть, однако, от того, насколько сам Трибунал сумеет поставить на должную высоту работу своих следователей-докладчиков. Принять все меры поэтому к должной постановке этого института С'езд категорически вменяет в обязанность всем Председателям Трибуналов.

Вторым следствием контроля и надзора С'езд полагает предоставленное Трибуналам ст. 9 Положения право поверки следственных действий Ч. К., как по поступившим уже в Трибунал, так и по находящимся еще в производстве Ч. К. делам, розыскные действия по которым уже закончены. Этот последний признак С'езд полагает необходимым во избежание недоразумений точно рассматривать и под законченностью розыскных действий полагает разуметь момент произведения ликвидации преступной деятельности привле-

каемых лиц путем ареста их по постановлениям Ч. К. и пред'явлении главным виновникам обвинения при первых допросах и сосредоточении в руках соответствующего всех данных розыска до следственной разработки. Поскольку закон не оговаривает вовсе того, какого рода обстоятельства могут побудить Трибунал к такого рода поверке, С'езд полагает, что побудительными мерами могут в этом случае быть, как отдельные конкретные жалобы со стороны привлеченных или их близких, так и помимо таковых постановления самого Трибунала о периодической поверке действия того или иного следователя по отдельному делу или по всем порученным ему делам или даже всей деятельности того или иного из Отделов Ч. К. в целом. В этих последних случаях С'езд считает, однако, настоятельно необходимым подчеркнуть, что назначение таких обследований должно иметь место по возможности всегда по единогласному постановлению всей коллегии Трибунала и *по преимуществу* поручается члену Трибунала, делегированному в его состав от местной Коллегии Губчека и лишь в самых крайних случаях помимо или против воли этого члена. С'езд категорически высказывается против и предостерегает товарищей от увлечения этим правом ради этого права, памятуя основную цель, преследуемую законом—создание единства в деятельности обоих учреждений и интереса дела, как такового.

Наконец, третьим средством контроля является предоставленное Трибуналам ст. 12 Основного Положения право посещения мест заключения и поверки закономерности содержания под стражей арестованных. Отсутствие ограничительных признаков в этой статье, с одной стороны, и оговоренное ст. 6 Положения о Народном Суде такое же право посещения с той же целью мест заключения Народными Судьями, с другой — заставляет сделать из сопоставления обоих статей единственно возможный вывод, во-первых, о том, что все места заключения будут посещаемы и все арестованные опрашиваемы, в том числе и заключенные в лагери принудительных работ и арестные дома, и, во-вторых, что эта деятельность по поверке, осуществляемая параллельно Трибуналом и Народным Судом, отнюдь не должна приводить к коллизии между этими двумя органами, уполномоченными на одно и то же дело; отсюда следует, что все заключенные по постановлению административных мест, независимо от того, в какой стадии находится их дело, могут быть поверяемы с точки зрения закономерности их содержания под стражей и со всеми последствиями для учреждения, за коим они числятся, за неправомерное лишение свободы. Умело, правильно и широко использованное это право должно, по мнению С'езда, являться одной из самых могучих правовых гарантий, мыслимых в Советской Республике в период диктатуры пролетариата.

Особо приходится отметить еще один из способов контроля, предоставленный Трибуналу опубликованным приказом Президиума ВЧК за № 48 всем Губчека, копией сообщенным всем Трибуналам. Параллельно с требованием закона представлять на утверждение ВЧК постановления местных ЧК об административном разрешении ряда дел в случаях, когда дело разрешается в административном по-

рядке целиком, приказ № 48 указывает, что Ч. К. обязаны в случаях, когда ими перед направлением дела в Трибунал выделяется из него ряд лиц, в отношении коих дело разрешается в административном порядке за недостаточностью улик,—выписка соответствующего постановления ЧК должна приобщаться к пересылаемому делу. Трибуналы обязаны, согласно тому же приказу, после судебного рассмотрения дела всегда пересматривать эти постановления на случай, чтобы лица административного заключения не оказывались бы подверженными каре в то время, как главные виновники вышли из суда оправданными (при оправдательном приговоре). С'езд полагает, однако, желательным, чтобы такой пересмотр постановления ЧК имел место и до судебного разбирательства при докладе следователя-докладчика в распорядительном заседании на случай возможного привлечения этих лиц в качестве обвиняемых по тому же делу. Эту обязанность, по существу таких постановлений, С'езд опять-таки рекомендует возлагать на члена Трибунала из состава местной коллегии ЧК во избежание и здесь ненужных трений и междуведомственного антагонизма.

Наконец, С'езд подчеркивает, что в отношении всех остальных дел, не направляемых в Трибунал, единственной гарантией правильности разрешения является направление их из ЧК в Народный Суд.

Все вышеизложенные замечания С'езд предлагает центральным учреждениям Наркомюста и Касстрибуналу провести в жизнь в порядке инструкционных раз'яснений к статьям Основного Положения.

Резолюция по докладу тов. Крыленко об организации следственной части при Трибуналах по новому закону о процессуальной стороне Трибунального производства

Заслушав доклад тов. Крыленко, С'езд целиком и полностью присоединяется к развитым в докладе положениям и постановляет принять их к руководству и исполнению. Одновременно же считает нужным особо подчеркнуть:

1. Что институт следователей-докладчиков должен быть поставлен в Трибуналах на особую высоту и его правильной организации должно быть уделено максимальное внимание. Следователям-докладчикам должно быть вменено в обязанность, как формальная проверка направляемого дела в смысле наличности при деле всех необходимых формальных документов, так и поверка по существу в смысле подсудности данного дела Трибуналу и в особенности правильности и обоснованности всех выводов обвинительного заключения. Само это заключение должно обязательно заключать в себе: а) историю возникновения дела; б) изложение всех доказанных фактов, вменяемых в вину; в) точное определение удельного веса содеянного каждым из подсудимых по сравнению с деянием главных виновников, с соответственной группировкой всех обвиняемых;

г) изложение смягчающих и отягчающих вину обстоятельств, если таковые имели место, и, наконец, д) по возможности формулировку обвинения по пунктам, что позволило бы Трибуналу при вынесении приговора ссылкой на готовую формулировку обвинения заменить обязательную мотивировку в самом приговоре ответами: да, доказано, или нет, не доказано—на каждый из формулированных в заключении пункт обвинения. Концентрируя все внимание следователей-докладчиков на этих пунктах, С'езд полагает, что производство дополнительного расследования помощью этих следователей должно иметь место в исключительных случаях, вся же тяжесть их чисто следственной работы должна быть перенесена на предварительное, детальное и тщательное ознакомление с делом и *устный* доклад в распорядительном заседании по вопросу о том, насколько полно следствие и требуется ли дополнительно осветить исправление дефектов первоначального следствия ЧК, как равно и заключение следователя-докладчика по привходящим вопросам, не погашается ли преступление по акту об амнистии и т. п. На тех же следователей должно быть возложено и последующее, за утверждением его заключения в распорядительном заседании Трибунала, пред'явление этого заключения подсудными, как равно и пред'явление им всего следственного производства по делу, в случае их о том ходатайств и отобрание от них расписки в пред'явлении поданных ходатайств и заявлений.

2. В отношении процессуальной стороны С'езд признает необходимым строго разграничивать, на основании пред'явленных трибуналом основных положений прав, два основных порядка рассмотрения дел: развернутый или широкий порядок и сокращенный или упрощенный порядок рассмотрения, понимая под первым—рассмотрение дела с участием обвинения и защиты, вызывом необходимых по делу свидетелей, допущением прений сторон и т. д., и под вторым порядком—слушание дела без свидетелей, без защиты и обвинения с одним только допросом обвиняемого самим Председателем Трибунала, с предоставлением обвиняемому последнего слова, дто дает возможность довести быстроту рассмотрения дел до 5—6 дел в заседании. Первый порядок (развернутый) С'езд рекомендует применять только, как исключение, т. е. по делам, требующим такого порядка по своей сложности или по своему политическому содержанию и важности затрагиваемых процессом общественных вопросов. Второй порядок должен быть усвоен, как *общее правило*, для большинства дел для постановки трибунальной репрессии на должную высоту, при чем, согласно точному смыслу ст. 14, вызов свидетелей должен иметь место лишь в случаях, когда показания свидетеля не возбуждают доверия и требуют личной проверки. Подробную инструкцию С'езд предлагает разработать Касстрибуналу.

3. Независимо от порядка, каким рассмотрено дело, С'езд категорически подчеркивает и вменяет в обязанность всем председателям Трибуналов наблюдение за тем, чтобы приговоры всегда заключали в себе точное обозначение фактов, совершенных подсудимым и признанных доказанными. Мотивировка приговора отнюдь не

заключает в себе изложения судебных доказательств, склонивших Судебную Коллегию к обвинительному приговору, должна содержать в себе всегда изложение того, что же именно Трибунал признал доказанным. Не меньшую важность, равным образом, С'езд придает правильному составлению протокола судебного заседания, и здесь на первое место ставится, во-первых, краткое содержание показаний свидетелей и обязательное занесение в протокол всех заявлений сторон по их о том ходатайствам. Памятуя о том, что незанесение в протокол ходатайств лишает затем подсудимого возможности ссылаться в кассационной жалобе на нарушение, допущенное Трибуналом, по которым обвиняемый ходатайствовал о занесении в протокол.

С'езд категорически настаивает, наконец, на скорейшем опубликовании Кассационным Трибуналом необходимых для руководства примерных форм протоколов и приговоров, равно, как и иных форм частных определений Трибунала, выносимых им при рассмотрении дела.

Резолюция по вопросу о мерах наказания, налагаемых Трибуналом, и порядке применения частной амнистии Президиумом ВЦИК по делам, рассмотренным Трибуналом.

Заслушав доклад тов. Крыленко, II Всероссийский С'езд председателей Трибуналов постановил:

1. Признать создание особого Уголовного Кодекса и скалы наказаний по определенным категориям преступлений для дел, рассматриваемых в Трибунале, принципиально нежелательным, не отвечающим ни духу трибунальной репрессии, ни основным воззрениям пролетарского общества на существо наказания, ни условиям переживаемого периода диктатуры пролетариата.

2. Признать необходимым разработать и привести в законодательном порядке урегулирование форм и порядка применения частной амнистии Президиумом ВЦИК по делам, рассмотренным в Трибунале. Это урегулирование в основном должно вылиться: а) в обязательное предварительное ранее постановление об амнистии, истребование от Трибунала, вынесшего приговор, заключение по вопросу о целесообразности применения амнистии по данному делу; б) в представлении применения досрочного освобождения исключительно компетенции суда, вынесшего приговор, в) в предоставлении Трибуналам права, путем включения особой оговорки в приговор, исключать возможность применения частных амнистий по данному делу ранее истечения части или всего срока, на который приговаривается осуждаемый по усмотрению Трибунала; г) в обязательном согласовании вышеуказанной деятельности Президиума ВЦИК с деятельностью карательного отдела НКЮ или тех органов, в ведении которых находится амнистируемый с момента вступления в законную силу приговора.

3. Предложить Трибуналам ввести строжайший учет осужденных им лиц с тем, чтобы какое бы то ни было изменение в судьбе осужденного не могло иметь место без ведома и санкции, по мень-

шей мере, распорядительного заседания Трибунала, вынесшего приговор, или по истребовании соответствующего заключения Трибунала.

4. Одновременно С'езд рекомендует председателям Трибуналов избегать назначения длительных сроков лишения свободы по приговорам Трибуналов, заменяя эту длительность либо оговорками о невозможности применения амнистии, либо оговоркой о помещении осуждаемого в места заключения со строгим изоляционным режимом, без права свиданий, переписки и прочих льгот, предоставляемых осужденным особым порядком.

Резолюция по вопросу об отчетности Трибунала.

Заслушав доклад тов. Анского, II Всероссийский С'езд Председателей Трибуналов полагает достаточным установить в качестве обязательной для Трибуналов формы отчетности, предоставляемой один раз в 3 месяца повествовательную форму, содержащую в себе, во-первых: а) характеристику общего направления деятельности Ревтрибунала за отчетный период; б) характеристику преступлений, в отношении коих главным образом осуществлялось Трибуналом применение высших мер репрессии, с приложением копий приговоров по наиболее выдающимся из рассмотренных дел; в) указание замечаемых самим Трибуналом недостатка в своей деятельности, и г) статистические приложения цифровых данных, рисующих картину движения дел за отчетный период, количество законченных, неоконченных производством дел и дел прекращенных и данных по классификации преступлений и преступников, прошедших через Трибунал по форме, выработать которую и опубликовать С'езд предлагает Касстрибуналу.

Независимо от этой отчетности, за Касстрибуналом остается предоставленное ему Основным Положением право требовать представления себе от любого Трибунала копий всех вынесенных им приговоров за определеный период и в сроки, указанные Касстрибуналом.

Резолюция о штатах трибунала.

II Всероссийский С'езд Председателей Ревтрибуналов настоятельно просит Народного Комиссара Юстиции утвердить и провести в самом скорейшем времени следующий примерный штат Губернского Ревтрибунала.

Председатель Трибунала 1, членов Трибунала 5, секретарей 2, помощников секретарей 2, корреспондентов 3, машинисток 3, журналистов 2, рассыльных 3, судебный распорядитель 1, сторож 1 и вооруженная охрана 5 человек.

Приложение № 41.

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Труда и Обороны.

Об образовании Коллегии по проведению военного положения и о предоставлении Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и некоторым ее органам прав Революционных Военных Трибуналов в отношении преступлении, направленных против военной безопасности Республики.

В виду усиливающейся работы агентов польской шляхты в тылу Красной армии в центре страны, в виду ряда поджогов, взрывов, а также всех видов саботажа, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Труда и Обороны считают необходимым придать военному положению самый решительный и непреклонный характер.

В целях общего наблюдения над проведением военного положения, об'явленного 12 мая с. г. (Собр. Узак. 1920 г. № 43, ст. 190), действительности его применения на местах и осуществления беспощадной расправы над всеми врагами Республики Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Труда и Обороны постановили:

1) Образовать при Совете Труда и Обороны Коллегию в составе председателя Аванесова и членов т.т. Антонова-Овсеенко и Мессинга.

2) Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и тем ее органам, которые будут на это специально уполномочены означенной Коллегией предоставляются права Военных Революционных Трибуналов в отношении всех преступлений, направленных против военной безопасности Республики (взрывы, поджоги, измена, шпионаж, спекуляция военным имуществом, преступное нерадение при проведении охраны военных складов и др. военных мероприятий).

3) Коллегия не создает своего технического аппарата и все свои решения проводит через соответствующие центральные и местные органы Советской власти.

Подписали: Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *М. Калинин.*

Председатель Совета Труда и Обороны *Вл. Ульянов (Ленин).*

Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *А. Енукидзе.*

28 мая 1920 года. Распубликован в № 115 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 29 мая 1920 г. и в «Собр. Узак.» 1920 г., № 28, ст. 370.

Приложение № 42.

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

О порядке приведения в исполнение Губернскими Революционными Трибуналами приговоров к высшей мере наказания в месностях, об'явленных на военном положении, а также в местностях, на кои распостраняется власть Революционных Военных Советов фронтов.

В связи с об'явлением ряда губерний на военном положении и предоставлением Губернским Революционным Трибуналам, кои расположены в местностях, об'явленных на военном положении, или на кои распространяется власть Революционных Военных Советов фронтов, права вынесения высших мер наказания (Собр. Узак. 1920 г., № 43, ст. 190), Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

В местностях, об'явленных на военном положении, а равным образом и в местностях, на кои распространяется власть Революционных Военных Советов фронта, Губернским Революционным Трибуналам предоставляется право в случае подачи кассационных жалоб или ходатайств о помиловании по делам, по коим вынесен приговор к расстрелу, входить с представлением в местный Губернский Исполнительный Комитет или его Президиум или в местный Революционный Комитет в течение 24 часов с момента получения Трибуналом кассационной жалобы или ходатайства о помиловании, о непропуске таковых и обращении приговора к немедленному исполнению, если Трибунал признает, что в силу безусловной ясности дела, тяжести совершенного деяния, политической обстановки, в коей находится данная губерния, приговор требует немедленного исполнения.

В случае единогласного утверждения Президиумом Губернского Исполнительного Комитета представления Трибунала, приговор немедленно приводится в исполнение, при чем копия приговора, определение Губернского Исполнительного Комитета и кассационная жалоба одновременно для сведения направляются в Кассационный Трибунал Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Определение Президиума Губернского Исполнительного Комитета должно быть подписано не менее, чем тремя членами из числа участвовавших в заседании.

Подписали: Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *М. Калинин.*

Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *А. Енукидзе.*

Распубликован в № 109 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 22 мая 1920 года и в «Собр. Узак.» 1920 г., № 48, ст. 214.

Приложение № 43

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Об об'единении всех Революционных Трибуналов Республики.

В развитие ст.ст. 6, 28, 37, 39 и 40 и в изменение примечания к ст. 1-й Основного Положения о Трибуналах (С. Узак. 1920 г. № 22—23, ст. 115) и ст. ст. 2, 3, 6, 7, 30, 31, 34, 35, 36 и 37 Положения о Революционных Военных Трибуналах(Собр. Узак. 1920 г. № 54, ст. 236) и ст.ст. 1—10 и 30—31 Положения о Революционных Военно-Железнодорожных Трибуналах (Собр. Узак. 1920 г. № 21, ст. 112) в целях об'единения деятельности всех без исключения судов Республики и установления надзора за этой деятельностью Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1. В качестве единого Кассационного органа и органа ближайшего надзора для всех действующих на территории РСФСР Трибуналов, также судебного учреждения для дел особой важности, установить состоящий при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Единый Верховный Трибунал, Ведомственные Трибуналы: Революционный Военный Трибунал Республики при Революционном Военном Совете Республики с подчиненными ему окружными военными Трибуналами, кроме действующих во фронтовой обстановке, порядок сохранения коих определен ниже, Главный Революционный Военно-Железнодорожный Трибунал при Народном Комиссариате Путей Сообщения со всею сетью подчиненных ему Трибуналов к состоящий при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Верховный Революционный Трибунал, об'единить. Функции и аппараты об'единенных трибуналов передать в Верховный Трибунал и Губернские Революционные Трибуналы на местах по принадлежности.

2. Верховный Трибунал учреждается в составе: а) пленума или об'единенного заседания председателей Коллегии Верховного Трибунала, члена-докладчика и представителя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, б) Коллегий Верховного Трибунала: кассационной, судебной, военной и военно-транспортной, в) областных Отделений Верховного Трибунала.

П р и м е ч а н и е 1-е. Организация новых и ликвидация действующих коллегий Верховного Трибунала устанавливается всякий раз особым постановлением Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета по представлению Пленума Верховного Трибунала. Открытие новых отделений или ликвидация действующих производится непосредственно постановлением Пленума Верховного Трибунала.

П р и м е ч а н и е 2. В автономных областях и федерированных республиках отделения Верховного Трибунала откры-

ваются по соглашению с высшими органами власти таковых республик и областей в соответствии с их Конституцией и с утверждения Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Примечание 3. Организация Трибуналов и круг судебной и внесудебной репрессии в советских республиках, находящихся в договорных взаимоотношениях с РСФСР определяются постановлением Центральных Исполнительных Комитетов этих советских республик.

3. Председатель Верховного Трибунала назначается Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом из членов Коллегии Народного Комиссариата Юстиции, его заместитель, он же член-докладчик, также назначается Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.

4. Кассационная Коллегия Верховного Трибунала составляется из Председателя Пленума Верховного Трибунала или его заместителя, члена-докладчика и двух членов из состава членов Коллегии Верховного Трибунала, призываемых для заседания в Кассационной Коллегии и ее отделениях в определенной очереди, устанавливаемой в распорядительном заседании Пленума Верховного Трибунала.

5. Судебная, военная и военно-транспортная коллегии образуется каждая в составе: Председателя или его заместителя и четырех членов. Все означенные лица утверждаются Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом, при чем председатели, их заместители и члены военной и военно-транспортной коллегий по представлению первый—Революционным Военным Советом Республики, а второй—Народным Комиссариатом Путей Сообщения.

Примечание. Верховный Трибунал имеет право привлекать Высший Совет Народного Хозяйства и Народный Комиссариат по Продовольствию для участия в формировании Коллегий Трибуналов, а Высшему Совету Народного Хозяйства и Народному Комиссариату по продовольствию предоставляется право входить в Пленум Верховного Трибунала с ходатайством о предоставлении им права участия в формировании Коллегий Трибуналов как в центре, так и на местах при разборе дел о продовольственных и хозяйственных преступлениях в порядке ст. 6 Основного Положения о Трибуналах.

6. Пленуму Верховного Трибунала принадлежат все права по надзору, контролю и ревизии всех Трибуналов Республики, предусмотренных в ст.ст. 36 и 37 Основного Положения, а также возлагается предусмотренная ст. 38 того же Положения обязанность инструктирования Трибуналов Республики по всем вопросам, имеющим принципиальный и общий характер. В отношении федерированных Республик в автономных областях те же права и обязанности по надзору устанавливаются по особому с последними соглашению на основе действующих конституций. Приговоры и определения Коллегий Верховного Трибунала могут быть приостанавливаемы и отменяемы Пленумом Верховного Трибунала исключительно в порядке надзора.

Предусмотренные ст. 37 Основного Положения права члена-докладчика Верховного Трибунала переносятся на члена-докладчика Пленума. В своей деятельности Пленум Верховного Трибунала подотчетен исключительно Президиуму Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Народному Комиссариату Юстиции в порядке осуществления последним прав, предоставленных ему Положением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о высшем судебном контроле от 10-го марта 1921 года (Собр. Узак. 1921 г. № 15, ст. 97). Отчетность военной и военно-транспортной Коллегий перед Пленумом Верховного Трибунала не исключает и ведомственной отчетности, с тем, что директивные указания главных ведомств по вопросу о направлении политики репрессий подлежат обсуждению в Пленуме Верховного Трибунала по докладу соответствующей Коллегии.

7. На Кассационную Коллегию возлагается рассмотрение кассационных жалоб и протестов в порядке действующих ст.ст. Основного Положения, а в порядке надзора рассмотрение приговоров Военных и Военно-Транспортных Трибуналов в тех случаях, когда военная и военно-транспортная коллегии Верховного Трибунала по тем или иным причинам сочтут необходимым изменить приговор в порядке ст. 31-й Положения о Революционных Военных Трибуналах и ст.ст. 30—32 Положения о Революционных Военно-Железнодорожных Трибуналах с дальнейшим направлением этих дел в порядке ст. 35 Основного Положения о Трибуналах. Судебные приговоры судебной, военной и военно-транспортной коллегий Верховного Трибунала рассмотрению в кассационном порядке не подлежат.

8. На судебную коллегию возлагается рассмотрение в порядке судебном дел исключительной важности, передаваемых ей либо особым постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, либо постановлением Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, либо Народным Комиссариатом Юстиции, при чем определения Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета для него обязательны. В отношении же дел, направляемых к ней Всероссийской Чрезвычайной Комиссией и Народным Комиссариатом Юстиции, если судебная коллегия не признает возможным принять к своему рассмотрению направленного ей дела, она направляет дела по подсудности по своему усмотрению.

9. На военную и военно-транспортную Коллегии Верховного Трибунала возлагается: 1) надзор и инструктирование Военных Трибуналов, сохраняемых согласно настоящему Положению на фронтах и в отдельных местностях РСФСР и военно-транспортных Трибуналов, сохраняемых по одному на дорогу и по одному на водный район, при чем председатели военной и военно-транспортной коллегий являются членами-докладчиками в Пленуме Верховного Трибунала по вопросам надзора и инструктирования в порядке примечания к ст. 37 Основного Положения; 2) право пересмотра и приостановления приговоров к расстрелу Военных Трибуналов и Военно-Транспортных Трибуналов, направляемых к ним в порядке ст. ст. 30—31 По-

ложения о Военных Трибуналах и ст. 31 Положения о Революционных Военных Железнодорожных Трибуналах, при чем предоставленное тем же Положением право Революционному Военному Совету, Народному Комиссару Путей Сообщения и комиссарам дорог на приостановление приговоров отменяется. В отмену прежде установленного порядке, изменение приговоров местных Трибуналов Военной и Военно-Транспортной Коллегиями, без передачи дела на новое рассмотрение, допускается лишь в едином порядке, установленном ст. 35 Основного Положения, т. е. через представление в кассационную коллегию и с ее заключением во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет; 3) рассмотрение в порядке судебном определенных категорий дел персональной подсудности, указанной в соответственных статьях Положения о Военных Трибуналах и Положения о Революционных Военно-Железнодорожных Трибуналах и тех дел, кои будут Пленумом Верховного Трибунала или Кассационной Коллегией из'яты из других Трибуналов, или кои будут из'яты военной и военно-транспортной коллегиями из рассмотрения подведомственных им Военных Трибуналов и Военно-Транспортных Трибуналов и приняты к своему производству без передачи их в другой Трибунал; 4) право образования выездных сессий и местных отделений Трибуналов сверх допущенных по настоящему Положению, всякий раз, однако, с ведома Пленума Верховного Трибунала, в порядке примечания 1-го к ст. 2-й настоящего Положения.

10. В связи с изложенным, а также, считаясь с ослаблением напряжения гражданской войны, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1) Упразднить все Революционные, Военно-Железнодорожные Трибуналы, за исключением одного на каждую железную дорогу и водный район, и все те Военные Трибуналы в округах, на фронтах, в армиях и дивизиях, существование коих, в связи с прекращением военных действий, не вызывается необходимостью, кроме местностей и областей, где, несмотря на такое прекращение, все же немедленное упразднение Военных Трибуналов явилось бы преждевременным. Точный список упомянутых местностей представляется Революционным Военным Советом Республики в Пленум Верховного Трибунала, установив такое направление и впредь в качестве формального признака правомерности деятельности Военных Трибуналов. При подавлении бандитских и контр-революционных восстаний при действующих частях, в тылу могут быть открываемы Военные Трибуналы, согласно постановления Военной Коллегии и с санкции Пленума Верховного Трибунала. В качестве основного отличия Военных Трибуналов сохранить оговоренные в ст.ст. 21 и 29 действующего Положения о Военных Трибуналах их процессуальные особенности в виде недопущения кассационного обжалования на приговоры таковых Трибуналов, предоставления права присуждения к высшей мере наказания и особый, установленный Положениями о военных и железнодорожных военных Трибуналах, порядок формирования их лич-

ного состава. Подсудность Военно-Транспортных Трибуналов ограничить применительно к ст. 10 Положения о Революционных Военно-Железнодорожных Трибуналах исключительно делами о преступлениях служащих и рабочих железнодорожного и водного транспорта и других лиц, если результатом их деятельности был ущерб транспорту, с обязательной передачей всех остальных дел в местные Трибуналы и их отделения по принадлежности.

2) При всех Губернских Революционных Трибуналах установить в качестве постоянного действующего отделения их: «Отделения по военным и крупным служебным должностным преступлениям». Таковым отделениям предоставить право присуждения к высшей мере наказания, независимо от наличия в данной местности военного положения. Передачу дел в указанные отделения обусловить: а) материальным признаком, ограничив подсудность их делами о шпионаже, контр-революционных восстаниях, заговорах, бандитизме и делах о воинских преступлениях и злостном дезертирстве, и б) признаком формальным—передачей на рассмотрение указанных отделений и всяких иных дел, однако, каждый раз постановлением распорядительного заседания Губернского Революционного Трибунала, в составе его председателя, являющегося в то же время заместителем председателя Губернского Революционного Трибунала и представителя Чрезвычайной Комиссии, делегируемого в Трибунал по Положению.

В развитие ст. ст. 6 и 7 Основного Положения, председателя Губернского Революционного Трибунала и его заместителя установить несменяемыми без санкции Верховного Трибунала. Право кассационного обжалования допустить на приговоры военных отделений, оставив в силе ограничения, установленные постановлением Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 22-го мая 1920 года о непропуске кассационных жалоб Президиумом Губернского Исполнительного Комитета (Собр. Узак. 1920 г. № 48, ст. 214), с тем лишь изменением, что непропуск жалобы может быть определен простым большинством голосов.

11. В изменение примечания к ст. 1-й Основного Положения, в связи с изданием декрета о максимальном сроке присуждения к лишению свободы (Собр. Узак. 1921 г. № 22, ст. 138), постановить: срок лишения свободы, по приговорам Чрезвычайных Комиссий, без направления дела для судебного разбирательства в Народные Суды или Трибуналы, понизить до 2-х лет, ограничив присуждение к таковому только в отношении лиц, уличенных в принадлежности к антисоветским политическим партиям, или к явно белогвардейским элементам. Все остальные дела, находящиеся в производстве Чрезвычайных Комиссий, поскольку таковые дела не направляются в Трибуналы, обязательно направляются Чрезвычайными Комиссиями в особые камеры Народного Суда, подлежащие образованию при каждой Чрезвычайной Комиссии. В местностях, об'явленных на военном положении, предоставленные Чрезвычайным Комиссиям права по применению всех мер наказания, вплоть до расстрела, ограничить исключительно тремя категориями преступлений: а) по делам о

шпионаже, б) по делам о бандитских преступлениях, в) по делам об участии в открытом вооруженном восстании. Все Чрезвычайные Комиссии обязать отчетностью о поставленных ими в несудебном порядке приговорах в Верховный Трибунал.

12. Инструкцию по проведению в жизнь изложенных положений Революционных Трибуналов Республики и издание нового согласованного с изложенными изменениями «Единого Положения о Трибуналах» поручить разработать в месячный срок Верховному Трибуналу по его сформировании. За исполнением последнего постановления наблюсти Народному Комиссару Юстиции.

Настоящее Положение вступает в действие через 14 дней после его опубликования.

Подписали: Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *М. Калинин.*

Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *А. Енукидзе.*

23 июня 1921 года.

Распубликован в № 138 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 28 июня 1921 года и в «Собр. Узак.» 1921 г. № 51, ст. 294.

Приложени № 44.

Резолюции, принятые на IV Всероссийском С'езде Деятелей Советской Юстиции 25—30 янв. 1922 г.

О Прокуратуре.

Заслушав доклад о прокуратуре тов. Крыленко и содоклад тов. Эстрина, с'езд считает, что задачи прокуратуры в проекте НКЮ в общем и целом изложены правильно; однако, одновременно с'езд полагает необходимым при построении прокуратуры последовательно проводить следующие принципы:

1. Прокуратура снизу до верху должна быть построена независимой от местных влияний и назначается и смещается исключительно распоряжением Прокурора Республики.

2. Прокурору, как наблюдающему за соблюдением законов, должен быть предоставлен совещательный голос в заседаниях исполкомов.

3. Прокурор не связан решением губотдела юстиции.

О Судоустройстве.

Четвертый Всероссийский с'езд деятелей советской юстиции полагает, что при дальнейшем построении и укреплении единой судебной системы и введении прокуратуры отделы юстиции подлежат упразднению.

В области судоустройства, укрепляя и развивая принципы существования Единого Народного Суда, как органа диктатуры пролетариата, и вовлечения в работу суда широких масс рабочих и крестьян, с'езд высказывается за создание в центре авторитетного высшего судебного органа, об'единяющего кассационную деятельность всех видов судов.

Как ближайшую задачу для проведения в жизнь, с'езд принимает следующие тезисы:

I. Принципы революционной законности требуют точного разграничения подсудности между Ревтрибуналами и Нарсудами. На основе Уголовного Кодекса возможно будет точно определить подсудность трибуналов: она должна быть ограничена делами о контрреволюции, крупных должностных, бандитских и серьезных военных преступлениях. Право трибуналов самим расширять свою подсудность (вторая часть ст. 2 Положения о Ревтрибуналах), должно быть отменено.

II. Коллегиальность Нарсуда (3 и 7 человек) и участие Народных Заседателей сохраняется, как основа единого Народного Суда, но необходимо обращение самого серьезного внимания на правильность составления списков заседателей и на подготовительную работу с ними.

III. Камеры при ЧК, в связи с изменением функций ЧК, должны быть ликвидированы; временные дежурные камеры для разбора определенных однообразных дел, имеющих ударный характер (дезертирские, по борьбе с волокитой и т. п.), необходимо сохранить. Также должны быть сохранены дежурные камеры Нарсуда для разбора несложных дел (циркуляр НКЮ № 21, 1920 г.), как общее правило в них должны рассматриваться лишь дела о тех обвиняемых, которые в достаточной степени изобличены дознанием и признали себя виновными. Дела, предусмотренные ст. 7 Положения о Нарсуде, ни в коем случае, не могут слушаться в дежурных камерах.

IV. Особые сессии по уголовным делам при Совнарсудах и в уездах необходимо сохранить. Подсудность особых сессий должна быть специально разработана в направлении передачи на их рассмотрение дел, имеющих крупное общественное и политическое значение. Дела в уголовных сессиях рассматриваются в составе 6-ти и 2-х заседателей.

V. Должно быть обращено самое серьезное внимание на организацию особых сессий по гражданским делам. Как общее правило, им должны быть подсудны все гражданские дела по искам, возникающим из концессионных договоров, арендных и других договоров, в которых стороной является государство, дела по искам бывших владельцев предприятий к государству о возвращении предприятий. Состав суда особых сессий по гражданским делам должен быть особенно квалифицированным и комплектоваться по особому списку.

VI. В целях приближения суда к месту и среде, где и в которой было совершено преступление, необходимо слушать дела, имеющие общественное значение, в выездных сессиях на фабриках, заводах

и крупных селениях. Совнарсуды должны организовать периодические выездные сессии в уезды для рассмотрения на месте кассационных дел.

Об адвокатуре.

4-й с'езд деятелей Советской Юстиции по вопросу об адвокатуре высказывается за необходимость замены ст.ст. 43—49 Положения о Народном Суде следующими статьями:

43. При губернских совнарсудах образуются коллегии защитников по уголовным и гражданским делам (Деятельность коллегии защитников регулируется особым положением о них).

44. Члены коллегии защитников утверждаются президиумом губисполкомов по представлению совнарсуда.

Примечание. Члены коллегии защитников не могут занимать должности в государственных учреждениях и предприятиях.

45. Общее собрание членов губернской коллегии защитников избирает из своей среды бюро коллегии в составе не менее 3-х и не более 7-ми лиц, утверждаемое по представлению совнарсуда президиумом губисполкома.

Примечание. В уездных городах, общее собрание местных членов коллегии защитников избирает уездное бюро защитников, утверждаемое совнарсудом и действующее при уездном бюро юстиции под общим руководством губернского бюро коллегии защитников.

46. На бюро коллегии и уездное бюро защитников возлагается:

а) общее наблюдение и контроль за исполнением защитниками своих обязанностей, предусмотренных настоящим постановлением и положением о коллегии защитников (ст. 43);

б) назначение бесплатной защиты и защиты по таксе (ст. 47 п. «а» и «б»);

в) распоряжение денежными суммами, поступающими в фонд коллегии (ст. 48);

г) организация консультаций для оказания юридической помощи населению по заданиям совнарсуда.

47. Оплата труда защитников производится на следующих началах:

а) лица, признанные постановлением Нарсуда неимущими, от уплаты вознаграждения за ведение защитниками уголовных и гражданских дел освобождаются;

б) рабочие государственных и частных предприятий и служащие советских учреждений и предприятий имеют право оплачивать услуги защитников по таксе, установленной Наркомюстом;

в) во всех остальных случаях вознаграждение защитника определяется соглашением последнего с заинтересованной стороной;

г) государственные учреждения и предприятия центральные и местные имеют право оплачивать услуги защитников в порядке, установленном, как пунктом «б», так и пунктом «в» настоящей статьи.

48. Защитники вносят из своего вознаграждения процентное отчисление, устанавливаемое Наркомюстом, в фонд коллегии защитников, из коего производятся все расходы по содержанию бюро коллегии и юридических консультаций.

49. Государственные учреждения и предприятия, а равно Центросоюз и его местные органы, могут поручать ведение своих дел в суде лицам, состоящим у них на постоянной службе.

Равным образом, допускаются к защите по уголовным и гражданским делам члены общественных организаций, в которых состоит обвиняемый или тяжущийся, по особому полномочию руководящего органа данной организации, а также ближайшие родственники сторон. В исключительных случаях могут быть допущены к защите и другие лица, пользующиеся особым доверием суда.

Резолюция С'езда по докладу организационной Секции.

I. Постановление о Губюстах.

1. Судебно-следственный под'отдел отдела юстиции передается Совнарсуду.

2. Наблюдение за общим направлением деятельности всех органов юстиции губернии путем ознакомления с делами таковых из числа функций отделов юстиции исключается; право истребования отчетов и статистических сведений сохраняется лишь постольку, поскольку таковые требуются для отчетов и докладов губисполкому и Наркомюсту (п. 11 и 12 Положения). В соответствии с этим п. 3 Положения целиком отпадает, а в п. 11 вносится добавление: для чего отделы юстиции потребуют от подлежащих органов (совнарсуда, ревтрибунала) необходимые сведения.

3. Наблюдение за личным составом и деятельностью комиссий о несовершеннолетних передается совнарсуду, в связи с чем п. 5 Положения исключается.

4. Надзор отделов юстиции за деятельностью распределительных комиссий устанавливается в полном ее об'еме, в связи с чем из п. 6 Положения исключаются слова «по использованию труда заключенных».

5. П. 7 Положения изложить так: «наблюдение и общее руководство в отношении организационных мероприятий совнарсуда и ревтрибунала, контроль над деятельностью всех органов по борьбе с преступностью и об'единение всех, вообще, местных органов губернии по борьбе с преступностью».

6. Организация защиты (п. 9 Положения), сохраняется за отделами юстиции впредь до издания декрета о новой организации труда.

7. Вместо теперешней редакции примечания в) изложить таковое:

«Коллегия Губотюста состоит из завгубюста, председателя совнарсуда, председателя трибунала и заведывающего исправительно-трудовым под'отделом».

8. Примечание г) дополнить: завгубюст избирается губисполкомом и утверждается НКЮ, без санкции которого не может быть отозван; разногласия в этом вопросе между губисполкомом и НКЮ разрешаются Президиумом ВЦИК.

9. В остальном действующее положение о губюстах (циркуляр НКЮ, № 20 от 27 августа 1920 г. оставляется без изменений впредь до организации прокуратуры.

II. Постановления о Губсовнарсудах.

1) Предсовнарсуда и его заместитель избираются и отзываются так же, как завгубюст.

2) Принять к руководству и точному исполнению резолюцию IX С'езда Советов, определяющую задачи, на которые нарсуды в данный период революции должны обратить особое внимание.

3) Снабжение Нарсудов всем издаваемым законодательным материалом или газетами, где таковой публикуется, осуществляется НКЮ, а Губюсты обязаны в кратчайший срок сообщить НКЮ о способах, коими по местным условиям в данной губернии наиболее целесообразно могло бы быть осуществлено это снабжение.

4) Предложить Наркомюсту принять меры к скорейшему урегулированию вопроса о должной постановке деятельности комиссий по делам о несовершеннолетних.

5) Просить Наркомюст об урегулировании вопроса о порядке назначения опеки.

Приложение № 45.

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Положение о Народном Комиссариате Юстиции.

Общие задачи.

Ст. 1. На Народный Комиссариат возлагается:

а) общее руководство, организация и инструктирование всех действующих на территории РСФСР судебных учреждений, прокуратуры, органов следствия, нотариата и судебных исполнителей;

б) наблюдение за законностью;

в) наблюдение за деятельностью земельных комиссий, арбитражных комиссий при Совете Труда и Обороны и экономических совещаний, примирительных камер, третейских судов и других аналогичных учреждений, наделенных судебными функциями;

г) наблюдение за деятельностью коллегий защитников и организация юридической помощи населению;

д) рассмотрение спорных вопросов о разграничении компетенции органов юстиции, с одной стороны, и органов прочих ведомств, с другой;

е) наблюдение за ведением за границей уголовных и гражданских дел, в коих заинтересовано Правительство РСФСР и переписка по сношениям судебных мест РСФСР с иностранными судами;

ж) предварительное рассмотрение всех вносимых во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, Совет Народных Комиссаров и Совет Труда и Обороны законодательных предположений;

з) толкование действующих законов по запросам центральных и местных органов и по поручениям Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны;

и) публикование законов и распоряжений Правительства и наблюдение за частными изданиями упомянутых законов и распоряжений;

к) разработка совместно с Народным Комиссариатом Внутренних Дел правил об исправительно-трудовой системе в отношении лиц, приговоренных к лишению свободы или принудительным работам без лишения свободы и надзор за правильным функционированием мест лишения свободы и исправительно-трудовых учреждений; наблюдение за деятельностью комиссий по делам о несовершеннолетних;

л) общее руководство и наблюдение за проведением в жизнь отделения церкви от государства;

м) участие в разработке программы по подготовке советских юристов в юридических школах и правовых отделениях факультетов общественных наук; организация краткосрочных курсов для судебных работников.

Строение Народного Комиссариата Юстиции.

Ст. 2. Во главе Народного Комиссариата Юстиции стоит Народный Комиссар Юстиции, он же Прокурор Республики, и при нем коллегия.

Народный Комиссариат Юстиции подразделяется на следующие Отделы: 1. Отдел Судоустройства и Надзора, 2. II-й Отдел Административно-Финансовый, 3. III-й Отдел Законодательных предположений и Кодификации, 4. IV-й Отдел Прокуратуры, 5. V-й Отдел Культов, 6. VI-й Отдел Издательский.

I-й Отдел Судоустройства и Надзора.

Ст. 3. К предметам ведения I-го Отдела относятся:

а) организация судебных учреждений и следственных органов, нотариата и судебных исполнителей и учет всех судебных работников РСФСР, в том числе работников Верховного Суда, военных и транспортных трибуналов;

б) наблюдение за деятельностью коллегии защитников и организации юридической помощи населению;

в) ревизии и инспектирование всех органов, указанных в п. «а», выработка инструкций и циркуляров в раз'яснение узаконений, регулирующих функционирование этих органов;

г) наблюдение за организацией и деятельностью земельных комиссий, арбитражных комиссий, третейских судов, примирительных камер и т. п., а также за деятельностью комиссий по делам о несовершеннолетних;

д) разработка законопроектов в области судоустройства и судопроизводства, вносимых Народным Комиссариатом Юстиции в законодательные учреждения;

е) разработка статистического материала, поступающего от губернских судов, прокуратуры и исправительно-трудовых учреждений, а также статистических данных, поступающих от Народных Комиссариатов Юстиции союзных и автономных республик, издание ведомостей и справок о судимости;

ж) рассмотрение спорных вопросов о разграничении компетенции органов юстиции, с одной стороны, и органов иных ведомств—с другой;

з) переписка по сношениям судебных мест РСФСР с судами иностранных государств;

и) участие в выработке программы и учебных планов юридических школ и правовых отделений факультетов общественных наук; организация краткосрочных курсов для судебных работников;

к) организация с'ездов деятелей советской юстиции.

Ст. 4-я. Для выполнения указанных выше задач I-й Отдел Народного Комиссариата Юстиции имеет следующие под'отделы:

1. под'отдел общий и личного состава;
2. под'отдел ревизии и инструктирования;
3. под'отдел информационно-статистический и при нем бюро по изданию ведомостей и справок о судимости.

При I-м отделе состоит резерв кандидатов на ответственные должности по ведомству юстиции.

II-й Отдел Административно-Финансовый.

Ст. 5-я. К предметам ведения II-го отдела относятся:

а) учет личного состава отделов Народного Комиссариата Юстиции;

б) составление и проведение смет и штатов по всему ведомству юстиции, руководство деятельностью органов юстиции в финансовой области; финансирование всех органов юстиции;

в) заведывание всей распорядительной, бухгалтерской, хозяйственной и финансово-счетной частями;

г) составление общих отчетов по Народному Комиссариату Юстиции;

д) заведывание библиотекой и архивом;

е) общая регистратура.

Ст. 6-я. II-й Отдел распадается на:

1. Секретариат Народного Комиссариата Юстиции;
2. под'отдел финансовый;
3. под'отдел административный с хозяйственной частью.

III-й Отдел Законодательных Предположений и Кодификации.

Ст. 7. К предметам ведения III-го Отдела относятся:

а) предварительное рассмотрение законодательных предположений, вносимых ведомствами, и дача по ним своих заключений;

б) рассмотрение и переработка законопроектов, направляемых из Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны;

в) толкование законов по запросам центральных и местных органов власти и по предположениям Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны.

Примечание. Преподание руководящих указаний судебным учреждениям по вопросам судебной практики осуществляется Народным Комиссариатом Юстиции через Верховный Суд.

г) кодификация изданных законов;

д) опубликование принятых Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом, Советом Народных Комиссаров и Советом Труда и Обороны законов и подлежащих опубликованию в Собрании Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства постановлений отдельных народных комиссариатов, а также утвержденных в установленном порядке уставов (положений) акционерных обществ, кредитных учреждений, синдикатов и трестов, действующих во всероссийском масштабе об'единений и союзов, не преследующих целей извлечения прибыли, и всероссийских кооперативных об'единений.

Ст. 8. Для выполнения этих задач III-й Отдел имеет:
1. под'отдел предварительного рассмотрения законов;
2. под'отдел обще-консультационный;
3. под'отдел опубликования законов.

При III-м Отделе состоит комиссия в составе представителей: III-го Отдела, Отдела Судоустройства и Надзора и Отдела Прокуратуры для рассмотрения вопросов по истолкованию законов и согласованию законопроектов, касающихся деятельности органов юстиции

IV-й Отдел Прокуратуры.

Ст. 9. На Отдел Прокуратуры возлагается:

а) осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования нарушающих закон

постановлений, а также наблюдение за ведением за границей уголовных и гражданских дел, в коих заинтересовано правительство РСФСР;

б) непосредственное наблюдение за деятельностью органов следствия и дознания в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью Государственного Политического Управления;

в) наблюдение за правильным функционированием мест лишения свободы и исправительно-трудовых учреждений и разработка совместно с Народным Комиссариатом Внутренних Дел правил об исправительно-трудовой системе в отношении лиц, приговоренных к лишению свободы или к принудительным работам без лишения свободы;

г) осуществление функций прокурорского надзора в Верховном Суде и его коллегиях согласно Положения о Судоустройстве и процессуальных законов; перенесение на разрешение Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета вопросов, касающихся руководства судебной политикой, в случае несогласия Прокурора Республики с постановлениями пленарных заседаний Верховного Суда по этим вопросам, при чем исполнение постановлений Верховного Суда приостанавливается;

д) производство следствий по предложениям Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны и по поручениям Прокурора Республики и его помощников;

е) назначение, перемещение и отзыв губернских прокуроров и их помощников; учет личного состава прокурорского надзора;

Ст. 10. Для выполнения указанных задач Отдел Прокуратуры распадается на:

1. под'отдел общего управления и личного состава прокурорского надзора;

2. под'отдел общего надзора;

3. под'отдел надзора за органами следствия, дознания и местами лишения свободы;

4. под'отдел государственного обвинения и следственная часть.

V-й Отдел Культов.

Ст. 11. На V-й Отдел возлагается:

а) разработка проектов и издание инструкций и циркуляров в области советской политики по отношению к церковным и культовым об'единениям;

б) общее наблюдение за правильным применением декретов об отделении церкви от государства (§ 13 и § 65 Конституции), а также закона от 21 декабря 1920 года об освобождении от службы в войсках по религиозным убеждениям (С. У. 1920 г. № 99, ст. 527);

в) разработка материалов и данных всех ведомств, имеющих отношение в той или иной степени к культам и религиозным об'единениям всех направлений.

VI-й Отдел Издательский.

Ст. 12. В задачи Издательского Отдела входит:

а) издание Собрания Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, сборников, декретов, алфавитных и иных указателей и всякого рода справочников и пособий по советскому законодательству;

б) издание периодических и непериодических журналов, сборников и иных материалов Народного Комиссариата Юстиции и снабжение ими всех органов юстиции;

в) издание учебников и программ по разным отраслям советского права;

г) наблюдение за частными изданиями законов и распоряжений Правительства.

Ст. 13. Для осуществления указанных задач Издательский Отдел имеет:

а) редакционную часть (редакция всех периодических изданий Народного Комиссариата Юстиции);

б) работающее на началах хозяйственного расчета, согласно Положения, утверждаемого Народным Комиссаром Юстиции, юридическое издательство.

Подписали: Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *М. Калинин.*

Секретарь Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета *Т. Сапронов.*

1 февраля 1923 года.

Распубликован в № 25 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 4 февраля 1923 года и в «Собр. Узак.» 1923 г., № 10, ст. 120.

Приложение № 46.

Руководящие начала по уголовному праву Р. С. Ф. С. Р.

ВВЕДЕНИЕ.

Пролетариат, завоевавший в Октябрьскую революцию власть, сломал буржуазный государственный аппарат, служивший целям угнетения рабочих масс, со всеми его органами, армией, полицией, судом и церковью. Само собой разумеется, что та же участь постигла и все кодексы буржуазных законов, все буржуазное право, как систему норм (правил, формул), организованной силой поддерживавших равновесие интересов общественных классов в угоду господствующим классам (буржуазии и помещиков). Как пролетариат не

мог просто приспособить готовую буржуазную государственную машину для своих целей, а должен был, превратив ее в обломки, создать свой государственный аппарат, так не мог он приспособить для своих целей и буржуазные кодексы пережитой эпохи и должен был сдать их в архив истории. Без особых правил, без кодексов, вооруженный народ справлялся и справляется со своими угнетателями. В процессе борьбы со своими классовыми врагами пролетариат применяет те или другие меры насилия, но применяет их на первых порах без особой системы, от случая к случаю, неорганизованно. Опыт борьбы, однако, приучает его к мерам общим, приводит к системе, рождает новое право. Почти два года этой борьбы дают уже возможность подвести итог конкретному проявлению пролетарского права, сделать из него выводы и необходимые обобщения. В интересах экономии сил, согласования и централизации разрозненных действий, пролетариат должен выработать правила обуздания своих классовых врагов, создать метод борьбы со своими врагами и научиться им владеть. И прежде всего это должно относиться к уголовному праву, которое имеет своей задачей борьбу с нарушителями складывающихся новых условий общежития в переходный период диктатуры пролетариата. Только окончательно сломив сопротивление повергнутых буржуазных и промежуточных классов и осуществив коммунистический строй, пролетариат уничтожит и государство, как организацию насилия, и право, как функцию государства. Этой задаче, задаче, помочь органам советской юстиции выполнить свою историческую миссию в области борьбы с классовыми противниками пролетариата, идет навстречу Народный Комиссариат Юстиции, издавая настоящие руководящие начала по уголовному праву РСФСР.

I. Об уголовном праве.

1. Право—это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой.

2. Уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессий (наказания).

3. Советское уголовное право—имеет задачей—посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата.

II. Об уголовном правосудии.

4. Советское уголовное право в РСФСР осуществляется органами Советского правосудия (Народным Судом и Революционным Трибуналом).

III. О преступлении и наказании.

5. Преступление есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом.

6. Преступление, как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, вызывает необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие лицами (преступниками).

7. Наказание—это те меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников).

8. Задача наказания — охрана общественного порядка от совершившего преступление или покушавшегося на совершение такового и от будущих возможных преступлений как данного лица, так и других лиц.

9. Обезопасить общественный порядок от будущих преступных действий лица, уже совершившего преступление, можно или приспособлением его к данному общественному порядку или, если он не поддается приспособлению, изоляцией его, и, в исключительных случаях, физическим уничтожением его.

10. При выборе наказания следует иметь в виду, что преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник. Поэтому наказание не есть возмездие за «вину», не есть искупление вины. Являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства, и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий.

11. При определении меры воздействия на совершившего преступление, суд оценивает степень и характер (свойство) опасности для общежития, как самого преступника, так и совершенного им деяния. В этих целях суд—во-первых, не ограничиваясь изучением всей обстановки совершенного преступления, выясняет личность преступника, поскольку таковая выявилась в учиненном им деянии и его мотивах и поскольку возможно уяснить ее на основании образа его жизни и прошлого, во-вторых, устанавливает, насколько само деяние в данных условиях времени и места нарушает основы общественной безопасности.

12. При определении меры наказания в каждом отдельном случае следует различать: а) совершено ли преступление лицом, принадлежащим к имущему классу, с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привиллегии, связанной с правом собственности, или неимущим, в состоянии голода или нужды; б) совершено ли деяние в интересах восстановления власти угнетающего класса, или в интересах личных совершающего деяние; в) совершено ли деяние в сознании причиненного вреда, или по невежеству и несознательности; г) совершено ли деяние профессиональным преступником (рецидивистом), или первичным; д) совершено ли деяние группой, шайкой, бандой или одним лицом; е) совершено ли деяние посредством насилия над личностью, или без такового; ж) на-

ено ли деяние против личности, или против имущества; з) об-
жены ли совершающим деяние заранее обдуманное намерение,
кость, злоба, коварство, хитрость, или деяние совершено в со-
ии запальчивости, по легкомыслию и небрежности.

13. Несовершеннолетние до 14 лет не подлежат суду и нака-
). К ним применяются лишь воспитательные меры (приспособле-
Такие же меры применяются в отношении лиц переходного воз-
14—18 лет, действующих без разумения.

14. Суду и наказанию не подлежат лица, совершившие деяние
оянии душевной болезни или вообще в таком состоянии, когда
шившие его не отдавали себе отчета в своих действиях, а равно
кто хотя и действовал в состоянии душевного равновесия, но
енту приведения приговора в исполнение страдает душевной
нью. К таковым лицам применяются лишь лечебные меры и
меры предосторожности.

15. Не применяется наказание к совершившему насилие над
стью нападающего, если это насилие явилось в данных услови-
обходимым средством отражения нападения, или средством за-
от насилия над его или других личностью, и если совершенное
ие не превышает меры необходимой обороны.

16. С исчезновением условий, в которых определенное деяние,
лицо его совершившее, представлялись опасными для данного
совершивший его не подвергается наказанию.

IV. О стадиях осуществления преступления.

17. Преступление считается оконченным, когда намерение со-
ющего преступление осуществилось до конца.

18. Покушением на преступление—считается действие, напра-
ное на совершение преступления, когда совершивший выполнил
что считал необходимым для приведения своего умысла в испол-
, но преступный результат не наступил по причинам, от него
исящим.

19. Приготовлением к преступлению считается приискание,
ретение или приспособление лицом, подготовляющим престу-
е, средств, орудий и т. п. для совершения преступления.

20. Стадия осуществления намерения совершающего престу-
е сама по себе не влияет на меру репрессии, которая опреде-
ся степенью опасности преступника.

V. О соучастии.

21. За деяния, совершаемые сообща группою лиц (шайкой,
й, толпой), наказываются как исполнители, так и подстрека-
и пособники. Мера наказания определяется не степенью уча-
, а степенью опасности преступника и совершенного им деяния.

22. Исполнителями считаются те, кто принимает участие в вы-
нии преступного действия, в чем бы оно ни заключалось.

23. Подстрекателями считаются лица, склоняющие к совершению преступления.

24. Пособниками считаются те, кто, не принимая непосредственного участия в выполнении преступного деяния, содействует выполнению его словом или делом, советами, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления или попустительством, т. е. непрепятствованием совершению преступления.

VI. Виды наказания.

25. В соответствии с задачей ограждения порядка общественного строя от нарушений, с одной стороны, и с необходимостью наибольшего сокращения личных страданий преступника,—с другой, наказание должно разнообразиться в зависимости от особенностей каждого отдельного случая и от личности преступника.

Примерные виды наказания:

а) внушение;

б) выражение общественного порицания;

в) принуждение к действию, не представляющему физического лишения (напр., пройти известный курс обучения);

г) об'явление под бойкотом;

д) исключение из об'единения на время или навсегда;

е) восстановление, а при невозможности его, возмещение причиненного ущерба;

ж) отрешение от должности;

з) воспрещение занимать ту или другую должность, или исполнять ту или другую работу;

и) конфискация всего или части имущества;

к) лишение политических прав;

л) об'явление врагом революции или народа;

м) принудительные работы без помещения в места лишения свободы;

н) лишение свободы на определенный срок или на неопределенный срок, до наступления известного события;

о) об'явление вне закона;

п) расстрел;

р) сочетание вышеназванных видов наказания.

Примечание. Народные Суды не применяют смертной казни.

VII. Об условном осуждении.

26. Когда преступление, по которому Судом определено наказание, в виде заключения под стражу, совершено осужденным— 1) впервые и при том, 2) при исключительно тяжелом стечении обстоятельств его жизни, 3) когда опасность осужденного для общежития не требует немедленной изоляции его,—Суд может применять к нему условное осуждение, т. е. постановить о неприведении обви-

нительного приговора в исполнение до совершения осужденным тождественного или однородного с совершенным деяния. При повторении такого деяния, условное осуждение теряет характер условного и первоначальный приговор немедленно приводится в исполнение.

VIII. О пространстве действий уголовного права.

27. Уголовное право РСФСР действует на всем пространстве Республики, как в отношении ее граждан, так и иностранцев, совершивших на ее территории преступление, а равно в отношении граждан РСФСР и иностранцев, совершивших преступления на территории иного государства, но уклонившихся от суда и наказания в месте совершения преступления и находящихся в пределах РСФСР.

Подписал: Заместитель Народного Комиссара Юстиции
П. Стучка.

12 декабря 1919 г.

Опубликованы в «Собр. Узак.» 1919 г., № 66, ст. 590.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Материалы по истории Народных Судов.

Стр.

Замеченные опечатки.

Стр.	Строка	Напечатано:	Следует читать:
19	12 снизу	вообще от политики	а вообще от политики
25	4 сверху	ряда форм	ряда норм
28	28 »	должно обязательно подтверждаться	обязательно подтверждалось бы
33	3 снизу	плана	плена
40	7 »	и для нее	и для него
50	5 »	9 мая	4 мая
83	18 сверху	закон 9 мая	закон 4 мая
278	8 снизу	декрет Всерос. Исполн. Ком.	декрет Всерос. Центр. Испол. Ком.